

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

„НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Сборник нацелен на углубленную разработку отдельных проблем средневековой истории народов Центральной, Восточной и Северной Азии. Основное внимание в составляющих его статьях уделено политическим, культурным и правовым аспектам истории киданей и чжурчженей, которые на определенном этапе играли выдающуюся роль в судьбах народов Китая, Монголии, юга Сибири и русского Дальнего Востока. В сборник включены также работы, посвященные истории и культуре народов бассейна Амура, уйгуров, монголов, маньчжуров. Эти в основном новые, проанализированные под своеобразным углом зрения материалы позволяют полнее и глубже уяснить главные тенденции историко-культурной эволюции восточного ареала Азии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
АЗИЯ
И СОСЕДНИЕ
ТЕРРИТОРИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

„НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY

CENTRAL ASIA AND ADJOINING TERRITORIES IN THE MIDDLE AGES

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

Ed. V. E. Larichev

NOVOSIBIRSK
«N A U K A»
SIBERIAN BRANCH
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В. Е. Ларичев*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ББК 63.3(5)
Ц38

Редакционная коллегия

доктора исторических наук Р. С. Васильевский, Ю. С. Худяков, В. Е. Медведев, кандидат исторических наук В. В. Евсюков

Рецензенты

кандидаты исторических наук С. Н. Гончаров, А. И. Соловьев

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР

Центральная Азия и соседние территории в средние века.—
Ц38 Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.—116 с.
ISBN 5—02—029153—6.

Сборник посвящен широкому кругу малонаисследованных проблем средневековой истории народов Центрально-Азиатского региона. Рассмотрены различные аспекты их политической, социальной и культурной жизни, этнокультурные контакты и взаимовлияния. Выявлены особенности и общие закономерности развития материальной культуры и социальных отношений монголов, уйгуров и других народов.

Книга рассчитана на историков.

0503010000—002
Ц 042(02)—90 123—89, кп. 1

ББК 63.3(5)

ISBN 5—02—029153—6

© Институт истории, филологии
и философии СО АН СССР, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной сборник из серии изданий, нацеленных на углубленную разработку отдельных проблем средневековья народов Центральной, Восточной и Северной Азии, основное внимание уделяет политическим, культурным и отдельным правовым аспектам истории киданей и чжурчженей, которые на определенном этапе играли особую роль в судьбах народов Китая, Монголии, юга Сибири и русского Дальнего Востока. В сборник включены также статьи, посвященные истории и культуре народов бассейна Амура, уйгуров, монголов и маньчжур. Все эти материалы позволяют полнее и глубже уяснить главные тенденции историко-культурной эволюции восточного арсала Азии.

Киданям в сборнике посвящены три статьи. В изучении истории этого народа в последнее время наметился заметный поворот в сторону более тщательного изучения совершенно конкретных проблем с привлечением оригинальных китайских первоисточников, а также материалов археологических исследований. Этот раздел издания открывает статья Е. И. Кычанова, одного из ведущих в нашей стране исследователей средневековой истории Центральной Азии и Дальнего Востока, «О формах ранней государственности у киданей». В ней рассмотрен широкий спектр проблем зарождения и функционирования ранних форм государственности у киданей. Это уже второе исследование Е. И. Кычанова по избранной им проблематике, которое публикуется в серии «История и культура Востока Азии». Первое — «О таттаро-монгольском улусе XII в.» — увидело свет в сборнике «Восточная Азия и соседние территории в средние века» (Новосибирск, 1986) и было посвящено тем же в основном вопросам, но проведено на ином конкретно-историческом материале. Последовательность, с которой автор обращается к этой теме, понятна и закономерна. Изучая политическую историю и эволюцию форм государственности в Дальневосточном регионе, историки традиционно обращали внимание преимущественно на Китай, усматривая в нем главный источник различных форм государственности и политических концепций. Надо признать, что основания для того были, и достаточно веские: ведь Китай и его культура, в том числе и политическая, оказали сильное влияние не только на складывание

институты власти у соседних народов, но и на всю их историю в целом.

Такого рода влияние осуществлялось несколькими путями. Один из них — прямое политическое воздействие. Оно наиболее явно осуществлялось, когда Китай выступал в роли сюзерена, а соседние с ним «варварские» народы — в роли зависимых вассалов. Однако довольно часто такие отношения носили всего лишь номинальный или декларативный характер, не отражая реального положения вещей и не затрагивая глубоко сущности политических структур тех, кто подвергался такому воздействию со стороны Китая. Это обстоятельство особенно важно иметь в виду при использовании средневековых китайских исторических источников, описывающих взаимоотношения с соседями с позиции традиционной конфуцианской идеологии. Принципиально иной ситуация становилась, когда «варварские» династии, основанные в результате завоеваний, воцарялись на территории самой Поднебесной. Средневековая история Дальнего Востока с X в. дает много тому примеров: по сути это почти непрерывная последовательность сменяющих друг друга «варварских империй», покорявших Среднее государство либо частично, либо целиком. Сначала это было киданьское государство Ляо, затем чжурчженское Цзинь, за ним монгольское Юань, наконец, после собственно китайской династии Мин власть над страной вновь оказалась в руках завоевателей, на этот раз маньчжуров, основавших империю Цзинь.

Во всех этих случаях победители в своем политическом и культурном развитии стояли значительно ниже побежденных и потому, чтобы управлять ими, вынуждены были заимствовать многие ранее неведомые и чуждые их социальному устройству формы и методы организации и управления. Это, в свою очередь, приводило и к другому существенному эффекту: победившие этносы под воздействием изменившихся условий сами трансформировались в социально-политическом плане. Эта сторона проблемы достаточно детально исследована историками (применительно к киданям можно назвать хорошо известную специалистом монографию К. А. Виттфогеля и Фэн Цзиньшана). Не обошлось при этом и без определенных перекосов: чрезмерное внимание части ис-

следователей к несравненно лучше документированным династийным эпохам некитайских народов Дальнего Востока привело к известной односторонности в оценках, выразившейся в преувеличении роли китайского начала в сложном процессе культурно-политического взаимодействия. Собственные же традиционные формы государственности, скажем тех же киданей, оставались мало или почти не изученными. Публикуемая статья Е. И. Кычанова как раз и представляет собой попытку восполнить этот настоятельно требующий изучения пробел.

Г. Г. Пиков исследует слабо изученный комплекс проблем, связанных с правовыми нормами киданей. В статье «Семейно-брачное право киданей» он детально (насколько позволяют источники) рассматривает вопрос эволюции киданьской семьи, анализирует ее характер и функционирование в период империи Ляо (907—1125 гг.), раскрывает степень воздействия на киданьское семейно-брачное право норм китайского (танского) права, формы брака у киданей (брак обменом, путем обмена подарками, умыкание, левират, сорорат), положение женщин, своеобразии системы конкубината, проблему смешанных браков. Скрупулезный анализ письменных источников («Ляо ши», «Цидань го чжи» и др.), сопоставление выявленных сведений с материалом по семейно-брачным отношениям других азиатских кочевников позволил Г. Г. Пикову прийти к выводу, что нашедшее отражение в письменных источниках семейно-брачное право киданей в основе своем было обычным. На всем протяжении существования империи Ляо оно находилось в антагонистическом противоречии с китайским правом, которое если и воспринималось киданями, то лишь выборочно.

Статья А. Л. Ивлиева «Погребения киданей» посвящена изучению особенностей материальной культуры киданей. В ней рассматривается такой важнейший источник для реконструкций в этой сфере, как погребения. Центральная проблема здесь для археолога — выделение из общей массы погребений эпохи империи Ляо собственно киданьских захоронений. По мнению А. Л. Ивлиева, в качестве критериев тут следует избрать наличие могильных эпитафий, труположение, характерные особенности внутреннего оформления склепа, сопровождающие захоронения специфически киданьские предметы материальной культуры, типично киданьские сюжеты фресок на стенах гробниц, юго-восточное направление выходов из могил. Особое внимание А. Л. Ивлиев уделил рассмотрению наземного оформления киданьских гробниц и их внутреннему устройству. Реконструированный им погребальный обряд дает возможность провести примечательные сопоставления с погребальными обрядами других кочевых народов Евразии, ибо, как справедливо отметил А. Л. Ивлиев, кидани представляли лишь юго-восточную окраину обширного степного мира. Заключительный вывод автора о том, что материал погребений может быть успешно использован при изучении материальной культуры и хозяйства киданей, представляется вполне обоснованным.

Серию публикаций, посвященных чжурчжэням, открывает статья «Теория и практика китайско-

чжурчжэньских дипломатических отношений», написанная М. В. Воробьевым, ведущим исследователем истории и культуры «Золотой империи». Поднятые им вопросы привлекают пристальное внимание как зарубежных, так и советских востоковедов-медиевистов, свидетельством чему служит фундаментальная монография, опубликованная учеником М. В. Воробьева — С. Н. Гончаровым (Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127—1142. — М., 1986). И это глубоко закономерно, ибо указанная проблема относится к числу ключевых для понимания в полном объеме хода политической истории средневекового Дальнего Востока. Не опасаясь допустить преувеличения, можно утверждать, что без ее всестороннего и детального анализа невозможно дальнейшее продвижение по пути углубленного изучения тех сложных закономерностей, которыми регулировались межгосударственные отношения стран региона и от чего в конечном счете зависели судьбы многих дальневосточных народов — китайцев, киданей, чжурчжэней, тангутов.

В представленной вниманию читателей работе М. В. Воробьев поставил задачу рассмотреть китайско-чжурчжэньские дипломатические отношения, начиная с того времени, когда чжурчжэни, выделившись из массы северо-восточных «варваров», консолидировались в мощную политическую силу, которой суждено было сыграть решающую роль в ситуации, сложившейся в результате унадка киданьской империи Ляо. Автор попытался дать развернутый анализ исследуемых событий с точки зрения средневековых китайских внешнеполитических концепций, определявших конкретные практические действия государственных деятелей Китая по отношению к «варварским» государствам Ляо и Цзинь. Рассмотрев внешнеполитические воззрения и методы, практиковавшиеся в различные периоды китайской истории, М. В. Воробьев справедливо выделил традиционную модель взаимоотношений Поднебесной с «варварами» в ее неоконфуцианской тарктовке и сосредоточил свои усилия на том, чтобы проследить особенности ее применения на практике в зависимости от меняющейся ситуации и дать ответ на волнующие многих историков вопросы: в чем, помимо конкретных объективных обстоятельств, причина ряда тяжелых поражений, понесенных империей Сун в борьбе с чжурчжэнями, не повинен ли в том традиционный китаецентризм сунских политиков? Другими словами, что представляла собой неоконфуцианская модель внешнеполитических отношений: окостеневшую догму, только заслоняющую собой реальные проблемы и ничего, кроме вреда, не приносящую, или же действительно инструмент внешней политики, всего лишь прикрытый книжной риторикой?

Не вдаваясь в изложение и анализ основных положений статьи, отметим, что центральная из поставленных в ней проблем имеет большое значение для правильного осмысления истории не только средневекового Китая. В военном и в политическом отношении мощь империи Сун многократно превосходила силы чжурчжэней, и тем не менее Китай потерпел сокрушительное поражение. Аналогичная ситуация неоднократно скла-

дывалась в истории страны и в дальнейшем. Более того, сходные примеры труднообъяснимого на первый взгляд крушения могущественных держав под натиском порой незначительных сил завоевателей известны и по другим регионам и эпохам. (Центральная Америка, Индия, Средний и Ближний Восток). Сам собой напрашивался вывод о проявлении в этом глубинных закономерностей, не до конца еще исследованных историками.

Какова же роль в этих процессах внешнеполитических теорий? Традиционная в историографии точка зрения оценивает конфуцианскую концепцию «Китай — варвары» всего лишь как возведенный в догму этноцентризм. Исследование М. В. Воробьева убедительно показывает, что проблема значительно сложнее и многограннее. Такое заключение задано уже самой конкретной ситуацией: военное превосходство не принесло Сун успеха, и причапа тому, видимо, не только в тех или иных просчетах и тактических ошибках. Быть может, не так уж и далеки были от истины конфуцианские политики, утверждавшие, что залог победы — не в бесконечном наращивании военной мощи, а в упорядочении внутренней политики, являющейся главным условием достижения внешнеполитической стабильности. Нельзя ли допустить, что поражение было предопределено вовсе не следованием концепции, а, напротив, невозможностью (в силу конкретных обстоятельств) воплотить ее в практику? Окончательный ответ на эти и другие вопросы может дать лишь дальнейшее исследование проблем, поставленных М. В. Воробьевым.

Изучению чжурчжэньской истории посвящена и статья В. В. Евсюкова «Империя Цзинь в период правления Дигуна (очерк политической истории)». Она должна вызвать особый интерес в первую очередь потому, что при всем внимании, уделяемом историками этой проблематике, изучена она далеко не в полной мере. Поставив задачу, дать прежде всего общую картину формирования, развития и упадка Цзинь, исследователи по сути только приступают к более детальному рассмотрению отдельных этапов ее истории. Между тем необходимость именно такого подхода не вызывает сомнений, ибо он дает возможность не просто расширить и конкретизировать уже сложившиеся в историографии концепции и оценки, но и в ряде случаев существенно их уточнить и пересмотреть. Период с 1149 по 1161 г., когда во главе империи Цзинь стоял Дигунай, во многом представляется ключевым для последующей судьбы чжурчжэньского государства. Крупные военные, внутри- и внешнеполитические акции, осуществленные в период правления этого императора, имели далеко идущие последствия. Без их тщательного анализа невозможно в полном объеме представить реальную картину событий в Цзинь и на ее границах в середине XII в. Нельзя не сказать и о том, что в отечественной историографии не было достигнуто единства в оценке сложной и противоречивой фигуры самого императора Дигуна (в частности, высказывались полярные мнения о движущих мотивах и сущности его политических действий).

В. В. Евсюков сделал попытку восполнить один из пробелов в изучении цзиньской истории. Статья написана на основе китайских источников, главным образом династийной истории «Цзинь ши»,

критический анализ которой позволил автору дать общую канву политической жизни Цзинь в 1149—1161 гг. Приход к власти Дигуна знаменовал собой начало нового этапа в истории Цзинь, отмеченного бурными, а порой и драматическими событиями. Став императором в результате дворцового переворота, новый властитель оказался перед лицом целого ряда сложных проблем, которые требовали безотлагательного разрешения. Важнейшей из них была борьба за то, чтобы в условиях феодального местничества и соперничества аристократических кланов удержать власть в своих руках. Отдавая себе отчет в незаконном (узурпаторском) характере своего правления, Дигунай все силы обратил на подавление явной и скрытой оппозиции аристократов. Печатью этой борьбы отмечено фактически все его царствование. Страницы исторических сочинений, освещающие его эпоху, пестрят сообщениями о раскрытии заговоров, широкомасштабных политических репрессиях и казнях противников, основную массу которых составляли представители знатных чжурчжэньских родов, особенно те из них, кто (хотя бы теоретически) мог претендовать на императорский трон. Нередко гнев деспота обрушивался на невиновных: охваченный подозрительностью и неуверенный за свое будущее, Дигунай казнил порой приближенных без разбора. Ужесточение репрессий умножало число недовольных и все более ослабляло императорскую власть. С этой точки зрения конец тирана был более чем закономерен: он погиб так же, как и пришел к власти, — в результате дворцового переворота.

Ярко выраженная антиаристократическая направленность внутриполитических акций Дигуна ввела в заблуждение отдельных историков. В частности, это обнаруживается в соответствующем разделе книги А. П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья» (Владивосток, 1959), где явно переоценивается эта сторона деятельности Дигуна, в результате чего маниакально подозрительный тиран и убийца на троне становится чуть ли не борцом против крупных феодалов и защитником от их произвола простых тружеников. Столь странная в односторонности оценка базируется на недостаточном знакомстве с историческими источниками, а главное — на их некорректном восприятии. Следует поэтому согласиться с В. В. Евсюковым, когда он отмечает, во-первых, вполне понятную тенденциозность авторов «Цзинь ши» (ведь с конфуцианской точки зрения, узурпация трона — тягчайшее преступление), во-вторых, значительную дозу дежурной социальной демагогии там, где средневековые китайские историографы повествуют о всевозможных мерах, направленных на улучшение положения крестьян.

Помимо драматического сюжета борьбы за власть В. В. Евсюков рассматривает также широкий спектр иных вопросов политической истории Цзинь, на которых нет нужды останавливаться подробно. Подводя краткий итог, хотелось бы лишь подчеркнуть, что статья эта, конечно же, не закрывает тему, и, быть может, другие исследователи обратятся в последующем к изучению этого трагического периода цзиньской истории и его главному действующему лицу — узурпатору Дигунаю.

Раздел сборника, посвященный чжурчженям, завершает статья В. Е. Ларичева «Народы среднего и нижнего Амура в эпоху средневековья». В ней собраны не очень многочисленные сведения о племенах Приамурья главным образом того времени, когда «Золотая империя» как доминирующий фактор политической жизни Дальнего Востока, а также Центральной и Восточной Азии прекратила свое существование. Материалы эти, однако, вызывают определенный интерес, поскольку позволяют при сравнении их с известными фактами предшествующего времени и периода последующего, когда на исторической арене востока Азии появляются маньчжуры, а на берегах Амура — отряды казаков-первопроходцев, проследить изменения представлений о коренных народах побережья Амура и Сунгари. Это было время относительно близкое этнографической современности, представленное в описаниях и первых русских путешествниках по Дальнему Востоку, а потому каждое из сохранившихся сообщений о приамурских племенах эпох Мин и Юань, как бы оно ни было скудным, может оказаться полезным не только историку или этнографу, но также и археологу.

Заключительную часть сборника составляют статьи, не объединенные общей проблематикой, но вызывающие интерес повизной материалов и острой постановкой актуальных историко-культурных проблем. Ю. С. Худяков обратился к слабо исследованным археологическим памятникам времени Уйгурского каганата, открытым на территории Монголии. Они достаточно многочисленны и разнообразны. Привлечение этих источников позволит создать более целостное представление о культуре уйгуров. Задача заключается в том, чтобы уйгурская археология перестала быть слабым звеном в их изучении. Ю. С. Худяков справедливо отметил, что неизученность памятников материальной культуры уйгуров послужила одной из причин отсутствия надежных критериев для этнокультурной идентификации памятников собственно уйгурской культуры. Описав уйгурские городища Хара-Балгасун и Бий-Булаг, а также такие памятники, как Терхип-Цаган-Нур, Сэврэй и ряд других, он предпринял заслуживающую внимания попытку выделить специфические уйгурские предметы, найденные на их территории. Вместе с тем Ю. С. Худяков справедливо отметил, что для всесторонней характеристики материальной культуры уйгуров необходимы крупномасштабные раскопки памятников, оставленных ими на территории Монголии.

Как известно, особо мрачной особенностью завоевательных походов Чингисхана и его потомков было повсеместное истребление населения, искоренение оседлости как образа жизни, ликвидация земледелия как способа хозяйствования и уничтожение городов. Но преодолимая логика исторического процесса, который увенчался созданием огромного Монгольского государства, predetermined и появление таких его атрибутов, как города. В специальной литературе этот вопрос освещен, однако, крайне скудно, что и открывает простор для необоснованных фантазий. Выяснению реальной исторической действительности и восполнению пробелов в знаниях о важнейшем пе-

риоде истории Монголии, который оказал заметное воздействие на последующее развитие многих народов Азии и Европы, посвящена статья Л. К. Минерта «Монгольское государство XIII—XIV веков».

Бережно собирая крупицы достоверных сведений, автор воссоставил (насколько позволили сделать это факты) картину духовных традиций и материальных форм пространственной организации общественной жизни обитателей монгольских степей. Он точно и скрупулезно исследовал процесс трансформации первобытно-общинных коллекций планировочных структур расселения в условиях кочевого образа жизни, обусловленный нарастанием классового расслоения монгольского этноса и укреплением тенденций к генерации стационарных поселений. В итоге Л. К. Минерт констатировал, что особенностью возникновения сети стационарных поселений можно считать их учреждение в соответствии с пуждами формирования административной структуры государства, а также удовлетворения потребностей феодальной верхушки общества в продуктах ремесленного производства и земледелия.

Оригинальная обработка и интерпретация результатов специальных археологических исследований памятников зодчества и градостроительства Монголии XIII—XIV вв. позволили автору воссоздать живые архитектурные образы и детальные планировочные структуры давно исчезнувших с лица земли дворцовых сооружений, комплексов и поселений. Научную реконструкцию архитектуры объектов Л. К. Минерт сочетает с их эффектной творчески-графической интерпретацией. Так, впервые возникла возможность получить вполне реальное по наглядности представление о знаменитых сооружениях и ансамблях Монголии и юга Сибири: дворцовом комплексе Угэдэя в Каракоруме, городе на р. Хирхира и о дворцовом комплексе на р. Кондуй. Графическая реконструкция архитектуры дворца Хубилая в Хапбалыке (Дайду, том самом, о котором писал Марко Поло) предлагается Л. К. Минертом как логическое следствие дедуктивного метода исследования вопроса. Он исследует интереснейший в культурно-историческом плане вопрос о характере планировочных структур возведенной великим ханом Хубилаем новой столицы Монгольской империи Хапбалыка и воздействие разработанных принципов на последующее градостроительное развитие Пекина.

Сборник завершает статья В. С. Кузнецова «Империя Цин и мусульманский мир». Автор обратился к практически неисследованной, хотя и имеющей важное историческое значение теме — китайско-мусульманским отношениям во второй половине XIX в. Несмотря на то, что отношения двух миров — дальневосточного и мусульманского — на протяжении предшествующих 11 столетий были стабильно нейтральными настолько, что их можно приводить в качестве редчайшего исключения в истории международных отношений не только в Азии, но и, пожалуй, во всем мире, простым их назвать нельзя. В. С. Кузнецов на добротном фактическом материале прослеживает истоки той конфронтации, которая возникла в XIX в., но подспудно готовилась практически все предшествующее тысячелетие. Основная часть

статья посвящена описанию хода этой конфронтации, действительно припавшей характер реконкисты, национально-освободительного движения центрально-азиатских народов против экспансии цинского Китая. На широком историческом материале показано, что эта реконкиста не была локальным явлением, а стала одной из болевых точек международных отношений, ибо в этот конфликт оказались втянуты и другие государства (в частности, Турция и среднеазиатские ханства). Справедливо стремление В. С. Кузнецова увидеть в этих событиях определенную веху в становлении

государственности мусульманских народов, проявление роста их национального самосознания.

Таковы проблемы, которые рассматриваются в очередном выпуске издания «История и культура востока Азии», посвященном средневековью. Отдельные вопросы по этой же тематике будут рассмотрены в сборнике «Сибирь и соседние территории в средние века», который готовится к публикации. Он и завершит цикл работ по средневековью, намеченных к печатанию в востоковедческой серии ИИФФ СО АН СССР.

В. Ларичев

Е. И. КЫЧАНОВ

О РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У КИДАНЕЙ

Районы Южной и Центральной Маньчжурии (современные китайские провинции Гирип и Ляонин, автономный район Внутренняя Монголия, КНР) издавна были центрами государственности и культуры монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. К числу этих народов относятся и кидани, сыгравшие значительную роль в политической истории Восточной Азии в IV—VII вв.¹

При склонности к линейному пониманию истории народов китайские авторы уже в X—XI вв., не имея точных сведений о происхождении киданей, выводили их то от сюнну (гуннов), то от восточных соседей гупнов-дунху². Столь же неясны и время появления этнонима «цидань» (кидань), и сфера его распространения³. Первые упоминания о киданях имеются в «Вэй шу» и относятся ко второй половине IV в. н. э. Считается, что «восемь древнейших киданьских племен», о которых говорится в «Ляо ши» (цз. 32), вряд ли в это время именовались киданьскими⁴. По мнению Сунь Цзиньци, племя кидань было только одним из этих восьми⁵. В начале Тан (VII в.) насчитывалось 12 киданьских племен, в конце Тан (конец IX — начало X в.) — 10. В данном случае для нас это не имеет столь принципиального значения, поскольку мы рассматриваем социальную историю племен, объединенных в китайских источниках названием «кидань» и создавших киданьское государство.

Кидани и родственные им племена жили к северу от Хуанлин (г. Нунъань, пров. Гирин), в долине р. Хуаншуй (совр. Ляохэ, или Шара-Мурэн). Первый правитель киданей Бинэн упоминается в китайских источниках между 233—237 гг.

Во второй половине V в. предки киданей стали именовать себя «кидань», их предводитель титуловался мофухэ («Суй шу» — вариант мохэфу)⁶. Кидани делились на було (племена), в каждом из которых было примерно 3 тыс. телег и более 10 тыс. чел.⁷ Обычай киданей были близки обычаям мохэ. К концу VI в., по данным «Суй шу», кидани подразделялись на 10 бу и, если верить этому источнику, занимали небольшую территорию в 250 км с запада на восток и 150 км с юга на север⁸. Бу были неравновелики: большое бу могло выставить 3 тыс., а малое — тысячу воинов. Каждое бу возглавлял старейшина (вождь, прави-

тель — «цюшуай»). При подготовке военного похода старейшины (мохэфу?) обсуждали сообща вопросы, связанные с предстоящей кампанией. Неясно, словом «мохэфу» называли по-киданьски всех старейшин (цюшуай) или только их верховного правителя? А такой верховный правитель имелся, поскольку существовала система оповещения для подъема войск в поход с помощью верительных бирок (пайцэ) и такие оповещения могли исходить прежде всего из политического и социального центра⁹. Права верховного правителя и руководимого им совета представителей (глав) «бу» были велики. По сведениям «Цзю Тан шу», бу не могли самостоятельно произвести мобилизацию войск¹⁰. На всем протяжении VI в. кидани поддерживают тесные связи с корейским государством Гаоли (Корё).

В VII в. кидани усиливаются. Китайские источники называют род их наследственных правителей (государей, цзюнь) Дахэ. Подчиненные правителю из клана Дахэ кидани делились на восемь бу, глава каждого бу титуловался по-киданьски (в китайской передаче) «жухэжу». Кидани имели 40-тысячную армию, подчинялись тюркам, и их правитель из клана Дахэ носил тюркский титул сыцзинь (иркин). В случае необходимости поднять войска иркин совещался с правителями всех бу. Для проведения облавных охот, которые, как известно, играли роль и военных маневров, не требовалось согласия иркина или прочих жухэшу (глав бу), которые в данной охоте не участвовали. Жухэшу каждого бу мог проводить такие охоты по своему усмотрению¹¹. Нет сведений о том, как кидани подразделялись внутри бу. Родственные им си делились в пределах бу на ло¹² — группы семей, объединенных кровным родством и ведущих кочевое хозяйство. Можно предположить, что на ло делились и киданьские бу. Семьи, составлявшие предположительно ло, жили в войлочных юртах. «Кочевали они в повозках, которые употреблялись и для образования куреней, лагерей, которые образовывали ло на стоянках. В „Синь Тан шу“ о киданях сказано так: „Ставят повозки кольцом, образуя лагерь“»¹³. Ставка правителя бу именовалась «я», ее охраняла гвардейская стража из 500 воинов. Правители бу также часто носили тюркский титул иркин, в начале

VII в. в китайских источниках они именуется «цзюньчжан» (правитель).

Во время победоносных китайских войн против корейских государств Корё и Пэкче (644—688) в контакт с китайскими властями вступал киданьский правитель Кугэ. Он выразил желание «примкнуть к внутренним [китайским] территориям (нэй шу), признал сюзеренитет Китая, за что и получил от императора Тан титул нань, пятый и последний титул знатности из числа гуи, хоу, бо, узы, нань. Одновременно слово „пань“ означало также „сын“. При династии Тан сложилась практика регистрации земель киданей в административных единицах Тан: вся территория называлась «дудуфу» — генерал-губернаторство Сунмо, территория каждого «бу» — «округ» (чжоу), и каждый правитель бу получил должность цыши — правителя округа. Кугэ была пожалована фамилия танских императоров Ли. На рубеже VII—VIII вв. при правлении императрицы Ухоу (690—705) потомок Кугэ по имени Цзюньчжун (китайское имя, значившее «совершенно преданный») отказался признавать сюзеренитет Тан и объявил себя абсолютно самостоятельным правителем киданей с тюркским титулом каган, полный его титул передан по-китайски как «у шан кэхэнь» — «каган, не имеющий над собой верховного правителя»¹⁴. Киданьский каган оказался лицом к лицу с тремя врагами — китайцами, тюрками и си. Он пал в борьбе с ними, его сподвижник и преемник Ваньжун продолжил сопротивление, но также был в 607 г. разбит, бежал в сопровождении своих домашних рабов (цзяну), которые убили его. Кидани подчинились тюркам. Правитель киданей получил тюркский титул эльтебер (селифа). В 716 г. правитель киданей Ли Шихо вновь завязал отношения с Китаем. Он получил титул князя региона (цзюнь ван), должность генерал-губернатора Сунмо (Сунмо дуду). Правители восьми киданьских бу были восстановлены в должности цыши. Шихо установил с танским двором отношения «хэцинь» (мира, покоящегося на родственных связях) и получил в жены танскую принцессу. Титул вапа (князя) сохраняли преемники Шихо — Юйюй и Шаогу, которые также имели жеп от танского двора. Как сообщает источник, правители киданей в VIII в. начали титуловаться каганами и ванами¹⁵. При Шаогу был сделан значительный шаг к утверждению государственного аппарата правления у киданей — более 100 старейшин (цючжан) из бу Шаогу получили чиповничьи должности (гуань)¹⁶. Однако Ойюй и Шаогу были фактически в руках у подлинного правителя киданей, некоего Кэтуой, который после смерти Шихо сверг его преемника Согу и посадил на место правителя вначале Юйюя, а затем Шаогу. Кончилось тем, что Кэтуой убил Шаогу, посадил «на трон» нового ставленника и подчинился тюркам. В 732 г. танские войска успешно вели войну с киданями, но в следующем 733 г. потерпели поражение от них. Война обострила борьбу за власть — вначале был убит Кэтуой, а затем его убийца — Гочжэ, получивший до этого от танского двора титул вана.

После гибели Второго тюркского каганата кидани признали сюзеренитет уйгуров. Их государи имели как символ власти печать от уйгурского ка-

гана, а также титуловались ванами. В 842 г. уйгуры разгромили киданей. Правитель киданей немедленно завязал более прочные связи с Тан и обменял печать уйгурского кагана на печать танского двора. Легенда этой печати была унижительной для его достоинства — «фэнь го циданьчжи инь» — «печать киданя, служащего государству»¹⁷, имелось в виду китайское государство. Тем не менее за киданьскими правителями закрепился признаваемый танским двором княжеский титул ванов. Так продолжалось до того момента, когда Елюй Абаоцзи узурпировал власть или пришел к власти.

Таким образом, клан Дахэ, судя по китайским источникам, последовательно правил киданями около 300 лет. В эти три столетия киданьское общество характеризовалось очевидным социальным расслоением. Оно знало рабство. Домашние рабы (рабы его семьи — цзя) убили Ваньжуна. Кидани делились на богатых и бедных. Богатые, правители бу, их окружение, окружение вапа киданей, богатые скотовладельцы постепенно образовали господствующий класс общества, противостоящий рядовым скотоводам. Вап имел ставку (я), двор и гвардию, в его подчинении были войска всех восьми бу, ибо правители бу не обладали правом поднимать войнов в поход, за исключением организации облавных охот. Вап располагал штатом чинов, часть которого была организована по китайскому образцу. При Шаогу в штате чинов состояло более 100 чел. Во второй половине VIII в., когда киданьские старшины (цюхао) приезжали к танскому двору, император одаривал их в зависимости от того чипа, который они имели (ю чжи)¹⁸. И хотя в «Сянь Тан шу» говорится, что после подчинения киданей уйгурам танские императоры «не жаловали их правителя (цючжан) чинами и титулами (гуань цзи)»¹⁹, из этого не следует, что у киданьских правителей были только китайские чипы или наличие — отсутствие чипа зависело только от танского двора. Кидани имели и тюркские чипы, и свои собственные. Можно полагать, что, по крайней мере, в VII—IX вв. сложилось ранее киданьского государство с государем (ваном) из последственно правившего дома Дахэ (одним из титулов вана был титул шэли (тэли, тегин) — наследника престола)²⁰, штатом чипов, армией, подчинявшейся только вапу, и административным делением на восемь бу. Бу имело традицию племени, объединения племенного характера, но, очевидно, не только китайцами трактовалось как округ (чжоу), а глава бу — как правитель округа (цыши). Китайский двор высоко ставил государство киданей, его правители много раз получали в жепы «принцесс». В такие отношения китайский двор вступал только с теми правителями, которых полагал правителями государств.

Однако как все, зафиксированное в единственно доступных нам китайских источниках, увязать с тем, что эти же источники рассказывают о приходе к власти Елюй Абаоцзи и появлении киданьского государства Ляо? «Главы (большие люди — „да жэнь“) их (киданей) 8 „бу“ по закону регулярно сменялись каждые три года. В это время Елюй Абаоцзи, вздрузив знамя и установив барабан, создал единый (единственный) „бу“ (и бу) и не согласился на замену. Он сам титу-

ловал себя вапом и завладел государством (ю го). Род Дахэ пресекается»²¹. В. С. Таскин абсолютно верит «в регулярную сменяемость вождя» киданей и в его избрание. Но факты киданьской истории до Абаоцзи противоречат этому. Источники говорят не о территориальном владении и выборах, а о государстве, ибо Абаоцзи «заимел (получил) государство». Перевод В. С. Таскина: «Он объявил себя вапом и подчинил все владение»²² — исходит из его презумпции, что государства у киданей до этого не было. Действительно, китайские источники ничего не говорят о том, что вапы киданей сменялись каждые три года. Вап киданей Сиэрчжи правил киданьским государством с 860 по 874 г. Шихо умер в 717 г., и после этого примерно до 733 г. у власти был Кэтуой, он убил младшего брата Шихо Согу и поставил Юйюя. Юйюй умер своей смертью. Кэтуой изгнал занявшего трон после него младшего брата Туоя и поставил правителем Шаогу. За это время (в любом случае не «по закону»), за 16 лет, сменялось четыре правителя, и каждый из них правил в среднем по четыре года (кто больше, кто меньше), и в источниках ни слова не говорится о необходимости менять государя через каждые три года. Так, может быть, «закон» о смене «да жэнь» регулярно раз в три года появлялся только в конце IX в.? Или это был обычай глубокой древности, о котором вдруг кто-то вспомнил в самом конце IX в.? Почему? Последний правитель из клана Дахэ Циьдань правил поначалу успешно: подчинил татар, си, шивэй и обложил их данью. Однако со временем власть Циьданя ослабла, и ее взял в свои руки Елюй Абаоцзи. И не тут ли «вспомнили» об обычае или придумали его? В «У дай ши» «обычай» имеет любопытную интерпретацию, Оуян Сю не указывает, что «да жэнь» сменялись каждые три года. Дадим отрывок текста в переводе В. С. Таскина: «Глава кочевья назывался великий человек, причем постоянно «выбирался один „великий человек“, перед которым ставили знамя и барабан в знак власти над восемью кочевьями. Если проходило много времени или в государстве случались бедствия или болезни (выделено нами.— Е. К.), из-за чего стада приходили в упадок, то восемь кочевий собирались на совещание и заменяли князя, ставя барабан и знамя перед следующим [„великим человеком“]. Сменитель считал, что таково первоначальное условие и не смел бороться за власть»²³. Ни о каких «трех годах» здесь нет и речи. Вапа могли сменить, когда случались бедствия, а не будь их, он мог править «много лет». То же, что вап не противился смене, сомнительно. 300-летняя история правления клана Дахэ доказывает, что вап или умирал, или его свергали, но не сменяли.

Освателем государства Ляо Абаоцзи не принадлежал к правящему роду Дахэ. Его отец был иркином (илицином), т. е. главой одного из подразделений киданьских племен. В киданьской интерпретации, звание иркин означало «крупного человека (да гуэнь), командовавшего (управляющего) войсками и лошадьми»²⁴. В 872 г., когда родился Абаоцзи, правителем киданей был Сиэрчжи, которого затем сменил Циьдань. В 901 г. при правлении кагана Хяньдэцинь (он же Яолян) Абаоцзи был назначен иркином своего бу (бэнь

бу). Он совершил удачные походы против шивэй и си и получил повышение в должности, став «да деле фу иркином»²⁵ — «иркином области особого управления (фу) да деле», т. е. области, где проживало бу деле²⁶. В 902 г. Абаоцзи получает титул юйюе и должность, которая по-китайски переведена как «цзуп чжи цзюнь го ши» — «знающий как военное дело, так и государственные дела»²⁷. Еще раз обратим внимание на то, что кидань считали союз своих племен государством. В 904 г. они смогли выставить против китайцев 70-тысячную армию²⁸. В 906 г. каган Хяньдэцинь (Яолян) скончался. Саповники государства просили Абаоцзи занять престол. Он трижды отказывался, а затем внял их просьбам и стал каганом²⁹. Таким образом, судя по тексту «Ляо ши», никакого переворота также не было. Так когда же Абаоцзи все-таки «нарушил закон» и истребил «да жэнь» основных киданьских «бу»?

В 906 г. Абаоцзи стал каганом. Он сидел на престоле девять лет до истребления да жэнь. Значит, это истребление должно было иметь место в 915 г. Действительно, воцарившись после смерти Хяньдэциня, Абаоцзи девять лет правил, не пазывая девиза царствования, довольствуясь лишь титулами вапа и кагана. Возможно, в 915 г. имела место какая-то стычка с да жэнями основных киданьских бу или Абаоцзи захотел сам избавиться от них, ибо принял решение стать императором, подобным китайскому. Под годом его правления, соответствующим 915, в «Ляо ши» об этом ничего не говорится. В «Синь у дай ши» и у Е Лупли в «Цидань го чжи» сообщается, что Абаоцзи уничтожил да жэнь по совету своей супруги Шулюй. В жизнеописании самой Шулюй в «Ляо ши»³⁰ об этом тоже ничего не сказано.

Абаоцзи понял, что он может положиться на свой народ, — сообщает Е Лупли, — а поэтому, используя план своей жены Шулюй, разослал «да жэням» племен гонцов передать: «У меня есть озеро, соль из которого кушают все племена. Однако племена знают только пользу от употребления соли в пищу, но не знают, что у соли есть хозяин. Разве так можно? Вы должны приехать и угостить меня»³¹. Племена нашли это правильным и собрались у соленого озера с быками и вином. Недалеко от озера Абаоцзи укрыл в засаде воинов. Когда все опьянели, воины вышли из засады и перебили да жэней всех племен.

И в «Ляо ши» о смене правителей есть сведения в цзюане 63, в разделе о предыстории киданей. «В последние годы жизни [Хяньдэцинь-кагана] его власть ослабла. Да жэнь восьми „бу“ по закону постоянно сменялись каждые три года. Елюй Абаоцзи из „бу“ дела (Ила) поставил барабан и водрузил знамя и сам создал единое (единственное) „бу“ (цзы вэй и бу), не согласился на замену. Сам принял титул и стал вапом (князем), полностью завладел государством»³². Далее говорится: «...род Яолян погиб»³³. И здесь снова возникает проблема: когда род Дахэ уступил власть роду Яолян? Напомним, что, по сведениям Оуян Сю, Яолян (Яолян) было именем правителя (кагана), предшественника Абаоцзи. В «Ляо ши» высказано предположение о том, что род Дахэ пресекается на Шаогу в первой четверти VIII в.³⁴ Но это противоречит утверждению мно-

гих китайских источников: все годы правления династии Тан киданями правил клан Дахэ. Судя по тексту «Ляо ши» (цз. 37), род Яолянь правил в X в., в период Пяти династий. «В период Пяти династий... род (ши) Яолянь измепил наименование 8 „бу“... ему подчинялся 41 уезд. В каждый „бу“ были назначены цыши (правители округов), в уезды — уездные правители (лиш)»³⁵. Однако на период Пяти династий (907—960) не приходится и года правления клана Яолянь, ибо Абаоцзи взял в свои руки власть в 906 г. Если термин «Пять династий» условно обозначает время окончательной гибели династии Тан (до 907 г.), то Яолянь — Хэпэцзинь-каган. Короче, со сменой киданьских каганов (ванов) из рода Дахэ и каганов-ванов из рода Яолянь тоже все смутно и неясно. И уже ни о каком «законе» смены правителей раз в три года, применении его говорить не приходится. «Да жэнь бу, превращенные еще до Абаоцзи фактически в правителей округов, возможно, видя усиление кагана Абаоцзи в результате походов на соседней (си и шивэй) и в Китай, его намерение провозгласить себя императором, вероятно, составили против него заговор и, возможно, вытащили и вспомнили какой-то древнейший обычай о смене верховного правителя раз в три года. Но в 915 г. Абаоцзи обманул и истребил их, о чем официальная история умалчивает, так как это противоречит версии о предложении саповников Абаоцзи стать каганом-ваном киданей, а затем и их императором (хуанди). В 916 г. Абаоцзи повысил свой титул (шан цзунхао). Опять же по троекратной просьбе его племянника иркипа Елюй Гэлу и всего штата чинов, он, соорудив алтарь и произведя пужные обряды, стал титуловаться Да шан да мин тянь хуанди — «Великим совершенномудрым, великим светлым [поставленным] Небом императором». Супруге своей он дал титул Ин тянь да мин да хуанхоу — «Следующая воле Неба великая светлая [поставленная] Землей императрица». Сын был объявлен наследником императорского престола (хуан тайцзы). В соответствии с императорской системой правления был провозглашен девиз царствования Шэнь-цэ³⁶ (916—922). «Шэнь-цэ» означало «приобретение божественного» (шэнь) мандата (свидетельства, цэ) на новый титул. Однако и здесь мы имеем дело с некоторой неувязкой: Абаоцзи еще в 907 г. объявил себя императором. Был сооружен алтарь, осуществлен обряд «разведения огня», и с помощью его Абаоцзи доложил Небу, что он взошел на императорский престол (хуанди вэй). Матери своей из рода Сяо он дал титул Хуан тайхоу (императрицы), а затем в том же году титуловал себя Тянь хуанди — «Императором, [поставленным] Небом», а жену свою — Ди хуанхоу — «Императрицей, [поставленной] Землей»³⁷. Таким образом, инвеституры 916 и 907 гг. отличались лишь удлинением титулов императора и императрицы, введением девиза царствования и объявлением сына наследником императорского престола. Приняв в 907 г. власть кагана-вана Яолянь (из рода Яолянь), Абаоцзи «паростил» титул до императорского, а в 916 г. поставил по всей форме вровень с титулами китайских императоров.

Таким образом, ранние формы киданьской государственности складывались уже в VII—VIII вв.

Власть была в руках каганов из клана Дахэ. Последний представитель этого клана или звался Яолянь, имея титул Ханьдэцзинь-каган, или где-то в неясное время, для которого в известных нам источниках просто нет места, власть от клана Дахэ перешла к клану Яолянь. В 907 г. власть перешла в руки Елюй Абаоцзи из бу дэла (Ила). В процессе борьбы за власть он в 915 г., уже будучи императором, физически уничтожил правителей (да жэнь) традиционных восьми киданьских бу, которые во многом давно были сведены к положению правителей округов (цыши). Эти события, возможно, были связаны с попыткой лишить Абаоцзи власти на основании очень давнего обычая о смене общекиданьского правителя советом да жэнь раз в три года. Как показывают факты киданьской истории, это правило никогда в течение 200—300 лет не применялось на практике, и попытка пустить его в ход, естественно, была обречена на провал, так как киданьское общество давно уже миновало ту стадию развития, на которой воплощалась эта традиция. К воцарению Абаоцзи сложились формы ранней государственности. Сведения о правлении Тайцзу Абаоцзи и его преемника — императора киданей Тайцзуна — позволяют в какой-то мере реконструировать эти формы и проследить процесс «китаизации» форм киданьской государственности в тот период, когда империя киданей управляла свои формы правления с китайскими.

К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэп, не употребляя слово «государство», 40 лет назад отмечали, что кидани «перед созданием империи Ляо выросли в конфедерацию социально-стратифицированных племен с фиксированной знатью и относительно стабильным правящим домом, представители которого занимали пост кагана»³⁸.

Власть кагана, императора киданей, была дарована ему Небом. Абаоцзи был «побесным» императором, императором, поставленным Небом. Небо было мужским началом, ибо государыня была «землей», «земпой» императрицей, императрицей, поставленной Землей, как началом женским. В преданиях киданей божество Земли имело конкретный образ старой женщины. По преданию, однажды императрица Шулюй, жена Абаоцзи, была в месте слияния рек Ляохэ и Тухэ (Лаохахэ). Вдруг она увидела женщину, которая ехала на телеге, запряженной серым быком. Очевидно, обнаружив императрицу, она поспешно съехала с дороги и стала невидимой. Говорят, что это «божество Земли было [той] старой женщиной, которая ехала на телеге, запряженной серым быком»³⁹.

Получая власть, киданьский каган и император киданьской империи Ляо совершали обряд, который по-китайски именовался «чай цэ и» — «обряд получения свидетельства на титул на жертвеннике из дров». «Перед выбранным заранее благоприятным днем сооружались помещение для получения свидетельства на титул (цэ дянь) на костре и жертвенник. Для сооружения жертвенника из дров поленья укладываются в три слоя и на них устанавливается жертвенник. Сверху он покрывается квадратным войлоком в 100 чи, украшенным драконами. Сооружаются помещение для повторного рождения для императрицы-матери и розыска и опознавания его (императора). Император

входит в помещение для повторного рождения и совершает обряд повторного рождения. Когда обряд завершается, старцы из восьми „бу“ ставят его (императора) перед собой, сами становятся позади него, защищают его с левой и с правой стороны и препровождают в северо-восточный угол помещения для получения свидетельства. [Император], совершив поклонение солнцу, садится на коня. Старцы из числа родственников матери-императрицы образуют его свиту. Император стремительно мчится на коне [свита следует за ним]. Затем император падает с коня, люди из его свиты накрывают его войлоком. [После этого] император поднимается на возвышенное место, сановники и правители „бу“ (бу шуай) в установленном церемониальном порядке издали кланяются ему. Император направляет посланца сказать: „Умер прежний император, но остались мои дядя и братья. Следует выбрать из них самого мудрого и сильного. [Я же], не имея благой силы дэ, как смогу управлять?“ Сановники отвечали: „Благодаря щедрым милостям покойного императора и очевидно наличию силы дэ (миш дэ) Вашего Величества мы все беспредельно предапы Вам. Осмелимся ли иметь иные намерения?“ Император отдавал приказ: „Следуя вашим пожеланиям, раздаваемые мною награды и назначаемые наказания будут справедливыми и четкими. Имеющих заслуги я буду продвигать по службе и назначать на должности, совершивших преступления я буду понижать в должности и изгонять со службы. И если вы подчиняетесь моим приказам, то должны точно исполнять их“. Все [сановники] отвечали: „Мы будем слушаться только приказов императора!“ В месте, указанном императором, которое должно было стать памятным, наваливали кучу земли и камней в знак памяти об имевшем место событии. Император уходил совершать поклонение изображениям предков и устраивал для сановников пир. На следующий день император выходил из помещения для получения свидетельства и в сопровождении своей личной охраны шел к жертвеннику. Таблички с именами предков из семи храмов устанавливались на украшенном изображениями драконов [войлочном] ковре. Цзайсяны (главы правительств) северного и южного управлений во главе сановников вставляли в круг и поднимали войлок, держа его за углы и произнося при этом заклинания. Сотрудник Тайной канцелярии (военных дел) приносил яшмовую печать и сделанную из яшмы табличку с текстом свидетельства на титул. Чиновник зачитывал текст свидетельства, а служащий Тайной канцелярии объявлял титул императора и вручал ему [яшмовую табличку]. Все сановники трижды провозглашали здравицу в честь императора и кланялись ему. Цзайсяны великие князья-ваны северного и южного юаней [подразделений клана Ила], главы „бу“ (бу шуай) каждый подносили императору в дар по овце красно-коричневого (чжэ) и белого цвета. Император сменял одежды, кланялся изображениям предков, после чего устраивал пир для сановников и раздавал им подарки, каждому в зависимости от его ранга⁴⁰. Записанный в «Ляо ши» обряд — синкретический, включающий элементы старого и нового. Сооружение жертвенника из дров было связано с культом ог-

ня. Огнем «доводили до сведения» Неба о выполнении его воли, восшествии нового императора на престол. Когда в 907 г. Абаоцзи пришел к власти, он приказал соорудить жертвенник и «сжечь дрова, чтобы доложить Небу о том, что император взшел на императорский трон»⁴¹. Императоры совершали поклонение духу огня в канун последнего дня года, а также приказывали особым уполномоченным (ши) и илиби выстроить перед залом ведавших делами государства ланцзюней. «В печь клали соль и бараний жир и сжигали их. Шаманы (у) и главный шаман (да у) произносили словесловия в честь духа огня (хо шэнь). Чиновник-церемониймейстер (гэмэньши) подводил императора, и тот дважды кланялся огню»⁴². Укрытие войлоком, усаживание на войлок, поднимание на войлоке — обряды глубокой древности у кочевых народов Центральной Азии, связанные с утверждением в правах властителя. Известен факт, когда в 532 г. при династии Тоба Вэй у сяньбийцев семь представителей знати стояли под черным ковром, а правитель размещался на нем⁴³. Тюрки поднимали нового кагана на войлоке и обносили по кругу по солнцу девять раз. Семь знатных монголов подняли на войлоке Чингисхана в знак его избрания всемонгольским ханом. Киданьские сановники также поднимали своего императора на войлоке. Поклонение солнцу, культ солнца — характерная черта культовых обрядов, киданей. Китайцы называли киданей «солнечными киданями»⁴⁴.

По представлениям древних киданей, верховная власть принадлежала не лицу, а клану, роду, ибо новый император говорил, что прежний император умер, но остались его дядя и братья, которые также могут иметь права на власть. Уверения избираемого в том, что он не обладает ею больше, чем его дядя и братья, и заверения сановников в обратном свидетельствуют о наличии явно китаизированной формы представлений о небесной благодати (харизме), которой должен был обладать правитель. Китайское влияние (?) чувствуется в уверении правителя править справедливо, а сановников — подчиняться ему. То же, очевидно, можно сказать и о поклонении табличкам с именами предков, хотя, возможно, и здесь китайское оформление старых киданьских взглядов. Вручение таблички из яшмы как свидетельства на власть тоже, видимо, не имеет аналогии в китаизированных представлениях об императорской власти.

Древним был и обряд второго рождения правителя, призванный символизировать магическое возрождение его физической, духовной и политической мощи. Этот обряд совершили в VIII в. иркин Яньгучжи и Сяди, его преемник и младший брат: «Яньгучжи зашел в юрту и сменил одежды. Сяди взял его красный халат и соболью шапку и ускакал на белом коне. Затем он приказал сопровождающим его кричать: „Появился новый иркин!“ Все собрались и поклонились [Сяди]. Затем был выполнен обряд „получения свидетельства на титул на жертвеннике из дров“, и [Сяди] сам стал иркином»⁴⁵.

Церемониал нового рождения совершался киданьскими императорами каждые 12 лет (в соответствии с 12-летним животным циклом), за год до дня рождения императора в последний зимний

месяц в избранный счастливый день. Однако источники показывают, что это было идеальное требование, вряд ли осуществлявшееся постоянно на практике. «Предварительно к северу от запретных ворот очищают землю и устанавливают помещение для второго рождения и помещение для матери-императрицы. В юго-восточном углу помещения для повторного рождения устанавливают колесницу с дощечками с именами ранее умерших императоров. Втыкают три шеста рогатками вниз. В избранный день в помещение вводят мальчика и повивальную бабку. Вне помещения становятся замужняя женщина, которая держит [кувшин] с вином, и старик, который держит колчан со стрелами. Чиновник [сы] снимает с колесницы таблички с именами предков императора и приносит им жертву вином. После возлияния вина император покидает свои спальные покои и входит в помещение повторного рождения. Придворные сановники приветствуют его двукратным поклоном. Император входит в помещение, снимает одежду и обувь и вслед за мальчиком трижды проходит под шестом-рогаткой. Каждый раз, когда он проходит под рогаткой, повивальная бабка произносит заклинание и обтирает тело императора. Мальчик проходит под шестом-рогаткой семь раз, [после чего] император ложится подле шестов-рогаток. Старик ударяет колчаном со стрелами и возглашает: „Родился мальчик!“ Главный шаман (тай у) покрывает голову императора. [Император] встает. Придворные сановники дважды кланяются ему и поздравляют его. Повивальная бабка берет вино у той женщины, которая держала его, и подносит его [императору]. Главный шаман берет пеленки и цветные ленты и произносит заклинания над ними. Ранее выбранные семь старцев, стоя на коленях, подносят императору перевязанные лентами [свитки] с предлагаемыми императору именами. Император выбирает понравившийся ему [свиток с именем] и получает имя [означенное в нем]. Старцы, получив подарки, кланяются дважды и уходят. Придворные сановники подносят [императору] пеленки, цветные ленты. Император кланяется изображениям предков-императоров и устраивает пир придворным сановникам»⁴⁶. И так, на обряде присутствуют предки (таблички с их именами), мать-императрица в отдельном помещении, мальчик — символ ребенка, повивальная бабка, женщина с вином, старик с колчаном стрел, семь старцев, придворные сановники, шаманы. Шест-рогатка символизирует женский половой орган и, возможно, ранее представление о рождении от дерева. Акт рождения символизируется троекратным пролезанием голого императора под рогатиной (мальчик пролезает семь раз), повивальная бабка обтирает «новорожденного», ему подносят пеленки, одежду новорожденного и дают новое имя. Роль матери-императрицы абсолютно пассивна. Старик с колчаном стрел, возможно, должен был вызвать рождение мальчика, он и объявляет, что родился мальчик. Обряд, очевидно, древний, ничего подобного в Китае быть не могло. Исполнял ли обряд второго рождения Абаоцзи — неизвестно. Его преемник Тайцзун совершал его дважды — в 929 и 939 гг., в возрасте 27 и 36 лет. По подсчетам проф. Симада Масао, совершение обряда второго рождения

зафиксировано в источниках 22 раза: 11 раз его совершали императоры, 6 — императрицы, 3 — наследники престола, один раз — юйюе. И случилось это в разное время года⁴⁷. Проф. Линь Жуйхань полагает, что связи между обрядами второго рождения и получения ивеституры не было⁴⁸. Но, по мнению Симада Масао, такая связь была в древности, а разделение обрядов произошло позже под китайским влиянием⁴⁹. Под китайским влиянием сложилась также идея о необходимости проведения обряда второго рождения каждые 12 лет. Обряд получения ивеституры в древности был обрядом избрания и утверждения правителя, обряд второго рождения осуществлялся для приобретения здоровья, долголетия и благополучия. Линь Жуйхань связывает происхождение обряда с древним обычаем убивать слабого одряхлевшего правителя и ставить вместо него нового. Он полагает, что во времена Ляо истинный смысл обряда был уже забыт и осуществлялся он для приобретения императором новых сил и благополучия⁵⁰.

У киданей еще существовал церемониал опознания императора. В какой связи он проводился — неясно. Описание обряда оставил китаец Ван И в сочинении «Янь бэй лу». Подбирали девять чиновников, похожих на императора телосложением, внешностью, и одевали в императорские одежды. Затем их вместе с императором разводили по десяти отдельным юртам, где были только стул и свеча. Десять других чиновников должны были опознать подлинного императора. Опознавшему его император должен был трижды заявить, что он не император, а опознавший трижды настаивать, что перед ним именно император. Только после этого император признавался: «Да, это я». Опознавший получал в награду много скота. Опознанный император выходил из юрты, совершал поклонение солнцу, предкам, священной горе Мюешань и Красной госпоже, прародительнице киданей⁵¹. Возможно, это был когда-то своеобразный обряд уклонения от возлагаемого на императора дела. Ему трижды указывали, что он, это он. Вспомним, что в 906 г. Абаоцзи трижды просили стать каганом-императором, то же повторилось в 915 г. И в обряде получения свидетельства на титул император садился на коня и отъезжал от жертвенника, как бы стремясь уйти от своих обязанностей, но падал с коня и торжественно водворялся на место. Обряд опознания явно древний, возможно, связанный с выбором правителя из нескольких претендентов по каким-то признакам, соблюдался не всегда (по крайней мере, не вошел в «Ляо ши»).

Таким образом, институт правителя и государя сложился у киданей в глубокой древности и был обставлен соответствующими обрядами. Император Ляо правил по воле Неба, во времена Абаоцзи у киданей было уже и китайское представление о «мандате Неба» (мин). Абаоцзи говорил, что государь (цзюнь), получивший мандат Неба (мин), обязан служить Небу (ши тьянь)⁵².

Особенность административной системы Ляо определялась разделением управления на северную и южную зоны, в последнюю входили земли, завоеванные у Китая.

Центральный аппарат Севера состоял из следующих органов управления: бэйшумиуань (Се-

верный Тайный совет), сюапъвэйюапъ, да юйюе фу, илиби юапъ, да линья юань, диле мадусы, възьбапъсы, ачжагэчжи дэн жэнь гуапъ шу⁵³. Для того чтобы пояснить это смешение киданьских и китайских терминов, пужно охарактеризовать чины традиционного киданьского аппарата управления. Издревле в собственно киданьском аппарате управления государством высокое положение занимал юйюе. Титул (чин) юйюе давали за большие заслуги, «тот, кто не имел больших заслуг, не получал [его]»⁵⁴. Заслуги эти могли быть достигнуты в войне и иными путями. Чин «юйюе» не передавался по наследству. Во времена Ляо это была почетная должность (гуй геапъ), не связанная с определенными обязанностями (у со чжи). «Юйюе» рассматривают как тюркское (уйгурское) «огют», «советник». Пост юйюе занимали сам Абаоци (до того, как стал каганом) и его дядя Шулань. Юйюе контролировал военные и политические дела государства, поэтому являлся высшим чиновником при правителях государства, подчинившихся Ляо и признававших свою зависимость от Ляо (шу го). Так, правитель Гаочапа в Восточном Туркестане имел титул шицзы вап — арслап-хапа, его высшего чиновника называли «юйюе». Собственно такое же значение имел чин юйюе в царствование Абаоци. Приняв в 915 г. вторично титул императора, Абаоци назначил юйюе с титулом алудунъ (алудоли) юйюе своего ближайшего сподвижника Елюй Хэлу. Еще до этого назначения Хэлу управлял «всеми делами армии и государства»⁵⁵. Когда сам Абаоци был юйюе, он тоже «ведал всеми военными и государственными делами»⁵⁶. Представляется, что в механизме старого киданьского доляоского и раннедоляоского государственного устройства юйюе являлся кем-то вроде визиря или канцлера. Позже, после китаизации аппарата управления, чин юйюе стал лишь почетным титулом. «Это был почетный чин государства Ляо, подобный трем гунпам (сань гун) Китая»⁵⁷.

Вторым по значимости после юйюе был чин тиинь. Тиинь, очевидно, инвариант древнетюркского «тегин» — титула сына или брата хапа. В «Ляо ши» один раз «тиинь» передано через китайское «сыту» — должность «советника по делам воспитания и обучения»⁵⁸. Обязанности тииня были связаны с делами рода кагана. Тиинь ведал двором наследника престола, возглавлял четыре наиболее знатные семьи императорского клана Елюй. «Управление тииня (тиинь сы) наследника престола ведало делами дворцовых юрт ставки наследника престола»⁵⁹. Управление тииня Великого сокровенного (да пэй тиинь сы) «ведало управлением и образованием четырех юрт императорского рода»⁶⁰. Тиинь был начальником чапкуня. Чапкуня возглавляли знатные семьи клана Елюй, семьи клана императриц Сяо и потомков каганов клана Яолян. Тиинь мог командовать войсками, он отвечал за даставку средств на строительство погребального комплекса императора, участвовал в жертвоприношениях горе Муе. Но прежде всего тиинь был главой администрации императорского клана (цзун чжэп чжи)⁶¹. «Тайцзу поручил тииню управление членами императорского рода и их образованием»⁶². «Тиинь управлял кланом императора (цзунцзю). Линья ведал составлением до-

кументов. [Он] докладывал их юйюе. Собирали заседание [совета] и обсуждали на совете дела (лунь и) с тем, чтобы потом сяпгун и наставники (ши) докладывали их в ставку государя (чаотип). Делопроизводство было несложно, система служб специфична (чжи чжуапъ). Это и есть то, что было создано Ляо»⁶³.

Третьим важнейшим чином аппарата управления государства киданей был чин илиби. В начальные годы правления Ляо должность илиби соответствовала должности министра юстиции. Илиби ведал министерством наказаний (син бу), «управление илиби ведало уголовными наказаниями и тюрьмами»⁶⁴. Ранее илиби выполнял роль судьи. Вероятно, илиби был Хумули, предок в пятом поколении ляоского вельможи Сяо Дилу. Хумули часто ездил послом киданей к танскому двору. «Раз он был задержан китайцами и оставлен жить в Ючжоу (Пекин). Хумули сумел прорваться через китайские заставы и „вернуться в [свое] государство“ (гуй го). За это его потомки постоянно занимали должности судьи, передавая ее по наследству»⁶⁵. Илиби также руководил важнейшими общегосударственными обрядами. Он «участвовал в делах управления», «ведал (чжи) чиновниками, которые управляли [государством]»⁶⁶. Однако, видимо, еще с древности существовала должность «чиновника, ведавшего церемониями (чжан ли гуапъ)», — дилемаду. В раннем Ляо дилемаду ведал министерством обрядов (ли бу). «Управление дилемаду ведало обрядами»⁶⁷. Линья — должность чиновника, ведавшего документацией, секретариатом⁶⁸.

Юйюе, тиинь, дилемаду, линья — высшие должности старого, еще доляоского киданьского государства. Люди, занимавшие их, составляли совет при кагане. Кроме них в совет, возможно, входили ачжагэчжи (об ачжагэчжи сказано, что это «старый чин со времен Яолян»⁶⁹). Ачжагэчжи имели отношение к Тайному совету, а значит — к армии. Связывая «ачжагэчжи» с тюркским «ачку» — «ключ» и превращая его в «ключника», К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн предполагали, что ачжагэчжи — древняя киданьская должность казначея, хранителя казны кагана⁷⁰. Симада Масао приводит материалы, свидетельствующие о том, что должность ачжагэчжи имела отношение к чиновникам разряда туньгуань — чиновникам низкого ранга, помогавшим при совершении обрядов⁷¹.

Кроме ачжагэчжи в «Ляо ши» упоминается также киданьский чин далинь — подобие китайского сыкуп — управляющего общественными работами⁷².

Основными единицами административно-территориального деления государства киданей были бу, приблизительно приравняемые к китайскому округу (чжоу). Бу подразделялись на шиле. Слово «шилe» лингвисты сравнивают с тюркским «тирэ» — «собрание»; маньчжурским «дзира», «джира» — «собирать вместе»⁷³. Если бу условно приравнивалось к округу, то шиле — к китайскому уезду (сянь)⁷⁴. Крупные шиле управлялись иркинами, их помощниками были тарканы. Глава чиновников, управляющих шиле, позднее также именовался «синьгун» — словом, которое сравнивают с китайским «генерал» (цзяньцзюнь).

Тарканы позже стали именоваться «мапу», «шиле мапу» или «мабу»⁷⁵.

«Шиле подразделялись на моли (мили) — единицы, приравняемые к китайским волостям (сян). Первоначально шиле трактовались как сяп, а мили — как маленькое сяп. Мили подразделялись на вали — поселения. Соотнесенность единиц „бу“ хорошо видна из характеристики принадлежности Абаоцзи: он был из „бу“ Ила, шиле Сялайм, мили Елюй»⁷⁶.

Существовало также деление на чжао — сотня⁷⁷. По заключению К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяншеп, «очевидно, шиле и чжао были важными подразделениями племен, меньшими, чем племя, но большими, чем мили (моли). Термин „чжао“ — „сотня“ является ключом к возможному (минимуму?) величине этих единиц»⁷⁸. В племени Ила вначале было пять шиле и шесть чжао, затем семь шиле и одиннадцать чжао. Шиле и мили были единицами не только кочевья и стоянок, но и «воинскими», власть управляющих ими чиновников была как гражданской, так и военной⁷⁹. Соотношение шиле и чжао остается непонятным, поскольку в 922 г. пять шиле бу Ила были преобразованы в пять, а каждый юань включал сто семей, то можно думать, что шиле и чжао могли быть взаимозаменяемыми понятиями⁸⁰. Каждое бу имело свое знамя определенного цвета⁸¹. При жертвоприношениях горе Муе сановники и знатные дамы «надевали одежды, соответствующие цвету знамени каждого „бу“»⁸².

Еще в VIII в. у киданей был введен запрет на браки однофамильцев. Абаоцзи ввел право, согласно которому «те, кто носят одну фамилию, могут стать друзьями, а те, кто носят разные фамилии, могут вступать в брак»⁸³. В конце IX в. при правлении иркина Салади кидани начали отливать свою монету, эта монета имела хождение и во времена Абаоцзи⁸⁴.

Такими в общих чертах могли быть формы ранней государственности у киданей до воцарения Абаоцзи. Эти сведения, вероятно, не являются полными, ибо действия Абаоцзи и его преемника, безусловно, во многом продолжали еще собственно киданские традиции, хотя и не без китайского влияния. Это же проявлялось в устройстве управления покоренными территориями, китайскими и бохайскими.

Один из первых административных реформ Абаоцзи коснулся управления кланом императора. Прямые потомки императорского клана Елюй были разделены на четыре ветви: ветвь прямых потомков самого Абаоцзи — Тайцзу, которых называли «поперечные юрты» (хэи чжан), и три ветви потомков братьев и дядей Абаоцзи — «дома трех отцов» (сань фу фан). Абаоцзи разделил все бу Ила, из которого он происходил, на две неравные половины — северную и южную. Северная половина состояла из пяти юань, южная — из шести. Первоначально каждый юань включал 100 семей. В 922 г. в пять юань были преобразованы пять шиле племени Ила и шесть его чжао — в шесть юань. Каждым юань императорского бу вначале управлял иркин. Эти иркины в 937 г. были перетитулованы в «да вавов» (великих князей)⁸⁵. Возможно, это не являлось нововведением. Судя по биографии Подэ, по старой системе уп-

равления (цзю чжи) еще с середины VIII в. род кагана именовался «юань»⁸⁶. Прямые потомки Абаоцзи были названы «поперечными юртами» по следующей причине. «В обычаях Ляо оборачиваться лицом на восток и ценить левую сторону. Императорская юрта обращена на восток, девять юрт Яолань обращены на юг, а юрты „трех отцов“, императорского клана обращены на север. Линия восток — запад как основа ткани (цзин), а линия север — юг как уток (вэй). Поэтому императорская ставка именуется „поперечными юртами“»⁸⁷. Считалось, что клан императора состоял из девяти юрт. Семьи правившего до клана Елюй клана Яолян были инкорпорированы в императорский клан в качестве «десятой юрты». «Управление чапкуня великих поперечных юрт (да хэи чжан чапкуньсы) ведало делами девяти юрт императорского рода, потомков Тайцзу»⁸⁸. «Клан императора (хуанцзу) наследует девять юрт семьи Яолян в качестве [своей] десятой юрты»⁸⁹.

Большая роль была отведена гвардии кагана, а затем императоров Ляо. Гвардия именовалась «синь-фу» — «сердце и живот», т. е. сравнивалась с самыми жизненно важными органами. Гвардия набиралась из всех киданских племен. В 922 г. она стала размещаться в особой ставке — орде (волудо). После смерти императора его гвардия, гарнизон его орды приписывались к гвардии, охранявшей его погребальный комплекс. Таким образом, орды Ляо были лагерями императорской гвардии. Китайские авторы переводили название орды как «гун вэй» — «охраняемые гвардией ставки, дворцы». Кидани «для самой сокровенной жизни [государя] имели охраняемые гвардией ставки (гун вэй), именуемые „орда (волудо)“». Если император выезжал, то имелись походные лагеря (син ии), именуемые „набо“»⁹⁰. «По законам государства Ляо, когда сын Неба восходил на престол, то учреждали охраняемую гвардией ставку (гун вэй), выделяли для нее племена и устанавливали в ней штат чинов (гуаньфу), приписывали к ней дворы (хукоу) и готовили для нее войска. Когда император умирал, то [гвардия орды] переходила к дворцам (гун) и юртам (чжан) императрицы и наложниц покойного императора, чтобы служить его могиле. При призывах на войну молодые и крепкие солдаты [гвардии покойного императора] уходили в армию, старые и слабые оставались охранять [могилу]»⁹¹. На языке киданей «сердце и живот» (личная гвардия императора) называлась «суань», а дворец (гун) — «волудо (орда)»⁹². А. В. Даньшин справедливо полагает, что «киданские орды являлись своеобразными военизированными организациями, функционирование которых предполагает тесную взаимосвязь выполняемых ими эконолических и военных функций»⁹³. Однако А. В. Даньшин упускает из виду главное — орда была прежде всего местом размещения гвардии императора, императорской ставкой, а все прочее — приписанные к орде свободные люди, рабы и др. — лишь обеспечивало выполнение ордой этой главной ее функции. «Тайцзу, — читаем в „Ляо ши“, — поскольку племя Ила получило престол, разделил свое племя и создал пять юань и шесть юань, чтобы управлять императорским кланом. Но, поскольку ему не доставало

личной гвардии (цинъ вэй), он ввел законы орды (ли волудо фа). Были выделены округа и уезды, дворы и обязанные служить, чтобы укрепить ствол и ослабить ветви. ...когда император вступал [в свою резиденцию гвардии] жила с [ним], чтобы защищать [его], а когда его хоронили, она после этого охраняла его могилу»⁹⁴. Можно только поддержать сложившееся мнение, что «главная задача армии орды была защищать личность правителя»⁹⁵ и исторически орды Ляо развились из личной гвардии императора (кагана) в элитные отряды, гвардейскую армию⁹⁶.

Орда Абаоци состояла из 15 тыс. дворов, т. е. в нее было включено около 75 тыс. чел.⁹⁷ Орда Тайцзу называлась «привести государство в порядок», орда Шицзуна — «процветание». Крайне любопытно, что орда императора Шэнцзуна (983—1031) называлась «ньюгу» — «золотой»⁹⁸. Помимо императора, орды были у императриц — императрицы-матери и императрицы-супруги. Гвардия представляла высших сановников. Сяо Дилу служил при Абаоци в его личной гвардии и, находясь в ее рядах, был назначен цзайсяном (визиром, главой) Северного фу⁹⁹.

Кроме орды каждый император имел свои временные сезонные ставки (пабо). Гвардия пабо продолжала существовать при чжурчжэнях в государстве Цзинь и при монголах в государстве Юань. У императоров Ляо «для каждого из четырех времен года имелись походные ставки (син цзай), их называли „дабо“»¹⁰⁰. Кочевая, подвижная ставка императора киданей выглядела так: юрту императора окружали частоколом коний, связанных волосными веревками. Под каждым копьём имелся черный войлочный зонг для защиты охранников от ветра и снега. За копьями стоял ряд небольших войлочных юрт. В каждой юрте находилось пять вооруженных людей, и они вместе с охранниками составляли окружение запретного места¹⁰¹. Весеннее набо киданьских императоров находилось на р. Сунгари, здесь можно было заниматься подледным ловом рыбы, охотиться на лебедей и гусей. Весеннее набо певелико — примерно 10 × 15 км¹⁰².

Летнее набо киданьских императоров чаще всего было в горах Туршань, в районе Цаган-Хотон (Внутренняя Монголия). В летнее набо Абаоци, как и многие его предшественники и последующие ханы и каганы (например, Чингисхан), «спасался от жары»¹⁰³. Осеннее набо находилось неподалеку от слияния рек Шара-Мурэн и Лаохэ. Здесь император охотился на оленей и тигров. Зимнее набо располагалось в теплом месте в 15 км к юго-востоку от г. Юпчжоу, между реками Шара-Мурэн и Лаохэ. Император охотился, обсуждал дела с высшими сановниками. «Каждый год во все четыре времени года [император] по кругу объезжал [эти набо] и всякий раз затем все начинал сначала»¹⁰⁴. Орды и набо должны были иметь свою предысторию во времена киданьских каганов до Абаоци. К сожалению, она нам неизвестна.

Воинскими в государстве киданей считались мужчины в возрасте от 15 до 50 лет. Армия киданьского государства именовалась «воликая юрта» («да чжан»), она состояла из войск «[твердых, как] алмаз» (пи ши). При Абаоци это была его гвардия. Позже войска пи ши делились

на пять групп — северную, южную, правую (западную) и левую (восточную), а также желтую. Командовал войсками пи ши сяньвэнь. «Армия (цзюнь чжи) состояла из северной, левой, правой, южной, а также желтой [групп войск] пи ши, все они включали отборные войска»¹⁰⁵.

Второй составной частью войск киданей были войска императрицы, именовавшиеся «подобные кораллу» («шу шапъ»). Великие князья (ваны) также имели свои войска. Войска правящего дома (алмазные, коралловые у вапов) дополнялись отрядами, которые выставляли все племена, и гарнизопами, расквартированными на населенных территориях. Войска императора и императрицы расквартировывались по ордам. Племенные войска и гарнизоны на границе состояли из отрядов цзю, каждый из которых включал 50 всадников¹⁰⁶. Внутренняя организация войска киданей соответствовала традиционной десятичной системе: минимальная воинская единица пятак или десяток, отряды цзю по 50 чел., крупные отряды по 500—700 чел. (дуй). Десять таких отрядов (дуй) образовывали дао (корпус), 10 дао — мишь (армию)¹⁰⁷. Армия делилась на регулярные и вспомогательные войска. На одного солдата регулярной армии приходилось два солдата вспомогательных войск. Средством обучения войск были облавные охоты. Для передачи приказов о мобилизации и продвижении войск использовали пайцзы. Всего было 200 серебряных пайцз с надписью на каждой по-киданьски: «Следует спешить». Гонца с пайцзой за сутки, меняя лошадей, должен был проскакать 250—300 км. Расстояние отмечалось курганами, насыпанными вдоль дорог. Появление гонца с пайцзой следовало рассматривать как прибытие лично императора¹⁰⁸. В отдельных случаях приказ отдавался с предьявленным золотой пайцзой в форме рыбы.

Отправляясь в поход, кидани приносили жертвы предкам, знамени и горе Муе. О предстоящем походе докладывали Небу и Земле, принося им в жертву серого быка и белую лошадь. Если поход возглавлял лично император, вдоль дороги по направлению движения войск ставили преступников, осужденных на смерть. Проезжавшие мимо воины стреляли в них из луков и убивали их. Это называлось «стрельба стрелами дьявола». По возвращении из похода таким же образом расстреливали пленных¹⁰⁹. В походе высылались разведка — ланьцзы. На привале войска располагались кольцом (курнем). Снабжались они в пути в основном силами фуражиров из вспомогательных войск. Солдаты вспомогательных войск занимались и развертыванием походных лагерей. Кидани прибегали к тактике, которая позже стала известна из описаний войн монголов, — ложному бегству и заманиванию врага в засаду, они собирали женщин, стариков, детей и гнали их перед собой на рвы и стены штурмуемых ими городов. На северных и северо-западных границах Ляо были организованы военные поселения, их жители — мужчины — были и солдатами и землепашцами. Во время земледельческих работ мужчин разбивали на четверки, одного из четырех человек отправляли на сторожевую башню, двух — охранять границу, а один пахал землю. Всю работу по уходу за скотом и заготовке сена в это время выпол-

пяли женщины и дети. Исследователи постоянно отмечают высокую роль женщины в киданьском обществе¹¹⁰.

Характерной особенностью государства киданей времен Абаоцзи после включения в его состав китайских областей было раздельное управление севером и югом. Киданьское государство до 936 г. официально именовалось «Цидань го», т. е. государство киданей, с 937 по 1013 г. — «Великое Ляо», с 1013 по 1063 г. — «Великое киданьское государство», а затем «Великое Ляо». Как считает современный китайский историк Цзы Ши, «Цидань го» означало «Великое срединное государство»¹¹¹. «Ляо» означало «железное», вероятно, государство киданей было названо так по имени р. Ляошуй (Шара-Мурэп). «Кидани и называли свое государство по реке Ляошуй»¹¹². Агуда — основатель чжурчжэньского государства Цзинь — говорил: «Государство Ляо взяло свое название от слова „железо“, так как оно прочно. Но оно в конце концов изменяется и разрушается. Не изменяется и не разрушается только золото»¹¹³.

«Север» и «юг» стали «важнейшими элементами административной терминологии страны»¹¹⁴. При правлении Абаоцзи были северный и южный цзайсяны (визирь, премьер-министры). С 907 г. северные цзайсяны назначались из клана Сяо, представлявшего императриц и по традиции считавшегося по происхождению уйгурским. Южные цзайсяны назначались императором из клана Елюй. Идея разделения управления на северное и южное, безусловно, киданьская, хотя и не получившая пока удовлетворительного объяснения. Мы уже упоминали выше о разделении бу Ила на северные и южные дворы, возможно, это была «базовая концепция севера и юга»¹¹⁵. Клан Сяо был уйгурским по происхождению, и поэтому считался северным по отношению к киданьскому клану Елюй. Этим объясняется назначение цзайсянов из этих кланов. Указывают на безоснований на разделение населения на кочевое (север) и оседлое (юг), но оно существовало лишь с 947 г. и с этого момента утратило географический смысл¹¹⁶.

Очевидно, идея была более глубокой. Северное правительство, в свою очередь, делилось на киданьскую северную и киданьскую южную канцелярии. Может быть, мы имеем дело с давней центрально-азиатской концепцией деления на лево и право и более уважительного отношения к левой стороне. Киданьская цивилизация (император и его клан) была ориентирована лицом на восток, к восходу солнца. Для нее север был левой стороной, юг — правой, север был более почитаемым, чем юг. Но такое объяснение нельзя считать удовлетворительным из-за отсутствия его подтверждения в текстах.

«Система управления (гуань чжи) Ляо подразделялась на правительственные учреждения (юань), северные и южные. Северные [правительственные учреждения] управляли дворцом (гун, ордами), юртами (чжан), племенами (буцзу) и признававшими свою зависимость от киданей государствами (шу го)»¹¹⁷.

«Тайцзу разделил илициней (иркинов) Ила и назначил двух великих ванов (да ван), северного и южного, назвав [сферы их управления] Северным и Южным дворами. Начиная от цзайсянов

Тайного совета (Шуми, управления армией), сюаньвэй (Шуми, управления армией), сюаньвэй (чиновников придворных церемоний) и писцов (линья) и вплоть до ланцзюней (представителей придворной знати) и гвардии (хувэй) все [чины и административные органы] были поделены на северные и южные»¹¹⁸. Это разделение касалось управления киданями и иными, пекитайскими племенами, подчиненными Ляо, ибо делами китайцев ведало специальное управление китайцами (ханьэрсэ). Одновременно Абаоцзи заимствовал танскую систему шести министров (ию бу — финансов, наказаний, общественных работ, армии, чинов, обрядов). При разделении управления на северное и южное получалась любопытная картина. Шуми (Тайный совет) ведал не только военным министерством (бин бу), как это и было положено по китайской раскладке, но и управлением кадрами — «министерство чинов» (ли бу)¹¹⁹. Министерство учета населения, обложения его налогами (финансов, ху бу) было в ведении и северного и южного ванов (фактически было, вероятно, разьединено). Министерство наказаний (син бу), возглавлял которое илиби, очевидно, было единым для северной и южной системы управления. Министерством общественных работ ведал сюаньвэй, министерством обрядов — дилемаду, оба министерства тоже, по-видимому, были едиными. Цзайсяны же северного и южного управлений осуществляли «общее руководство делами»¹²⁰. К этому следует добавить, что Тайный совет ведал также всем скотоводством, «все войска киданей и все табуны коней подчинялись ему»¹²¹. Итак, Тайный совет управлял армией, кадрами военных (и аттестацией военных) и чиновников (ли бу), скотоводческими хозяйствами и табунами коней. Учет населения и его обложение были отдельными для Севера и Юга.

Таким образом, при Абаоцзи северным (левым, наиболее важным) было то, чем управлял Тайный совет. Может быть, это дает какое-то объяснение первоначального деления север — юг: юрты чиновников (я чжан) Тайного совета размещались к северу от «юрт-дворцов Великого внутреннего» (Да нэй дянь чжан), т. е. от юрт ставки императора. Поэтому, сказано в «Ляо ши», эти юрты чиновников Тайного совета, размещавшиеся к северу от места пребывания императора, «получили наименование Северного двора»¹²². И добавлено: «...Северный я (мынь) не управлял народом»¹²³. Из этого можно сделать вывод, что Тайный совет не ведал чисто гражданскими делами. Тогда в противопоставлении Северного и Южного правительства в управлении мы обнаруживаем противопоставление военного и гражданского. И эта наша догадка полностью подтверждается разделением и самого Тайного совета на Северный и Южный. Южный Тайный совет назывался так потому, что располагался к югу от ставки императора. Именно он ведал гражданскими чиновниками, их аттестацией, налогообложением и трудовыми повинностями всех киданей и подчиненных им «племен», т. е. пекитайцев. Главное отличие Северного правительства от Южного состояло в том, что «Южный я (мынь) не командовал войсками»¹²⁴, а «Северный я (мынь) не управлял народом». Все канцелярии-юрты, связанные с

командованием войсками, размещались к северу от ставки императора, а связанные с управлением народом — к югу от ставки императора. Если юрта императора была обращена дверью на восток, то управление войсками было слева, а управление гражданскими делами — справа. Таким образом, если что и очевидно в различии оформления администрации как администрации северной и администрации южной, так это различие «командования войсками» и «управления народом». И лишь постепенно реально функции управлений Севера и Юга перекрещиваются. С присоединением областей с китайским населением Север стал ведать киданями и «племенами», а Юг — китадцами.

Собственно с дифференциацией управления по объектам управления было связано и наличие в Ляо пяти столиц. «Ляо имело 5 столиц. Верхняя (Шанцзин) столица была императорской (хуанду). Там имелись все чины двора и столицы. Штат чинов в остальных четырех столицах устанавливался в зависимости от местных нужд и поэтому не был единым. Западная столица в основном ведала обороной границ, Южная — финансами и сборами поземельного налога»¹²⁵. Юг как бы контролировал китайские территории, территории завоеванные, отсюда «династии завоевания» — наименование, принятое в западно-европейской, а также японской и американской синологии, ряда не-китайских государств на территории современного Китая. Истоки этого термина — в «Ляо ши»; там сказано, что кидани «создали государство, используя оружие»¹²⁶. Верхняя столица Ляо находилась между верхним течением р. Шара-Мурэн и горами Хипгапа, ее развалины находятся в г. Боро-Хотон, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР. Восточная столица была близ г. Ляоян, Средняя — у места впадения в р. Шара-Мурэн р. Лаохэ (древнее название р. Тухэ), Южная столица Ляо — это современный Пекин, Западная — г. Датун (пров. Шаньси). Верхняя и Средняя — это столицы областей, заселенные собственно киданями, а также родственными им и покоренными ими народами. Восточная столица контролировала территории бывшего государства Бохай и бохайцев, Западная и Южная столицы — китадцев.

Область, находившаяся под управлением столицы, именовалась «дорогой» (дао). Кидани, а затем монголы и чжурчжэни следовали правилу, в соответствии с которым их северные столицы действительно находились к северу от Великой китайской степи, а южные — к югу от нее¹²⁷. Наличие нескольких столиц Г. Франке объясняет традицией кочевого образа жизни. Существование одной столицы у китадцев «отличалось от традиции кочевников-жителей степей», имевших сезонные резиденции, и «поэтому множественность городов-резиденций, или столиц, являлась характеристикой Ляо и Цзинь, которые имели систему Пяти столиц»¹²⁸.

По оценке К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, в период расцвета государства Ляо общая численность населения составляла 3 млн 800 тыс., из них киданей — 750 тыс., бохайцев — 450 тыс., китадцев — 2 млн 400 тыс. и представителей прочих этносов — 200 тыс.¹²⁹

«Кидани по старому обычаю селились, поделив землю»¹³⁰. Их юрты были обращены восток на восток. Во владениях киданей можно было встретить телеги с установленными на них юртами. Кидани, как позже монголы, вели кочевое и полукочевое хозяйство, употребляли много молока и молочных продуктов и мало мяса. «По старинным обычаям киданей, их богатство составляли лошади, а их сила была в солдатах. Лошадей пускали на волю, а солдат возвращали домой... лошади паслись там, где была вода и трава, а люди зависели от кумыса»¹³¹. Особая роль в хозяйстве принадлежала овцам: овцами платили налоги, жалованье чиновникам.

В каждой «дороге» был высокопоставленный чиновник, который контролировал пастбища и выпасы скота. Он именовался «великий защитник» («тай бао»). Скот был частным и государственным. Государственному скоту клеймо ставили на левом боку. Государственные табуны коней насчитывали обычно 1 тыс. гол., такой табун пасли три человека. Табунов было несколько десятков тысяч.

Жизнеспособное хозяйство состояло из 100 лошадей, 10 коров, быков и верблюдов, не считая овец. Бедняком считался тот, кто имел одну-две лошади и несколько овец¹³². При Абаоцзи были богатые люди, владевшие 10 тыс. одних лошадей. Государственного скота было более миллиона голов, на 1086 г. в Ляо имелся миллион лошадей¹³³.

Население киданского государства еще во времена, предшествующие Абаоцзи, делилось на людей лично свободных и лично несвободных, рабов¹³⁴. Из рабов различных орд и рабов, принадлежавших клану «поперечных юрт», были образованы даже специальные бу шаова и бу хэчжу¹³⁵. Люди этих бу считались потомками старых киданьских рабов. Из рабов си, захваченных в плен Абаоцзи, было создано бу салаге. Эти пленные си в начале были чжу чжап, «оставленные за юртами», «приписанные к юртам». Еще до создания государства Ляо к этой категории относились осужденные за преступление или люди, имущество которых было конфисковано, а сами они обращены в рабство¹³⁶. С образованием государства Ляо у киданей появились китайские средневековые формы зависимости — нуби (частные рабы), буцуй и т. п.¹³⁷ Много лично несвободных людей было при ордах. «Можно уверенно сказать, что солдаты орды не были лично свободными, даже кидани». К. А. Виттфогель сравнивает солдат орд с турецкими янычарами¹³⁸.

Основную массу населения в киданьском государстве, как и в любом обществе, составляли простолюдины — шужэнь, народ — минь. Лишенный титула знатности (цзи), кидань становился простолюдином¹³⁹. Господствующий класс составляли знать, чиновники, богатые ското- и землевладельцы, часть которых, лишенная титула знатности (из киданьской, бохайской, этнически иной родовой знати) или не имеющая чина, отстранялась от политической власти. Как правильно подчеркивают К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн, у киданей «быть богатым необязательно означало быть могущественным»¹⁴⁰. Однако было одно исключение. Можно было купить титул шэли. Получает-

ся, что в прошлом у киданей титул *шэли* был достаточно высоким: его, например, имел сын правителя киданей¹⁴¹. Удостоенный этого титула имел право носить особый головной платок (*тоуцзинь*). «Знатные (*хаоминь*) кидани, которые желали носить головной платок (*тюрбан*), вносили в казну десять быков и верблюдов и сто лошадей. За это им давали *чип* (*гуань мин*) *шэли*. Позже [*чип шэли*] стал [титолом] чиновников при [императорских] *юртах* и давался *ланцзюням*»¹⁴².

Говоря о раннем киданском государстве, нельзя обойти вопрос и о китайском влиянии на его становление. Оно было реальным, осмысление же его современниками было противоречивым. Китайские авторы, даже не трактовавшие иноплеменников грубо как неотесанных варваров, пытались все достижения их хозяйства, культуры связать с Китаем. Местная же традиция в противовес этому выдвигала «культурных героев».

Первопредок императоров Ляо Нили много сил потратил на обучение киданей земледелию и ремеслами¹⁴³. В VIII в. учил киданей обрабатывать землю иркин Юньдэши, который сам был и искусным земледельцем, и искусным скотоводом¹⁴⁴. Отец Абаоцзи Салади в IX в. научил киданей строить дома, города, огораживать их стенами, сеять коноплю, разводить тутовник и изготавливать шелк. Он же организовал железодельные мастерские и познакомил соплеменников с изготовлением орудий из железа. Салади первый начал отливать киданскую монету¹⁴⁵. Один из предков киданей — Яли — создал систему управления и учредил чины, ввел регистрационные записи с помощью зарубок на деревянных палочках, создал для наказания преступников земляные ямы-тюрьмы¹⁴⁶. Абаоцзи, покорив шивэй (предков монголов, известных металлургов и кузнецов), широко развил добычу руд и плавку металлов. Реформы Абаоцзи, качественное расширение государственности, поставили вопрос о введении своего письма. По сведениям источников, Абаоцзи лично создал его. В качестве образца он взял китайское письмо, что неудивительно, и, приняв за исходную единицу часть китайского иероглифа стандартного написания, делал к ней добавления или усекал ее¹⁴⁷, вероятно ориентируясь на смысл китайского иероглифа и записывая его модификацией соответствующее киданское слово. При письме использовались древние первоначальные формы китайских иероглифов или их видоизмененные формы¹⁴⁸. «Ляо ши» не приписывает честь создания большого киданского письма Абаоцзи. Просто под 920 г. есть запись: «...начали создавать большое киданское письмо»¹⁴⁹. Это расхождение между «Цидань го чжи» и «Ляо ши» позволяет почти уверенно говорить о том, что «большие киданские письменные знаки» (*цидань да цзы*) создал не лично Абаоцзи, а кто-то из его приближенных, честь же создания письма была приписана императору. В 925 г. Дила, младший брат Абаоцзи, знавший уйгурский язык и уйгурскую грамоту, создал «малое киданское письмо» (*цидань сяо цзы*). Письменных знаков в нем было мало, возможно, оно даже было слоговым, однако оно отличалось «глубиной проникновения» (*гай гуань*)¹⁵⁰, отражало весь язык. По мнению проф. Фэн Цзюна, все известные нам образцы киданского

письма — варианты большого письма¹⁵¹. Создание письменности позволяло вести делопроизводство и исторические хроники¹⁵². Было составлено «Жизнеописание семи мудрецов», семи выдающихся деятелей киданского государства¹⁵³. Киданская знать, очевидно в IX и самом начале X в., была знакома с китайской грамотой и знала китайский язык, в страну ввозились книги из Китая и государства Бохай. Когда Тууй был правителем Бохая, он за золото купил в Ючжоу (Пекипе) несколько томов книг, состоявших из десятков *цзюаней* (глав), и поместил их в специально выстроенную библиотеку¹⁵⁴. Знал китайский язык и Абаоцзи.

Кидани, очевидно, уже в IX в., были знакомы с буддизмом. Во всяком случае, в 902 г. в выстроившем ими на р. Шира-Мурэн г. Линхуа был заложен буддийский храм, названный (по-китайски или в китайской передаче) Кайцзяосы — «Храм начала введения учения»¹⁵⁵. Обеспечивали храмы «эр шуй ху» — «дворы, уплачивающие палог двум», люди, закрепленные за монастырями, которые одну половину полагающегося с них налога платили казне, а другую отдавали храму (монастырю). Уклоняться от уплаты налога храму было категорически запрещено. Существовали также организации прихожан, именовавшиеся «цянъ жэнь и» — «объединения из тысячи человек», оказывавшие материальную поддержку храмам¹⁵⁶. Как и во всех государствах Дальнего Востока, следовавших так или иначе китайскому образцу, в Ляо наблюдалось «отсутствие теологической доминанты»¹⁵⁷, т. е. ни собственные верования киданей (поклонения Солнцу, Луне, огню, горе Муе и т. п.), ни буддизм как мировая религия не завоевали исключительного положения. В добавление к киданским верованиям шаманского толка и к буддизму в 916 г. был введен государственный культ Конфуция. По сведениям источника, Абаоцзи спросил придворных: «„Государь, получивший мандат Неба, должен служить Небу. Я хочу молиться тому, кто имеет наибольшие заслуги и обладает наибольшей добродетелью. Кто же наипервейший?“ Все ответили: „Будда!“ Тайцзю сказал: „Учение Будды не китайское учение“. [Тогда наследник престола] Пэй сказал: „Конфуций — великий мудрец. Он почитаем десятками тысячами поколений и должен быть первым!“ Тайцзю очень обрадовался и тотчас приказал построить храм Конфуцию»¹⁵⁸. А в 918 г. было приказано в дополнение к буддийским храмам и храму Конфуция сооружать и даосские храмы.

Е Лули склонен объяснять успех деятельности Абаоцзи тем, что он «приобрел много китайцев»¹⁵⁹. И в его сочинении появляются свои «культурные герои». Лу Вэньцзинь научил киданей ткацкому ремеслу и строительству подземных ходов для штурма городов¹⁶⁰, Хан Яньхуй — организации аппарата управления, строительству городов, обнесенных стенами, устройству рынков, введению законов¹⁶¹. Китайское особенно быстро стало прививаться при киданском дворе, хотя, например, поведение Абаоцзи, императора киданей, отличалось от поведения китайского императора. Император киданей на аудиенциях пожимал руки почетным посетителям, охотился и рыбачил в свое удовольствие. Он не совершал обряда ве-

сенней пахоты земли (первой борозды), а многие свои киданьские обряды исполнял, сидя на копе. Присоединение районов с китайским населением, естественно, увеличило и роль этих районов в киданьском государстве. Советник Тай-цзун, преемника Абаоцзи, Чжап Ли настаивал на том, чтобы в населенных китайцами районах чиновники и военачальники были китайцами¹⁶². Кидани и китайцы постепенно стали одинаково использоваться на службе, заметно стал усиливаться процесс китаизации бюрократии. С 941 г. служившим в населенных китайцами областях Ляо киданям было дозволено жить по китайским обычаям и жечься на китайцах¹⁶³. В 988 г. в государстве киданей вводится китайская система государственных экзаменов, после сдачи которых аттестуемый получал право на поступление на службу. До этого должности, как правило, получали по наследству. Кидани, естественно, сохраняли свой контроль в управлении страной. Они, по свидетельству Е Лунли, не допускали китайцев к «обсуждению важных военных и государственных дел»¹⁶⁴. Кидани принимали меры против возможной ассимиляции их китайским большинством, особенно во второй половине X в. Этнические различия особенно строго учитывались правом. Так, с 921 г. для киданей существовали свои, киданьские законы, которые, кажется, так и не были записаны (во всяком случае, свидетельств тому нет), а для китайцев свои. Было приказано киданей и прочих некитайцев судить «по законам киданей и иноплеменников-пекитайцев, а китайцев судить [по их] законам люй-линь»¹⁶⁵. В ходу была норма права китайской династии Тан, в соответствии с которой, если преступник и жертва были одной этнической принадлежности, их судили по их собственным законам, а если — разной, то по принятому законодательству. В XI в. в Ляо в качестве общепринятых стали применяться нормы китайского права. С 994 г. кидани, виновные в совершении наиболее тяжких преступлений против государства и господствующей морали («Десять Зол» китайского права), осуждались по китайским законам. В интересующий нас ранний период в государстве киданей, как полагают исследователи, не было равенства его подданных перед законом: киданей за преступления против китайцев карали менее сурово, чем китайцев за преступления против киданей. Кидань за убийство китайца отдавал быка или лошадь, а китаец за убийство киданя подвергался уголовному наказанию, его семья обращалась в рабство. По мнению японских исследователей Симада Масао и Такигава Масадзиро, киданей и китайцев по-разному судили за кражи: киданей — по киданьским законам в зависимости от числа совершенных краж, а китайцев — по китайским в зависимости от стоимости краденого.

Система наказаний, применяемая у киданей, отличалась от китайской. Она включала такие виды смертной казни, как липьчи (резание на куски), сбрасывание осужденных (например, мятежников) со скалы, разрывание наказуемых пятью колесницами (наказание виновных в измене, преступлении против родителей, прелюбодеянии), закапывание живыми в землю, расстрел из луков, метание преступника с помощью катапульты. Кле-

ветникам, оскорбившим пачальника, втыкали в глотку раскаленное шило. В числе телесных наказаний были битье кожаным мешком, наполненным несом, битье деревянным мечом (от 15 до 30 ударов, наказание можно было повторять трижды), битье железной палицей (5—7 ударов)¹⁶⁶. Трудно поверить, что законы для киданей передавались только изустно. Думается, что они были записаны (по-киданьски или по-китайски), но только не дошли до наших дней.

Возвышение киданей пришлось на время гибели Тан и полувековой раздробленности Китая (до объединения его в 960 г. под властью династии Сун). Это было время, когда отношения между государствами (государями) постоянно уподоблялись общесемейным. «Отношения Ляо и Сун подобны отношениям в одной семье»¹⁶⁷. Взаимподчиненность императоров Ляо и китайских государств в середине X в. фиксировалась в терминах родства. Например, с 936 г. император киданей был отцом, а император династии Хоу Цзинь Гаоцзю — сыном. В переносе 938 г. Гаоцзю именовал себя слугой, а императора Ляо «отцом-императором». Император Ляо просил его не называть себя слугой, а «называть себя сыном-императором»¹⁶⁸, как это положено между членами одной семьи. Абаоцзи, заключая в 905—907 гг. мирный договор с Ли Кэюном, условился о том, что оба государя станут именоваться «братьями»¹⁶⁹. Сын Гаоцзю, насколько власть императоров династии Хоу Цзинь ослабла, титуловался уже не сыном, а внуком, соответственно император Ляо — дедом. В ту эпоху часто в одном лице совмещались функции посла и продавца. У киданей чиновники, которые выполняли обязанности послов и продавцов или покупателей товаров, за рубежом именовались «хуйти» («хуйту» по-киданьски значило «посол»). Вершиной внешнеполитического могущества киданей был договор 1005 г. в Шаньюане. Императоры Ляо и Сун назывались братьями-императорами, император Сун был старшим братом, император Ляо — младшим. Это был клятвенный договор (ши шу), именованный «договором о дружбе, доставляющим обоюдную радость». Договор любопытен и тем, что контрибуция, которую Сун обязывался выплачивать Ляо, деликатно именовалась «помощью». Китайцы обязывались, «учитывая благоприятные природные условия нашей страны», «оказывать помощь на покрытие военных расходов в размере двухсот тысяч кусков шелка и ста тысяч кусков серебра ежегодно»¹⁷⁰. «Сохранением лица» Китая было и то, что шелк и серебро в Ляо везли не послы, а чиновники финансовых ведомств.

Гибель Ляо в первой трети XII в. не означала исчезновения киданьского народа. Кидани жили при династии Цзинь, позже — при Юань. Слово «кидань» (монгольское — «хитат») в XIII—XIV вв. часто означало все население Северного Китая (к северу от р. Хуайхэ и гор Циньлин). В это время оно вошло в русский язык для обозначения китайцев. Постепенная ассимиляция привела к тому, что часть киданей слилась с монголами, а часть — с китайцами. Как самостоятельная народность кидани исчезли после династии Юань¹⁷¹.

Таким образом, первоначальные формы киданьской государственности возникли задолго до создания государства Цидапъ или Ляо. Они были самостоятельными, а ипоземное влияние в равной мере центрально-азиатским (тюркским) и китайским. Первую треть, если не половину X в., собственно киданьские формы государственности продолжали доминировать, и лишь постепенно с включением в состав киданьского государства больших территорий с китайским населением их начали теснить традиционные формы китайской государственности, хотя «киданьское» из аппарата управления государством и командования войсками никогда не выпадало полностью. Государство Ляо было плодом самостоятельного поступательного развития киданьского общества. Вряд ли стоит считать киданьское государство Ляо «местной отколовшейся политической властью», даже если говоря о Сун, Ляо, Си Ся, Цзинь, Тибете, «мы... обязаны каждую и большую и малую политическую власть ставить в равное положение»¹⁷² или признавать, что Ляо в отношении Сун было «внешним государством» (вай го), по одновременно было частью Чжунго¹⁷³. На наш взгляд, правы те китайские авторы, которые полагают, что «также независимые политические власти», как Ляо, «отвечали всем основным требованиям политической власти независимых государств, они имели своих императоров, шаньюей и ванов, имели собственную армию и цельную организационную структуру политической власти. При этом их власть не подвергалась какому-либо давлению или ограничению извне, и они сами считали, что их политическая власть является политической властью независимого государства»¹⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О ранней государственности у монголов см.: Кычанов Е. И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1986. — С. 94—98.

² Е Лулли. История государства киданей. (Цидапъ го чжи) // Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина // Памятники письменности Востока. — М., 1979. — Т. 35. — С. 17—22.

³ Там же. — С. 23.

⁴ Сунь Цзиньцзи. Цидапъ було цзучжи фачжапъ бьяньхуа чутань. (Введение в изучение изменений в развитии киданьских племен). — Отд. отд. — С. 93 (на кит. яз.).

⁵ Там же. — С. 94.

⁶ Этот титул встречается в разных вариантах: у улохоу, туюйхунь, шивэй. Возводится исследователями к древнетюркскому «бага» или «бек». — WF. — Р. 430.

⁷ Вэй шу: (История династии Вэй). — Шанхай: изд. «Сы бу бэй яо», большой формат (далее б. ф.), 1936. — Цз. 100. — С. 712 (на кит. яз.); Синь Тан шу. — Шанхай: изд. «Сы бу бэй яо», б. ф., 1936. — Цз. 2196. — С. 1169 (на кит. яз.).

⁸ Суй шу. (История династии Суй). — Шанхай: изд. «Сы бу бэй яо», малый формат (далее м. ф.), 1936. — Цз. 84. — С. 12а (на кит. яз.).

⁹ Там же. — Цз. 84. — С. 12а.

¹⁰ Цзю Тан шу. (Старая история династии Тан). — Цз. 90. — С. 5а. См.: Е Лулли. История государства киданей. — С. 157.

¹¹ Синь Тан шу. (Новая история династии Тан). — Цз. 2196. — С. 1669.

¹² Суй шу. — Цз. 84. — С. 116.

¹³ Синь Тан шу. — Цз. 2196. — С. 1670.

¹⁴ Там же. — С. 1669.

¹⁵ Там же. — С. 270.

¹⁶ Там же. — Цз. 2196. — С. 1670.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Цзю у дай ши. (Записи по истории Пяти династий). — Шанхай: изд. «Сы бу бэй яо», м. ф., 1936. — Цз. 137. — С. 1а (на кит. яз.).

²¹ Синь Тан шу. — Цз. 2196. — С. 1670.

²² Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых родов группы духу/Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. — М., 1984. — С. 171.

²³ Е Лулли. История государства киданей. — С. 347.

²⁴ Ляо ши. — Шанхай: изд. «Сы бу бэй яо», м. ф., 1936. — Цз. 116. — С. 2а (на кит. яз.).

²⁵ Там же. — Цз. 1. — С. 1а.

²⁶ Там же. — Цз. 116. — С. 2а. Ипой вариант пазвания «бу» ила.

²⁷ Там же. — Цз. 1. — С. 1б.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Тождество Ханьдэцзиня и Яоляня подтверждается текстом «У дай ши». — См.: Таскин В. С. Материалы... — С. 186.

³⁰ Ляо ши. — Цз. 71. — С. 2а—2б.

³¹ Е Лулли. История государства киданей. — С. 312.

³² Ляо ши. — Цз. 63. — С. 5а.

³³ Там же.

³⁴ Там же. — Цз. 63. — С. 5а.

³⁵ Там же. — Цз. 37. — С. 1б. Сменив Ханьдэцзиня-кагапа, Абаоцзи издал указ: «Императорский род наследует девять юрт (чжи) рода Яоляня в качестве десяти юрты» (Ляо ши. — Цз. 1. — С. 2а), т. е. семья кагапа Ханьдэцзиня была инкорпорирована в клан Абаоцзи.

³⁶ Ляо ши. — Цз. 1. — С. 5б.

³⁷ Там же. — С. 2а.

³⁸ WF. — Р. 17.

³⁹ Ляо ши. — Цз. 71. — С. 2а.

⁴⁰ Там же. — Цз. 49. — С. 2б—3а.

⁴¹ Там же. — Цз. 1. — С. 2а.

⁴² Там же. — Цз. 49. — С. 4а.

⁴³ Бэй ши. — Шанхай: изд. «Сы бу бэй яо», м. ф., 1936. — Цз. 5. — С. 9б.

⁴⁴ WF. — Р. 215.

⁴⁵ Ляо ши. — Цз. 112. — С. 1а—1б.

⁴⁶ Там же. — Цз. 53. — С. 8а—9б.

⁴⁷ Симада Масао. Кэйтан-по сайсэйрэй. (Обряд второго рождения у киданей) // Вада хакасэ эпрэки кипэн. Гоё си ронсо. — Отд. отд. — С. 309 (на яп. яз.).

⁴⁸ Линь Жуйхань. Цидапъ миньцзю-ды цзай пэп ли. (Обряд второго рождения у киданей) // Далу цзачжи. — Т. 4, вып. 2. — С. 48—51 (на кит. яз.).

⁴⁹ Симада Масао. Кайтэн-по сайсэйрэй. — С. 311.

⁵⁰ Линь Жуйхань. Цидапъ миньцзю-ды цзай пэп ли. — С. 51.

⁵¹ Е Лулли. История государства киданей. — С. 526.

⁵² Ляо ши. — Цз. 72. — С. 1а.

⁵³ Симада Масао. Ляо чао бэй мяпъ чжунян гуань чжи-ды тэсэ. (Особенности системы центрального управления Северной стороной при династии Ляо) // Далу цзачжи. — Т. 29, вып. 12. — С. 446 (на кит. яз.).

⁵⁴ Ляо ши. — Цз. 116. — С. 2б. По определению «Ляо ши» (Цз. 45, с. 1а), «старые обычаи и дела киданей были просты... система чипов не сложна».

⁵⁵ Ляо ши. — Цз. 73. — С. 2а.

⁵⁶ Там же. — Цз. 1. — С. 1б.

⁵⁷ Там же. — Цз. 45. — С. 6а. По мнению Симада Масао, юйюе — старый чин аппарата управления клана Яоляня, поэтому при Ляо он не имел конкретной должности и обязанностей. Ранее же это был чин гражданской и военной власти. — См.: Симада Масао. Ляо чао бэй мяпъ чжунян гуань чжи-ды тэсэ. — С. 446.

⁵⁸ Ляо ши. — Цз. 46. — С. 1б.

⁵⁹ Там же. — Цз. 45. — С. 10а.

⁶⁰ Там же. — С. 13а.

⁶¹ Там же. — Цз. 106. — С. 2а.

⁶² Там же. — Цз. 45. — С. 6а.

⁶³ Там же. — С. 1б.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. — Цз. 73. — С. 3а.

⁶⁶ Там же. — Цз. 106. — С. 3а.

⁶⁷ Там же. — Цз. 45. — С. 1б, 6б.

⁶⁸ Там же. — Цз. 45. — С. 6б; Цз. 106. — С. 5б.

⁶⁹ Там же. — Цз. 45. — С. 7а.

⁷⁰ WF. — Р. 442.

⁷¹ Симада Масао. Ляо чао бэймяпъ чжунян гуань чжи-ды тэсэ. — С. 447. По мнению Симада Масао, такие

органы управления, как да юйюефу, илиби юань, дилемадусы, ачжагэчжи, возникли до создания государства Ляо, а прочие — бэй шумююань, сюапьюэююань, далипья юань и ваньбаюсы при преемнике Абаодзи Тайцзуне. Тайный совет был органом управления, который совмещал функции китайских Шуми и Чжуншу. См.: Там же.— С. 445—448.

- ⁷² Ляо ши.— Цз. 46.— С. 18а.
⁷³ WF.— P. 433.
⁷⁴ Ляо ши.— Цз. 45.— С. 18б.
⁷⁵ Там же.— Цз. 46.— С. 2а.
⁷⁶ Там же.— Цз. 1.— С. 1а.
⁷⁷ Там же.— Цз. 46.— С. 16а.
⁷⁸ WF.— P. 444—445.
⁷⁹ Ibid.— P. 518.
⁸⁰ Ляо ши.— Цз. 33.— С. 16.
⁸¹ Там же.— Цз. 49.— С. 16.
⁸² Там же.
⁸³ Там же.— Цз. 71.— С. 16.
⁸⁴ Там же.— Цз. 60.— С. 2а.
⁸⁵ Там же.— Цз. 33.— С. 16; Цз. 116.— С. 16а.
⁸⁶ Там же.— Цз. 73.— С. 4а.
⁸⁷ Там же.— Цз. 45.— С. 15а.
⁸⁸ Там же.— С. 13а.
⁸⁹ Там же.— Цз. 1.— С. 2а.
⁹⁰ Там же.— Цз. 31.— С. 1а.
⁹¹ Там же.— С. 16.
⁹² Там же.
⁹³ Данышин А. В. Государство и право киданей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1985.— С. 7.
⁹⁴ Ляо ши.— Цз. 35.— С. 16.
⁹⁵ WF.— P. 516.
⁹⁶ Там же.— С. 515.
⁹⁷ Ляо ши.— Цз. 31.— С. 16.
⁹⁸ Там же.— С. 46.
⁹⁹ Там же.— Цз. 73.— С. 3а.
¹⁰⁰ Там же.— Цз. 32.— С. 1а.
¹⁰¹ Там же.— С. 2а.
¹⁰² Там же.— С. 16.
¹⁰³ Там же.
¹⁰⁴ Там же.— С. 26.
¹⁰⁵ Там же.— Цз. 116.— С. 12а.
¹⁰⁶ Янаи Го. Ляо Цзинь цзю цзюнь цзи Цзинь дай биц чжи као. (Отряды цзю армии Ляо и Цзинь и изучение военной организации Цзинь).— Отд. отд.— С. 15 (на кит. яз.).
¹⁰⁷ Ляо ши.— Цз. 34.— С. 3а.
¹⁰⁸ Там же.— Цз. 57.— С. 2а.
¹⁰⁹ Там же.— Цз. 116.— С. 3а.
¹¹⁰ WF.— P. 199—202; Franke H. Women under the Dynasties of Conquest // La Donna nella Cina imperiale e nella Cina repubblicana.— 1980.— Firenze.— С. 25—43.
¹¹¹ Цзи ши. Цидань го хао цзе. (Объяснение наименования государства Кидань) // Шэхуй кэсюе цзи-кань.— 1983.— № 2 (на кит. яз.).
¹¹² Сюй Мэн-синь. Сань чао бэй мэн хуй бянь. (Собрание документов о договорах с Севером в течение Трех династий).— Б. м., 1878.— Цз. 3.— С. 11а (на кит. яз.).
¹¹³ Цзинь ши. (История династии Цзинь).— Шапхай: изд. «Сы бу бэй яо», м. ф., 1936.— Цз. 2.— С. 8а—8б (на кит. яз.).
¹¹⁴ WF.— P. 434.
¹¹⁵ Ibid.— P. 435.
¹¹⁶ Ibid.
¹¹⁷ Ляо ши.— Цз. 45.— С. 1а.
¹¹⁸ Там же.
¹¹⁹ Там же.
¹²⁰ Там же.— С. 16.
¹²¹ Там же.
¹²² Там же.
¹²³ Там же.
¹²⁴ Там же.— Цз. 45.— С. 26.
¹²⁵ Там же.— Цз. 48.— С. 1а.
¹²⁸ Там же.— Цз. 61.— С. 1а.
¹²⁷ Lattimore O. Studies in Frontier History // Collected Papers. 1928—1958.— P., 1962.— P. 239.
¹²⁸ Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yuan Dynasty // Baye-

rische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Sitzungsberichte.— 1978.— Н. 2.— S. 36.

- ¹²⁹ WF.— P. 58.
¹³⁰ Ляо ши.— Цз. 32.— С. 26.
¹³¹ Там же.— Цз. 59.— С. 1а.
¹³² WF.— P. 124.
¹³³ Ляо ши.— Цз. 60.— С. 2б; Цз. 24.— С. 4б.
¹³⁴ Подробнее см.: Кычанов Е. И. Собственность на людей в киданьском государстве Ляо (916—1124 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века.— М., 1986.— С. 185—192.
¹³⁵ Ляо ши.— Цз. 33.— С. 4б.
¹³⁶ Там же.— Цз. 73.— С. 4а.
¹³⁷ Подробнее см.: Козина Е. М. Социально-правовое положение зависимого населения в Китае при династии Тан (618—907 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века.— М., 1986.— С. 36—79.
¹³⁸ WF.— P. 512, 513.
¹³⁹ Ляо ши.— Цз. 24.— С. 2б.
¹⁴⁰ WF.— P. 194.
¹⁴¹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.— С. 172.
¹⁴² Ляо ши.— Цз. 116.— С. 3б.
¹⁴³ Там же.— Цз. 46.— С. 5б.
¹⁴⁴ Там же.— Цз. 59.— С. 1а; Цз. 2.— С. 5а.
¹⁴⁵ Там же.— Цз. 2.— С. 5а.
¹⁴⁶ Там же.
¹⁴⁷ Е Лунли. История государства киданей.— С. 311.
¹⁴⁸ Хуан Чжэньхуа. Цидань вонь «пань» као. (О слове «гора» в киданьском письме) // Шэхуй кэсюе чжэнь-сянь.— 1984.— № 2.— С. 332 (на кит. яз.).
¹⁴⁹ Ляо ши.— Цз. 2.— С. 1а.
¹⁵⁰ Там же.— Цз. 64.— С. 2б—3а.
¹⁵¹ Feng Ch'ia-sheng. The Ch'itan script // Journal of the American Oriental Society.— 1948.— Vol. 68.— N 1.— P. 15.
¹⁵² Е Лунли. История государства киданей.— С. 267.
¹⁵³ Ляо ши.— Цз. 77.— С. 3а.
¹⁵⁴ Е. Лунли. История государства киданей.— С. 242.
¹⁵⁵ Ляо ши.— Цз. 1.— С. 16.
¹⁵⁶ Ван Цэилинь. Ляо даф «пянь жэнь и» яньцзю. (Исследование «поселенный на тысячу человек» в эпоху Ляо) // Далу цзачжи.— Т. 36, вып. 5.— С. 148—149 (на кит. яз.).
¹⁵⁷ Мартынов А. С., Поршнева Е. Б. Учения и религии в Восточной Азии в период средневековья // Народы Азии и Африки.— 1986.— № 1.— С. 79.
¹⁵⁸ Ляо ши.— Цз. 72.— С. 1а.
¹⁵⁹ Е Лунли. История государства киданей.— С. 41.
¹⁶⁰ Там же.— С. 264, 44.
¹⁶¹ Ляо ши.— Цз. 74.— С. 1б—2а.
¹⁶² Е Лунли. История государства киданей.— С. 253.
¹⁶³ Ляо ши.— Цз. 4.— С. 3б—4а.
¹⁶⁴ Е Лунли. История государства киданей.— С. 178.
¹⁶⁵ Ляо ши.— Цз. 61.— С. 2а.
¹⁶⁶ Там же.— С. 1а—1б.
¹⁶⁷ Е Лунли. История государства киданей.— С. 299.
¹⁶⁸ Там же.— С. 69.
¹⁶⁹ Там же.— С. 42.
¹⁷⁰ Там же.— С. 283. Приведен полностью текст договора.
¹⁷¹ Илинчжэнь. Чжунго бэй фап миньцзю юй мэngu цзю юань. (Северные народности Китая и происхождение монголов).— Отд. отд.— С. 62—64 (на кит. яз.).
¹⁷² Цзинь Хуйхай. У Чансянь Пин «Ся Ся гао». (Об очерке «История Си Ся») // Шэхуй кэсюе яньцзю.— 1983.— № 1.— С. 106 (на кит. яз.).
¹⁷³ Тянь Сюйчжоу. Во го миньцзю ши яньцзю чжун-ды цзигэ ваньти. (Несколько вопросов к изучению истории народов нашей страны) // Чжунго шаоину миньцзю.— 1984.— № 5.— С. 29 (на кит. яз.).
¹⁷⁴ Ли Гуйхай. Жухэ капдай Чжунго лини-шан шао-ину миньцзю цзяньли-дэ дули чжэньцзюань ваньти. (Некоторые суждения по вопросу о независимых политических властях, создававшихся национальными меньшинствами на протяжении истории Китая) // Чжунго шаоину миньцзю.— 1981.— № 12.— С. 106 (на кит. яз.).

Г. Г. ПИКОВ

СЕМЕЙНО-БРАЧНОЕ ПРАВО У КИДАНЕЙ

Право — категория классового общества, оно возникает одновременно с государством и неразрывно с ним связано. К. Маркс отмечал, что «каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.»¹, что «правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»², что «если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»³. По словам Ф. Энгельса, «на известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычаях, становится затем *законом*»⁴. Развивается право на основе законов развития общества. Со сменой общественных отношений меняются и правовые. Юридические нормы поведения людей столь же историчны, как и другие общественные явления. Тип права служит показателем стадийного уровня развития древних государств, и записи раннего права имеют большое значение для реконструкции их истории⁵. Соответствующие сведения дают также конкретную информацию о видах раннеклассовых обществ и формах эксплуатации в них⁶.

Основным и наиболее полным источником по истории права киданей является «Ляо ши». Изложенный в данной статье материал, свидетельствует о том, что в отношении киданей есть основание говорить о фиксации в этом и ряде других письменных источников именно обычного права, т. е. совокупности норм, «которые не устанавливаются органами государственной власти, а вырабатываются в течение длительного времени в какой-либо общественной среде... и становятся юридическими, получив закрепление тем или иным способом со стороны органов государственной власти, обеспечивающей своей принудительной силой их соблюдение»⁷. Применяя термин «потестарное общество», предложенный Ю. В. Бромлеем⁸, можно утверждать, что у киданей, как и в других потестарных, т. е. складывающихся предгосударственных, образованиях, в III—IX вв. общественные отношения регулировались обычным правом. В период же империи (907—1125) под влиянием происходивших в стране социально-экономических перемен и в определенной степени соседних народов ясно обозначилась тенденция к формированию феодального права. Поскольку «переход от „настоящей античности“ к „настоящему“ средневековью — это процесс, который был не только весьма длительным, но и шел такими путями, что выразить их суть в однослож-

ной формуле, не прибегая к далеко заходящим оговоркам и уточнениям, оказывается невозможным»⁹, материал по киданьскому праву дает дополнительную информацию для решения комплекса проблем, связанных со своеобразием эпохи перехода от родового строя к феодальному в истории кочевников Центральной Азии. К. Маркс и Ф. Энгельс в ряде работ сформулировали основные черты обычного права этого периода: его переходный характер, стихийность и спонтанность возникновения, непосредственность, «натуральность» отношений людей при его осуществлении, традиционность передачи, тесную связь с обрядами („ритуальность“), недостаточную четкость, фиксированность¹⁰. То, что эти правила были, как писал К. Маркс, «скудными чисто юридическими и преимущественно чисто этическими»¹¹, очень хорошо видно на примере семейно-брачного права киданей.

Киданьская семья не оставалась неизменной на протяжении своего почти тысячелетнего существования. Она претерпевала изменения, определявшиеся в конечном счете преобразованиями в общественных отношениях. С выходом киданей на историческую арену постепенно изживала себя большая семья. Конечно, в условиях кочевого быта она разрушалась меньше, чем у оседлого населения. Большая семья имела большое стадо и могла сохранить за собой лучшие пастбища. Во время перекочевки мужчины такой семьи успешно охраняли скот от баранты. Сбыт продуктов животноводства в большой семье можно было организовать лучше, чем в малочисленной. Тем не менее к началу X в., т. е. ко времени создания империи Ляо, развитие семьи у киданей продвинулось далеко вперед и малая семья стала основным институтом. Этот процесс усилился с укреплением частной собственности на основные средства производства. Частная собственность оказывала влияние на развитие правовых норм. Семья стремилась сохранить свое право собственности путем передачи имущества по наследству, и моногамная семья стала тем институтом, в котором закреплялось наследственное право. По словам Ф. Энгельса, эта семья «основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом»¹². Об изживании большой семьи свидетельствует появление в социальной структуре киданьского общества еще в додинастический период термина «семья» («цзя»), который используется для обозначения группы лиц, живущих совместно. Обычно киданьская семья состояла, вероятно, из представителей трех поколений: родителей, их жепатых сыновей и неженатых внуков. Взрослые братья создавали отдельные хозяйства только после смерти родителей¹³. Правительство поощряло

образование таких семей¹⁴. Но известны и семьи, в которых жили совместно четыре, шесть¹⁵ и восемь¹⁶ поколений. О возможности существования таких больших семей говорит и сообщение «Ляо ши» о награждении в 994 г. старика, дожившего до 133 лет¹⁷.

Отдельные семьи имели свои юрты и скот, по в то же время они входили в цзу — патриархально-родовое объединение, большинство семей которого было связано узами кровного родства и общностью происхождения¹⁸. Сохранение цзу обусловлено спецификой кочевого скотоводческого хозяйства и постоянной необходимостью кочевников-скотоводов защищать свой скот, свое имущество и семью. Таким образом, потребность в ведении совместной жизни, которая, вероятно, проявлялась прежде всего в коллективной собственности племени на пастбища, идеологически осмысливалась и обосновывалась всевозможными генеалогическими преданиями об общности происхождения, а в правовом отношении закреплялась обычным правом, в том числе обычаем кровной мести. Кроме того, во время военной опасности родственные группы объединялись в единую боевую единицу¹⁹.

О том, что большая семья уже практически изжила себя, свидетельствуют упоминания о кибитках. При династии Северная Вэй 10 тыс. киданьских семей временно поселились на территории Кореи²⁰. О том, что эти «семьи» были действительно индивидуальными, можно судить по сообщению «Ляо ши» (цз. 32, с. 6а; цз. 63, с. 3а) о подчинении Вэйской династии одного из киданьских вождей, который привел с собой 3 тыс. «кибиток» (10 тыс. чел.)²¹. Подтверждением служат и ставшие хрестоматийными свидетельства ряда китайских авторов об изменении отношения детей к своим родителям. Вэй Чжун «История династии Суй» (цз. 84): «Считают, что тот, кто горько плачет по умершему отцу или матери, слаб»²². Лю Сюй «Старая история династии Тан» (цз. 199): «В случае смерти отца или матери сыновья и внуки не плачут»²³. Оуян Сю «Новая история династии Тан» (цз. 219): «Нет также сроков для траура»²⁴. Он же «Записи по истории пяти династий» (цз. 72): «Если у них умирает отец или мать, они не плачут, считая это мужеством»²⁵. Е. Лули «История государства киданей»: «Считают, что горький плач по умершему отцу или матери приносит несчастье»²⁶.

В период существования государства Ляо слово «семья» употребляется в различных документах неоднократно²⁷. В это время появляются уже два термина для обозначения этого объединения — «ши» и «цзя». Если первый использовался в основном при обозначении социального положения человека, при проведении различных фискальных мероприятий, то второй обозначал семью, состоящую из мужа и жены, семейство. Взрослые сыновья уже свободнее выделяются из семьи и живут своим домом. По сообщению Е Лули, «при женитьбе и выходе замуж местожительство не является препятствием»²⁸. Правительство приняло в 983 г. закон, препятствующий раздельному проживанию родителей и детей²⁹.

В этом отношении кидани не отличались от остальных восточно-азиатских кочевников. Так,

в первом цзюане «Цзишъ ши» приблизительно об этом же времени говорится: «По обычаю немирных чжурчженей, сыновья, когда вырастали, сразу же селились отдельно»³⁰.

О выделении у киданей малой семьи косвенно свидетельствует и порядок наследования имперского престола от отца к сыну. Такой порядок характерен именно для малой семьи, а не большой, где преобладает наследование от брата к брату.

Сведения о погребениях киданей позволяют говорить о семейном характере захоронений³¹. Как показывают материалы, у азиатских кочевников, имевших замкнутый и устойчивый цикл кочевания, «существует обычай, что все родство их погребается вместе»³². В киданьских городах жилища отдельных семей выделяются вполне отчетливо³³. Правда, по размеру жилища не всегда можно судить о размере и типе семьи, поскольку он всегда зависел от уровня социально-экономического развития, формы хозяйства, техники строительства, соображений обороны и т. д.³⁴ Известно, что у монгольских племен каждая из жеп имела одну или несколько кибиток в зависимости от социального и имущественного положения мужа³⁵, «некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей... Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки»³⁶. У киданей многие рядовые общинники имели всего по несколько овец и быков, одну-две лошади³⁷. Они могли владеть лишь одной небольшой кибиткой.

Данные по другим кочевникам подтверждают, что в Центральной Азии в I — начале II тыс. преобладали численно небольшие семьи. По «Хоуханьшу» (цз. 118), у азиатских кочевников «палатка или юрта есть то же, что семейство в Китае»³⁸. У тагутских племен «семья называлась кибиткой»³⁹. Как показывают подсчеты данных из письменных источников, семья кочевников состояла из 3—11 чел.⁴⁰ В среднем 5 чел. включала семья у киданей⁴¹.

О существовании у киданей семьи, которая «возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках — притом в руках мужчины — и потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не какому-либо другому»⁴², свидетельствуют практика наказания смертью распутной жены⁴³, свобода поведения киданьских девушек⁴⁴ и обычай одаривания родителей невесты⁴⁵.

По киданьскому праву обязанность семьи перед государством состояла в правильной и своевременной уплате налогов и выполнении трудовых повинностей⁴⁶, а также в представлении подушных списков. Семья в Ляо стала самой базисной административной и податной единицей⁴⁷. На кровных родственниках, имевших общую собственность и живущих одной семьей, распространялся принцип несения общесемейной ответственности. При совершении кем-либо из них государственного преступления (из числа «Десяти Зол») другие члены семьи тоже наказывались⁴⁸. В семьях подсчитывалось количество людей, подаренных или пожалованных тому или иному сановнику императором⁴⁹.

Родство у киданей считалось по отцовской линии. Брак был патрилокальным, невеста уходила в дом жениха. Наследование шло по отцовской линии⁵⁰. На протяжении существования империи Ляо патриархальный характер киданьской семьи усиливался. Власть главы семьи была необычайно велика, практически деспотична. Он выступал в качестве главного лица во всех случаях, касавшихся интересов семьи в целом⁵¹. В его распоряжении находилось все хозяйство, и стремление детей выделиться и вести самостоятельное хозяйство наталкивалось подчас на сильное противодействие с его стороны⁵². Глава семьи часто сам заключал с другим родом соглашение о женах для своих сыновей. Так, предок Абаоци каган Су Цзу явно использовал брачные связи для укрепления своего рода. Об этом свидетельствуют его слова, откровенно сказанные родителям будущей жены сына: «Те, кто носит одно и то же родовое имя, могут стать друзьями. Те, кто носит различные родовые имена, могут заключать брак» («Ляо ши», цз. 71, с. 16)⁵³. И-ле-си (Чжунцзинь) родила его сыну Са-ла-де (храмовое имя И-цзу) семь детей. Отсюда тянется линия к первому императору⁵⁴.

Закон охранял верховное положение главы семьи, давая ему право непосредственно наказывать своих домочадцев⁵⁵. В частности, он мог казнить и даже умертвить жену за какой-либо проступок. В 71 главе «Ляо ши» сообщается, как по ложному допосу интригана Елюй Исиня была обвинена в пезаконной связи с музыкантом Чжао Вэйн императрица Сюань-и. Император Даоцзун поверил допосу. За прелюбодеяние императрице было приказано покончить жизнь самоубийством⁵⁶. Сюань-и при расследовании была подвергнута пыткам. Труп ее был возвращен родственникам⁵⁷.

Капризный муж мог подвергнуть жену любым оскорблениям. Император Шэпцзун, при котором «награды и наказания всегда определялись справедливо, без всякого пристрастия», «предавался вину и веселью, не пропуская ни одного дня», и «на этих попойках... приказывал императрице и палачницам играть на четырехструнных гитарах и подносить вино»⁵⁸. Император Синцзун «однажды ночью, когда... пировал вместе с Лю Сыдуанем и его братьями... приказал жене сменить одежду и изображать даосскую монахиню. Отец императрицы Сяо Мочжи сказал: „Боюсь, что в присутствии киданьских и китайских сановников императрице не подобает принимать участие в театральном представлении“. Император ударил Сяо Мочжи, разбил ему лицо и сказал: „Мне так правится! Да и кто такая твоя дочь?“⁵⁹ Старший сын Абаоци по имени Туоюй, прославившийся своей любовью к книгам и устроивший на горе Иулюй библиотеку под названием «Библиотека Любоваия Морем», в то же время «любил пить человеческую кровь, а поэтому колол служанкам плечи и сосал кровь, из ран. За небольшие провинности он вырывал служанкам и слугам глаза, отрезал куски мяса или жег огнем. Жена Ся не могла вынести жестокости Ли Цзапхуа (имя, данное Туоюю императором Минцзунем.— П. Г.) и подала императору доклад с просьбой разрешить ей развестись и стать монахиней»⁶⁰.

Письменные источники свидетельствуют об усилении патриархального характера киданьской

семьи: женщина все больше подчиняется власти мужа. Есть основание подчеркнуть негативное в этом плане влияние Китая. В 921 г. сын китайского генерал-губернатора Иу по имени Ван Юй сировоцировал набег киданей на Китай, соблазнив Абаоци тем, что «в Чжэньчжоу красивых женщин много, как облаков на небе», и, хотя императрица Шулюй возражала, приводя традиционный аргумент о том, что «у нас есть богатства в виде овец и лошадей в Силоу и радости от этого богатства неистощимы», «Тайцзу не послушался [императрицы] и выступил в дальний поход на юг»⁶¹. Очень скоро император повсюду стал возить с собой собственный гарем, который со временем становился все более многочисленным⁶². Следующие императоры чрезмерно, по мнению Е Лулли, увлекались женской красотой и вызвали этим его сильнейшее негодование. «Рассуждая об описанных событиях, скажу: законных жен нельзя ставить в один ряд [с наложницами]; если законные жены ставятся [с ними] в один ряд, династия гибнет. Наложниц нельзя считать равными [законным женам]; если считать наложниц равными [им], возникает опасность для престола»⁶³.

В самом киданьском обществе, по крайней мере у верхушки знати, усиливается пренебрежительное отношение к женщине. Над императором Муцзунем, который «отличался слабым здоровьем и избегал встречаться с женщинами» и, «хотя во дворце было множество наложниц, он не обращал на них никакого внимания», придворные смеются чуть ли не открыто⁶⁴. Его преемник Цзинцзун с детства «из года в год тяжело хворал» и практически «не занимался делами управления», однако, в отличие от Муцзуна, «имел склонность к вину и женщинам, и эти страсти ничуть не ослабли в нем даже к концу жизни»⁶⁵.

Особая роль в семье принадлежала старшим родственникам. Жена первого киданьского императора Шулюй, чтобы возвести своего любимого сына Дэгуана на престол вместо старшего сына Туоюя, выпущдена была принудить вождей племен сделать соответствующий выбор⁶⁶. Попытка самого Абаоци сделать Дэгуана наследником престола, вероятно, натолкнулась на противодействие верхушки киданьской знати⁶⁷. Шулюй сделала из этого соответствующий выбор и сразу после смерти Абаоци «убила несколько сот воспачальников»⁶⁸. Произведенный ею государственный переворот вызвал восхищение автора «Цидань го чжи» Е Лулли, отметившего, что императрица с умом воспользовалась властью⁶⁹.

Об особом положении старших братьев в киданьской семье свидетельствует не только факт существования очередности наследования. В киданьском обществе сознательно культивировалось почитание старших братьев младшими. В маньчжурском переводе «Истории династии Ляо» сообщается, что «в пятый год Цзун-си [1036 г.], в седьмой месяц человек по имени Елюй Баба на своего младшего брата Ханьго сделал ложный извет: „[Он] сказал [про меня]: убью его“, — поэтому чиновники, произведя следствие и установив обман, сообщили [об этом] хану. Когда осудили Елюй Баба на смерть, [его] младший брат Ханьго, плача, сказал: „У меня только один старший брат, пусть я умру вместо него!“ — и просил [об этом], после чего хан

милостиво оказал [ему] внимание при свидании и отменил смертную казнь [его брата]»⁷⁰.

Потомки двух дядей первого киданьского императора Абаоцзи, входившего в объединение «Сань фу фан» (Три ответвления отцовской семьи), вместе с дядьями по материнской линии в 1029 г. были официально признаны принадлежавшими к знатым родам и занимали почти все основные должности в государстве⁷¹.

Самой серьезной провинностью с точки зрения киданьского семейного права считалось несоблюдение сыновней почтительности. Е Лунли сообщает, что император Тайцзун «отличался большой сыновней почтительностью. Когда мать болела и не ела, он также не ел. Если ответ императора, прислуживавшего матери, приходился ей не по душе, и она бросала пахмуренный взгляд, император сразу пугался и спешил скрыться, не смея возвращаться обратно до тех пор, пока его спова не позовут»⁷². Император Синцзун «совершал поклошение» даже перед родителями людей, с которыми вместе пьянствовал⁷³. Император Шэнцзун, для которого сыновняя почтительность являлась «врождебным качеством»⁷⁴, отказался изменить наименование эры правления сразу после смерти матери, заявив: «„Изменение наименования эры правления — радостная церемония, а если в период траура я проведу радостную церемонию, то не буду почтительным сыном“». Чиновники возразили: „Древние правители принимали день за месяц, поэтому надлежит следовать древним правилам“». Император ответил: „Я — правитель киданей и предпочту нарушить древние правила, чтобы не стать непочтительным сыном“»⁷⁵. Несоблюдение сыновней почтительности относилось к разряду «Десяти Зол». По указу 994 г. совершившие какое-либо преступление из этого разряда осуждались в соответствии с китайским правом⁷⁶. Под бусюо (сыновняя непочтительность) в Танском кодексе понимались такие действия, как предъявление иска, нанесение оскорбления, отделение и раздел собственности, нежелание материально поддерживать старейших членов семьи, прекращение до срока траура, сокрытие смерти родителей, ложное объявление о смерти отца или деда, донесение властям о преступлении, совершенном родителями или другими старшими родственниками⁷⁷.

Пять из «Десяти Зол» трактовались киданями, как и в Китае, как преступления против старших в семье. Это помимо седьмого зла (бусюо) также четвертое (э пи — злостное предательство), восьмое (буму — несогласие в семье), девятое (буи — нарушение верности), десятое (изэй луань — кровосмешение). Старшими у кочевников Азии считались вообще те люди, которые достигли 45 лет, т. е. возраста, «когда можно иметь пятерых детей». Они пользовались всеобщим уважением, и любые действия против них строго осуждались⁷⁸. У киданей любое покушение на жизнь старшего подлежало суровому наказанию. Если по танскому праву за преступление против родителей предусматривалось обезглавливание, то киданеи разрывали преступника на части пятью повозками⁷⁹.

Сведения «Ляо ши» определенно говорят, что киданьский закон предоставлял полное право главе семьи распоряжаться судьбами младших ее членов⁸⁰. Действительно, глава семьи мог младше-

го члена семьи даже отправить в рабство⁸¹. Допос на него карался законом, а недоносительство не преследовалось. Если старший не хотел сам наказывать младшего члена семьи за непослушание или непочтительность, то мог обратиться с просьбой о содействии к властям⁸².

В отдельных случаях глава семьи мог привлекаться к особой ответственности. Так, в случаях участия семьи в грабеже или мятеже он рассматривался как главарь, а остальные члены семьи — как соучастники⁸³.

Принцип иерархичности, присущий киданьскому праву в целом, проявился в семейном праве в том, что при рассмотрении преступлений общественно-го характера в первую очередь принималось во внимание социальное положение (статус) подсудимого, а при разборе внутрисемейных дел — его положение в семье, определяемое возрастом и полом. Здесь, безусловно, сказалось влияние китайского (танского) права, о котором японский историк Миядзакэ Итисида писал: «Главное, что „ли“ (правила поведения соответственно статусу, возрасту и полу. — П. Г.) требовали от законов [люй], — это то, чтобы и в семье и в обществе были выделены социальные группы и были бы скрупулезно определены права старших в отношении младших и обязанности младших в отношении старших»⁸⁴.

Из обзора норм киданьского семейного права видно, что оно преследовало одну цель — юридически закрепить семью в качестве единой экономической ячейки, всячески охраняло ее целостность и неделимость. Этому способствовали принципы семейного права. Во-первых, принцип общесемейной собственности: любое ее разделение осуждалось законом, по закону палогом облагалась вся семья⁸⁵. Во-вторых, принцип общесемейной уголовной ответственности (юань цзо): за преступления наказывалась вся семья. Еще до образования империи, как сообщает «Ляо ши», каган из рода Яолян по имени Хэньдэцзинь «из-за того, что три рода (Бугуцзи и два других) убили юйюэ Шилу, захватил их семьи и ввел их в состав вали». Жена Абаоцзи «простила их», но сделала «знатыми слугами лагеря»⁸⁶. Семьи преступников, совершивших убийство или грабеж, попадали в рабство⁸⁷. Пять сыновей утопившегося после неудачного мятежа против императора Даоцзуна младшего брата его предшественника Цзун-юаня были казнены одновременно⁸⁸.

Крайне интересны разбросанные в письменных источниках сведения о нормах киданьского брачного права.

В научной литературе, посвященной вопросам семьи и брака, придается различное значение понятию «форма брака». Сюда относят групповой брак, парный брак, моногамию, полигамию, полиандрию. Формами брака называются определенный характер брачных отношений. Для периода образования ранних форм семьи под понятием «форма брака», вероятно, предпочтительнее подразумевать условия, в силу которых заключается брак, т. е. прежде всего установившиеся на основе обычая традиции, в соответствии с которыми мужчина имеет брачные права на женщину⁸⁹.

Содержащиеся в источниках материалы позволяют говорить, что у киданей существовали различные способы «приобретения» жен. Наиболее древ-

ний, вероятно, был связан с войной. Женщины побежденных становились женами и наложницами. Этот способ «приобретения» сохранялся и в период государственности. Одной из целей похода Абаоцзи в 921 г. на Китай был захват «красивых женщин», которых там было «много, как облаков на небе»⁹⁰. В 946 г., охваченный паникой перед наступавшими киданьскими войсками Дэгвана, китайский император «Чу-ди устроил во дворце пожар и с мечом в руке побуждал обитателей женского дворца, в количестве более десяти человек, броситься с ним в огонь»⁹¹. Командующий киданьским отрядом, захватившим столицу Сунской империи, Чжан Яньцзэ «послал людей», которые выкрали женщину, отличавшуюся красотой⁹². Многие китайские женщины, в частности наложницы императора, сами выходили навстречу киданям⁹³. При взятии городов кидани убивали мужчин, а женщин угоняли на север⁹⁴. Китайского императора Чу-ди в его выпущенном путешествии в киданьские земли в 947 г. «сопровождали пятьдесят дворцовых наложниц»⁹⁵. В 949 г. «сын Тайцзун, посивший титул Шулюй-вана, послал всадников, которые забрали у Цзинь-хоу (титул, данный Чу-ди киданями.— П. Г.) его любимых наложниц Чжао и Не»⁹⁶. Захват женщин во время военных стычек практиковался у племен, населявших территорию Монголии, еще в XVIII в.⁹⁷

Вторым, не менее древним и в додинастический период, вероятно, широко распространенным способом приобретения жеп был обмен между двумя семьями. Этот обычай существует у многих народов и преимущественно именно в догосударственный период. О заключении между монгольскими родами договоров об обмене девушками-невестами сообщает Рашидадин⁹⁸. Мужчины из таких родов называли друг друга сватами. В этом плане очень примечателен диалог, приводимый в «Сокровенном сказании»: «„Куда держишь путь, сват Есугай?“ — спрашивает его Дэй-Сечен. „Я еду, — говорит Есугай-Баатур, — сватать невесту вот этому своему сыну у его дядей по матери, у олхонутского племени“»⁹⁹. Элементы обменного брака прослеживаются и в Древней Руси¹⁰⁰. Такой брак широко был распространен у различных групп эвнгов¹⁰¹. Брачные межродовые отношения у гиялков подробно описаны Л. Я. Штернбергом¹⁰². Он считал, что эта форма брака, предусматривающая как индивидуальный, так и групповой брак, очевидно, тесно связана с переходом от группового брака к индивидуальному. Существовал обменный брак у хазар, казахов, киргизов, туркмен¹⁰³. У бурят эта форма полностью исчезает только в начале XX в.¹⁰⁴ М. Н. Хашгалов отмечал: «...у всех иповерцев делаются их браки по древнему уже обыкновению — взятием себе жены за калым или жен на промен отданной за нее дочери»¹⁰⁵.

Заключение Л. Я. Штернберга о переходном характере обменного брака подтверждается сведениями из истории киданей и чжурчженей. В «Цзинь ши» сообщается, что «цзиньские государи не женятся на худородных» (цз. 63) и что «все из семейства вождей из родов тутань, танко, пуча, палань, пусань, хэшиле, улинда, угулунь из поколения в поколение заключали брак между собой. Те [семьи], из которых выбирали императрицу, гордились своей знатностью» (цз. 64)¹⁰⁶. «Цзиньские

тутань, налань, танко, пуча, пэймань, хэшиле, пусань — все благородные кланы. Сын неба выбирает императрицу непременно среди них. И процесс выбирают тоже обязательно среди них»¹⁰⁷. «...Причины, по которым в государстве заключаются браки между одними и теми же родами, восходят к тому, чтобы нравы и обычаи были простыми и устойчивыми, родственные чувства не изменялись, ранг и сословие различались...»¹⁰⁸.

В источниках по истории киданей также сообщается о существовании родов, заключавших браки только между собой. Речь идет прежде всего о двух самых могущественных родах киданей — Елюй и Сяо. Существовали они задолго до создания государства и назывались тогда, вероятно, иначе. Каждый род носил имя «занимаемой им земли»¹⁰⁹. Первый киданьский правитель «принял фамилию Шили от названия места, где он жил. Шили — место в двухстах ли к востоку от Верхней столицы (ныне существует река Шили моли, и при переводе этого названия на китайский язык появилась фамилия Елюй.— Е. Лунли)»¹¹⁰. По сообщению Оуян Сю, киданьский император Дэгван после возвращения из Китая пожаловал старшему брату своей жены Або фамилию Сяо¹¹¹. Вскоре эту фамилию стал носить весь род императрицы¹¹².

Браки между этими двумя родами происходили уже в VIII в., во времена вожды Ноулисы (Су Цзу)¹¹³. После образования государства было установлено правило, согласно которому «род правителей может заключать браки только с родом императрицы, независимо от того, высокое или низкое положение занимают представители этих родов. Семьи двух племен, к которым относятся род правителей и род императриц, не могут вступать в браки с другими племенами без разрешения правителя киданей. Это не распространяется на браки между остальными племенами (равно как на китайцев и других.— Е. Лунли). В связи с этим у северных варваров существует только две фамилии — Елюй и Сяо»¹¹⁴. Таким образом, эти два рода, заменившие прежний правящий род Яолань, оказались на вершине киданьской социальной пирамиды. Члены этих родов занимали основные гражданские и военные посты, владели большей частью богатства империи. О степени их могущества и богатства красноречиво свидетельствуют щедрые дары, сделанные ими буддийским храмам¹¹⁵.

Одной из причин установления такой системы заключения брака было стремление верхушки родов исключить возможность притязания на императорский престол со стороны представителей других родов. Род Сяо был уйгурского происхождения¹¹⁶ и делился на несколько родовых подразделений¹¹⁷. По указу 1019 г. членам четырех основных подразделений рода Елюй запрещалось связывать себя брачными узами с членами «малых родов» Сяо¹¹⁸. В 1029 г. два подразделения рода Сяо и два подразделения рода Елюй были официально провозглашены знатными родами империи¹¹⁹.

Укреплению могущества двух родов способствовала и система кошкубината, к которой довольно быстро, видимо уже к периоду правления Абаоцзи, перешли кидани¹²⁰. Эту систему, вероятно,

очень ревностно поддерживал род Сяо. Об этом свидетельствует конфликт членов этого рода с императором Шицзуном. Шицзун (Уюй) был сыном Туоя, старшего сына Абаоцзи, и в 947 г. присоединился к армии Дагуана, выступившей в поход на юг, «чтобы найти кости отца»¹²¹. Вероятно, во время взятия в первом месяце 947 г. города Далян (совр. Кайфын)¹²² он «добыл» женщину по имени Чжэнь, которая «при Луване, правителе Поздней династии Тан... была простой служанкой во дворце»¹²³. Ей шел в это время 41-й год, «по Шицзун полюбил ее». Чжэнь родила ему шестерых сыновей, старший из которых, по словам Е Лули, стал впоследствии императором под именем Цзинцзуна¹²⁴. В соответствии со сложившейся системой в том же 947 г. (между вторым и четвертым месяцами) он женился на двоюродной сестре своего отца, принадлежавшей к роду Сяо («Ляо ши», цз. 71). Однако после вступления на престол Шицзун «возвел жену (Чжэнь.— П. Г.) в достоинство императрицы»¹²⁵. В. С. Таскин считает это сообщение автора «Цидань го чжи» ошибочным, так как в «Ляо ши» Чжэнь названа не императрицей, а «второй женой императора [фэй] и из всех киданьских императриц только она одна не имеет посмертного титула»¹²⁶. Некоторым исследователям невероятным кажется и сообщение о том, что Чжэнь в 40-летнем возрасте смогла родить шестерых детей¹²⁷. Однако в данном случае «неточность» информации может быть следствием того, что Е Лули не располагал ею в полной мере, и предположение К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна о том, что «противоречивые сообщения о двух „императрицах“ Шицзуна могут хорошо отражать конфликт между древней племенной традицией полигамии и китайской системой конкубината»¹²⁸, кажется вполне вероятным.

Род Сяо был палуган возможностью потерять столь важную привилегию, которую давала система брака двух родов, и довольно энергично поддерживал мятежи (948, 949 гг.) против императора¹²⁹. В 950 г. Шицзун попытался нормализовать свои отношения с родом Сяо, возведя свою жену из рода Сяо в ранг императрицы. Но род Сяо не пошел на такой компромисс, тем более, что Чжэнь, «заявляя главное место в перечнях покоях... умело управляла ими», и хотя «не отличавшийся способностями и очень ленивый» Шицзун не пользовался авторитетом у киданей, считавших его «спящим правителем», «из-за решительности и ума императрицы никто во дворце не смел использовать создавшееся положение в корыстных целях»¹³⁰. Во время мятежа Чагэ в 951 г. император Шицзун был убит, «а вместе с ним погибла и императрица»¹³¹. Во время этого мятежа погибла и императрица из рода Сяо. Обе женщины Шицзуна были впоследствии похоронены Цзинцзуном на горе Иулюй¹³², и сообщение «Ляо ши» (цз. 71) о торжественной траурной церемонии, посвященной памяти «двух императриц», должно обязательно учитываться при решении вопроса о статусе Чжэнь и Сяо Хуай-цзе.

Третья традиция, сложившаяся у киданей, вероятно, еще в период выделения из племенного комплекса дунху, сводилась к заключению брака путем обмена подарками. По словам Л. Я. Штернберга, «самые различные обстоятельства привели

к нарушению ортодоксальных браков... Одна из причин — вымирание родов, из которых брали жён, что заставляло вступать в браки с женщинами чужих родов. Другая причина, быть может самая главная, экономическая, вызванная столкновениями с культурными народами Дальнего Востока, вызвавшими промыслы для торгового обмена... Но раз брак стал практиковаться между представителями чужих родов, исчезла прежняя простота заключения брака. На сцену явился новый институт калыма, который внес в институт брака элемент купли-продажи; кроме того, брак между лицами чуждых родов требовал предварительных переговоров, процедуры сватания»¹³³.

Необходимо отметить любопытный факт влияния в этом плане на киданей со стороны соседних народов. По сообщению Е Лули, вэньжэчжэни (одно из боковых ответвлений чжурчжэней — ужэ) в противовес киданям считали, что «самостоятельное сватовство лучше браков, заключаемых с предоставлением подарков»¹³⁴. Вероятно, некоторое время обычай заключения брака путем обмена подарками сочетался с заключением брака путем отработки. Так, у родственных киданям¹³⁵ шивэй зять «посылает в качестве сговорных даров крупный рогатый скот, лошадей и возвращается [с девушкой] в ее семью»¹³⁶; в доме женщины он «работает... три года, что позволяет ему лично встречаться с [будущей] женой. По окончании срока отработки семья невесты выделяет ему имущество, муж и жена — оба садятся на повозку, на которую грузится и их имущество, и возвращаются [в дом мужа] под барабанный бой, с плясками»¹³⁷.

Брак путем обмена подарками был довольно широко распространен не только у киданей, но и у ряда других восточно-азиатских кочевых народов. По мнению И. Ю. Семенова, обмен подарками по случаю свадьбы является социальной гранью, отделяющей групповой брак от индивидуального¹³⁸. У монголов молодая жена при первом представлении свекрови подносила ей подарок (шидкуль) как бы от своей матери¹³⁹. У различных групп чжурчжэней приход жениха с подарками назывался «днем принесения подарков». Жених вместе с сородичами «с караваном повозок, наполненных разными угощениями, и с табуном лошадей приезжал к невесте. Во время проведения обряда угощения свита жениха ухаживала за родичами невесты, обнося их кушаньями. После обряда угощения жених подводил к жилищу невесты лошадей. Отец невесты выбирал лучших и отдаривал за каждую лошадь по полному комплекту одежды. Жених сам принимал эти подарки. После совершения обряда обмена подарками жених оставался в доме невесты на три года. Затем вместе с женой и хозяйством откочевывал в свои места»¹⁴⁰.

Для киданей был также характерен способ приобретения жён путем похищения. По словам Ф. Энгельса, «при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах, а, напротив, их скорее было более чем достаточно, теперь женщины стали редки, и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин»¹⁴¹. Умыкально невест посвящена обширная этнографическая литература, «и с самого начала

в науке, в художественной литературе, среди всех, кого занимало прошлое человечества, господствовало убеждение, что древнейшей из... форм (заключения брака.— П. Г.) было похищение невест, только позднее уступившее место открытой договорной форме¹⁴². Еще в конце прошлого века выделяли три формы умыкания: враждебное, мирное (или супружеское) и формальный захват, т. е. насильственное похищение девушки с ее согласия и без ведома или с ведома ее родственников и имитация похищения во время свадебного обряда¹⁴³. По мнению А. Н. Максимова, мирное похищение «удобнее всего сблизить с последней, третьей формой похищения невесты и видеть в нем лишь одну из разновидностей символического захвата»¹⁴⁴. Л. Я. Штернберг различал лишь действительное и мнимое умыкание¹⁴⁵. По мнению ряда современных специалистов, настоящее умыкание никогда не было широко распространенным способом заключения брака¹⁴⁶. «Реальное, а не символическое, или фиктивное, похищение невест всегда занимало сравнительно скромное место в развитии форм заключения брака»¹⁴⁷. Тенденция же к «выделению не трех, а двух типов умыкания связана с тем, что внимание исследователей долгое время было привлечено не столько к классификации, сколько к генезису этой совокупности обычаев»¹⁴⁸.

В случае с киданями интересна как раз не классификация, а генезис, и материалы источников позволяют прийти к довольно любопытным выводам. У этих племен даже в династийный период существовали практически все три формы умыкания, т. е. насильственное умыкание, увод и уход.

К насильственному умыканию кидани прибегали очень редко, вероятно, прежде всего потому, что в возникавший на этой почве конфликт втягивался широкий круг родственников с обеих сторон и возникала вражда, приводившая иногда к тяжелым последствиям. Закон очень сурово карал за это. Например, когда член рода Сяо против воли родителей похитил дочь одного из знатных людей, только заступничество императрицы спасло его от казни. Он был бит и понижен в ранге¹⁴⁹. Однако, если речь шла о похищении девушки не из киданьской семьи, закон не преследовал за это. В 948 г. «Чаньнули, старший брат жены императора, услышав, что у Цзинь-хоу (бывший китайский император Чу-ди.— П. Г.) есть незамужняя дочь, стал добиваться ее в жены. Цзинь-хоу отказал ему, ссылаясь, что дочь слишком мала. Через несколько дней император послал всадников, которые забрали девочку, и подарил ее Чаньпули»¹⁵⁰. В 946 г. была выкрадена красавица, «происходившая из рода Дин и носившая титул Чу-го фу-жэнь»¹⁵¹.

Другая форма похищения — брак уводом — практиковалась чаще. К уводу прибегали приглашавшие друг другу молодые люди, когда родители девушки не давали согласия на брак из-за корыстных расчетов, сословных и иных соображений. По сообщению «Сунмо цзювэнь» и «Цидань го чжи», 13—15-го числа первого месяца года «киданя разрешается три дня запиматься воровством, однако, если стоимость краденого превышает десять связок монет, виновного согласно закону отправляют в ссылку. На севере это время назы-

вается «хули по». Китайцы при переводе на китайский язык говорят, что «хули» означает «воровство», а «по» — «время»¹⁵². По «Сунмо цзювэнь», именно в эти дни разрешалось красть не только драгоценности, повозки или лошадей, но и незамужних женщин¹⁵³. Через несколько дней пострадавшие могли получить свои вещи обратно, но обязательно уплатив за них выкуп овцами, вином, чаем. О женщинах родителям сообщалось не ранее чем через месяц, и официально проводилась свадебная церемония с преподнесением женихом традиционных подарков¹⁵⁴. При этом учитывалось, как сообщает Хуп Хао («Сунмо цзювэнь»), желание похищенных женщин¹⁵⁵. Однако такое похищение не всегда заканчивалось браком: вероятно, кидани не считали похищенную девушку обесчещенной и потому ее родители были более свободны в выборе. Единственное, что влияло на их решение в этом случае, — это обязанность выкупить похищенное, будь то девушка или вещи. Интересно, что такой же обычай продолжал существовать и в Золотой империи чжурчженей. Вэнь Вэйцзянь в своем сочинении «Лу тин ши ши» («Достоверные факты о дворе варваров») сообщает: «У варваров в ночь на 15-й день 1-й луны есть обычай, который именуется свободной кражей». В эту ночь им разрешалось красть все, что угодно. Если пострадавший в течение двух-трех дней отыскивал краденое, то мог выкупить его за вино, деньги, продукты и т. д. Часто «случается, что незамужних девушек, когда их семья отсутствует дома или живет в отдаленном месте, крадут молодые люди. Выждав месяц и более, они уведомляют родителей девушки, и только тогда становятся помолвленными, предложив свадебные подарки»¹⁵⁶.

Наиболее часто у киданей совершался брак уходом. Его мотивы, как правило, были чисто экономическими. Семья жениха стремилась избежать брачного выкупа или хотя бы свадебных расходов, которые требовались на сватовство, предварительные подарки, угощения и т. п. Семья же невесты также в этом случае не несла свадебных расходов на встречные подарки и угощения. Поэтому в основном к браку уходом прибегала племенная беднота, не имевшая достаточных средств для проведения традиционного свадебного обряда. Однако довольно часто таким образом поступали и состоятельные кидани.

Брак уходом известен у киданей еще с тех пор, когда они находились в составе комплекса дунху вместе с племенами ухуань, сяньби, шивэй, кумоси. По сообщению Фань Е («История династии Поздняя Хань»), у ухуань «при заключении брака [мужчина] сначала похищает девушку и вступает с ней в связь, а затем через полгода или 100 дней посылает в качестве свадебных подарков крупный рогатый скот, лошадей и овец. Затем зять вместе с женой возвращается в ее дом, где каждый день совершает поклоны перед живущими в семье женой, вне зависимости от того, высокое или низкое положение они занимают, не кланяется только ее отцу и матери»¹⁵⁷. У шивэй «при бракосочетании две семьи договариваются между собой, после чего [будущий] зять выкрадывает девушку, увозит ее, а затем посылает в качестве створных даров крупный рогатый скот, лошадей

и возвращается [с девушкой] в ее семью, а когда она забеременеет, возвращается с ней обратно в свое жилище»¹⁵⁸. По свидетельству Е Лунли, «золотая киданьская молодежь и дети богачей, любящие погулять, подвыпив, в лунную ночь, берут с собой сосуды с вином и едут к воньжэжэням пить и развлекаться. Женщины, узнав об их прибытии, собираются в большом числе посмотреть на веселье. Им велят садиться и дают вино, которое они пьют. Некоторые танцуют и поют для поощрения выпивки. Неожиданно встретившись, они проникаются взаимной симпатией, заигрывают друг с другом, а затем приехавшие увозят женщин. Хотя родителей женщин все известно, они не обращают на это внимания и не задерживают дочерей. Через несколько лет, когда родится ребенок, готовится несколько телег с чаем, пищей и вином и женщина возвращается навестить родителей, что называется „баймынь“ — „засвидетельствовать почтение у ворот дома“, а ее муж совершает церемонию, установленные для зятя»¹⁵⁹. Этот рассказ Хун Хао датирован 1129 г., после падения империи Ляо, но подтверждается свидетельствами целого ряда других сунских авторов, осуждавших этот обычай киданей. Интересно описание весеннего праздника в местечке Юнь-па в период цветения пионов, на котором молодые и старые кидани плясали, играли на своих музыкальных инструментах и заигрывали с незапомненными женщинами. Это описание принадлежит перу сунского поэта XII в. Цзян Куя¹⁶⁰. По сообщению более позднего источника, «у татар не запрещено мужчинам и женщинам [на пирах] сидеть смешанно и тем более друг друга уговаривать и угощать [вином]»¹⁶¹.

Умыкание в разных формах было широко распространено у различных народов на стадии складывания классового общества¹⁶². Однако, как справедливо заметил Л. Я. Штернберг, «никогда и нигде насильственное фактическое умыкание не было регулярным способом заключения брака: оно всегда было лишь дополнительной, экстраординарной формой брака»¹⁶³. В начале II тыс. в Центральной Азии широкое распространение имел обычай фиктивного похищения невест. У чжурчженей, как явствует из «Саньчао бэймэн хуэйбянь», такая форма заключения брака была характерна для неимущих: «...у бедных, когда девушка доросла до шилек (достигла брачного возраста. — П. Г.), она выходит на дорогу петь песни. Рассказывает о своем происхождении, хозяйственности, внешности, давая понять, что ей нужен парник. Если среди слушателей окажется нежелательный, который захочет взять ее в жены, он берет ее за руки и возвращается к себе. Лишь потом готовится к обряду: вместе с женщиной идут [к ней] домой, чтобы сообщить родителям»¹⁶⁴. У монголов XIII в. этот обычай практически формируется в обряд: «Итак, когда кто-нибудь заключит с кем-нибудь условие о взятии дочери, отец девушки устраивает пиршество, и она бежит к близким родственникам, чтобы там спрятаться. Тогда отец говорит: „Вот дочь моя — твоя; бери ее везде, где найдешь“. Тогда тот ищет ее со своими друзьями, пока не найдет, и ему надлежит силой взять ее и привести как бы насильно к себе домой»¹⁶⁵. И в последующие века у монголов «умы-

кание совершалось по обоюдному соглашению... благодаря этому становились излишними те дорогостоящие церемонии, которые сопровождали формальное заключение брака»¹⁶⁶.

По мнению Н. А. Кислякова, «с той стадией развития семьи, когда на смену роду и парной семье приходит большая патриархальная семья», связан калым; «постепенно с разложением патриархальной семьи намечается и тенденция к сокращению размеров калыма, а затем и к полному его исчезновению»¹⁶⁷. Это положение находит подтверждение в истории киданей. Как показывают приведенные выше примеры, у киданей уже в период их выделения из комплекса дунху калым отождествлялся с подарками и свадебными расходами со стороны жениха. Развитие производительных сил, частной собственности, постепенный переход от натурального к товарному хозяйству, изменение порядка наследования, которое теперь ведется исключительно по прямой мужской линии, смена большой патриархальной семьи моногамной (малой) — вот фон, на котором происходит постепенное исчезновение калымного брака. В небольшой степени здесь сказались влияние соседних развитых государств — Китая, Кореи, Западного Ся. В то же время у ряда других кочевников, позже киданей испытавших воздействие оседлых народов, калымный брак исчезает медленнее, хотя уже сочетается с другими формами брака, более отвечающими развитым товарно-денежным отношениям. Так, у чжурчженей, по «Цзынь чжи», в «день принесения подарков» «жених выводит лошадей 100 или по меньшей мере 10 и располагает их перед [жилищем]. Отец невесты выбирает лошадей по полу и возрасту и оставляет тех, которые понравятся, других отсылает. Число оставленных обыкновенно не бывает свыше 12 или 13. Иногда берут всех без всякого отбора, даже ту, на которой приехал жених, чтобы набрать нужное число, так как, если оставленных лошадей мало, это считается позором». При этом уже «дом невесты отдаривает по числу и качеству принятых лошадей за каждую по платью на подкладке». Здесь же говорится о сочетании калымного брака с браком с отработкой: «...по окончании свадьбы родители мужа [жениха] уходят, а он сам остается в доме невесты слугой и работником; он сам подает вино и кушанье. Только по прошествии трех уже лет он уводит к себе свою жену». Здесь же подчеркивается наличие и гораздо больший размер приданого: жених уводит «в приданое за ней несколько десятков семейств рабов и [несколько десятков] стад лошадей и быков. В каждом стаде девять коров или кобылиц и один бык или конь»¹⁶⁸. У корейцев «браки совершаются по взаимному согласию мужчины с девушкой. Из дома женихова отсылают свинью и вино, других стоворных даров не бывает. Если же кто получит богатые дары, над тем смеются и говорят, что он продает дочь в служанки»¹⁶⁹. А в «Тап шу» (цз. 219) прямо говорится, что корейцы «на женитьбу не тратят денег. Кто возьмет калым, того стыдят»¹⁷⁰. У монголов, в тот период меньше испытавших влияние оседлого мира, В. Рубрук сообщает, что «никто не имеет там жены, если не купит ее; отсюда, раньше чем выйти замуж девушки иногда достигают очень зрелого возраста. Ибо родители постоянно

держат их, пока не продадут»¹⁷¹. Но и у них уже было принято давать за невестой приданое: одежду, несколько лошадей, коров, овец, в зависимости от достатка¹⁷². У маньчжуров калым сохранялся, исключая он в свиньях, но жених мог в течение 3—10 лет отработать его¹⁷³.

Очевидно, иногда кидани прибегали к сватовству. Так, найманский вождь Кучлук, бежавший от Чингисхана на территорию Западного Ляо, сватал там девушку одного из племен¹⁷⁴.

Прослеживается по источникам существование у киданей левирата и сорората.

Левират — брачный обычай, по которому вдова была обязана или имела право выйти замуж за брата своего умершего мужа, — как пережиток группового брака был широко распространен у многих народов в эпоху родового строя. Он долгое время сохраняется у ряда народов и в эпоху становления классового общества. Стадиальные институты левирата и сорората получили развернутые объяснения в ряде исследований¹⁷⁵.

Существование левирата у киданей подтверждается сведениями источников. Вплоть до времени правления первого императора Абаоцзи жен правителей и вождей умерщвляли после смерти мужа и хоронили вместе с ним. После смерти Абаоцзи в 926 г. его жена Шулой отказалась «последовать за ним», лишь отрубила себе кисть и положила ее в могилу¹⁷⁶. С тех пор жен умерших правителей больше не хоронили вместе с мужьями. Однако кидани и родственные им племена всегда считали, что «женщины не выходят вторично замуж, а считаются женами умерших [мужей]. Поскольку они испытывают затруднения во многом необходимом для жизни, кочевье общими силами строит для них большие балаганы»¹⁷⁷. Причиной такого отношения к вдовам было широко распространенное в Центральной Азии предание: «Все, кто служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу»¹⁷⁸. Поэтому «по смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху»¹⁷⁹. В 941 г. вдовам трех киданьских племен, «которые были неспособны вести одиночную жизнь, правительством пожалованы супруги»¹⁸⁰. Причем здесь же упоминаются и «вдовцы», возможно, император в данной конфликтной ситуации не пошел против «общественного мнения» соплеменников и попросту пережепил «вдов» и «вдовцов» между собой. Однако кидани-мужчины, хотя брак с вдовой был для них малопривлекателен, вступали в него. Содержащиеся в «Ляо ши» (цз. 65, с. 56; цз. 111, с. 26) упоминания левирата касаются представителей верхушки киданьской знати. Цзю-ли — вторая дочь императора Даоцзюна от императрицы Сюань-и — выходила замуж дважды, причем мужья, первый — Сяо Дабое и второй — Сяо Эдуво, были братьями¹⁸¹. Третья дочь Даоцзюна от императрицы Сюань-и по имени Тэли два раза вступала в кросскузенный брак (с Сяо Чоуво и Сяо Тэмо)¹⁸². Первая дочь императора Синцзюна от императрицы Жэнь-и состояла в таком же браке с Сяо Сабо и Сяо Асу¹⁸³. Вторая дочь Шэицзюна от императрицы Цинь-ай по имени Янь Муцзинь заключала брак четыре раза, в частности, один с сыном брата своей ма-

тери Сяо Худу, а второй — с братом матери Сяо Хуй¹⁸⁴. Дважды была замужем и теща Абаоцзи¹⁸⁵.

Понять причины сохранения и живучести этого обычая у киданей помогают материалы о левирате у родственных им племенах и их соседей. Этот обычай бытовал в различных формах практически у всех племен Восточной Азии. Древние сюшю «после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах»¹⁸⁶. Шапью Модэ после убийства отца «женится на матерях»¹⁸⁷. Это, пожалуй, первое упоминание о левирате в Восточной Азии. Отмечен левират у родственных киданям ухуань: «По существующим среди них обычаям, женятся на мачехах и сходятся с овдовевшими женами старших братьев, а когда [новый муж] умирает, женщина возвращается в семью прежнего мужа»¹⁸⁸. «Когда отец и старший брат умирают, женятся на мачехе, содержат жену старшего брата. Если кто не содержит жены старшего брата, то, отстранив его сына, чтобы [сохранить ее в] роду, выдают замуж за дядю по отцу; когда тот умирает, то она возвращается [в дом] покойного мужа»¹⁸⁹. По «Бэй ши» (цз. 94), у шивэй «женщины не вступают во второй брак»¹⁹⁰. Отмечен левират и у сяньби¹⁹¹. У чжурчжэней, сообщает источник, «когда умирает отец, то женятся на своей матери, после смерти старшего брата женятся на невестках, а когда умирает дядя, то племянники поступают таким же образом»¹⁹². «Впрочем, у чжурчжэней левират, вероятно, имел ограниченное распространение. Соблюдение этого обычая диктовалось особыми условиями: ритуальными — брак с шаманкой, политическими — союз с вдовой вождя и т. п.»¹⁹³ По сообщению П. Карпини, монголы «на женах отца после смерти... могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться»¹⁹⁴. Это подтверждает и Марко Поло: «Умрет отец, старший сын женится на отцовской жене, коли она ему не мать; по смерти брата — на его жене»¹⁹⁵. Прямое указание на левират содержится в «Сокровенном сказании»: «Вот паша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовских братьев, родных или двоюродных, ни мужа»¹⁹⁶. Существовал левират у тагудов¹⁹⁷ и у целого ряда других азиатских народов¹⁹⁸.

Сохранению левирата у киданей способствовали, вероятно, следующие обстоятельства. Во-первых, жена рассматривалась в обществе как ценное имущество, причем, если ее покупали, она становилась собственностью не только мужа, но и всей его семьи. Помимо этого, уходя из семьи, вдова могла унести и часть имущества, принадлежащего ей согласно обычному праву. Кидани и родственные им племена стремились сохранить вдов в своем роду¹⁹⁹ и, хотя все менее охотно шли на брак с ними, о чем явственно свидетельствует упомянутый выше указ императора от 941 г., все же старались не допустить их повторного брака. Для этого даже все «кочевье общими силами строит для них большие балаганы»²⁰⁰. Впрочем вдова или женщина, добившаяся развода, могла уйти в мошахины, как, например, жена садиста Туяя²⁰¹.

Во-вторых, левиратный брак давал возможность продолжить род умершего его ближайшими родственниками. Это было особенно важно для правящего рода, о чем свидетельствуют упоминания о браках именно между членами родов Елюй и Сюо. Таким образом, в данном случае левират выполнял ту же роль, что и бытовавший у киданей в додинастический период обычай умерщвления вдов правителей. Любопытно, что именно этим объясняет наличие левирата еще у сунну перенесший к ним на службу китайский чиновник Чжунхуан Ю: «[Сюшу] берут за себя жён отцов и братьев после смерти последних, опасаясь, что иначе прекратится их род. Поэтому, хотя среди сунну происходили смуты, на престол всегда становились люди из одного и того же рода»²⁰². Из боязни, что «иначе их семьи вымрут», прибегали к левиратному браку монголы Ордоса²⁰³.

Известно, что в государстве киданей были распространены различные религии, в том числе и конфуцианство. Храм Конфуция был основан в 916 г. Абаоцзи²⁰⁴. Конфуцианство не было распространено столь широко, как буддизм («пекитайская религия»)²⁰⁵, и практически узаконенный в империи левират находился в резком противоречии с конфуцианской моралью. Левират казался китайцам особенно возмутительным обычаем. В «Лу тип ши ши», говорится: «Есть даже люди, которые берут в жены мачех, совсем как собаки или свиньи. Они отличаются от китайцев, которые знают, что это — против закона»²⁰⁶. Подобное отношение к левирату у китайцев существует с ханьской эпохи. По ханьскому законодательству шптимное общение с женой отца или брата каралось как одно из самых тяжких преступлений²⁰⁷. Примерно с VI в. для обозначения левирата начинает применяться сочетание иероглифов чжэп и бао, означавшее предпочтение с родственницами²⁰⁸. Подобное общение с точки зрения конфуцианской религии, рассматривалось как «поведение птиц и зверей». Тем не менее для киданей важнее конфуцианских моральных норм были общегосударственные соображения. Тот же Чжунхуан Ю в споре с ханьским послом доказывал правдивость левирата. Именно отсутствие этого обычая у китайцев, замечал он, «приводит к тому, что родственники начинают убивать друг друга, а иногда дело доходит до смены фамилий»²⁰⁹.

Более того, киданей, а вслед за ними и чжурчженей приспособили левират даже к заимствованной из Китая системе кокубината. Наложничество, в случае если наложницами были жены репрессированных киданей, рассматривалось как работа императора о женщинах, оставшихся без поддержки²¹⁰. Декретом 1047 г. им запрещалось вступать в новый брак²¹¹. Они считались женами императора, и их портреты вместе с портретами самого императора и императрицы помещались в гробницу умершего императора²¹². Сами наложницы после смерти императора вместе с императрицей поселялись в районе его орда для обслуживания мавзолея²¹³. По мнению М. И. Артамонова, «переход в состав наследственного имущества жён умершего с их детьми обычно связывался с наличием внутрисемейного неравенства,

при котором полноправными наследниками являлись дети только определенных жён, тогда как другие вместе с их матерями занимали промежуточное положение между свободными и рабами»²¹⁴. Однако у киданей сыновья от законных жён и от наложниц по своему положению не всегда отличались²¹⁵.

Таким образом, левират у киданей не был просто пережитком группового брака, как его определяет ряд исследователей²¹⁶, а имел важное функциональное значение.

Сохранялся у киданей и сорорат — обычай, по которому мужчина вступал в брачные отношения с несколькими женщинами — родными или двоюродными сестрами. В конце 940 г. был издан даже указ, который отменял не дошедший до нас закон о том, что «после смерти старшей сестры младшая должна занять ее место» («Ляо ши», цз. 4, с. ба)²¹⁷. Неясно, к кому относился этот указ, ибо в среде простых кочевников сорорат был широко распространен и в XIII в. В. Рубрук отмечал: «...соблюдают первую и вторую степень родства, свойства же ни признают ни в какой степени... женятся вместе или последовательно на двух сестрах»²¹⁸. Даже верхушка знати продолжала придерживаться этого обычая. По «Ляо ши» (цз. 71), сестры были в гаремах Даоцзуня и Тяньцзо. В свадебной церемонии императора сестры невесты участвуют в подношении даров предкам²¹⁹. Из сестер только одна могла стать законной женой, другая становилась, как правило, наложницей. Примером тому история со второй женой Даоцзуня: она была бесплодной и сама «просила императора взять во дворец младшую сестру ее»²²⁰. Так ее сестра Сюо Этеле оказалась во дворце на положении наложницы императора, хотя и была уже замужем за сыном всемогущего временщика Сюо Исиня. После падения Сюо Исиня императрица, «как рекомендованная Исинем и притом не рожавшая детей, была разжалована... и заключена на кладбище»²²¹. Еще при жизни императора Даоцзуня во дворец наследника престола была взята Яньси Сюо Доллоло и произведена вскоре в ранг принцессы, а с вступлением его на престол она стала его старшей женой²²². Во дворец была взята вскоре ее младшая сестра (обе они погибли почти одновременно в период захвата чжурчженями империи Ляо²²³).

Брачный возраст у киданей установить трудно. В обычном праве многих народов определенный брачный возраст не устанавливается или считается, что брак можно заключать тогда, когда человек «увидит свое тело», т. е. когда у мужчины появятся усы, а у женщины — грудь. У племен на территории Монголии к XIX в. брачный возраст для женщин был установлен в 14 лет²²⁴. У тапгутов брачный возраст считался с 16—18 лет²²⁵. Можно предположить, что у киданей брачный возраст для женщины составлял 15 лет. О своем замужестве в этом возрасте сообщает императору Даоцзуню жена сосланного на границу Елюй Ну²²⁶. Правда, здесь можно видеть известное влияние китайского брачно-семейного права, поскольку Сюо Исинь говорит, что «следовала за Ну с года шплек», а в Китае возрастом, когда девушка получала право носить шпильки в волосах и, следовательно, считалась потенци-

альной невестой, было именно 15 лет. Однако в «Саьчао бэймэи хуэйбянь» сообщается, что и у чжурчжэней 15-летний возраст для женщины считался брачным²²⁷. В «Ляо ши» есть упоминание о том, что одна из жеп Тяньцзо была взята во дворец в 17-летнем возрасте²²⁸. Потенциальной невестой считалась киданями дочь китайского императора Чу-ди, отобранная у него Шэцзун²²⁹. Возраст ее не указывается, но Е Лули называет ее «девочкой», т. е. ей явно было меньше 15 лет. В 12 лет вышла замуж за Шэцзуна императрица Сяо Жэньдэ²³⁰.

Здесь обнаруживается еще одно своеобразие брачного права киданей. Киданьские императоры (кроме Тайцзу, Тайцзуна, Шэцзуна и Сипцзуна) брали в жены представительниц более старшего поколения. Начало такой традиции положил Шэцзун, который «восхищался китайскими правами и обычаями»²³¹. Однако обычай женить молодого человека на женщине старше его был распространен у многих народов и диктовался стремлением дать ему опытную в житейских делах спутницу. Дошел он от средних веков до этнографической современности, в частности у бурят: «...едва ли есть хоть один бурят, у которого первая жена была бы не старше его»²³². У киданей этот обычай, вероятно, являлся следствием существовавших когда-то матриархатных отношений и закреплялся искусственно под нажимом рода Сяо, из которого правители брали жеп.

Как свидетельствуют источники, у киданей сохранилась экзогамия, которая причудливо сочеталась с левиратом, сороратом и другими формами близких браков. Можно предположить, что в этом отношении они не отличались от прочих азиатских кочевников I—II тыс. Речь идет прежде всего о запретах браков для определенного числа родственных поколений. В источниках не говорится о точном числе этих поколений. У других кочевников цифры колебались от 2—3 до 12²³³. К. А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн выдвинули предположение, что таких поколений у киданей насчитывалось девять²³⁴. Действительно, это число часто встречается в текстах, рассматривающих различные социальные и политические институты киданей. Девять вождей рода Яолянь управляли киданями²³⁵. Абаоцзи, не являвшийся представителем рода Яолянь, тем не менее заявляет о своем родстве с этим родом²³⁶, что продиктовано стремлением подвести правовую основу под факт захвата высшей должности²³⁷. Цифра 9 так или иначе фигурирует в ряде церемоний, в том числе в церемонии опознания императора, во время которой он стоял в группе с девятью киданьскими чиновниками²³⁸. Половые отношения в пределах этих девяти поколений запрещались категорически и квалифицировались как кровосмешение — одно из «Десяти Зол»²³⁹. Нарушившего этот запрет, разрывали на части пятью повозками²⁴⁰.

Все же экзогамия в Ляо была характерна, вероятно, не для всех слоев населения. У киданей и иных племен на территории империи не существовало родовых имен («каждый из них называют по названию места, где он живет»²⁴¹) и установить экзогамную систему, аналогичную китайской, было трудно. Попытка сделать это предпринималась. В 1074 г. выдающийся литератор Елюй

Шучжэнь был назначен на должность лишь в академии Ханьлинь, в его обязанности входило составление различных официальных документов²⁴². Вскоре он представил императору доклад, в котором предлагал расширить киданьские клановые названия: «С тех пор как была основана наша династия, установлены законы и правила, однако, что касается наших клановых имен, только два из них установлены, а именно Елюй и Сяо. Раньше, когда Тайцзу создал большое киданьское письмо, он написал племенные названия мест в конце книги в качестве приложения. Я прошу, чтобы они были широко распространены и чтобы каждое племя могло установить клановые имена с тем, чтобы браки между мужчинами и женщинами привести в соответствие с кодексом надлежащего поведения»²⁴³. Это была явная попытка навязать киданьскому населению несвойственные ему китайские экзогамные правила. Несмотря на то, что императорский род Елюй строго соблюдал экзогамию, беря жеп только из рода Сяо, император Даоцзун отклонил это предложение. Любопытна мотивировка отказа: император не захотел, чтобы «старый порядок изменялся сразу». В условиях складывания феодальных отношений этническая эндогамия, как известно²⁴⁴, в целом возрастает. Таким образом, кидани не составляли в этом исключения.

Из письменных источников по истории киданей мы видим, что их брачные нормы предполагали моногамию для женщин и допускали полигамию для мужчин. Причины существования полигинии (многоженства) у киданей те же, что и у других азиатских народов. Полигиния преследовала сугубо практические цели. Кидани считали жену прежде всего рабочей силой и могли взять вторую и даже третью жену, если первая не справлялась с хозяйством, была бесплодной или рожала только девочек. Старость первой жены, которая уже не могла справиться по хозяйству, тоже являлась причиной многоженства. Однако полигиния у киданей существовала в основном в среде киданьской знати и была связана с высоким материальным положением этой социальной группы. Она и не могла стать повсеместной, «так как у большинства народов... число женщин приблизительно равно числу мужчин»²⁴⁵. Тем не менее полигиния отмечается в этот период у многих азиатских народов. У тапгутов, «по обычаям фаней, матерей было много»²⁴⁶. У племен, населявших Монголию, многоженство было известно вплоть до наших дней²⁴⁷.

Европейские путешественники XIII в., посетившие районы Центральной и Восточной Азии, отмечали, что женщины средневековых кочевых народов занимали довольно высокое и часто почетное положение²⁴⁸. Многие страницы «Ляо ши» также посвящены участию киданьских женщин не только в экономической, политической и религиозной, но даже в военной жизни своего народа²⁴⁹. Это подтверждают и другие источники. Автор «Цидань го чжи» Е Лули, «рассуждая о происходивших событиях в государстве киданей, отмечает, что крушение империи Ляо в немалой степени было «связано с неустойчивостью семьи, и с этим ничего нельзя было поделать»²⁵⁰. Он исходил при этом из укоренившегося в созна-

пши китаЙца с глубокой древности представления о том, что «курица не должна возвещать рас-свет»²⁵¹.

Независимое и почетное положение женщины у киданей, как и у других кочевых азиатских народов, конечно, можно было бы считать пережитком матрилинейного общества, хотя материалы по истории целого ряда других кочевых народов свидетельствуют, что зависимость между положением женщины в кочевом обществе и его линейностью не столь однозначна²⁵². Киданское общество, безусловно, было патриархальным. В силу этого известный киданский миф о происхождении народа не может трактоваться лишь как свидетельство отражения в племенной космологии особого положения их женщин. Согласно этому мифу «побожитель верхом на белой лошади плыл по реке Ту [Ляохэ²⁵³] от горы Ма-юй [район будущей Средней столицы империи Ляо²⁵⁴] на восток. Небесная дева в повозке, запряженной серым быком, спускалась вниз по реке Хуан [р. Шарамурэй] из местности Ницзинсуилин. У горы Му-е, при слиянии двух рек, [они] встретились... У них было восемь сыновей. Впоследствии их потомки постепенно разрознились. Они разделились на восемь племен»²⁵⁵. Подобные сюжеты можно встретить в мифологических системах и других монголоязычных народов. В этногонических легендах тоба, муюн, тугухунь сообщается о выходе людей из замкнутых мест их первоначального обитания и рождения предков от брака человека с небесной девой.

У киданей есть еще легенды и мифы, в которых значительную роль играют женщины. Так, жене Тайцзу, отправившейся к месту слияния рек Ляохэ и Тухэ, повстречалась женщина, ехавшая в повозке, запряженной серым быком, которая поспешно уступила императрице дорогу и затем внезапно исчезла из виду. По этому случаю даже появилась песенка, содержащая слова: «Старуха с серым быком уступила дорогу». Это было божество Земли²⁵⁶. Сунским автором Ван И в сочинении «Яньбэй лу» описана церемония возведения императора на престол, во время которой правитель среди прочих совершал поклонение Красной госпоже. «Красная госпожа называлась на киданском языке «люею аожо». По преданию, эта женщина была поймана семью всадниками с гор Иньшань на середине реки Хуанхэ. От нее и произошли киданы. Изображение ее вырезано из дерева и одето в цветные одежды. Обычно оно стоит в храме на горе Муешань»²⁵⁷.

Время появления всех преданий, в которых фигурирует женщина, различно. Многие предания уходят корнями в общие для центрально-азиатских народов мифы. Уже поэтому есть основания считать их распространенность и живучесть скорее признаками принадлежности киданей к обширному культурно-историческому ареалу, чем свидетельствами особого положения киданских женщин, отличного от положения женщины у других народов.

Высокое положение женщины в киданском, как и во всяком другом кочевом обществе, обусловлено не пережитками матрилинейного этапа, а ее хозяйственной ролью. В системе кочевого хозяйства женщина довольно тесно связана с про-

цессом общественного производства. Чингисхан в свое время сравнивал кочевника с Солнцем, которое не может сиять одновременно в двух местах, поэтому, когда мужчина отсутствует, «жена должна содержать хозяйство в хорошем состоянии и порядке»²⁵⁸. Пети де ля Круа сообщает, что у центрально-азиатских кочевников мужчины «целиком заняты охотой и войной и не беспокоятся больше ни о чем», а забота об их хозяйстве «принадлежит женщинам». Если у мужчин много жен, то эти жены зачастую «имеют свою ставку»²⁵⁹. О роли женщины в хозяйстве В. Рубрук сообщает следующее: «Обязанность женщины состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и спимать их, доить коров, делать масло и грут, готовить шкуры и шивать их, а шивают их они питкой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие штики и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии... башмаки и другое платье»²⁶⁰. В «Ясе» Чингисхана указывалось, что женщины должны сопровождать войска и выполнять обязанности мужчин в то время, когда мужчины шли на битву²⁶¹. Приходилось им и сражаться²⁶².

Подобную работу выполняли и киданские женщины. Они заботились о домашних животных²⁶³, организовывали при необходимости перекочевки²⁶⁴ и не хуже мужчин умели обращаться с лошадьми²⁶⁵. «...В условиях кочевого общества, когда мужчины часто и на долгое время отлучались на войну или охоту, женщина помимо домашней работы была вынуждена брать на себя присмотр за стадами, представляющими главное богатство кочевника»²⁶⁶.

Именно большое значение женского труда, зачастую хозяйственная самостоятельность женщины, у киданей и обусловили то, что они занимали такое высокое положение, почти равное с мужчинами.

Особенно яркий и значительный материал, свидетельствующий о таком положении киданской женщины, содержат жизнеописания киданских императриц в «Ляо ши» и «Цидань го чжи». Из них видно, что императрицы Ляо играли более заметную, чем жены правителей китайских империй, роль в истории страны. Почти при каждом из девяти киданских императоров их жены обладали значительной независимостью.

Жена первого императора Абаоцзи императрица Шулюй «всегда принимала участие в обсуждении планов Тайцзу, связанных с военными походами и управлением народом»²⁶⁷. Успешное осуществление предложенного ею плана убийства племенных вождей привело к тому, что «Абаоцзи объединил племена в одно государство. Напуганные северо-восточные инородцы изъявили ему покорность»²⁶⁸. Императрица имела свою собственную орду, которая выставила 5 тыс. всадников²⁶⁹, и распоряжалась 20-тысячной армией Шушань²⁷⁰. На ее счету были и военные победы, благодаря которым «слава императрицы прогремела среди всех восточных инородцев»²⁷¹. Шулюй впервые нарушила древний обычай существовавший еще у додинастических киданей, согласно которому жену после смерти мужа хоронили вместе с покойником. Примечателен ее ответ ближайшему сподвижнику Абаоцзи китайцу Чжао Сывэню:

«Я не то что не хочу следовать за императором под землю, я не могу пойти к нему, так как дети малолетни и государство не имеет хозяина»²⁷². Судя по «Ляо ши» и «Цидань го чжи», она отрубила себе кисть и велела положить ее в могилу²⁷³.

В «совещаниях по обсуждению военных дел» участвовала жена императора Шицзуна императрица Чжэнь²⁷⁴. «Взяла в свои руки государственные дела» жена Цицизуна императрица Сю, которая «отличалась гибкостью ума и большой сообразительностью. Искусно руководила приближенными и сановниками и добилась того, что большинство из них прилагало все силы к выполнению долга»²⁷⁵. Е Лули с досадой отмечал, что при Цицизуне «наступление утра возвещала курица»²⁷⁶. Жена императора Синцзуна, «всегда паходившаяся при императоре, урезонивала его, когда он совершал какой-нибудь промах, что приносило большую пользу»²⁷⁷. Жена императора Даоцзуна, «встав во главе воинов, подавила мятеж» Цаупоаня²⁷⁸. Первая жена последнего киданьского правителя Тяньцзо, попавшая в плен к чжурчжэням и пасильно отданная в жены чжурчжэньскому полководцу Нянъханя, была убита после подавления восстания киданей под руководством Елюй Юйду за поддержку освободительного движения киданьских племен²⁷⁹. «Отличалась умом, спокойствием, серьезностью» и вторая жена Тяньцзо, использовавшая самые разные, в том числе и поэтические, способы вразумить своего мужа. В одной из песен она предлагала целый план спасения государства²⁸⁰, который очень напоминал план выдающегося киданьского полководца, основателя государства Западное Ляо Елюй Даши²⁸¹. Императрицы Ляо даже добились распространения на них известной киданьской церемонии «вторичного рождения», которая совершалась при возведении императора на престол и утверждала неземность монархической власти.

Традиция независимого и могущественного положения императриц получила развитие и в Западно-Киданьском государстве. Два раза императорский трон Западного Ляо официально занимали женщины (вдова Елюй Даши Сю Дабуань и его дочь Бусуань).

Большим влиянием в киданьском государстве пользовались также дочери императоров и вообще знатные женщины. Они имели много рабов²⁸², делали пожалования различным храмам²⁸³, основывали свои округа. Известен нам и любопытный факт участия женщины знатного происхождения в борьбе за возрождение киданьской империи Ляо. Речь идет о содержащемся в «Юапъ ши» (цз. 149) рассказе о широкомасштабном восстании киданей в Ляодуне под руководством тысячника Елюй Люге. В апреле 1213 г. он был официально провозглашен правителем (ваном) Ляо. Елюй Люге руководил этим созданным под контролем монголов буферным государством до 1220 г. После его смерти регентшей была провозглашена его вдова Яолисэ. Она и сын Люге Елюй Хивесэ командовали дислоцированными в Ляоси монгольскими войсками совместно с братом Чингисхана Белэгутаем²⁸⁴. Монгольский контроль над Ляодуном был установлен к 1233 г.²⁸⁵ А еще раньше, в 1226 г., Яолисэ была вызвана Чингисханом в свою ставку, находившуюся в то время в пределах современ-

ной Внутренней Монголии. Пораженный ее появлением в суровой местности, Чингисхан воскликнул: «Даже сильный орел не может прилететь сюда, но ты, женщина, смогла добраться сюда!» Отряд Яолисэ участвовал в войне против тангутов, и за заслуги ей были пожалованы девять пленников, девять лошадей и девять золотых слитков²⁸⁶.

О женщинах, не относящихся к знатным киданьским родам, сведений ничтожно мало, но и они вкупе с вышеизложенным позволяют утверждать, что женщина в киданьском обществе действительно была «импульсом общественной артерии»²⁸⁷.

В исторической литературе встречается мнение, что женщины у киданей, как и у других кочевых народов, пользовались большой свободой в половом отношении. Основывается это мнение на соображениях некоторых китайских и европейских авторов. Так, Марко Поло сообщает о некоторых племенах, в которых «жены любят себя... а мужья не стыдятся»²⁸⁸. Свободно ведут себя и киданьские женщины²⁸⁹. Однако сведения о «фривольности» кочевых женщин идут в данном случае от представителей оседлых народов, прошедших ту стадию развития рода и семьи, на которой находились кочевники, и с соответствующей позиции оценивавших поведение их женщин. На это обстоятельство обратил в свое время внимание Л. Я. Штернберг: «Если под нравственностью понимать подчинение известным, общепризнанным в данном обществе правилам, то гиляки отличаются идеальной половой нравственностью, потому что по отношению к лицам, стоящим вне группового полового общения, целомудренная стойкость прямо поразительна. Самая фривольная гиляцкая женщина никогда не позволит себе иметь общение с сородичем своего мужа, если он не категории ее РУ, хотя бы соблазнитель был моложе ее мужа и нравился ей»²⁹⁰. К тому же есть прямые свидетельства тех же китайцев о существовании у киданей соблюдаемых ими запретов в области семейно-брачных связей²⁹¹. Половые связи между близкими родственниками (до девятого поколения) считались кровосмешением и наказывались весьма сурово. В «Ляо ши» (цз. 71) сообщается, что в незаконной связи с музыкантом Чжао Вэйи была по ложному доносу обвинена жена Даоцзуна императрица Сюань-и. Интересно, что императрица была обвинена в связи именно с музыкантом — представителем «подлой» профессии, следовательно запрещенной для интимных отношений группы. За это она и была подвергнута смертной казни. Но у киданей изменившая женщина не всегда наказывалась. В этом надо видеть, вероятно, еще одно подтверждение того, что брак рассматривался как хозяйственная сделка, в которой жена считалась приобретенной собственностью.

Полигиния, как известно, чаще всего сопутствует неравноправное положение различных жеп и паложниц. Не совсем так обстояло дело у киданей. Система кокубината внедрилась практически лишь в среду высшей знати. Киданьские императоры переняли китайскую систему, согласно которой их «гарем» обычно состоял из главной и нескольких «второстепенных» жен и группы паложниц. Известно, что китайские императоры

имели строго определенное количество женщин в своем гареме²⁹². Мы не имеем подробных сведений о структуре и численности киданьских гаремов, однако есть основание говорить о незначительном их сходстве с китайскими. Это понятно, ибо система, сформировавшаяся в среде оседлого населения, не могла быть детально воспроизведена кочевниками. Декретом 1017 г. вторично вступать в брак «титолованым жепам» запрещалось²⁹³. Речь шла о женщинах, которым император даровал почетные титулы (мин фу). По «Сун ши» (цз. 163, с. 8а), в Китае они делились на «титолованых жеп внутри дворца» и «титолованых жеп за пределами дворца». Первые были императорскими наложницами, вторые — жепами сановников и чиновников. По мнению К. А. Виттфогеля и Фэй Цзяшэна, в декрете говорилось лишь о второй группе. Однако Е Лупли обвиняет киданей в том, что у них законные жепы и наложницы не различались по статусу²⁹⁴. Следовательно, термин «мин фу» в декрете киданьского императора мог распространяться на обе группы. К тому же «по закону государства Ляо» после смерти императора наложницы поселялись в районе его ордо для обслуживания мавзолея²⁹⁵. Это стало практиковаться после упразднения обычая умерщвления жеп правителей, и указ 1017 г. демонстрирует, вероятно, дальнейшее развитие этого «закона». Императрица Чжэнь в «Ляо ши» названа второй женой (фэй) императора Шицзуна²⁹⁶, о существовании других «второстепенных» жеп киданьских императоров свидетельств нет. Как уже указывалось, появлению «вторых жен» противился род Сяо. В «Кидань го чжи» упоминается термин «Чжао-и»²⁹⁷, который в Китае, как указывается в «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан», цз. 76, с. 2а), означал высший ранг наложницы²⁹⁸. Однако здесь же упоминается и неизвестный в письменных источниках ранг «фап-и», который, по мнению В. С. Таскина, «присваивался наложницам, занимавшим более низкое положение, чем „чжао-и“»²⁹⁹. Самым же ярким свидетельством своеобразия киданьской системы конкубината, ее отличием от китайской является высокий статус паложниц. Как свидетельствует Е Лупли, они были «равными законным жепам». «Госпожами» величали наложниц и монголы в XIII в.³⁰⁰ Сыновья паложниц у киданей, как и у ряда других кочевников³⁰¹, не только считались законнорожденными³⁰², но и были равны по статусу сыновьям от законной жены³⁰³. Сын паложницы мог даже стать императором. Сипцзун (1031—1055) родился «от старшей наложницы Шупь-шэп юань-фэй»³⁰⁴. Если наложница совершала серьезное преступление, которое каралось смертной казнью, ей могли разрешить покоптить жизнь самоубийством, а это было привилегией лишь высокопоставленных лиц³⁰⁵. Родственники наложниц могли занимать высокие должности при дворе. Например, Сяо Фэсянь, старший брат старшей паложницы императора Тяньцзо, был начальником управления важнейших секретных дел³⁰⁶. «Ляо ши» сообщает о постоянных и многочисленных судебных процессах, затеваемых сыновьями паложниц, стремившимися получить по наследству должность своего отца³⁰⁷.

Еще одно отличие от китайской системы конкубината заключалось в том, что внуки, прислуживавшие в киданьских гаремах³⁰⁸, по происхождению не были киданями. «Все они китайцы», — сообщает Оуян Сю³⁰⁹.

Император Шэцзун в 1024 г. попытался в духе китайской традиции несколько реформировать уже сложившуюся систему конкубината. «Он составил генеалогические таблицы, чтобы различать сыновей жеп и сыновей паложниц. После этого непрерывно происходили споры и судебные тяжбы. [Сяо] По, обладавший административным талантом и поймавший памерения государя, представил доклады, соответствовавшие воле императора. Споры при дворе в основном разрешались при его посредничестве»³¹⁰. Судя по данному сообщению, система конкубината широко внедрялась в среду киданьской знати к XI в. Эти материалы, а также два императорских декрета 1027 и 1029 гг. свидетельствуют о сопротивлении киданьской знати реформе Шэцзуна и о том, насколько киданьское паложничество в этот период отличалось от китайского. В декрете 1027 г. Шэцзун настаивал на том, чтобы статус сыновей наложниц определялся статусом матерей. Очевидно, наложницей могла стать жепщина любого социального происхождения — рабыня, дочь члена какого-либо племени или даже жепщина знатного происхождения. Указом 1029 г. сыну паложницы, даже если он считался свободным человеком, запрещалось занимать важные и почетные должности³¹¹. Можно предположить, что данный указ касался сыновей рабынь, но не сыновей жепщин знатного происхождения. Мубугу, восьмой сын Шэцзуна, ставший в соответствии с волей отца императором под именем Сипцзун, был объявлен наследником престола еще в 1021 г.³¹² После смерти Шэцзуна ни один из его преемников уже не пытался привести систему конкубината в соответствие с китайским образцом.

Проживание на территории империи китайцев не могло не отразиться на семейно-брачном праве государства киданей. На юге империи их было большинство, хотя кидани считались привилегированной прослойкой. Совместно проживание киданей и китайцев породило проблему смешанных браков. Благодаря брачным союзам киданьские вожди, а позднее и императоры Ляо укрепляли отношения с правителями соседних государств и племен. Для киданьской знати, как и для феодалов у других народов, жепитьба — «политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов; решающую роль должны играть интересы дома, а отнюдь не личные пожелания»³¹³. С начала VIII в. киданьские правители неоднократно заключали браки с китайскими принцессами³¹⁴ или отдавали своих дочерей замуж за правителей соседних народов³¹⁵. Иногда они вступали в браки и с представителями племен, проживавшими на территории империи: «при хороших отношениях они рождались с этими племенами путем брака, приобретая их мирным путем»³¹⁶. К киданям обращались с предложениями о заключении брачного союза и правители других государств. В 1020 г. просил жену для своего сына восточно-карахапидский правитель Кадир-хан Юсуф³¹⁷.

Заключение таких союзов как традиционное внешнеполитическое средство стало применяться киданьскими императорами, начиная с Дэгуана, и для сглаживания противоречий между киданями и попавшими под их власть китайцами. В 941 г. указом Тайцзуна (Дэгуана) киданьским чиновникам, находившимся на бывшей китайской территории, предписывалось «придерживаться китайских обычаев и разрешалось жениться на китайцах»³¹⁸. Китайские паломники появляются в гаремах императоров Ляо. Известно, что состоящим на киданьской службе китайским чиновникам Лу Цзуню, Лю Саньгу и Лю Сыдуаню были пожалованы прищессы, родившиеся от паломниц китайского или бохайского происхождения³¹⁹. Лю Саньгу, чтобы избежать такой «чести», бежал в империю Сун. Этот факт подтверждает вывод о том, что заключение подобных браков было целенаправленной политикой киданьских императоров. Трудно судить, насколько удачной была эта политика, безусловно, однако, что до 941 г. смешанные браки киданей и китайцев не поощрялись, а на севере империи они, вероятно, были запрещены и после этого. Более того, для верхушки киданьской знати были запрещены смешанные браки и с менее привилегированными родами. В 1019 г. декрет императора запрещал подобные браки членам поперечных юрт³²⁰ и трех ответвлений отцовской семьи (Саь фу фап), т. е. членам императорского рода. Контроль за выполнением этого указа был достаточно жестким: обо всех планируемых браках надо было докладывать императору³²¹. С 1094 г. жителям приграничных районов империи запрещалось «заключать браки с варварскими племенами»³²². Этот декрет, разумеется, продиктован и политическими соображениями, но есть основания рассматривать его также в общем русле политики киданьского правительства, направленной на сохранение этнической чистоты киданьских племен.

По китайскому феодальному праву расторжение брака заключалось только при наличии следующих оснований: бесплодие, прелюбодеяние, непочтение к родителям, воровство (т. е. растрата семейного состояния), ревность, сварливость, дурные болезни, если жена окажется не девицей, если она станет командовать мужем или попытается покончить жизнь самоубийством или бежать из дома³²³. Потом причиной развода стала считаться и порочная болтливость. При этом инициатива развода всегда принадлежала мужчине. У восточно-азиатских кочевников инициатором могла быть и женщина. Не были исключением и кидани. В письменных источниках ничего не говорится о женщинах незнатного происхождения, но знатная женщина могла развестись со своим мужем. В 983 г. четвертая дочь императора Цзиньцзуна, родившаяся от бохайской паломницы, расторгла брак с мужем, китайцем по происхождению. Брак был заключен в 980 г. Согласия мужа на развод не потребовалось, а после развода его послали правителем вверженной области в районе слияния рек Шара-Мурэн и Ляохэ³²⁴. Дочь Шэнцзуна была замужем четыре раза³²⁵. Следовательно, количество разводов не ограничивалось. Прищессы, а возможно, и вообще женщина знатного происхождения могла разойтись

со своим репрессированным мужем³²⁶. После развода знатная женщина могла вторично выйти замуж. Вторичное замужество не разрешалось только вдовам знатного происхождения³²⁷. В Китае повторные браки были запрещены.

Таким образом, обзор сведений о семейно-брачном праве киданей, сохранившихся в письменных источниках, позволяет сделать вывод, что в основе своей оно было обычным. Китайское танское право было принято выборочно. На всем протяжении существования империи Ляо обычное киданьское право находилось практически в антагонистическом противоречии с китайским правом. Даже верхушка киданьской знати стремилась сохранить свои традиции и обычаи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12. — С. 714.
- ² Там же. — Т. 13. — С. 6.
- ³ Там же. — Т. 25, ч. 2. — С. 357.
- ⁴ Там же. — Т. 18. — С. 272.
- ⁵ См.: Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А. Корпус древнейших источников по истории народов СССР // ВИ. — 1974. — № 7. — С. 49—50.
- ⁶ См.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному: (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // ВИ. — 1967. — № 1.
- ⁷ Юридический словарь. — М., 1956. — Т. 2. — С. 29.
- ⁸ Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. — 1972. — № 5. — С. 62.
- ⁹ Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. — М., 1976. — С. 18—19.
- ¹⁰ См.: Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 4; Он же. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Там же. — Т. 46, ч. 1; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. — Т. 21; Он же. Афганистан // Там же. — Т. 14.
- ¹¹ Маркс К. Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 45. — С. 175.
- ¹² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — Т. 21. — С. 65.
- ¹³ WF. — Philadelphia, 1949. — P. 55, 57, 84, 213, 259, 264.
- ¹⁴ Ibid. — P. 259, 266.
- ¹⁵ Ibid. — P. 261, 265.
- ¹⁶ Ibid. — P. 264.
- ¹⁷ Ibid. — P. 339.
- ¹⁸ Ibid. — P. 84.
- ¹⁹ Ibid. — P. 551.
- ²⁰ Howorth H. H. The Northern Frontagers of China. Part V. The Khitai or Khitans // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New Series. — L., 1881. — V. 13. — P. 130; WF. — P. 85—86; Материалы по истории древних кочевых народов группы Дунху/Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. — М., 1984. — Т. 155 (далее — Дунху).
- ²¹ WF. — P. 86.
- ²² Дунху. — С. 155.
- ²³ Там же. — С. 157.
- ²⁴ Там же. — С. 163.
- ²⁵ Там же. — С. 189.
- ²⁶ Е Лули. История государства киданей. (Цидань го чжи) Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. — М., 1979. — С. 310 (далее — ЦГЧ).
- ²⁷ Там же. — С. 177, 208, 249, 306, 519, 520, 521, 522; Дунху. — С. 204, 372; WF. — P. 84, 226, 231, 232, 259, 261, 264, 265, 266.
- ²⁸ ЦГЧ. — С. 310.
- ²⁹ WF. — P. 259.
- ³⁰ Цит. по: Воробьев М. В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). — М., 1983. — С. 33.

- ³¹ Фэн Юндянь. Три ляоские могилы в уездах Цзиньпин и Синьминь провинции Ляонин // *Каогу*.— 1960.— № 2.— С. 21; *Внутренне-Монгольская экспедиция ИА АН Китая. Ляоские могилы с трупосожжениями в с. Шауандзингоу в Балинчжунском хошуне Чжаоского аймака Внутренней Монголии* // Там же.— 1963.— № 10.— С. 553—554.
- ³² Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука.— М., 1957.— С. 108 (далее — Путешествия). См. также: Абрамзон С. М. О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов // *КСИА*.— М., 1961.— Вып. 86.— С. 115; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувишцев.— М., 1972.— С. 71.
- ³³ См.: Ивлиев А. Л. Городища киданей // *Материалы по древней и средневековой археологии Юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*.— Владивосток, 1983.— С. 127.
- ³⁴ Чайлд Г. Прогресс и археология.— М., 1949.— С. 98—105.
- ³⁵ Путешествия.— С. 36, 92.
- ³⁶ Там же.— С. 27—28.
- ³⁷ *WF*.— Р. 87, 193, 236, 381—396.
- ³⁸ Бичурич Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— М.; Л., 1950.— Т. 11.— С. 239 (далее — СС).
- ³⁹ Кычанов Е. И. Очерк истории тапгутского государства.— М., 1968.— С. 100.
- ⁴⁰ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам).— М., 1968.— Вып. 1.— С. 46, 84; СС.— С. 172, 173, 176—179, 183, 184, 186, 188—190, 198, 199, 204—207, 227, 236.
- ⁴¹ *WF*.— Р. 57, 58.
- ⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 78.
- ⁴³ ЦГЧ.— С. 469; *WF*.— Р. 592.
- ⁴⁴ ЦГЧ.— С. 335; *WF*.— Р. 199, 277, 278.
- ⁴⁵ ЦГЧ.— С. 225; Дунху.— С. 136.
- ⁴⁶ *WF*.— Р. 367—374.
- ⁴⁷ Масао Симада. Редай сякайси кэпкю: (Исследование социальной истории Ляо).— Киото, 1952.— С. 346 (на яп. яз.).
- ⁴⁸ *WF*.— Р. 226, 231, 232.
- ⁴⁹ Думан Л. И. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Учеп. зап. Ин-та Востоковедения.— М., 1955.— Т. 11: Китайский сборник.— С. 26, 27.
- ⁵⁰ Масао Симада.— Редай сякайси кэпкю.— С. 347.
- ⁵¹ *WF*.— Р. 261, 264, 265, 336, 343, 421, 540.
- ⁵² *Ibid.*— Р. 259.
- ⁵³ *Ibid.*— Р. 237.
- ⁵⁴ *Ibid.*— Р. 192, 401.
- ⁵⁵ *Ibid.*— Р. 234, 232.
- ⁵⁶ ЦГЧ.— С. 455.
- ⁵⁷ Суровцов. Ответ на тему «О владычестве киданей в Средней Азии».— Архив Востоковедов ЛО ИВАН СССР, фонд А. М. Позднесова, № 44, оп. 1, ед. хр. 278, л. 89 (далее — Суровцов).
- ⁵⁸ ЦГЧ.— С. 136.
- ⁵⁹ Там же.— С. 152.
- ⁶⁰ Там же.— С. 241.
- ⁶¹ Там же.— С. 47.
- ⁶² Там же.— С. 85, 97, 101.
- ⁶³ Там же.— С. 246.
- ⁶⁴ Там же.— С. 112.
- ⁶⁵ Там же.— С. 119.
- ⁶⁶ Там же.— С. 54—55.
- ⁶⁷ Там же.— С. 54.
- ⁶⁸ Там же.— С. 227.
- ⁶⁹ Там же.— С. 226.
- ⁷⁰ Дайляо гуруни судури. (История государства Ляо) / Пер. с маньчжур. Л. В. Тюрюминой.— С. 183 (рукопись).
- ⁷¹ *WF*.— Р. 191, 192, 237—239.
- ⁷² ЦГЧ.— С. 55.
- ⁷³ Там же.— С. 149—150.
- ⁷⁴ Там же.— С. 139.
- ⁷⁵ Там же.— С. 135.
- ⁷⁶ *WF*.— Р. 231.
- ⁷⁷ Там же; Козина Е. М. Законы о семье в Китае эпохи Тан // Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: (Тез. докл.).— М., 1982.— Ч. 1.— С. 106—114.
- ⁷⁸ Викторин В. М. Социальная организация и обычное право погайцев Нижнего Поволжья (XVIII — начало XX в.).— Л., 1985.— С. 17.
- ⁷⁹ Ляо ши. (История Ляо) / Сост. То Кэ То и др. // Сыбу бэйяо. (Собрание основных произведений по четырем разделам).— Шанхай, 1936.— Т. 33.— Цз. 61.— С. 269 (далее — ЛШ).
- ⁸⁰ Johnson W. The T'ang Code. General Principles.— Princeton (N J).— 1979.— V. 1.— P. 61—83.
- ⁸¹ *WF*.— Р. 235, 236, 386.
- ⁸² Дайляо гуруни судури.— С. 183.
- ⁸³ *WF*.— Р. 421.
- ⁸⁴ Цит. по: Козина Е. М. Законы о семье...— С. 108.
- ⁸⁵ *WF*.— Р. 341.
- ⁸⁶ *Ibid.*— Р. 226.
- ⁸⁷ *Ibid.*— Р. 234.
- ⁸⁸ *Ibid.*— Р. 421.
- ⁸⁹ Кисляков П. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана.— Л., 1969.— С. 65.
- ⁹⁰ ЦГЧ.— С. 47.
- ⁹¹ Там же.— С. 83.
- ⁹² Там же.— С. 86.
- ⁹³ Там же.— С. 87.
- ⁹⁴ Там же.— С. 93.
- ⁹⁵ Там же.— С. 89.
- ⁹⁶ Там же.— С. 101.
- ⁹⁷ Их цааз. (Великое уложение).— М., 1981.— С. 21 (далее — ИЦ).
- ⁹⁸ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Спб, 1858.— Т. 1.— С. 87, 153, 175; Т. 2.— С. 39.
- ⁹⁹ Козина С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г.— М.; Л., 1941.— С. 86 (далее — ССК).
- ¹⁰⁰ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси.— Л., 1986.— С. 36, 37.
- ¹⁰¹ Василевич Г. М. Эвенки.— Л., 1969.— С. 156, 157.
- ¹⁰² Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии.— Л., 1933.— С. 136.
- ¹⁰³ Кисляков П. А. Семья и брак у таджиков // Тр. Ин-та этнографии. (Нов. сер.).— М.; Л.; 1959.— Т. 44.— С. 158—159; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические связи.— Л., 1971.— С. 229; Васильева Г. П. Туркмены-похурли // Тр. Ин-та этнографии.— 1954.— Т. 21.— С. 194.
- ¹⁰⁴ Бласва К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX — начало XX в.).— Новосибирск, 1980.— С. 115.
- ¹⁰⁵ Хангалов М. И. Собр. соч.— Улан-Удэ, 1958.— Т. 1.— С. 164.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Воробьев М. В. Культура чжурчжэпей...— С. 37.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Цзинь ши.— Цз. 120. Цит. по: Воробьев М. В. Культура чжурчжэпей...— С. 38.
- ¹⁰⁹ Храповицкий М. Д. Залески о народе Ляо.— Отдел рукописей ГБ им. В. И. Ленина, ф. 273, ед. хр. 2891, л. 400.
- ¹¹⁰ ЦГЧ.— С. 310, см. также прим. на с. 504.
- ¹¹¹ Там же.— С. 505.
- ¹¹² Там же.— С. 92, 259, 310.
- ¹¹³ *WF*.— Р. 237.
- ¹¹⁴ ЦГЧ.— С. 310.
- ¹¹⁵ См.: Пиков Г. Г. Буддизм в государстве киданей // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.— 1980.— Вып. 1, № 1.— С. 152.
- ¹¹⁶ ЦГЧ.— С. 465; *WF*.— Р. 239.
- ¹¹⁷ *WF*.— Р. 238.
- ¹¹⁸ *Ibid.*— Р. 232.
- ¹¹⁹ *Ibid.*— Р. 233.
- ¹²⁰ ЦГЧ.— С. 47.
- ¹²¹ Там же.— С. 95.
- ¹²² *WF*.— Р. 579.
- ¹²³ ЦГЧ.— С. 229.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.— С. 466.
- ¹²⁷ *WF*.— Р. 211—212.
- ¹²⁸ *Ibid.*— Р. 211.
- ¹²⁹ *Ibid.*— Р. 417.
- ¹³⁰ ЦГЧ.— С. 229.
- ¹³¹ Там же.— С. 103, 229, 409.
- ¹³² Там же.— С. 467.
- ¹³³ Штернберг Л. Я. Семья и род...— С. 136.
- ¹³⁴ ЦГЧ.— С. 335.
- ¹³⁵ Дунху.— С. 55.
- ¹³⁶ Там же.— С. 136.
- ¹³⁷ Там же.— С. 138.

- ¹³⁸ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи.— М., 1974.— С. 197.
- ¹³⁹ ССК.— С. 95.
- ¹⁴⁰ Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Тр. Вост. отд. Рус. арх. об-ва.— Спб., 1859.— Т. 4.— С. 203—204.
- ¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 51—52.
- ¹⁴² Першиц А. И. Похищение невест: правило или исключение? // СЭ.— 1982.— № 4.— С. 122.
- ¹⁴³ Тейлор Э. О. О методе исследования развития учреждений // Этнографическое обозрение.— 1890.— № 2.— С. 16—18, 25, 26.
- ¹⁴⁴ Максимов А. Н. Что сделано по истории семьи?— М., 1901.— С. 153.
- ¹⁴⁵ Штернберг Л. Я. Семья и род...— С. 166.
- ¹⁴⁶ Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков.— С. 201; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: Исследования.— М., 1961.— С. 66.
- ¹⁴⁷ Першиц А. И. Похищение невест...— С. 127.
- ¹⁴⁸ Смирнова Я. С. К типологии обычаев умыкания: (по материалам народов Северного и Западного Кавказа) // Проблемы типологии в этнографии.— М., 1979.— С. 265.
- ¹⁴⁹ Franke H. The "Treatise on Punishments" in the Liao History. An Annotated Translation // Central Asiatic Journal.— 1983.— Vol. 27, N 1/2.— P. 31.
- ¹⁵⁰ ЦГЧ.— С. 100.
- ¹⁵¹ Там же.— С. 86.
- ¹⁵² Там же.— С. 340—341.
- ¹⁵³ WF.— P. 269, 278; Stein R. Leao-tche. Traduit et annoté par // T'oung Pao.— Leiden, 1939.— Vol. 35.— P. 144—147; Franke H. Jurchen Customary Law and the Chinese Law of the Chin Dynasty // State and Law in the East Asia.— Wiesbaden, 1981.— P. 231.
- ¹⁵⁴ Stein R. Leao-tche...— P. 145.
- ¹⁵⁵ WF.— P. 269, 278.
- ¹⁵⁶ Franke H. Chinese Texts on the Jurchen: A Translation of the Jur chen Monograph in the San-Ch'ao-pei-meng-hui-pien // Zentralasiatische Studien.— Wiesbaden, 1975.— N 9.— S. 182; Franke H. Jurchen Customary Law...— P. 231.
- ¹⁵⁷ Дунху.— С. 63.
- ¹⁵⁸ Там же.— С. 136—137.
- ¹⁵⁹ ЦГЧ.— С. 335.
- ¹⁶⁰ WF.— P. 278.
- ¹⁶¹ Мэн-да бэй-лу. (Полное описание монголо-татар) // Пер. с кит. Н. Ц. Мункуева.— М., 1975.— С. 84.
- ¹⁶² См.: Ковалевский М. М. Первобытное право.— М., 1886.— Вып. 2: Семья.— С. 86—110.
- ¹⁶³ Штернберг Л. Я. Семья и род...— С. 167.
- ¹⁶⁴ Цит. по: Воробьев М. В. Культура чжурчжэней...— С. 34—35; См. также: Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в.: Материалы для этнографического исследования // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь.— Новосибирск, 1966.— Вып. 2.— С. 275.
- ¹⁶⁵ Путешествия.— С. 101.
- ¹⁶⁶ Майский И. М. Монголия накануне революции.— М., 1959.— С. 67—68.
- ¹⁶⁷ Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака...— С. 82.
- ¹⁶⁸ Цит. по: Воробьев М. В. Культура чжурчжэней...— С. 35.— См. также: Васильев В. П. История и древности...— С. 203—204.
- ¹⁶⁹ СС.— Т. 2.— С. 59.
- ¹⁷⁰ Там же.— С. 100.
- ¹⁷¹ Путешествия.— С. 101.
- ¹⁷² Воробьев М. В. Культура чжурчжэней...— С. 37.
- ¹⁷³ Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Manchus. A study of the Manchu Clan Organization.— Shanghai, 1924.— P. 73, 75.
- ¹⁷⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— М.; Л., 1952.— Т. 1, кн. 2.— С. 182.
- ¹⁷⁵ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— С. 23—178; Ковалевский М. М. Первобытное право.— С. 59—68; Штернберг Л. Я. Семья и род...— С. 86—93; Косвен М. О. Семейная община и патриимия.— М., 1963; Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака...— С. 90—92.
- ¹⁷⁶ ЦГЧ.— С. 53, 226, 365.
- ¹⁷⁷ Дунху.— С. 137.
- ¹⁷⁸ Путешествия.— С. 101.
- ¹⁷⁹ Там же.— С. 27.
- ¹⁸⁰ WF.— P. 256.
- ¹⁸¹ Ibid.— P. 209.
- ¹⁸² Ibid.
- ¹⁸³ Ibid.— С. 208.
- ¹⁸⁴ Ibid.
- ¹⁸⁵ Ibid.— P. 238.
- ¹⁸⁶ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну.— Вып. 1.— С. 35, 46.
- ¹⁸⁷ Там же.— С. 71.
- ¹⁸⁸ Дунху.— С. 64; см. также: СС.— Т. 1.— С. 143.
- ¹⁸⁹ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.— М., 1961.— С. 135.
- ¹⁹⁰ СС.— Т. 2.— С. 78.
- ¹⁹¹ Ван Сяньцзянь. Хоуханьшу цзицзе. (История династии Поздняя Хань со сводным комментарием).— Шанхай, 1959.— Т. 4.— С. 3321.
- ¹⁹² Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в....— С. 201.
- ¹⁹³ Воробьев М. В. Культура чжурчжэней...— С. 38.
- ¹⁹⁴ Путешествия.— С. 27.
- ¹⁹⁵ Книга Марко Поло.— М., 1956.— С. 88.
- ¹⁹⁶ ССК.— С. 80.
- ¹⁹⁷ Кычанов Е. И. Очерк истории...— С. 100.
- ¹⁹⁸ Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // Тр. Хорезм. арх.-этнограф. экспедиции.— М.: 1952.— Т. 1.— С. 518; Народы Средней Азии и Казахстана.— М., 1962.— Т. 1.— С. 326, 492; Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака...— С. 90—94; Джикиев А. Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана.— Ашхабад, 1972.— С. 92.
- ¹⁹⁹ Кюннер Н. В. Китайские известия...— С. 135.
- ²⁰⁰ Дунху.— С. 137.
- ²⁰¹ ЦГЧ.— С. 241.
- ²⁰² Таскин В. С. Материалы по истории сюнну.— Вып. 1.— С. 46.
- ²⁰³ Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963.— P. 24—25.
- ²⁰⁴ WF.— P. 298.
- ²⁰⁵ См.: Пиков Г. Г. Буддизм в государстве киданей.— С. 150.
- ²⁰⁶ Цит. по: Franke H. Chinese Texts...— S. 182; Idem. Jurchen Customary Law...— P. 231.
- ²⁰⁷ Чэн Шудэ. Цзю чао люй као. (Исследование законодательства девяти династий).— Шанхай, 1955.— С. 96.
- ²⁰⁸ Вельгус В. А. Попытки левирата в китайских источниках // Страны и народы Востока.— М., 1971.— Вып. 11.— С. 25—30.
- ²⁰⁹ Цит. по: Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй.— М., 1983.— С. 350.
- ²¹⁰ WF.— P. 266.
- ²¹¹ Ibid.— P. 262.
- ²¹² Ibid.— P. 283.
- ²¹³ Ibid.— P. 540.
- ²¹⁴ Артамонов М. И. Общественный строй у скифов // Вестн. ЛГУ.— 1947.— № 9.— С. 72.
- ²¹⁵ WF.— P. 233.
- ²¹⁶ Абрамзон С. М. О пережитках ранних форм брака у киргизов: (К вопросу о генезисе институтов левирата и сорората) // История, археология и этнография Средней Азии.— М., 1968.— С. 282, 283, 287; Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака...— С. 90.
- ²¹⁷ WF.— P. 255, 578.
- ²¹⁸ Путешествия.— С. 101.
- ²¹⁹ WF.— P. 276.
- ²²⁰ Суворцов.— Л. 89.
- ²²¹ Там же.
- ²²² ЦГЧ.— С. 238.
- ²²³ Суворцов.— Л. 89.
- ²²⁴ ИЦ.— С. 19.
- ²²⁵ Кычанов Е. И. Очерк истории...— С. 73.
- ²²⁶ WF.— P. 265.
- ²²⁷ Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в....— С. 201.
- ²²⁸ Суворцов.— Л. 89.
- ²²⁹ ЦГЧ.— С. 100.
- ²³⁰ Там же.— С. 467.
- ²³¹ WF.— P. 211.
- ²³² Щукин П. С. Буряты // Журнал Мин-ва внутр. дел.— Спб., 1849.— № 4/6.— С. 81.
- ²³³ Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака...— С. 48—56; WF.— P. 204—205.
- ²³⁴ WF.— P. 205.
- ²³⁵ Ibid.— P. 478.
- ²³⁶ Ibid.— P. 410.
- ²³⁷ Ibid.— P. 205.
- ²³⁸ Ibid.— P. 274—275; ЦГЧ.— С. 523—526.

- 239 Johnson W. The T'ang Code...— P. 82—83.
 240 Frenke H. "Treatise on Punishments".— P. 17.
 241 ЦГЧ.— С. 310.
 242 Там же.— С. 451.
 243 WF.— P. 264.
 244 Козлов В. И., Чебоксаров Н. Н. Расы и этносы // Расы и общество.— М., 1982.— Вып. 12.— С. 106—107.
 245 Мюллер-Лизер Ф. Формы брака, семьи и родства.— М., 1913.— С. 46.
 246 Кычанов Е. И. Очерк истории...— С. 101.
 247 ИЦ.— С. 18.
 248 Путешествия.— С. 36, 37, 100, 101; Книга Марко Поло.— С. 38; Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.— Спб, 1884.— Т. 1.— С. 229, 288, 289. Krader L. Social Organization...— P. 345—347.
 249 WF.— P. 230, 233, 256, 262, 265, 266, 275, 277—280, 672.
 250 ЦГЧ.— С. 239—240.
 251 Там же.— С. 472.
 252 Воробьев М. В. Культура чжурчжэней...— С. 104—105; Першиц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества.— М., 1968.— С. 327—328; Krader L. Social Organization...— P. 345—347; Murdock G. P. Africa. Its Peoples and Their Culture History.— N. Y., 1959.— P. 405.
 253 WF.— P. 272.
 254 ЦГЧ.— С. 308.
 255 WF.— P. 272.
 256 Ibid.— P. 256.
 257 ЦГЧ.— С. 526—527.
 258 Riasanovsky V. A. Fundamental Principles of Mongol Law.— Trientsin, 1937.— P. 87.
 259 Путешествия.— С. 33, 100, 101; Книга Марко Поло.— С. 104, 105; Vernadsky G. The Scope and Contents of Chingis Khan's Yasa // Harvard Journal of Asiatic Studies.— 1938.— N 3.— P. 357.
 260 Путешествия.— С. 37, 100—101.
 261 Рязановский В. Обычное право монгольских племен // Вестн. Азии.— Харбин, 1924.— № 51.— С. 44.
 262 Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм.— М.; Л., 1934.— С. 150.
 263 WF.— P. 556.
 264 Ibid.— P. 199.
 265 Ibid.— P. 167.
 266 ЦГЧ.— С. 471.
 267 Там же.— С. 225.
 268 Там же.— С. 312.
 269 WF.— P. 543.
 270 ЦГЧ.— С. 312.
 271 Там же.— С. 225.
 272 Там же.— С. 53.
 273 Там же.— С. 53, 226, 365.
 274 Там же.— С. 229.
 275 Там же.— С. 232.
 276 Там же.— С. 119, 120.
 277 Там же.— С. 236.
 278 Там же.— С. 237.
 279 Там же.— С. 237—238.
 280 Там же.— С. 238.
 281 Там же.— С. 224—222.
 282 Думан Л. И. К истории государств...— С. 27; WF.— P. 230.
 283 WF.— P. 295.
 284 Д'Оссон, История монголов/Пер. Н. Кузьмина.— Иркутск, 1937.— Т. 1.— С. 211—212.
 285 Татаро-монголы в Азии и Европе.— М., 1977.— С. 71—72.
 286 WF.— P. 416.
 287 Суворцов.— Л., 83.
 288 Книга Марко Поло.— С. 78, 81.
 289 WF.— P. 278.
 290 Штернберг Л. Я. Семья и род...— С. 26.
 291 ЦГЧ.— С. 310.
 292 Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае.— М., 1970.— С. 89.
 293 WF.— P. 262.
 294 ЦГЧ.— С. 246.
 295 WF.— P. 540.
 296 ЦГЧ.— С. 466.
 297 Там же.— С. 237.
 298 Там же.— С. 469.
 299 Там же.
 300 Мэн-да бэй-лу...— С. 81.
 301 WF.— P. 201.
 302 Ibid.— P. 233.
 303 ЦГЧ.— С. 246.
 304 Там же.— С. 139, 140.
 305 Там же.— С. 199, 200.
 306 Там же.— С. 199.
 307 WF.— P. 233.
 308 ЦГЧ.— С. 325.
 309 Дунху.— С. 212.
 310 WF.— P. 233.
 311 Ibid.
 312 ЦГЧ.— С. 138, 139, 443.
 313 Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.— М., 1981.— Т. 3.— С. 278.
 314 Дунху.— С. 159, 160, 167, 168, ЦГЧ, с. 147, 446.
 315 WF.— P. 51, 52, 108, 109, 166, 317, 583, 587, 591, 595, 639.
 316 ЦГЧ.— С. 164.
 317 WF.— P. 357; Sharaf Al-Zaman Tahir al-Marvazi. On Shina, the Turks and India.— L., 1942.— P. 19—20.
 318 Ibid.— P. 228.
 319 Ibid.
 320 ЦГЧ.— С. 461.
 321 WF.— P. 232.
 322 Ibid.— P. 266.
 323 Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века.— М., 1984.— С. 188—189; История государства и права стран Азии и Африки: Очерки.— М., 1964.— С. 82; Васильев Л. С. Культы, религии, традиции...— С. 141—142.
 324 WF.— P. 258.
 325 Ibid.— P. 266.
 326 Ibid.— P. 265.
 327 Ibid.— P. 262.

А. Л. ИВЛИЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ КИДАНЕЙ

К настоящему времени погребения, относящиеся к эпохе Ляо, выявлены в большом количестве по всей территории империи. Насчитывается свыше 100 более или менее подробно исследованных и опубликованных захоронений. Однако при их изучении возникает проблема выделения из общей массы ляоских погребений собственно киданьских.

Все ляоские погребения по их устройству можно разделить на две группы: в могильных ямах и в подземных склепах. Первая группа характерна для доляоского периода и бедных слоев

общества империи, вторая относится к аристократии, чиновничеству и зажиточному населению.

При рассмотрении киданьских погребений первой группы прежде всего следует обратиться к району изначального обитания киданей — бассейнам рек Шара-Мурэн и Урчи-Мурэн. Здесь отмечено много погребений с остатками трупосожжения в сероглиняных сосудах¹. Пока имеется одна достаточно подробная публикация результатов раскопок могильника с такими погребениями в районе Шуанцзингоу хошуна Байрин-

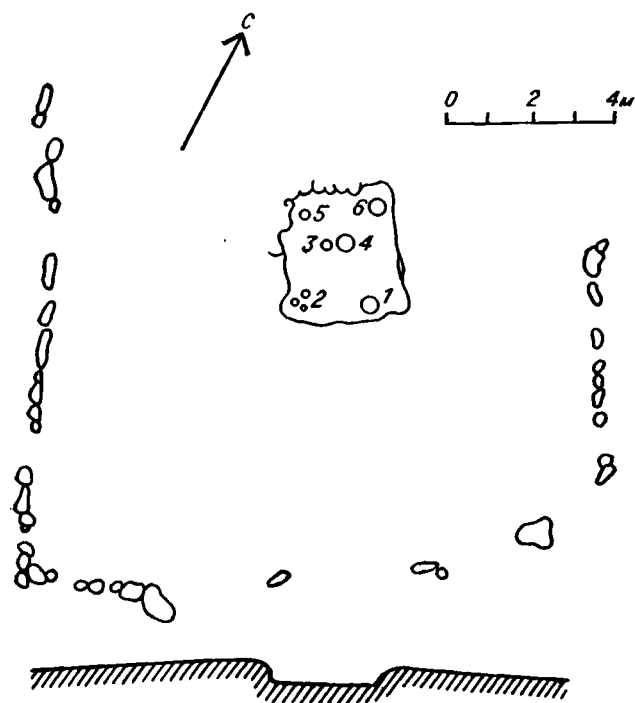

Рис. 1. План погребения Ма могильника в Шуанцзингоу хошуна Байрип-Цзоци (цифрами обозначены сосуды).

Цзоци². Могильник расположен в 40 км севернее городища Ляоской Верхней столицы, в глубокой и извилистой горной долине, протянувшейся с северо-востока на юго-запад на левобережье р. Урчи-Мурэн. Погребения на поверхности заметны по остаткам каменных оградок и насыпей. Всего было обнаружено шесть погребений, располагавшихся двумя группами на расстоянии 500 м одна от другой на середине пологого склона северо-западной стороны долины. Устройство наиболее сохранившегося (Ма) из двух раскопанных погребений показано на рис. 1. Могила обнесена квадратной оградкой из необработанных камней высотой до 0,5 м от современной поверхности. Длина наиболее сохранившейся юго-западной стороны оградки 15,6 м. Оградка ориентирована юго-западной стороной по азимуту 330°. Судя по имеющемуся разрыву, вход был с юго-восточной стороны. В центре оградки помещалась уплощенная каменная насыпь полукадратной формы размером 1,65 × 1,56 м. Под насыпью находилась вырытая в земле прямоугольная могильная яма размером 1,56—1,65 × 1,2—1,56 м и глубиной 0,4—0,5 м. В яме стояли шесть сосудов с остатками трупосожжения. Четыре из них располагались по углам ямы и два в ее центре по линии юго-запад — северо-восток. Сосуды помещались на плитках камня, один из них сверху был накрыт плоским камнем. В одном из сосудов находилось шесть бараньих астрагалов. В южном углу ямы стояли белополивная фарфоровая чаша и станковый сероглиняный горшок, покрытый гребенчатым орнаментом.

Второе погребение (МВ), находившееся в 10 м юго-восточнее вышеописанного, полностью разрушено. Здесь обнаружено восемь сосудов с

остатками от трупосожжения. Как и в предыдущем погребении, сосуды стояли на каменных плитках, возле них были установлены камни. В одном из сосудов найден обожженный обломок костяного гребня, в другом — 18 бараньих астрагалов. В туловах семи сосудов, служивших погребальными урнами³, пробито по 1—4 круглых отверстия. Очевидно, в одной яме погребали урны с прахом родственников, скорее всего членов одной семьи.

Принадлежность вскрытых погребений киданям Чжао Синь обосновывает наличием в погребениях керамики, идентичной по технологическим особенностям, форме и орнаментике собственно киданьской⁴.

Сведения о погребениях остатков трупосожжения в таких сосудах приводит Ван Юйпин. Погребения обнаружены на территории хошуна Байрип-Цзоци, севернее д. Баоцюаньцунь, в окрестностях Линьдуна, в районе Южной пагоды. у д. Цзингоуцунь, севернее Западной и севернее Северной пагод. По описанию Ван Юйпина, сосуд с пеплом зарывали в землю, вокруг складывали каменную ограду, сверху накрывали каменной плитой. Исследователь полагает, что использование сосудов в качестве погребальных урн является киданьским обычаем⁵.

Другая серия погребений без склепа в бассейне рек Шара-Мурэн и Урчи-Мурэн описана М. Симадой. Это находящиеся близ ляоских поселений галечные насыпи, овальные в плане, длиной около 2 м, шириной 0,8 и высотой 0,5 м. Они располагаются произвольными рядами вдоль склона. Как правило, в каждой серии насчитывается 60—80 насыпей, однако встречаются и насчитывающие по несколько сотен, если не тысяч. Погребения этого типа устроены следующим образом: могильная яма глубиной 0,9—1 м от дневной поверхности; дно утрамбовано, в отдельных случаях вымощено булыжником, иногда речной галькой обложены и стены могильной ямы. Размер могильной ямы по полу 1,8—2,0 × 0,5—0,6 м. В погребениях встречены остатки костяков, они находились в вытянутом положении, головой ориентированы вверх по склону. Отмечаются остатки деревянных гробов. На гробы непосредственно насыпалась галька намогильной насыпи. В могилах обнаружена грубая глиняная посуда: миски, блюда, характерные ляоские вазы с оттиснутым гребенчатым орнаментом; обычно в каждой могиле не более одного сосуда. Керамика датируется как ляоским, так и более поздним (вплоть до XIV в.) временем. По мнению М. Симады, эти погребения оставлены ханьскими крестьянами, жившими в этих местах во времена империи Ляо и позже⁶. Здесь следует отметить, что в дневниках М. Симады сохранились лишь краткие записи о раскопках всего 10 таких могил в четырех различных местах, и целостного представления они не дают.

Ко времени киданьской империи Ляо относятся также погребения остатков трупосожжения в каменных гробах. В районе Байрип-Цзоци встречено довольно много каменных гробов. На их наружной поверхности иногда выгравирован растительный орнамент либо фигуры драконов, тигров, людей⁷. Однако обстоятельства, при ко-

Раннекиданские грунтовые погребения

Местонахождение	Рельеф	Ориентировка	Размер ямы, м			Способ погребения	Погребальная конструкция	Количество погребенных	Ориентация погребенного головы	Сопроводительный инвентарь	Дата, вв
			длина	ширина	глубина						
Хусынао хошуна Хорчин-Цаоихоуци	Дюны	Север — юг	Верх, 3,5 Дно, 2,5	1,6	2,5	Труположение на спине с вытянутыми конечностями	—	1 (мужчина)	Северная	У головы — сосуды, в ногах — спаряжение копы, слева — скелет барана, справа — меч и стрелы	IX — начало X
Усыту уезда Тунляо	»	Юго-восток — северо-запад	1,2	0,4	0,6	Трупосожжение	Берестяное покрытие	—	—	На северо-восток от непла железный нож, ложка, точильный камень, на северо-запад — три сосуда	VII—VIII
Ужиганьтала хошуна Джаруд-Ци	Подножие восточного склона горы	Север — юг	—	—	1,5	Труположение на спине с вытянутыми конечностями	—	—	—	Два сосуда, нож, бронзовые поясные накладки	IX
Хэехада хошуна Джаруд-Ци, в 20 км на север от Лубойчжэня	Подножие горы, дюны	»	1,95	0,5	0,4	»	Гроб из каменных плит	1	Северная	У головы — 3 сосуда, справа копы и нож, слева — кости козла, бронз. пластинка	VII
Саньдаохао в 2 км на север от Ляояна	Ровное место	Восток — запад, 280°	(размеры деревянного гроба) 2,0	0,8	0,15 (сохр.)	»	Деревянный гроб	1	Западная	Два глиняных сосуда, нож, бронз. перстень и серьга, каменная трубочка и бусина	VI
Лютяогоу коммуны Сигуаньинцзы уезда Байпяо	—	—	(размеры кирпичной камеры) 1,27	0,74	0,43	Трупосожжение	Деревянная шкатулка	—	—	Две фарфоровые чаши, 3 глиняных сосуда, каменная трубочка, гвозди	Начало X

торых были сделаны находки, неизвестны. Не исключено, что в этих каменных гробах хоронили ханьцы по буддийскому обряду. Так, в районе Шэньяна обнаружен каменный гроб размером 24 × 96 см и высотой 32 см, в котором, судя по надписи на нем, в 1027 г. был погребен некий Сунь Юпъчжун. В гробу стояли глиняный сосуд для праха и две каменные статуэтки⁸. Другой каменный гроб размером 62 × 84 см и высотой 65 см с крышкой в форме усеченной четырехгранной пирамиды был обнаружен в д. Далиньцзы в окрестностях Ляояна. В гробу, в специально высеченном углублении, находился накрытый белой чашей чернополивной горшок с остатками трупосожжения (рис. 2). На нижней поверхности крышки гроба по-китайски выгра-

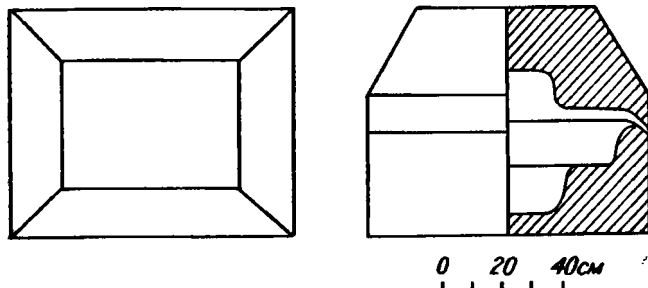

Рис. 2. Схематичное изображение каменного гроба из погребения в Далиньцзы Ляояна.

вированы могильная эпитафия, посвященная жене чиновника Внутреннего управления (Нэйшэп) Ляоской Восточной столицы Ван Цзяна, урожденной Гао, похороненной в 1096 г., и текст буддийской сутры на санскрите. Гроб снизу и со всех других сторон был обложен кирпичами, которые образовывали нечто вроде саркофага. Погребение ориентировано на юго-запад⁹.

Из всех описанных погребений без склепа, вероятно, киданскими можно считать погребения остатков трупосожжения в сосудах типа могильника в Шуанцзингоу, хотя для окончательного решения этой проблемы необходимо располагать большим материалом.

В этой связи представляют интерес открытые в последние годы киданские погребения в грунтовых могилах VII—начала X в.¹⁰ Датировка их основывается на типологии встреченного в них инвентаря, в частности сосудов. Эти погребения различны по погребальному обряду — труположение головой на север (в одном случае — на запад) и трупосожжение (табл. 1). При погребении использовались деревянные или каменные (из отдельных плит) гробы. Встречаются кости жертвенных животных — барана, козла. Сопровождающий захоронение инвентарь состоит из бытовой посуды, украшений, оружия. Наиболее богато относящиеся к IX — началу X в. погребение молодого мужчины в Хусынао хошуна

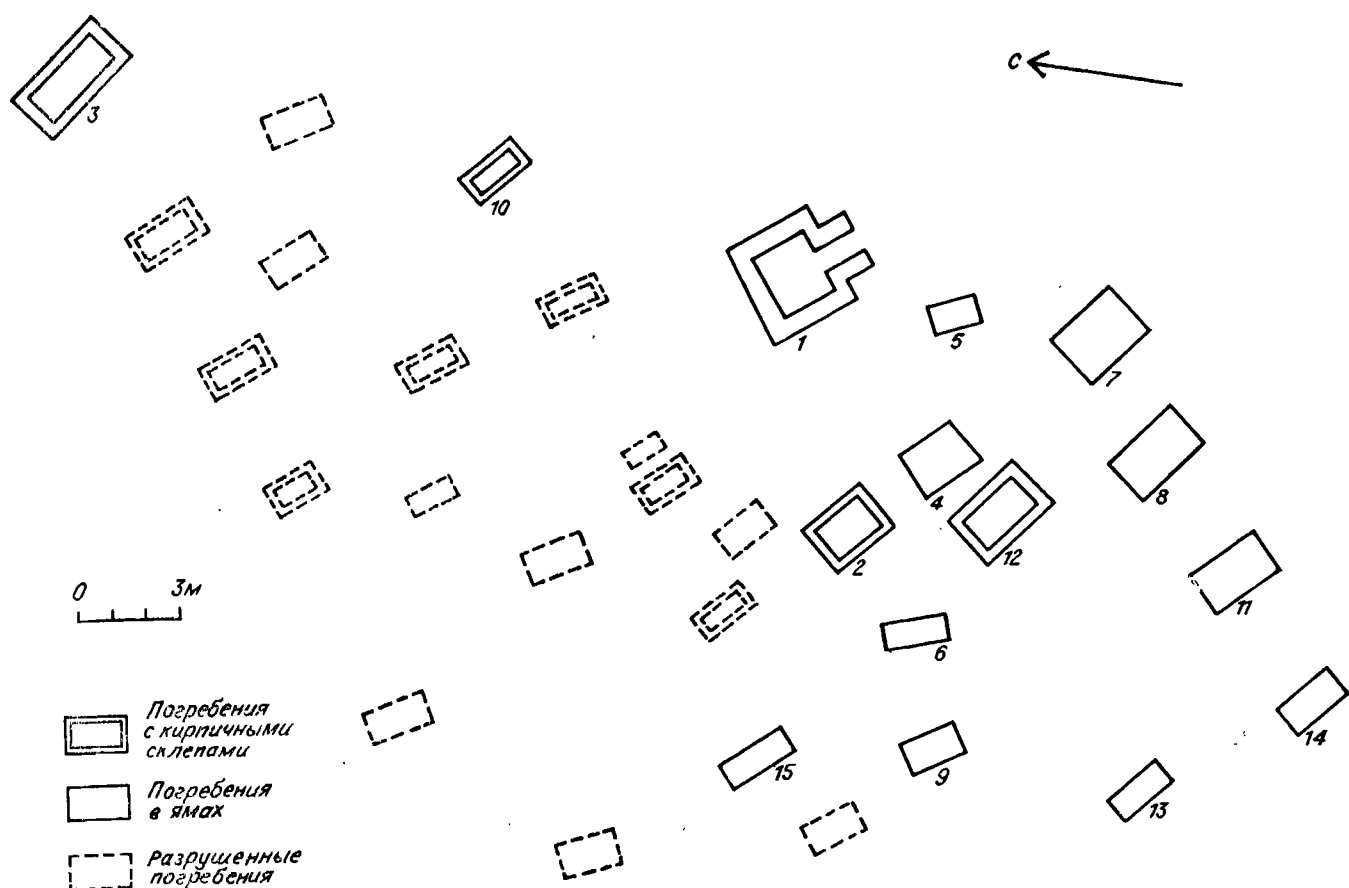

Рис. 3. План могильника в Гаолигэ уезда Шуанляо пров. Гирин (цифрами обозначены обследованные погребения).

Хорчип-Цзоихоуди. Предметы в нем располагались следующим образом: у головы — сосуды, слева от погребенного — кости жертвенного барана, справа — меч и стрелы, в ногах лежало снаряжение копия — сбруя, стремяна¹¹. Можно отметить совпадение этих погребений с погребениями сяньби в могильнике Чжалайпор в расположении предметов и костей жертвенных животных, а также в ориентировке головой на север¹².

Очевидно, эти же традиции прослеживаются и в обнаруженном в 1962 г. киданьском могильнике конца XI — начала XII в. в Гаолигэ в уезде Шуанляо пров. Гирин. Могилы здесь располагались шестью рядами, вытянутыми по линии северо-восток — юго-запад (рис. 3). Из 15 обследованных могил одна представляет собой квадратный в плане кирпичный склеп с коридором и дромосом, четыре — погребения в небольших прямоугольных кирпичных склепах с куполообразным сводом без коридора и дромоса, остальные — погребения в земляных ямах (табл. 2). На поверхности могилы оформлялись круглой земляной насыпью. Все погребения, за исключением одного, в котором прослежено вторичное захоронение, отличаются единством погребального обряда: труположение на спине с вытянутыми конечностями. Ориентировка погребенных головой на северо-запад в пределах 305—340°. У головы умершего, как правило, помещался глиняный сосуд, а в заполнении головной части могильной ямы — кости барана. Имеются парные захоронения супругов и сопогребения матери и ребенка. В могиле умершего мужчины слева от

него оставляли место для будущего погребения его жены. Новая особенность обряда, появившаяся к концу Ляо, монета во рту умершего (отмечено в трех случаях). Судя по скудности сопроводительного захоронения инвентаря, могильник принадлежит простым киданям, скорее всего, являлся родовым кладбищем (рис. 4)¹³.

Опубликованные к настоящему времени ляоские погребения второй группы — в подземных склепах — довольно многочисленны, разнообразны и разбросаны по многим районам бывшей империи Ляо.

Критерием для выделения киданьских могил из общего числа ляоских погребений в склепах послужило наличие эпитафий. Эпитафии получили распространение в Китае задолго до прихода киданей и, видимо, были заимствованы последними вместе с формами могильных склепов и некоторыми погребальными атрибутами, использовавшимися высшими слоями феодального общества. Эпитафия наносилась на верхней поверхности квадратной каменной плиты. Сверху плита накрывалась крышкой в форме четырехгранной усеченной пирамиды. На ровной поверхности крышки часто наносилось название эпитафии. В эпитафии обычно приводились краткие биографические сведения об умершем: его имя, титулы и занимаемые при жизни должности, имена детей и отца покойного, даты смерти и погребения.

По эпитафиям твердо определяются как киданьские мавзолеи Цинлинь (могилы императоров Шэлцзуна, Спнцзуна и Даоцзуна и их жеп,

№ погребения	Ориентировка головной по азимуту, град	Тип могилы	Размеры могильной ямы, склепа			Устройство могилы	Сопроводительный инвентарь	Скелеты людей	Способ захоронения	Пол	Примечания
			Длина	Ширина	Глубина						
1	135	Кирпичный склеп	246	192	118 *	Есть дромос, коридор, камера склепа. Свод куполообразный	?	?	?	?	Могилла разрушена
2	305	Малый кирпичный склеп	140	75	63 *	Маленькая прямоугольная камера, свод и стены сильно повреждены	?	?	?	?	То же
3	320	То же	260	113—136	65	Маленькая прямоугольная камера. Свод образован сходящимися к центру верхними частями стен, сверху замурован горизонтальным рядом кирпичей	Глиняный вазовидный сосуд, бронзовая монета, череп барана	Один целый	На спине с вытянутыми конечностями	М	—
4	310	Яма в земле	193	107—134	50	Прямоугольная яма с вертикальными стенами	Глиняные вазовидный сосуд и горшок	Нет	?	?	—
5	325	То же	146	57	65	То же		Один целый	На спине с вытянутыми конечностями	М	—
6	345	»	173	71	55	»	Железный нож с деревянной рукоятью, красолаковая шкатулка	Два целых	То же	М, Ж (мать и сын)	—
7	315	»	275	188	36	»	Упное украшение из раковины	Два в беспорядке	?	?	—
8	310	»	231	123	50	»	Глиняный вазовидный сосуд и кости барана	Нет	?	?	—
9	310	»	165	70	60	»	Железное изделие, раковина	Один целый	На спине с вытянутыми конечностями	Ж	—
10	305	Малый кирпичный склеп	—	—	—	—	—	Череп и часть конечностей	—	М	Могилла разрушена
11	310	Яма в земле	208	112—122	40—60	Прямоугольная яма с вертикальными стенами. Половину ямы внутри занимает двуслойное возвышение	Железный нож	Один целый	На спине с вытянутыми конечностями	М	—
12	305	Малый кирпичный склеп	184	80	50	Маленькая прямоугольная камера. Свод образован сходящимися к центру верхними частями стен, сверху замурован горизонтальным рядом кирпичей	Глиняный горшок, железные: нож, кресало и еще 3 предмета, 2 монеты, кости барана	Два целых	То же	М, Ж (муж и жена)	—
13	310	Яма в земле	188	60—82	110	Прямоугольная яма с вертикальными стенами	Железные стреля и кресало, длинная деревянная палка	Один целый	»	М	—
14	320	То же	194	92	102	То же	Глиняный горшок и 2 нефритовые бусины	Два целых	»	М, Ж (муж и жена)	—
15	340	»	213	75	57	»	Белофарфоровая чаша, 5 железных наконечников стрел, косяная шкатулка, камешное кольцо на палец	Один целый	»	М	—

* Высота остатков сооружения.

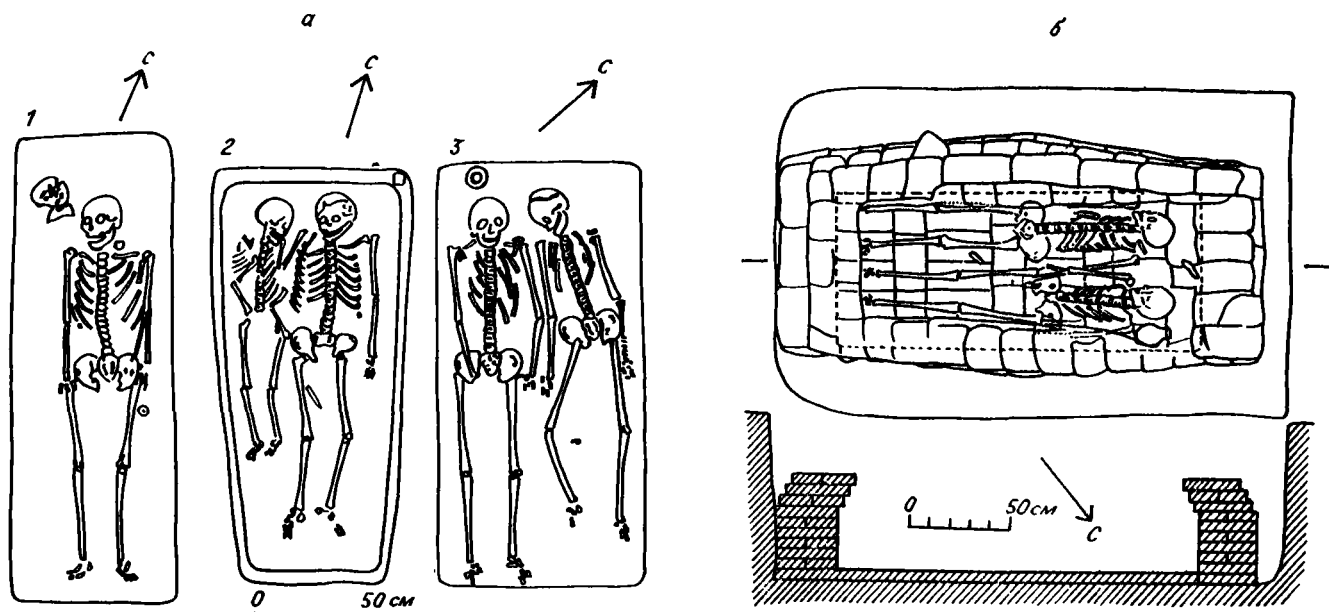

Рис. 4. Могильник в Гаолигэ. Погребения в ямах (а) и в малой кирпичной камере (б).

датируемые соответственно 1031, 1055 и 1101 гг.)¹⁴, могилы (№ 1) императорского зятя, посмертно пожалованного титулом вэйго вап, у д. Даишэзы уезда Чифыи (959 г.)¹⁵, (№ 1. 2) у д. Синапэцунь Циньхэмьши уезда Исянь пров. Ляонин, датируемые соответственно первой половиной XI в. (до 1044 г.) и 1059 г.¹⁶, Сяо Сяочжуна (1089 г.) в д. Сигушань уезда Цзиньси пров. Ляонин¹⁷, Сяо Дэвэня (1075 г.) в д. Синьцютунь хошуна Тумд-Цзоци бывшей пров. Жэ-хэ¹⁸, Елюй Яньнина (986 г.) в уезде Чаоян пров. Ляонин¹⁹, Сяо Паолу (1090 г.) в Цяньшани уезда Факу пров. Ляонин²⁰, принцессы Дачжан (1045 г.) в уезде Пинцюань пров. Хэбэй²¹.

Уже первые находки в 30 — начале 50-х гг. твердо определенных стелами киданьских могил позволили исследователям выявить основные особенности устройства могил и погребального обряда киданей. По ним к киданьским можно отнести могилы у д. Синапэцунь (№ 3, 4) в р-не Шуанпэнькоу (№ 1—4) и в Янбяогоу и Цыньхэмьши²², у д. Жэшуйсян и у д. Сяолучжанцзы (№ 1—5) в уезде Нинчэи Внутренней Монголии²³, в Чжуцзяканчжэне уезда Лунцзян пров. Хэйлуцзян²⁴, у деревень Удиньтулуцунь и Чжулукацунь уезда Цзяньнин и у д. Батуицзы уезда Синьминь²⁵, в Шуйцюань (№ 1) уезда Байпяо²⁶ и в Емаотай уезда Факу пров. Ляонин²⁷, у д. Давоу уезда Чифыи²⁸, в Цзефаньшицзы, № 3 в Шаньдуйцзы и в Гуанлэгуи хошуна Опшюд-Ци²⁹, в Байтацзы, в Каньшицзы (№ 1) и в Бэйсаньцзы (№ 1) хошуна Лохан-Ци³⁰, в Сыфанчэне и в Байшэбао хошуна Байрин-Цзоци³¹, на 28 участке (2 мог.) р. Жэшуй хошуна Хорчии³², в Байшэрдэи хошуна Байрин-Юци, в Лоуцзыдянь (№ 1) хошуна Байрин-Юци, в Лоуцзыдянь (№ 1) хошуна Калацинь-Ци аймака Джун-Уд Внутренней Монголии³³, в Ебошоу уезда Цзяньпин пров. Ляонин³⁴, в хошуне Хурэ-Ци (№ 1) аймака Джирэм³⁵, в Байсиьтунь хошуна Хорчин-Юицзяньди³⁶, могильник в Хаоцяньпин хошуна Чахар-Юицзяньди³⁷, могилу в д. Чэнцзыгоуцунь и в Гуйшани (№ 1) уезда Цзянь-

чап пров. Ляонин³⁸, в Сяоцзыгоу уезда Пинцюань пров. Хэбэй³⁹, во втором лесхозе в уезде Тушлюя Внутренней Монголии⁴⁰.

При этом сравнение могил-склепов киданей и ляоских ханьцев⁴¹ позволяет выделить целый ряд различий, по которым можно определить этническую принадлежность того или иного погребения этой группы.

Обряд. Если для киданьских могил со склепами характерно труположение часто со специфически киданьскими атрибутами вроде металлических масок, подошв сапог и сетчатого костюма из медной проволоки, то для могил ляоских ханьцев — трупосожжение. Обряд труположения зафиксирован только в двух могилах, причем в одной из них погребенная лежала головой на запад (такая ориентация ни разу не отмечена в киданьских погребениях), здесь же были остатки трупосожжения⁴².

Внутреннее оформление. Главная камера киданьских могил имеет деревянную облицовку, иногда в ней сооружался большой деревянный саркофаг, изредка вместо последнего устанавливались конструкции из фигурно выточенного кирпича, копирующие деревянные столбы, с системой кропштейнов (доугунов) над ними. Такие конструкции типичны для могил ляоских ханьцев: из кирпича в стенках выкладываются изображения окон и мебели⁴³. Деревянные облицовки или саркофаги в них не встречаются.

Сопроводительный инвентарь. Для могил ляоских ханьцев характерно наличие так называемых мицзи — предназначенных специально для погребального обряда глиняных имитаций фарфоровой посуды, кухонной утвари, пожниц⁴⁴. В киданьских же могилах «мицзи» нет — все вещи там настоящие. В какой-то степени эта традиция нарушается в погребениях простых киданей конца XI — начала XII в. в могильнике Гаолигэ. Обнаруженные здесь глиняные сосуды гораздо меньше обычных. Видимо, они были изготовлены специально для захоронения⁴⁵.

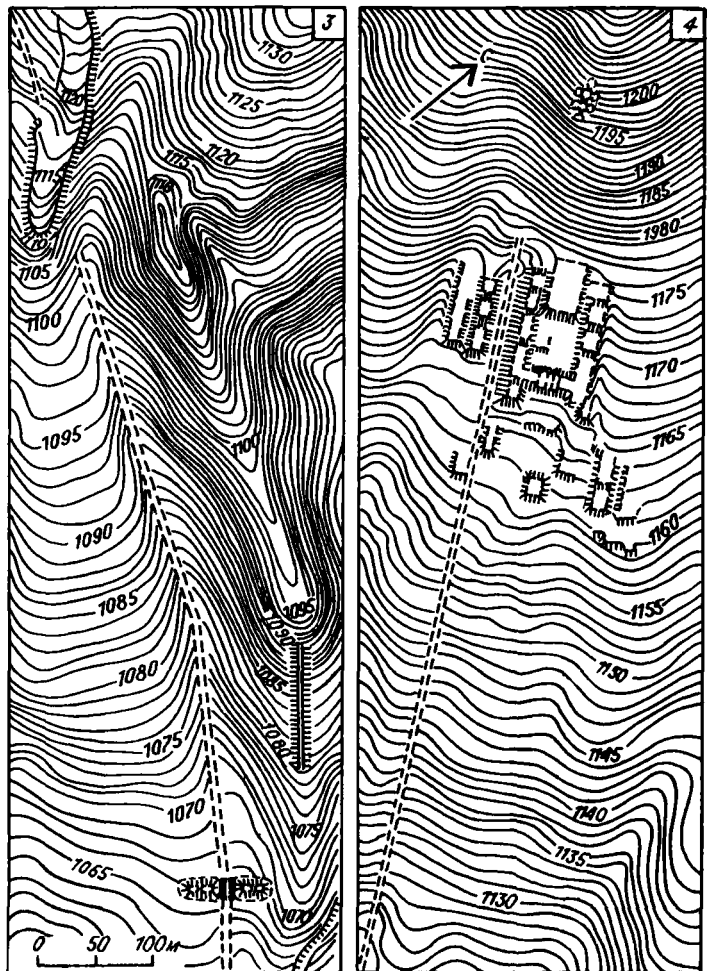
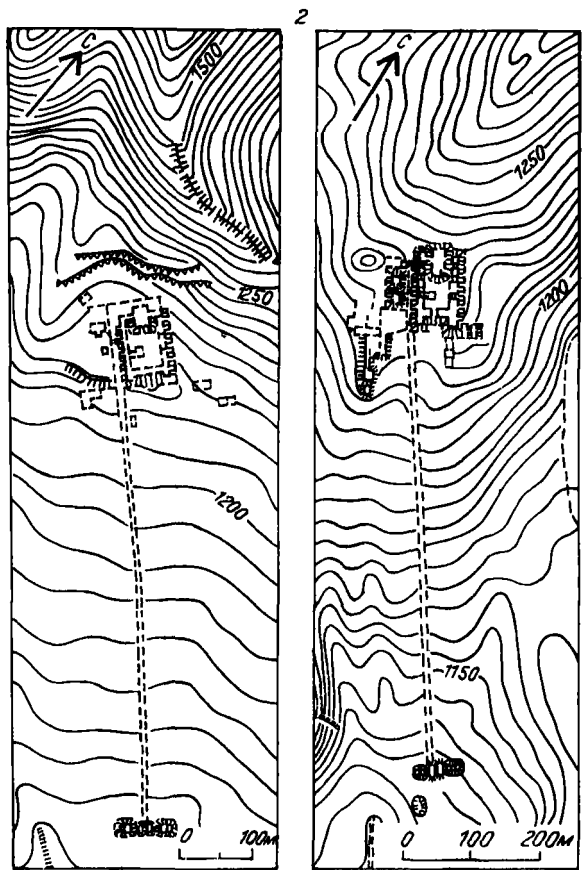
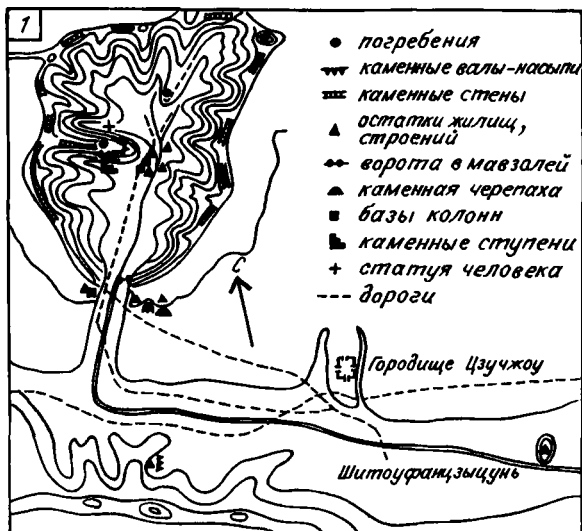

Рис. 5. Планы императорских мавзолеев Цзучюу (1) и Цизили (2 — Восточный, 3 — Центральный, 4 — Западный).

Сюжеты фресок на стенах. Фрески на стенах могил-склепов киданей обычно отражают типичные черты их хозяйства и быта.

Ориентировка выхода. Выход у киданьских могил-склепов, как правило, ориентирован на юго-восток, причем он мог располагаться в любой точке всего юго-восточного сектора — от восточной до южной. В публикациях часто указывается лишь общее направление («юг» или «юго-восток») без уточнения его в градусах, и в результате создается впечатление о многочисленности могил с южной и юго-восточной ориентацией выхода. Но распространение количества могил по направлениям выхода в секторе от востока до юга можно считать довольно равномерным. Киданьские могилы с ориентировкой выхода в

других, кроме указанных, направлениях не известны. Полученные данные совпадают с информацией о юго-восточной ориентировке некоторых, обычно ранних, лясских городов (Верхняя столица — Линьхуанфу, Цзучжоу, Хуайчжоу, Чиптолгойн балгас)⁴⁶ и о важной роли востока в представлениях киданей о пространстве. Так, отдавая поклон Небу и Земле, киданьский император оборачивался к востоку, в восточном направлении совершались жертвоприношения при поклонении священной горе Муе⁴⁷, наконец, именно на восток были обращены выходы киданьских жилищ⁴⁸. А ведь именно свои наземные жилища копировала при строительстве склепов киданьская знать. Значительно отклонение большинства выходов из могильных склепов к юго-востоку и югу, видимо, следует объяснять отклонением точки восхода солнца на горизонте на юго-восток в осенние и зимние месяцы в средних широтах Северного полушария.

Выход из могил-склепов лясских ханьцев в основном ориентирован на юг при общем диапазоне направлений от юго-восточного до юго-западного, что вполне согласуется с традиционной ориентировкой китайских могил-склепов выходом на юг и рассмотрением китайцами южного направления в качестве главного, «переднего». Мо-

гилы-склепы выходом на восток и восток-юго-восток у ляоских ханьцев не отмечены. Следовательно, в киданьской империи Ляо ориентировка выхода на восток и восток-юго-восток является признаком исключительно киданьской могилы-склепа.

Наземное оформление. Большинство киданьских могил в настоящее время не имеет наземных признаков и обнаруживается случайно во время разрушения пологих склонов гор оврагами или карьерами. Однако первоначально наземные сооружения на могилах имелись. В ряде мест их следы сохранились.

Императорские мавзолеи, служившие объектом государственного культа и регулярно посещавшиеся для церемоний поклонения ляоскими императорами, имели хорошо разработанную и довольно единообразную систему наземных сооружений. Наиболее хорошо она изучена в мавзолеях Цицили. Здесь каждый из трех мавзолеев располагался в ориентированной на юго-восток горной долине, по которой протекал небольшой ручей. Вход в долину был закрыт воротами, от которых в глубь долины вела дорога. Сами могилы располагались на крутых склонах в верхнем конце долины. У подножия этих склонов, на расстоянии 150—400 м от могилы, находились остатки значительных по размерам крытых зеленой глазурованной черепицей помпальных храмов (рис. 5, 2—4). Долины окружены высокими хребтами, в ряде мест усиленными искусственными валами⁴⁹. Еще внушительней выглядит Цзулин — мавзолей основателя династии Елюя Лбаоцзи, расположенный северо-западнее ляоского города Цзучжоу (Шитоуфанцзыцунь хошуна Байрин-Цзоци). Мавзолей занимает защищенный со всех сторон высокими горами и насыпными каменными валами раскопок. Выход из распадка на юге представляет собой ущелье шириной 60 м, ограниченное с двух сторон высокими отвесными скалами. Здесь сохранились остатки ворот в мавзолей, называвшихся «Ворота дракона» (Луимэнь). В распадке обнаружены следы двух могил. По мнению Чжоу Цзе, могилой Лбаоцзи, скорее всего, была та, что находится на выступающем с запада возвышении в центре распадка. Восточнее этого возвышения имеются остатки помпальных храмов. Севернее возвышения с остатками могилы найдена каменная статуя, южнее — каменный ступенчатый постамент от другой статуи (рис. 5, 1)⁵⁰. Разумеется, разведочное обследование, проведенное китайскими археологами, без раскопок объектов не позволяет сделать окончательных выводов о его планировке. Тем не менее по описанию можно предположить восточную ориентировку комплекса из могилы, статуи и храмов внутри распадка.

Сведения о Хуайлине — мавзолее императоров Тайцзуна и Муцзуна — у современной д. Гамяоцунь в хошуне Байрин-Цзоци крайне скудны. Тем не менее в них отмечается наличие расщелины, перекрытой валом с воротами, и остатков строений дворцового типа в ней⁵¹.

В хошунах Байрин-Цзоци и Ар-Хорчин-Ци обнаружены остатки киданьских кладбищ. Одно из них находится на пологом склоне горы Ляо-тоушань в 1 км на запад от д. Шуйцюаньгоу

и в 20 км на восток-северо-восток от Линьдуна. Кладбище огорожено валом, образующим прямоугольник размером 187 × 157 м. Современная высота вала около 1 м, ширина основания около 3 м. В центральных частях восточной и южной сторон есть ворота с защитными валами перед ними. В центре огороженного участка когда-то был высокий земляной холм — предполагаемые остатки помпального храма. Севернее — две разграбленные в прошлом могилы. Судя по тому, что обследованная через грабительский лаз одна из могил этого кладбища имела ориентировку выхода на восток и на ее фресках были изображены люди в киданьской одежде, кладбище должно принадлежать киданям⁵².

Видимо, близки к этому кладбищу несколько меньшие по размерам описываемые М. Симадой так называемые каменные стенки — квадратные в плане каменные оградки со стороной 15—45 м, группирующиеся по 20—40 штук на южных, восточных и западных склонах гор в хошуне Байрин-Цзоци. В каждой оградке насчитывается по три-пять западин — следов просевшей земли на месте могил. По рассказам местных жителей, эти могилы представляют собой кирпичные склепы с куполообразным сводом, многоугольные, либо круглые в плане с коротким арочным коридором. М. Симада называет несколько мест с такими «каменными стенками» в районе хошуна⁵³.

Окруженные каменными оградками ляоские могилы отмечает и Миякэ Тосисигэ, осмотревший их в местечке Байнгол в хошуне Байрин-Цзоци. Могилы здесь представляют собой каменные насыпи высотой 1 м и диаметром около 8 м. В одной из таких могил были найдены четыре вытесанные из камня человеческие головы (рис. 6). К сожалению, об устройстве этих могил ничего не сообщается⁵⁴.

На недавно обследованном киданьском могильнике в Хоцяньпин хошуна Чахар-Юидяньци каждый из 10 склепов был обозначен на поверхности прямоугольной каменной оградкой, по размерам несколько превышающей могильную камеру. Над ведущим в могильный склеп коридором у оградки был окуптурирующий его выступ (рис. 7)⁵⁵.

Из приведенных выше данных видно, что киданьские могилы со склепами обносили стеной и возле них сооружали помпальные храмы. Остатки строений вроде помпальных храмов встречаются возле могилы у д. Сыфанчэн в хошуне Байрин-Цзоци⁵⁶, перед могилой № 1 в хошуне Хурэ-Ци аймака Джирэм⁵⁷, на территории фамильного кладбища ляоского Сюо Шэньвэя в Циньхэмьши уезда Исянь⁵⁸. В двух последних местонахождениях прослежены остатки холмообразных насыпей над самими могилами. Земляной насыпью размером 9 × 11 м, высотой 0,8 м отмечена и могила Сюо Паолу в уезде Факу⁵⁹.

Внутреннее устройство. Основными частями киданьской могилы-склепа являются ступенчатый коридор-спуск в нее (дромос), ворота и площадка перед ними, могильные камеры и соединяющие их коридоры. Количество камер и соответственно коридоров между ними варьировалось в зависимости от степени знатности погребенного. Так, императорские могилы в Цицили со-

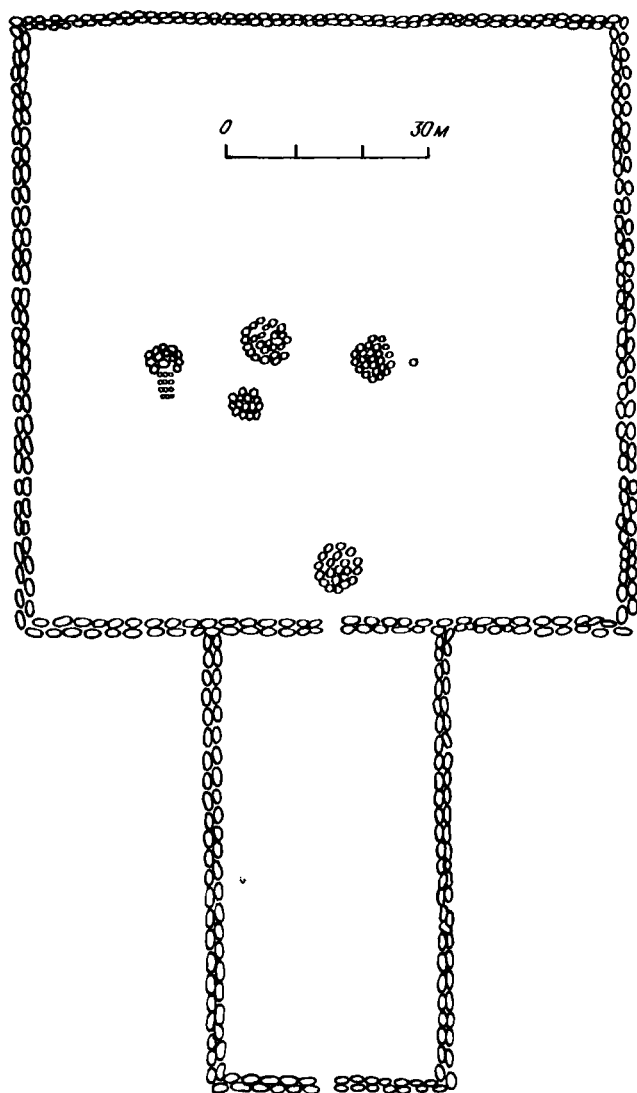

Рис. 6. Схема расположения каменной ограды и насыпей над могилами в Байцгол хошуна Байрин-Цзоци.

стоят из передней, центральной, примыкающих к ним четырех боковых и задней камер⁶⁰. Могилы крупных киданьских вельмож, например императорского зятя, состояли из передней, двух боковых, центральной и задней камер (рис. 8)⁶¹, либо из передней, двух боковых и центральной (рис. 9)⁶². Большую часть составляют однокамерные могилы с коридором и иногда с воротами.

В качестве строительного материала использовался серый кирпич или камень. Иногда одну часть могилы делали из камня, а другую — из кирпича. Кирпич встречается нескольких видов: прямоугольный, прямоугольный с параллельными бороздками на одной из широких граней, квадратный, клиновидный. Прямоугольный кирпич — наиболее универсальный, он применялся для самых разных работ — для кладки стен и куполообразных сводов, для вымощки пола могилы. Квадратный кирпич обычно шел на вымощку пола, из клиновидного иногда строили купольные своды камер склепов. Сравнение кирпичей из разных могил показывает, что строгого стандарта на них не существовало, хотя размеры их примерно одинаковы. Кирпич с бороздками был крупнее и толще простого прямоугольного. Кирпич клали как горизонтально, так и с чере-

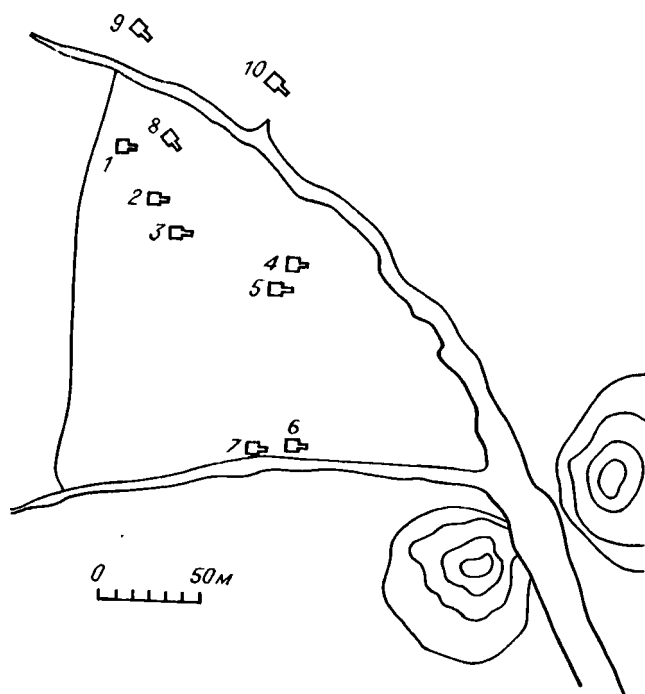

Рис. 7. План могильника в Хаоцянпин хошуна Чахар-Юнцянпин (цифрами обозначены погребения).

дованием слоев горизонтальной и вертикальной кладки. Иногда кирпичную или каменную кладку скрепляли известью или глиной. Своды камер делали в форме купола. Верхнее отверстие в куполе чаще всего закрывали большим камнем, иногда ему придавали форму усеченного конуса. Своды коридоров — арочной формы. Особое внимание уделялось отделке ворот. Здесь часто использовали выточенные из кирпича карнизы черепичной кровли с системой поддерживающих

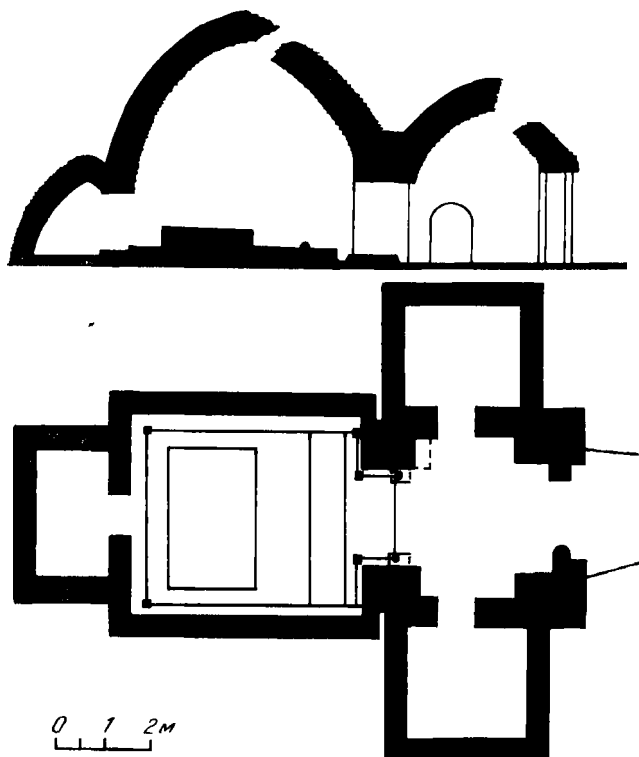

Рис. 8. План склепа-могилы императорского зятя Сю Шагу в Даницы уезда Чифы, 959 г.

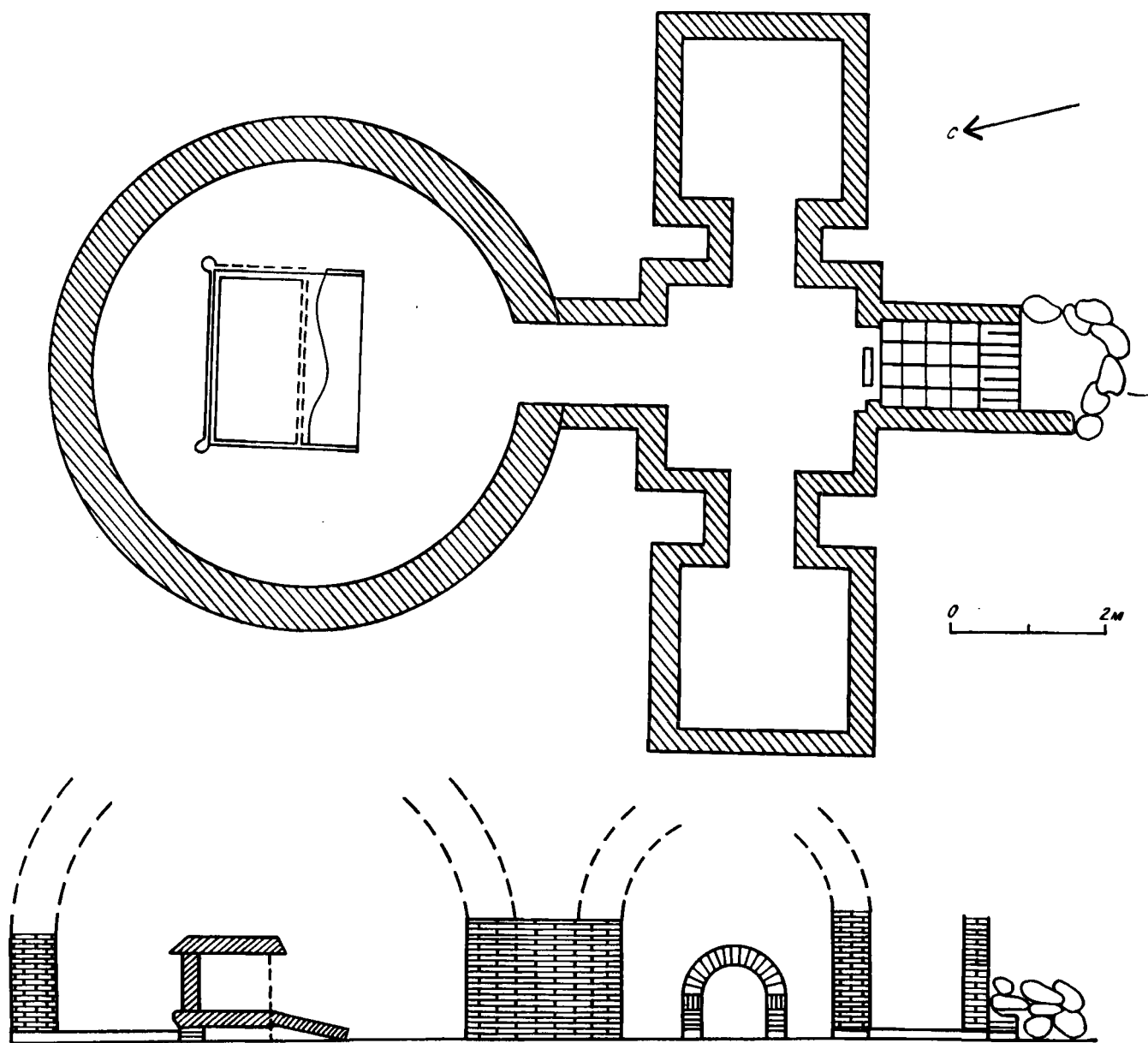

Рис. 9. План склепа-могилы Елюй Яньпина в уезде Чаоян пров. Ляонин, 986 г.

ее крошечных — доугупов. Интересно отметить, что выточенные из кирпича концевые диски черепицы карниза ворот киданьских могил даже в конце XI в. украшали стилизованным изображением розетки лотоса, а черепицу на паземных зданиях с X в. — страшными зооморфными ликами буддийских охранителей от злых духов⁶³. На киданьских памятниках сильно стилизованные изображения лотоса на концевых дисках черепицы встречаются только в самых ранних слоях⁶⁴. Видимо, на воротах могил нашел отражение стиль того времени, когда было введено строительство подземных склепов киданьской знати. Судя по декору концевых дисков черепицы ворот в могилу, это могло произойти в начале X в. или несколько ранее, когда такой декор был распространен повсеместно на черепице танского Китая, Бохая, Кореи и Япоии.

Пол склепов часто мостили квадратным или прямоугольным кирпичом, иногда покрывали досками⁶⁵. В полу устраивали водоотводные канавки. Особо сложные водоотводы устроены под

трехслойным кирпичным полом могилы в д. Давоу уезда Чифын (рис. 10) и в могиле Сяо Паолу в уезде Факу (рис. 11)⁶⁶. В могиле в Давоу канал водоотвода обложен кирпичом, а за ней — каменными плитками. В месте соединения кирпичной и каменной частей имеется заградительная железная решетка. В 20 м от могилы водоотвод выходит к обрыву.

До конца X в. кидани делали квадратные и круглые (?) однокамерные склепы, а также многокамерные могилы, состоящие из квадратных, а к концу указанного периода из главной круглой и квадратных камер (рис. 12). С конца X в. до середины XI в. преобладают круглые могильные камеры, встречаются также сооружения, в которых главная камера круглая, а передняя и боковые — прямоугольные. Для позднего периода — с середины XI в. и до падения империи Ляо в 1125 г. характерны шести- и восьмиугольные могильные камеры. Многокамерные могилы состоят из многоугольных камер, передняя исчезает, превращаясь в простой коридор веду-

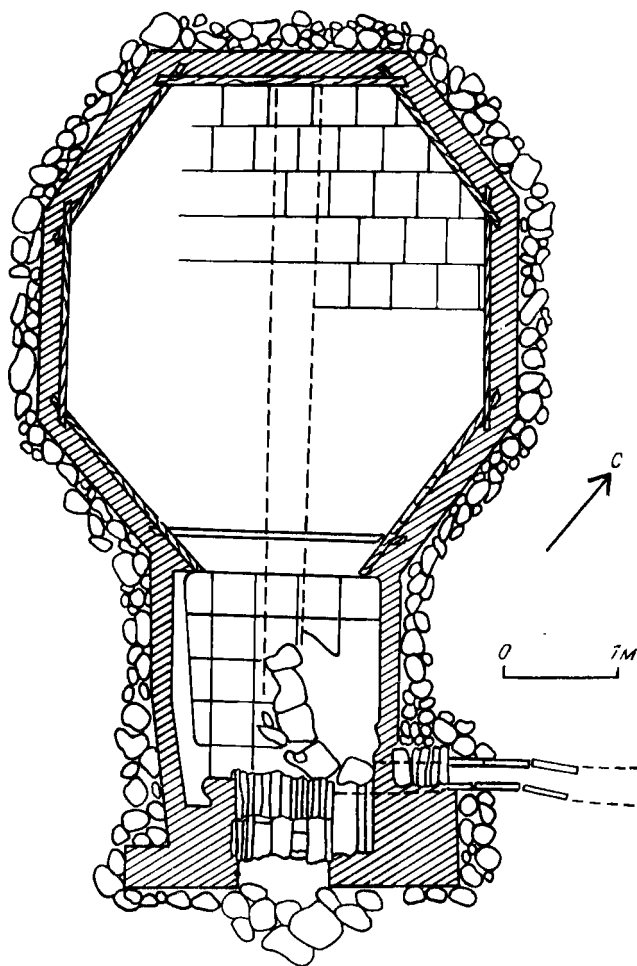

Рис. 10. План склепа киданьской могилы в д. Давоуп уезда Чифыш.

щий от ворот к главной камере и имеющий отвлечение к боковым. Наиболее бедные киданьские однокамерные склепы позднего периода в ряде случаев имеют квадратную форму⁶⁷.

Киданы облицовывали деревом главную камеру, в которой пахотился покойник, а к концу XI в. — и другие камеры. Поэтому в их склепах очень редко наблюдаются сделанные в стенках из кирпича колонны с капителями, копирующие деревянные (могилы в Ебошоу уезда Цзяньпин, в Батуинцзы уезда Сяньинь)⁶⁸. Даже при наличии в стенах кирпичных колонн в могиле в Батуинцзы участки стен между колоннами были облицованы деревом⁶⁹. В круглых склепах раннего периода облицовку составляли отдельные изогнутые дугой бруски, соединенные с помощью пазов и шипов (рис. 13). Ю. Кобаяси и Дз. Тамура, исследовавшие восточный императорский мавзолей Цицзин, обнаружили, что деревянная облицовка его главной камеры завершалась деревянным сводом, а для выхода мастеров, собиравших свод, служил небольшой выход-лаз в основании кирпичного купола в северной части главной камеры⁷⁰. В более поздний период встречается многоугольная облицовка в виде многоугольников, ею оформляли даже круглые камеры. Наиболее хорошо сохранилась облицовка в форме восьмиугольника в могиле в Цзефаньцзы хошуна Опшюд-Ци Внутренней Монголии (рис. 14).

Как и во многих других могилах, здесь облицовка сделана из кипарисового дерева. Стены собраны из брусков, крепящихся друг с другом с помощью косых пазов. Высота стен 1,6 м. Выше из 12 слоев брусков аналогичным образом собран деревянный купол. Судя по наличию цифровой разметки, на внешней стороне брусьев облицовка была изготовлена заранее, затем демонтирована и собрана снова в могильной камере⁷¹. Такая облицовка придавала могиле сходство с юртой, педаром Сян Чуньсуи сравнивает ее и внутреннюю планировку киданьских склепов с современной монгольской юртой⁷². В данной могиле деревянная облицовка выполняла роль саркофага. В могиле в Емаотай уезда Факу деревянный надгробный саркофаг представляет собой модель дома дворцового типа⁷³. Возможно, также выглядел и саркофаг в могиле императорского зятя в д. Даинцзы уезда Чифыш (рис. 15)⁷⁴. Деревянный саркофаг в могиле в коммуне Гуандэгуи хошуна Опшюд-Ци также копирует дом⁷⁵. При этом во всех этих сооружениях, исключение составляет более ранняя могила императорского зятя (959 г.), отсутствует деревянная облицовка стен. Очевидно, деревянная облицовка стен и надгробный деревянный саркофаг в киданьских могилах играли одну и ту же роль — были моделью наземного жилища покойного. В связи с этим отметим, что в большинстве многокамерных могил, за исключением самых поздних, деревянную облицовку-саркофаг делали только в главной камере, где был погребен умерший.

Деревянный саркофаг-облицовка стен могильной камеры является специфической деталью погребального обряда киданей. Сами же могилы-склепы, особенно ранние, по форме, планировке, способу кирпичной кладки не отличаются от китайских и генетически восходят к могилам-склепам танского Китая VII — начала X в.⁷⁶ Очевидно у киданьской знати выработался свой погребальный обряд с труположением в подземном деревянном «жилище» — саркофаге, а для технического обеспечения этого обряда были заимствованы китайские традиции сооружения кирпичных могил-склепов с купольными сводами.

Впрочем, в конструкциях подземных склепов киданей прослеживается не только китайское влияние. В районе Ляояна, Аньшани и в некоторых других местах, относящихся в киданьское время к губернии Восточной столицы, встречаются прямо- либо восьмиугольные склепы, которые были построены из больших каменных плит, вставленных в пазы между угловыми столбами (рис. 16)⁷⁷. Куполообразный либо плоский свод таких могил также сделан из каменных плит. Плиты стен и угловые столбы этих склепов обильно покрыты барельефами. Так как на барельефах встречается изображение хозяев могилы в киданьской одежде, а юго-юго-восточная ориентировка и планировка этих склепов не противоречат киданьскому погребальному обряду, их можно считать киданьскими. Сама же традиция строительства могильных склепов из каменных плит имеет местное происхождение, так как склепы из каменных плит известны в Юго-Восточной Маньчжурии и Северной Корее начиная с первых веков н. э.⁷⁸

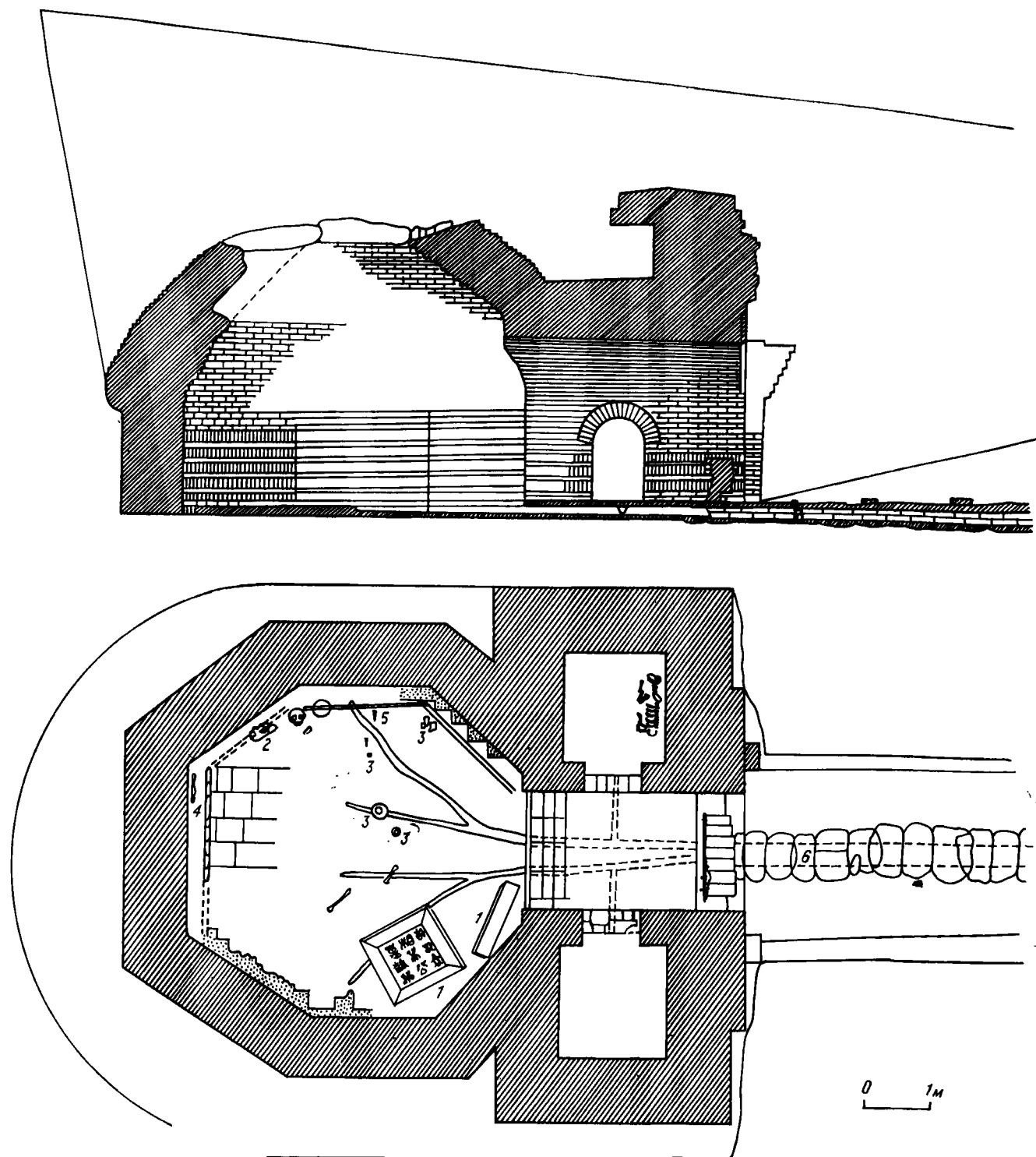

Рис. 11. План склепа-могилы Сю Паолу в уезде Факу, 1090 г.

1 — эпитафия; 2 — каменная скульптура (голова); 3 — сосуды; 4 — нож; 5 — наконечник стрелы; 6 — железная решетка в водотводе.

Погребальный обряд. Согласно сведениям письменных источников, когда умирал знатный кидань, ему вскрывали живот, удаляли внутренности, заполняли полость ароматическими травами, солью и квасцами и зашивали пятицветными нитками. С помощью загнанных под кожу острых соломинок из тела удаляли кровь. После этого лицо покрывали золотой или серебряной маской, а руки и ноги связывали медной проволокой⁷⁹. Исследования подземных склепов киданьской зна-

ти не только подтверждают эти сведения, но и существенно дополняют их.

Покойник помещался на погребальном ложе, установленном параллельно противоположной входу стене могильной камеры. Погребальное ложе представляет собой прямоугольное, а иногда полукруглое возвышение из кирпича или камня. Встречаются также деревянные конструкции. Наиболее хорошо погребальное ложе сохранилось в могилах императорского зятя в

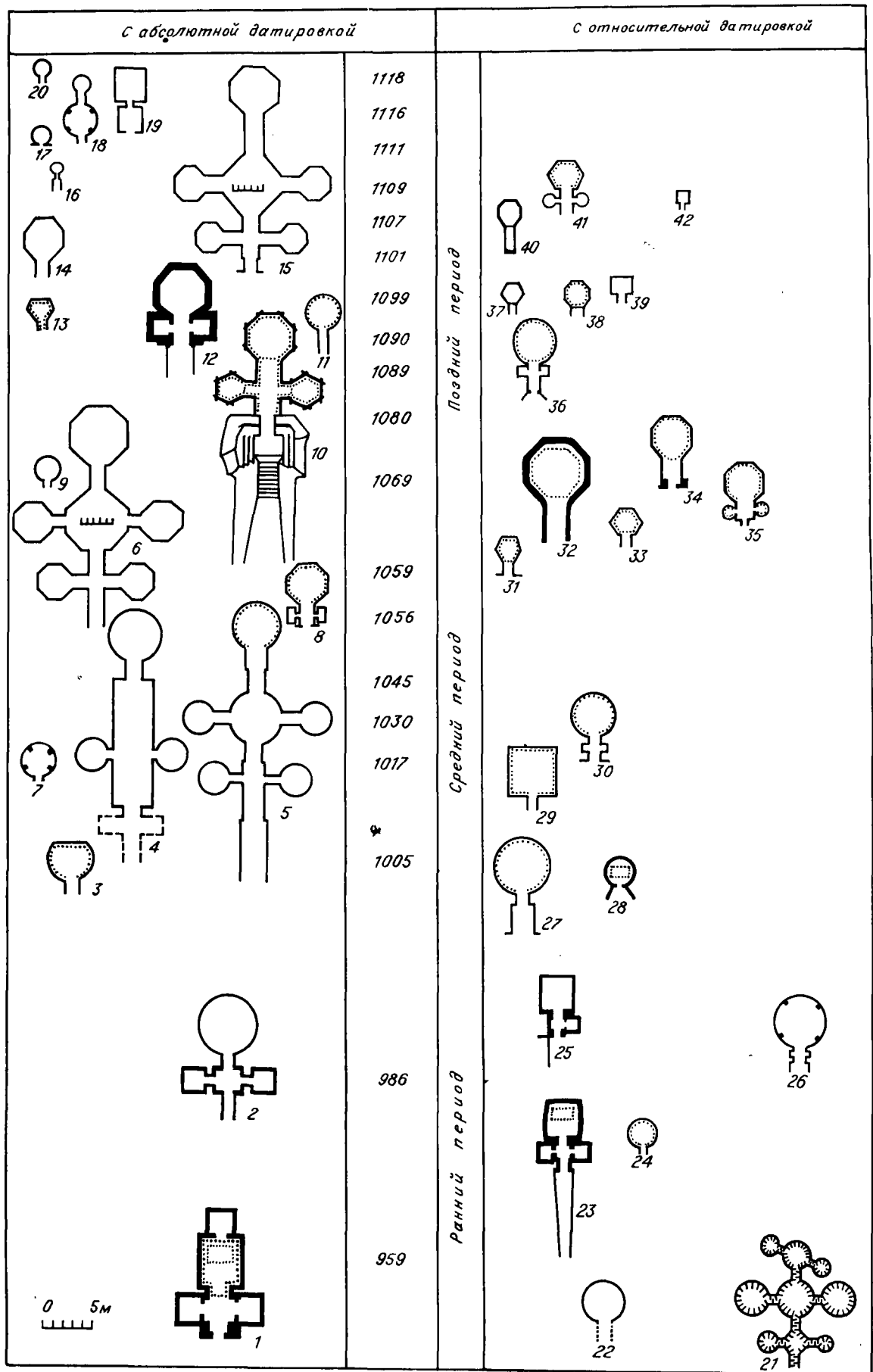

Рис. 12. Эволюция форм яроских склепов.

Могила: 1 — императорского зятя Сю Шагу в Даинцзы уезда Чифынь, 959 г., 2 — Елюй Яньнина в коммуне Сяцзи уезда Чаоян, 986 г., 3 — Ван Юэ в д. Цяньчанцзыцунь уезда Кацзо, 1005 г., 4 — принцессы Циньцзиньго Датжан в Бавангоу уезда Пинцзоань пров. Хэбэй, 1045 г., 7 — Хань Сяна в Шанлуцунь уезда Цяньань пров. Хэбэй, 1017 г. 3 — № 2 у д. Сишаньцунь

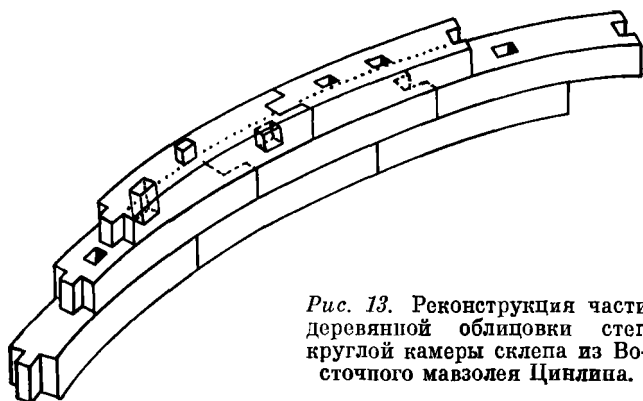

Рис. 13. Реконструкция части деревянной облицовки степ круглой камеры склепа из Восточного мавзолея Циндина.

д. Даицзы уезда Чифыи (см. рис. 14), в д. Емаотай уезда Факу, в Цзефаньинцзы хошуна Оннюд-Ци (рис. 17) и в некоторых других⁸⁰. Его характерные особенности: наличие основания несколько меньшей площади, чем само ложе, украшенное деревянными или кирпичными цветными пальметтовыми или кирпичными цветными пальметтовыми вставками на лицевой и боковых сторонах. Ложе обычно обрамляли с трех или четырех сторон перилами, решетки которых декорированы прорезным орнаментом. На столбиках перил — резные навершия.

Обычно покойника клали прямо на ложе (это наблюдается в могиле в Цзефаньинцзы хошуна Оннюд-Ци), но иногда использовали каменный гроб, а в могиле возле Ляоляна отмечен деревянный гроб, покрытый красным лаком⁸¹. Каменные гробы встречены в могилах X в. — Елюй Яньпина в уезде Чаоян и в Емаотай уезда Факу. Оба гроба прямоугольные, сделаны из песчаника. Их стены, пол и крышка представляют собой монолитные плиты, соединенные друг с другом с помощью шипов и пазов. На наружных стенках изображены «повелители четырех стран света»: синий дракон, белый тигр, красная птица и черная змея-черепаха. Крышка гроба из емаотайской могилы также богато украшена рельефными разукрашенными изображениями извивающихся ветвей, листьев и цветов пиона, сидящих в засаде львов и 12 антропоморфных фигурок — символов годов 60-летнего цикла. Внутри на передней стенке гроба изображены звери, слуги, музыканты, дети, красная птица и два небожителя⁸².

Труположение, ориентировку умершего и сопроводительный инвентарь далеко не всегда удается определить, так как большинство могил-склепов разграблено и их внутренняя обстанов-

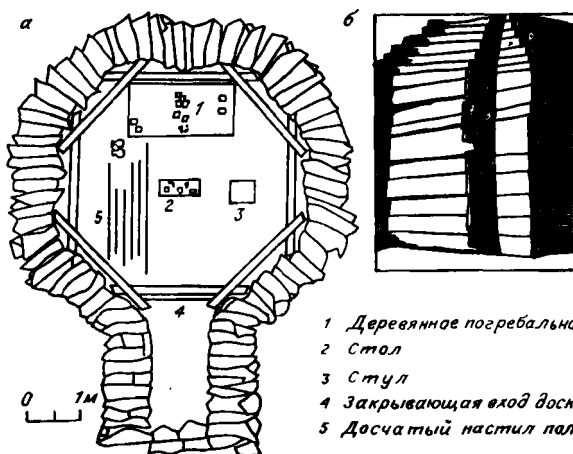

Рис. 14. Восьмиугольная деревянная облицовка-саркофаг в могиле в Цзефаньинцзы хошуна Оннюд-Ци.

а — общий план склепа; б — внешний вид облицовки.

ка сильно порушена. Тем не менее в отдельных могилах погребальный обряд удается проследить до мельчайших деталей.

Уникальным по сохранности является погребение женщины в емаотайской могиле. Женщина лежала на спине головой на восток. Она была покрыта расшитым шелковым саваном, одежду ее составляли длинный покрытый вышивкой халат, подвязанный матерчатым поясом с наспинным серебряным щитком и длинными свисающими ниже колен концами, блузка, юбка, наколенники («штаны»), состоящие только из длинных штанин). На голове была высокая шелковая на ватной основе шапка с вертикальными боковыми крыльями. Особо отметим, что лицо и часть груди были покрыты легчайшей темно-коричневой вуалью, вуаль заткнута в рот, в ноздри вставлены короткие трубочки, скрученные из серебряных пластинок, в руках зажаты шарики из горного хрусталя, на руках перчатки до локтя, руки, ноги и все туловище обмотаны шелковыми полосками, голова привязана к туловищу⁸³. В могиле в Цзефаньинцзы хошуна Оннюд-Ци на погребальном ложе головами на северо-восток в вытянутом положении на спине лежали останки мужчины и женщины. Лица их были накрыты бронзовыми масками, на голове мужчины была войлочная шапка, а голова женщины обернута тканью. На ногах у мужчины сохранились сапоги с медными стельками⁸⁴. В могилах № 1—4 в д. Сяолучжанцзы уезда Нинчэн у погребенных

Циньхэмьня уезда Исаянь, 1059 г., 9 — в Хунмаогуо в западном пригороде Пекина, 1069 г., 10 — № 1 в хошуне Хурз-Ци аймака Джирэм, 1080 г., 11 — Сюо Сяочжуня у д. Сигуань уезда Цзиньси пров. Ляонин, 1089 г., 12 — Сюо Шаолу в д. Цяньшань уезда Факу, Ляонин, 1090 г., 13 — Чжан Гэ в Чжанцзяинцзы хошуна Харачин-Юци, 1090 г., 14 — Шан Вэй, юго-западнее Центральной столицы Ляо, уезд Нинчэн, 1095 г., 16 — № 3 у д. Вохуань в северном пригороде Датуня, 1107 г., 17 — № 15 у д. Шилинпунь в юго-западном пригороде Датуня, 1109 г., 18 — № 1 в Байваньчжуан в западном пригороде Пекина, 1111 г., 19 — в Сюаньхуа пров. Хэбэй, 1116 г., 20 — № 29 у д. Синьцзиньбаоцунь в юго-западном пригороде Датуня, 1118 г., 21 — Чжао Дэцзюня в пригороде Пекина, 930-е — 958 гг., 22 — на ст. Ебошоу уезда Цяньпин, ранний период Ляо, 23 — № 1 в Емаотай уезда Факу, 960—980-е гг., 24 — у д. Чжунлукэцунь уезда Цяньпин, вторая половина X в., 25 — № 1 в Шуйцуньгоу уезда Байляо, вторая половина X — начало XI в., 26 — на дороге Сигуйчу в д. Шаогуцунь, западный пригород Пекина, ранний период Ляо, 27 — № 4 у д. Сиганьцунь Циньхэмьня уезда Исаянь, рубеж X—XI вв., 28 — во втором лесхозе уезда Туинляо, рубеж X—XI вв., 29 — в Чжанцзяинцзы уезда Цяньпин, начало XI в., 30 — № 1 (могила Сюо Сянгуна) у д. Си-

шаньцунь Циньхэмьня уезда Исаянь, XI в., ранее 1044 г., 31 — № 3 (там же), середина XI в., 32 — в Цзефаньинцзы хошуна Оннюд-Ци, середина XI в., 33 — у д. Вайтацзы хошуна Аохан-Ци, середина XI в., до 1079 г., 34 — у д. Даюпу уезда Чифыи, вторая половина XI — начало XII в., 35 — у Сыфанчана севернее Линьдуня, хошун Байрин-Цзоци, около 1067 г., 36 — у д. Ватуинцзы уезда Синьминь, вторая половина на XI в., 37 — № 4 у д. Сяолучжанцзы в уезде Нинчэн, вторая половина XI в., 38 — № 1 (там же), вторая половина XI в., 39 — № 2 (там же), вторая половина XI в., 40 — № 6 в Хаоцзинь хошуня Чахар-Юицзяньци, вонец XI — начало XII в., 41 — № 1 в Гуйшани уезда Цяньчэн, пров. Ляонин, начало XII в., 42 — № 1 могилника в Гаогигэ уезда Шуанляо пров. Ляонин, вонец XI — начало XII в.
Мавзолеи: 5 — императора Шэнцзуна (Восточный мавзолей Циндина) близ Байтацзыцунь хошуна Байрин-Цзоци, 1031 г., 6 — императора Синцзуна (Центральный мавзолей Циндина), 1055 г., 15 — императора Даоцзуна (Западный мавзолей Циндина) близ Байтацзыцунь хошуна Байрин-Цзоци, 1101 г. (Пунктиром обозначены деревянные облицовки и саркофаги в склепах).

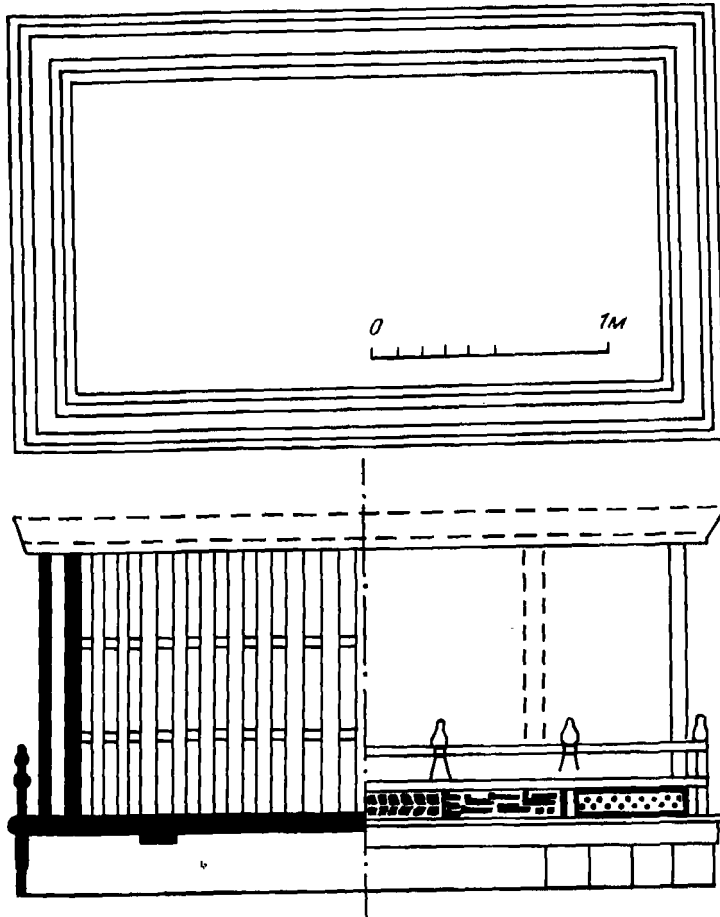

Рис. 15. Плап деревянного саркофага на погребальном ложе (в трех проекциях) из могилы Сюо Шагу в д. Дайцзы пров. Чифын.

на лицах были бронзовые маски, в могиле № 1 обнаружены две пары медных подошв сапог, а в могиле № 4 в руках у погребенной там женщины были зажаты выточенные из нефрита бамбуковые коленца⁸⁵. В могиле в Чжапцзяинцзы уезда Цзяньпин голову погребенного венчала сере-

бряная позолоченная корона, в могиле в Багуинцзы уезда Сисьминь также обнаружены остатки медной позолоченной шапки-короны, проволочных медных сеток от покрытия рук и ног и медная пагрудная пластинка с буддийским текстом на ней⁸⁶.

Особый интерес представляют находки погребенных женщин в сетчатых костюмах из медной проволоки, надетых поверх матерчатой одежды, в могилах № 18 в Емаотай уезда Факу и № 6 в Хаоцяньин хошуна Чахар-Юицяньци. Сеть ко-

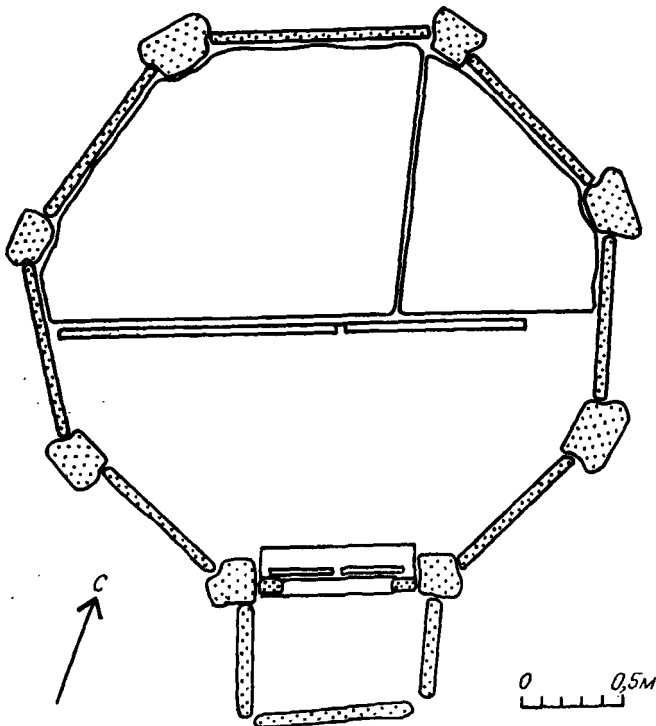

Рис. 16. Плап склепа из камсных плит с барельефами в Давоу уезда Цзиньси.

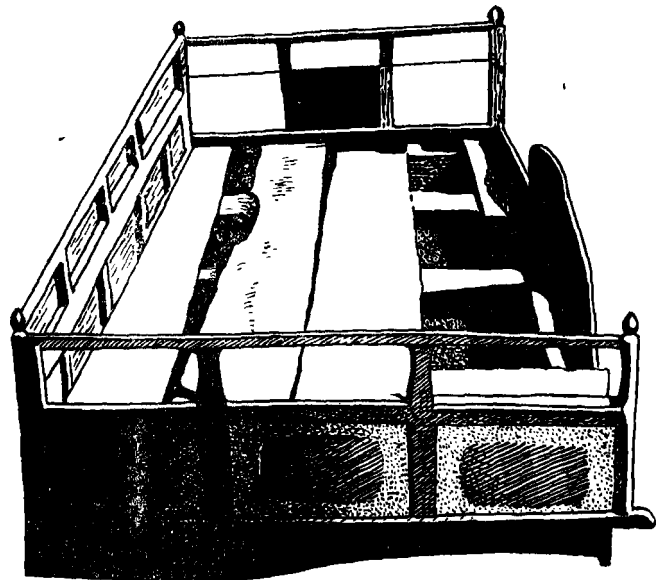

Рис. 17. Погребальное ложе из могилы в Цзефангьинцзы хошуна Оннюд-Ци.

стюмов состоит из шестиугольных ячеек, сами костюмы собраны из отдельных частей: капюшона, рукавов, перчаток, «носок», передней и задней частей куртки и штанов. На лице женщины из могилы № 6 в Хаоцяньин лежала бронзовая маска (рис. 18)⁸⁷. По мнению Ма Хунлу, погребальные медные проволочные костюмы появляются у киданей не ранее среднего периода Ляо (первая половина XI в.). Такие костюмы встречаются почти исключительно в могилах знатных киданей из рода Сяо и всегда принадлежат женщинам. Можно предположить, что быть погребенными в проволочном костюме могли женщины только императорского рода Елюй, будучи женами членов рода Сяо, они погребались в могилах со своими мужьями. В «Ляо ши» в разделе «Церемонии» (личжи) при описании обряда замужества принцессы сообщается о пожаловании ей повозки «для последних проводов», т. е. для погребения. Кроме всего прочего, в повозке имелся полный набор вещей для покрытия тела умершей. Вероятно, в этот набор входил и костюм из медной проволочной сетки⁸⁸.

В целом можно отметить следующие черты погребального обряда у киданей: умершего клали на спину, головой вправо от входа в могильную камеру (т. е. на восток, северо-восток или на север, в зависимости от ориентировки могилы-склепа, хотя изредка встречаются и противоположные направления), одетым и обутом, его голову обертывали материей или надевали шапку, тело, руки и ноги обматывали полосами материи. В обряде часто использовались металлические вещи, бронзовые, иногда серебряные маски (рис. 19)⁸⁹, сетчатые костюмы из медной проволоки, серебряные или медные шапки-короны, медные подошвы или стельки сапог, металлические трубочки, которые вставляли в поздри. В ладонях зажимались мелкие поделки из камня. Очевидно, медные изделия нередко заменялись простыми матерчатыми. Возможно, применение медных и серебряных масок, медных сетчатых костюмов и подошв-стелек получило распространение только в XI в. в ходе дальнейшего развития киданьского погребального обряда, так как ни в одном непогребленном киданьском погребении X в. они не встречены. Сян

Рис. 18. Погребальный костюм из медной проволоки и маска на женщине из могилы № 6 в Хаоцяньин хошуна Чахар-Юнцяньци.

Чуньсун сообщает, что маска обнаружена в киданьском погребении даже на лице ребенка, очевидно, маскам придавалось портретное сходство⁹⁰.

Как правило, в киданьских могилах-склепах встречаются сопогребения супругов. По наблюдениям Фэй Юнцяня, в могиле в Батуинцзы уезда Сипьминь супруги были погребены в разное время, так как вход в могилу замуровывался дважды⁹¹. В мавзолеях Цинлинь погребения императоров и императриц также производились в разное время⁹².

Обычно киданьские могилы-склепы богаты сопроводительным инвентарем. Так, в нераграбленной могиле императорского зятя в д. Даинцзы уезда Чифыи находилось около 2 тыс. различных предметов, свыше 300 вещей было в семаотайской могиле в уезде Факу. В могилы-склепы клали все, что могло понадобиться умершему в загробной жизни: бытовую утварь (жаровни, печи, ведра, совки, ножницы), ценную привозную и ляоскую фарфоровую, лаковую и серебряную посуду, снаряжение коня, игры — «шуанлу» («двойная шестерка») и облавные пашки, женские косметические наборы. Обычно эти предметы расположены в определенном порядке. Во всех склепах, как правило, перед погребальным ложем помещается жертвенный столик. На столике расставлена посуда, положены палочки для еды; на блюдах иногда сохраняются остатки жертвенной пищи: кедровые шишки, косточки персиков, слив, груш, фиников⁹³. В многокамерных могилах-склепах чаще всего в передней камере помещалась плита с эпитафией,

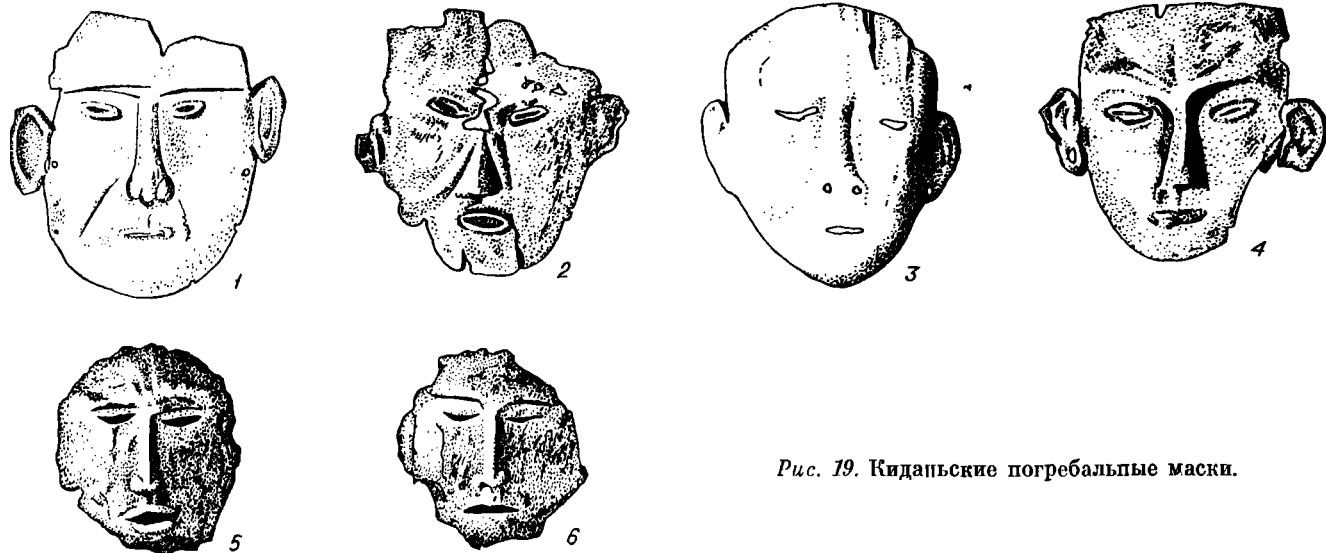

Рис. 19. Киданьские погребальные маски.

в правой (если смотреть со стороны входа) боковой камере находилась фарфоровая, часто специфически ляоская посуда, а в левой — снаряжение коня, оружие и инструменты. В однокамерных могилах в правой от входа стороне помещались всевозможные фарфоровые сосуды, а в левой — снаряжение коня, инструменты и железная бытовая утварь. Такое расположение предметов в однокамерных склепах соответствует планировке вещей в современной монгольской юрте⁹⁴. Так, на самом почетном месте в юрте, против входа, обычно располагался алтарь с жертвенным столиком перед ним, в склепе в этом месте установлено погребальное ложе, перед которым тоже стоит жертвенный столик. Размещение в разных сторонах могильной камеры посуды и конского снаряжения, видимо, отражает деление киданьского жилища на левую (со стороны входа), мужскую и правую, женскую части.

Определенную роль в погребальном обряде играли бронзовые зеркала, подвешиваемые к потолку могилы, а иногда и на ее стенах⁹⁵.

Интерес представляет найденная в могиле № 1 в Хурэ-Ци специально отлитая в честь похороп монета с надписью «6-й год эры Да Кан» («Да Кан лю нянь» — 1180 г.)⁹⁶.

Стены могил-склепов густо покрывали фресками. Могильная фресковая живопись была известна на Дальнем Востоке — в Китае, Корее и в других странах за много веков до создания империи Ляо. Вместе со склепами кидани заимствовали и фресковую живопись. Однако их фрески отличались своеобразием композиции, сюжетов, которые отражали быт и занятия. Фрески в кидань-

ских могилах размещаются на стенах ведущего в могилу дромоса, на воротах в склеп, на стенах и арочных сводах коридоров, на стенах и куполах передней и боковых камер. Иногда рисунки па- носили на деревянную облицовку-саркофаг главной камеры.

Обычно для исполнения фресок в ляоских могилах стена предварительно покрывалась слоем известки, по нему процарапывались и обводились черными линиями контуры, затем изображении раскрашивались различными цветами. На стенах дромоса воспроизведены сцены отъезда и возвращения «хозяина» могилы в сопровождении прислуги и воинов (рис. 20)⁹⁷. Подносящую вещь и ожидающую распоряжений прислугу часто изображали на стенах вблизи ворот, в коридоре, передней и боковых камерах. Вооруженных стражей ворот рисовали по сторонам от входа. В различных местах, обычно в главной камере, изображали бытовые сюжеты: приготовление пищи, столов для пира, пастушеский стан, стадо, охоту, природу в разные времена года. Вероятно, часто на фресках изображали вполне конкретных людей из прислуги и подчиненных хозяина. Например, на фресках мавзолея императора Шэнцзуна над каждым изображением человека имеются подписи, сделанные малым киданьским письмом, а в «Ляо ши» есть сообщение о том, что в 1-й год своего правления Синцзун велел изобразить премьер-министров Северной и Южной администрации во дворце Высочайшего Образа скончавшегося императора Шэнцзуна⁹⁸. Очевидно, и в мавзолее были изображены вельможи из ближайшего окружения императора.

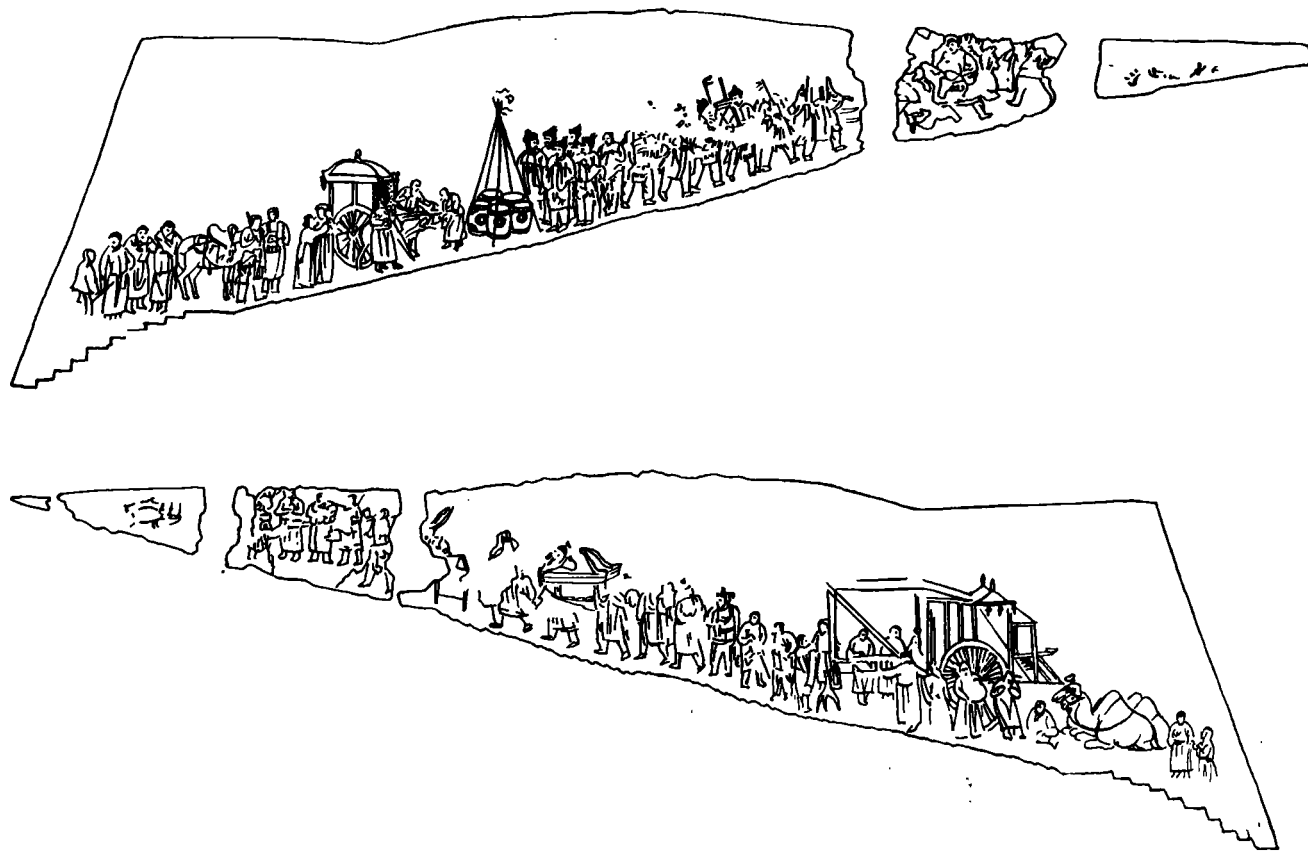

Рис. 20. Сцена отъезда хозяина со свитой на фреске из могилы № 1 в хошуне Хурэ-Ци аймака Джирэм.

В отдельных могилах-склепах встречаются остатки жертвоприношений. Так, в могиле № 1 в Хурэ-Ци в центральной и боковых камерах, а также в нишах при входе в могилу найдено 10 человеческих черепов. Обнаружено также большое количество человеческих костей, включая бедренную кость ребенка. На некоторых костях заметны следы ранений. Судя по стертости зубов, черепа принадлежали отнюдь не пожилым людям. Очевидно, здесь имели место человеческие жертвоприношения. В этой же могиле обнаружены кости лошади, дикого кабана, кур, мышей и зайцев⁹⁹. В могиле в Чжанцзяинцзы уезда Цзяньпин был найден череп барана¹⁰⁰, а в могиле Сяо Паоу — кости коровы, зуб лошади, а также целый скелет собаки¹⁰¹. «Ляо ши» содержит сведения о сопогребении людей вместе с умершим императором в X в. Жена первого императора Абаоцзи императрица Шулюй по традиции должна была последовать в могилу вместе с мужем, но, ссылаясь на необходимость опекать еще недостаточно опытных сыновей — наследников престола, положила в могилу мужа только кисть своей правой руки¹⁰². В 983 г. вместе с императором Цзинцзуном были погребены два человека из его ближайшего окружения. При этом сопогребение с императором почиталось за большую честь, и не все желающие удостоивались ее¹⁰³. Принесение в жертву скота при похоронах киданей, видимо, было очень распространено и наносило большой ущерб хозяйству империи. Недаром дважды, в 992 и 1034 гг. выходили императорские указы, запрещающие приносить в жертву лошадей и быков при похоронах и погребать в могилах ценные вещи из серебра, золота и драгоценные камни. Только премьер-министрам, генерал-губернаторам (цзедуши) и членам их семей разрешалось класть в могилу серебряные вещи¹⁰⁴. Очевидно, обычно приносились в жертву животные и часть предметов сжигались во время похорон перед могилой¹⁰⁵. Действительно, находки костей животных в могилах крайне редки. В то же время на крышке с эпитафией в могиле императорского зятя в Даинцзы в выгравированном списке, пожалованных императором на похороны вещей, названы одежды, серебряная посуда, седла, 33 различных коня, 35 быков и 350 баранов¹⁰⁶. Поскольку в этой не подвергшейся разграблению могиле костей животных не обнаружено, следует полагать, что животные были принесены в жертву указанным выше способом — путем сожжения вне могилы.

В заключение остановимся на некоторых моментах, дополняющих общую характеристику киданьских погребений.

Картографирование ляоских могил показывает распространение киданьских могил-склепов в собственно киданьских землях — в районах Верхней и Центральной столиц, а также на территории губернии Восточной столицы, где находились уделы крупных киданьских феодалов, так называемые вверенные области (тоуся чжоу). Могилы-склепы ляоских ханьцев в основном располагаются в южных районах империи, завоеванных киданями у Китая, а также в окрестностях всех столичных городов. Такое распространение могил подтверждает данные «Ляо ши» о расселении подавляющего большинства ляоских ханьцев на завоеванных ки-

данами у Китая землях губернии Южной и Западной столиц¹⁰⁷. Киданьские могилы находятся и в восточных пределах империи Ляо. Здесь, судя по погребениям, в район проживания киданей входили бассейн р. Ляохэ и территория нижнего течения р. Нонни. Восточнее киданьских могил не встречено. На окраинах империи обнаружены погребения, отличающиеся по обряду как от киданьских, так и от ханьских. Так, в уезде Фуую пров. Гирин найдено богатое погребение мужчины. Он похоронен по обряду трупоположения в деревянном гробу и каменном саркофаге с большой земляной насыпью сверху¹⁰⁸. Судя по найденным в этой могиле золотой поясной пряжке с орнаментированным пластинчатым щитком, накладывавшимся на конец ремня, могила относилась к дочжурчжэньскому времени, ибо у чжурчжэней в XII в. такие пряжки крайне редки. Общий вид погребения несколько напоминает бохайские могилы в Хэлуэ¹⁰⁹. Это и неудивительно, так как район уезда Фуую был завоеван киданями у Бохая, и определенная часть бохайского населения должна была оставаться здесь и в ляоское время.

Кирпичные могилы-склепы в окрестностях города Пяньлянь уезда Ляшу довольно разнообразны по устройству и обряду погребения¹¹⁰, что, очевидно, свидетельствует об этнической пестроте населения.

Своеобразно выглядят и ляоские погребения на северо-восточной окраине империи Ляо в районе уезда Тайлай пров. Хэйлуунцзян¹¹¹. Прямоугольные кирпичные могильные камеры здесь не имеют купольного свода и представляют собой яму корытообразной формы, расширяющуюся кверху. Интересно, что в одной из таких могил почти на всех кирпичиках есть отпечаток ладони¹¹² (подобное часто наблюдается на чжурчжэньских кирпичиках). Специфическим является и наличие в этих могилах серебряных гривн с утоншающимися и загнутыми в колечки концами¹¹³.

Обнаруженные на территории МНР погребения конца XI — начала XII в. сильно отличаются от киданьских по своему устройству и обряду¹¹⁴. Очевидно, здесь мы имеем дело с традициями других этносов, входивших в состав империи Ляо.

Киданьские погребения представляют собой не сравнимый ни с чем по своей ценности и обилию материала источник для изучения материальной культуры и хозяйства киданей. Огромное значение здесь имеет тот факт, что в могилы-склепы кидани клали не копии вещей — «минци», а настоящие предметы, причем разложенные самими киданями на группы в соответствии с их назначением. Другой бесценный для исследователей источник информации — фрески, своего рода фотографии сцен из жизни киданей, сохранившие для нас подробности, которые не смогли бы заменить никакие вещественные находки и письменные свидетельства.

Как показывают исследования, у киданьской знати выработался свой оригинальный погребальный обряд. О том, что формирование этого обряда происходило в период империи Ляо, свидетельствует упомянутое выше отсутствие медных и серебряных погребальных масок в киданьских могилах X в., изменение форм склепов и деревян-

ных саркофагов в XI в. Пока трудно сказать, когда зародился погребальный обряд киданьской знати. Доляоские киданьские могилы-склепы пока не известны, либо не выделены из общей массы ранних киданьских могил. Судя по разработанности этого обряда уже в середине X в., он вполне мог сформироваться еще в предшествовавший образованию империи период¹¹⁵. Отдельные же элементы киданьского погребального обряда — устройство деревянных срубов-саркофагов, погребальные металлические маски — не являются чем-то исключительно киданьским и связываются с погребальными обрядами степных народов Евразии. Так, погребальные маски известны в Сибири еще в таштыкское время, а серебряные погребальные маски получили распространение у ранних волжских болгар в X в.¹¹⁶ Кидани же всегда были связаны с этим степным миром, особенно с тюрками и уйгурами, и сами представляли его юго-восточную окраину. Здесь интересно отметить выявленные Ань Лу параллели между киданьскими погребальными масками и обычаем покрытия лица умершего тканью с нашитыми на нее бляшками у далеких предков киданей — племен дунху¹¹⁷.

В погребальном обряде киданьской знати прослеживаются типичные для погребения степняка-

всадника черты: сопогребение конского снаряжения, принесение в жертву коней, быков, овец. Такие элементы в той или иной форме проявляются в погребальном обряде всех народов евразийских степей в средние века¹¹⁸.

Погребальный обряд киданьской знати является не только этноразличительным признаком, но и показателем престижности и высокого социального положения погребенного. В связи с этим интерес представляют могилы ляоского Хань Сяна (1018 г.), предки которого, выходцы из царства Янь, на протяжении ряда поколений занимали высокие военные посты в киданьской империи¹¹⁹, заместителя генерал-губернатора (цзедуфуши) Ван Юэ (1005 г.), происходившего из старинной китайской семьи полководцев, тоже несколько поколений служивших империи Ляо¹²⁰, а также могила некоего Чжэн Гэ (1090 г.) в Чжанцзяинцзы хошуна Харачин¹²¹. В этих погребениях наблюдаются специфические черты погребального обряда киданьской знати: труположение во всех трех могилах, восточная ориентировка первой из них, наличие деревянной облицовки-саркофага в двух последних. Таким образом, с начала XI в. погребальный обряд киданей начинает распространяться среди высших слоев ляоских ханьцев, являясь выражением их социального положения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ван Юйпин. Группа по охране памятников истории и культуры Внутренней Монголии обследовала киданьские памятники // ВЦЦ.— 1955.— № 8.— С. 151—152 (на кит. яз.); Он же. Проблема датировки орнаментированной штампом керамики из аймака Джу-Уд Внутренней Монголии // КГТС.— 1955.— № 4.— С. 14—18 (на кит. яз.); Он же. Глиняные сосуды, найденные на памятнике эпохи Ляо на склоне горы Байшань в Линьдунце хошуна Байрин-Цзоци аймака Джу-Уд Внутренней Монголии // Там же.— 1956.— № 2.— С. 29—33 (на кит. яз.).

² Чжао Синь. Ляоские погребения с трупосожжением в Шаунцзингоу хошуна Байрин-Цзоци аймака Джу-Уд Внутренней Монголии // КГ.— 1963.— № 10.— С. 553—554, 561 (на кит. яз.).

³ Там же; см. также: Ивлиев А. Л. Киданьская керамика // Древний и средневековый Восток.— М., 1985.— Ч. 1.— С. 121, рис. 4, 3—6.— С. 123, рис. 9, 5.

⁴ Чжао Синь. Ляоские погребения...— С. 561.

⁵ См.: Ван Юйпин. Глиняные сосуды...; Он же. Проблема датировки.

⁶ Симата Масао. Ляоские погребения // Кокогаку дзасси.— 1953.— Т. 39, № 3.— С. 31—40 (на яп. яз.).

⁷ Ван Юйпин. Группа по охране памятников...— С. 152.

⁸ WF.— P. 283.

⁹ И Циньань. Находка каменного гроба второго года ляоской эры правления Шоу Чан в д. Далиньцзунь Ляояна // ВЦЦ.— 1956.— № 3.— С. 79—80 (на кит. яз.).

¹⁰ Чжао Байчжун. Несколько киданьских погребений, обнаруженных в аймаке Джирэм Внутренней Монголии // КГ.— 1984.— № 2.— С. 153—156 (на кит. яз.); Он же. Исследование культуры киданей раннего периода // КГ.— 1984.— № 2.— С. 183—186 (на кит. яз.).

¹¹ Чжао Байчжун. Киданьская могила в Хусынао хошуна Харчин-Цзоихоуци // ВУ.— 1983.— С. 18—22 (на кит. яз.).

¹² Чжэн Лун. Об обследовании древнего могильника в Чжалайноре Внутренней Монголии // ВУ.— 1961.— № 9.— С. 16—19 (на кит. яз.); Чжэн Лун. Краткий отчет о раскопках древнего могильника в Чжалайноре Внутренней Монголии // КГ.— 1961.— № 12.— С. 673—680 (на кит. яз.).

¹³ Лю Лань, Шао Чуньхуа. Ляоский могильник в Гаолигэ уезда Шуанляо провинции Гирич // КГ.— 1986.— № 2.— С. 138—146 (на кит. яз.).

¹⁴ Тамура Дзицудзо, Юкэ Кобаяси. Цинлин.: Отчет об археологическом обследовании императорских мавзолеев династии Ляо и их фресковой живописи в Восточной Монголии: В 2 т.— Киото, 1952—1953 (на яп. яз.).

¹⁵ Чжэн Шаоцзун. Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцзы уезда Чифыи // КГСБ.— 1956.— № 3.— С. 1—26 (на кит. яз.).

¹⁶ Ли Вэньсинь. Отчет о раскопках ляоских могил в Циньхэмынь уезда Исянь // КГСБ.— 1954.— № 8.— С. 163—202 (на кит. яз.). Могила № 2 Ли Вэньсинь датирует первой половиной XI в. на том основании, что кидани при погребении следовали китайской традиции: чем старше был умерший, тем выше по склону его хоронили. Однако форма склепа, найденные в этой могиле фарфоровая и поливная посуда и, наконец, эпитафия указывают на гораздо более позднюю дату.

¹⁷ Лю Цзянь. Эпитафия из ляоской могилы в Сигушань уезда Цзиньси провинции Ляонин // КГТС.— 1956.— № 2.— С. 71 (на кит. яз.); Янь Ваньчжан. Изучение написанной киданьским письмом эпитафии из могилы в Сигушань уезда Цзиньси // КГСБ.— 1957.— С. 69—84 (на кит. яз.); Янь Юй. Краткий отчет об обследовании могилы Сяо Сяочжуну в д. Сигушань уезда Цзиньси // КГ.— 1960.— № 2.— С. 34—35 (на кит. яз.).

¹⁸ Тамура Дзицудзо, Юкэ Кобаяси. Цинлин...— Т. 1.— С. 25.

¹⁹ Археологическая экспедиция Ляонинского провинциального музея: Краткий отчет о раскопках могилы Елюй Яньбина эпохи Ляо // ВУ.— 1980.— № 7.— С. 18—22 (на кит. яз.).

²⁰ Фэн Юндянь. Могила ляоского Сяо Паолу в Цяньшань уезда Факу провинции Ляонин // КГ.— 1983.— № 7.— С. 624—635 (на кит. яз.).

²¹ Чжэн Шаоцзун. Эпитафия киданьской принцессы Циньдзиньго Дачжан // КГ.— 1962.— № 8.— С. 429—435, 403 (на кит. яз.).

²² Ли Вэньсинь. Отчет о раскопках ляоских могил в Циньхэмынь...

²³ Ли Ю. Обследование ляоской могилы в уезде Нинчан Внутренней Монголии // КГТС.— 1958.— № 4.— С. 61 (на кит. яз.); Он же. Краткий отчет о раскопках

ляоских могил в Сяолучжанцзы уезда Нинчэн аймака Джун-Уд // ВУ.—1961.— № 9.— С. 44—49 (на кит. яз.).

²⁴ Чжу Гочэнь, Ша Чжэньхой. Находка ляоской могилы в Чжундзяканьчжэнь пров. Хэйлуцзян // КГТС.—1955.— № 2.— С. 53 (на кит. яз.).

²⁵ Фэн Юнцян. Три ляоские могилы в уездах Цзяньши и Синьминь пров. Ляонин // КГ.—1960.— № 2.— С. 15—24 (на кит. яз.).

²⁶ Сюй Юйлинь. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы № 1 в д. Шуйцюань уезда Бэйяо пров. Ляонин // ВУ.—1977.— № 12.— С. 44—51 (на кит. яз.).

²⁷ Археологический отряд Ляонинского провинциального музея и группы по изучению и охране памятников материальной культуры района Телин провинции Ляонин: Общее описание ляоской могилы в Емаотай уезда Факу // ВУ.—1975.— № 12.— С. 26—36 (далее — Общее описание ляоской могилы в Емаотай...) (на кит. яз.).

²⁸ Чжэн Лун. Находка ляоской могилы в д. Давоу уезда Чифынь // КГ.—1959.— № 1.— С. 47—48 (на кит. яз.).

²⁹ Сян Чуньсу. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы в Цзефапшиньци Внутренней Монголии // КГ.—1979.— № 4.— С. 330—334 (на кит. яз.); Он же. Материалы по живописи из ляоских могил, обнаруженных в районе Джун-Уд Ляонина // ВУ.—1973.— № 6.— С. 22—24 (на кит. яз.).

³⁰ Шао Готянь. Ляоская могила в Байтацзы хошуна Аохан-Ци // КГ.—1978.— № 2.— С. 119—121 (на кит. яз.); Сян Чуньсу. Материалы по живописи...— С. 23—25.

³¹ Миякэ Тосисигэ. Записки об обследовании археологических памятников эпохи Ляо в Линьдуне.— Сяньцзинь, 1944.— С. 42—45 (на яп. яз.); Тамура Дзипудзо, Юкё Кобаяси. Циплин...— Т. 1.— С. 26; Сян Чуньсу. Материалы по живописи...— С. 24.

³² Сян Чуньсу. Материалы по живописи...— С. 22.

³³ Там же.— С. 23—24.

³⁴ Тамура Дзипудзо, Юкё Кобаяси. Циплин...— Т. 1.— С. 25; Миякэ Сайто. Об археологических памятниках возле Ебошоу в провинции Жэхэ Маньчжоу-го // Кокосаку дзаси.— 1942.— Т. 32, № 1.— С. 27—38 (на яп. яз.).

³⁵ Чэнь Сянвэй, Ван Цзяньцюнь. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы № 1 в хошуне Хурэ-Ци аймака Джиром пров. Гирин // ВУ.—1973.— № 8.— С. 2—18 (на кит. яз.).

³⁶ Пань Синьжун. Обследование древней могилы и городища в д. Байсиньтунь хошуна Хорчин-Юндяньци Внутренней Монголии // КГ.—1965.— № 7.— С. 374—376 (на кит. яз.).

³⁷ Лу Сысянь, Ду Чэньгу. Краткий отчет об обследовании ляоской могилы № 6 в Хаоцяньпин хошуна Чахар-Юндяньци // ВУ.—1983.— № 9.— С. 1—8 (на кит. яз.).

³⁸ Фэн Юндянь, Дэн Баосюэ. Важнейшие древности, обнаруженные при обследовании и учете памятников в уезде Цзяньчэн пров. Ляонин // ВУ.—1983.— № 9.— С. 66—72 (на кит. яз.); Цзинь Фэнъи, Сюй Цзи. Ляоская могила № 1 в Гуйшани уезда Цзяньчан провинции Ляонин // Там же.—1985.— № 3.— С. 48—55 (на кит. яз.).

³⁹ Чжан Сюфу, Тянь Шухуа, Чэн Чаифу. Ляоская могила в Сяоцзингоу уезда Пинцюань пров. Хэбэй // ВУ.—1982.— № 7.— С. 50—53 (на кит. яз.).

⁴⁰ Чжан Байчжун. Ляоская могила во втором лесном хозяйстве уезда Тунляо Внутренней Монголии // ВУ.—1985.— № 3.— С. 56—62 (на кит. яз.).

⁴¹ Погребения ляоских ханьцев: могила в Сюаньхуа г. Чжаоцзянгоу пров. Хэбэй, серия могил в пригороде Пекина — в Пэнчжуане, Хулмаогоу, Сицуйлу, Тяньтани, Байваньчжуане, Сяньшунтани, а также могилы Чжао Дэцзюня и Ван Цзе, в Далиньцзы и Наньлиньцзы в окрестностях Ляояна, в деревнях Вохувань, Шилинпудуци и Синьтяньбаоцунь в окрестностях г. Датуня, западнее Центральной столицы Ляо в уезде Нинчэн, в том числе могила Шао Вэя и могилы у д. Шаньтоунь; три могилы, две из которых принадлежали членам клана Чжао, в уезде Чаоли. См.: Чжэн Шаоцун. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы с фресками в уезде Сюаньхуа провинции Хэбэй // ВУ.—1975.— № 8.— С. 31—39 (на кит. яз.); Ма Сигуй. Ляоская могила в Сяньшунтань близ Пекина // Там же.—1977.— № 11.— С. 88—91 (на кит. яз.); Су Тяньцзюнь. Краткое сообщение о раскопках ляоской могилы в Байваньчжуане в западном пригороде Пекина // КГ.—1963.— № 3.— С. 145—146 (на кит. яз.);

Он же. Краткое сообщение о раскопках ляоских могил в пригороде Пекина // Там же.—1959.— № 2.— С. 89—93 (на кит. яз.); Юй Чжэнь. Открытие древней могилы в парке Тяньтань Пекин // Там же.—1963.— № 3.— С. 171 (на кит. яз.); Су Тяньцзюнь. Могила ляоского Чжао Дэцзюня в южном пригороде Пекина // Там же.—1962.— № 5.— С. 246—253 (на кит. яз.); Несколько ляоских могил, обнаруженных в Пекине в последние годы // Там же.—1972.— № 3.— С. 35—40 (на кит. яз.); И Циньвань. Находка каменного гроба...; Ляоинское управление по изучению и охране памятников материальной культуры. Находка ляоской и цзиньской могил в Ляояне // ВУ.—1977.— № 12.— С. 90—91 (на кит. яз.); Бянь Чэнюэ. Три ляоские могилы с фресками, обнаруженные в юго-западном пригороде Датуня // Там же.—1959.— № 7.— С. 73 (на кит. яз.); Он же. Пять могил с фресками эпохи Ляо в пригороде Датуня пров. Шаньси // КГ.—1960.— № 10.— С. 37—42 (на кит. яз.); Чжан Бишжэнь. Четыре ляоские могилы с фресками в Вохувань Датуня пров. Шаньси // Там же.—1963.— № 8.— С. 432—436 (на кит. яз.); Разведочная группа Юньганского отдела по охране древностей провинции Шаньси: Краткое сообщение об обследовании танских, ляоских и цзиньских могил в юго-западном пригороде Датуня провинции Шаньси // КГТС.—1958.— № 6.— С. 28—36 (далее — Краткое сообщение об обследовании танских, ляоских и цзиньских могил...) (на кит. яз.); Чжэн Лун. Краткое сообщение об обследовании могилы ляоского Шан Вэя в аймаке Джун-Уд // ВУ.—1961.— № 9.— С. 50—51 (на кит. яз.); Ли Юй. Древние погребения за Западным городом ляоской Центральной столицы // Там же.— С. 40—45 (на кит. яз.); Дэн Баосюэ, Сунь Гоши, Ли Юйфан. Ляоские могилы клана Чжао в Чаояне провинции Ляонин // Там же.—1983.— № 9.— С. 30—38 (на кит. яз.).

⁴² Су Тяньцзюнь. Краткое сообщение о раскопках ляоских могил...— С. 89—90, 93; Ли Юй. Древние погребения за Западным городом...

⁴³ Ли Юй. Древние погребения за Западным городом...; Ма Сигуй. Ляоская могила...; Су Тяньцзюнь. Краткое сообщение о раскопках ляоской могилы в Байваньчжуане...; Он же. Краткое сообщение о раскопках ляоских могил...

⁴⁴ См., например: Ли Юй. Древние погребения за Западным городом...; Су Тяньцзюнь. Краткое сообщение о раскопках ляоских могил...

⁴⁵ Лю Лань, Шао Чуньхуа. Ляоский могильник в Гаолунгэ...— С. 142—143.

⁴⁶ Ивлиев А. Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий.— Владивосток, 1983.— С. 120—133.

⁴⁷ WF.— P. 267, 273, 279.

⁴⁸ Е Лулинь. История государства киданей. (Цидань го чжэн)/Пер. с кит., введ. коммент. и прил. В. С. Таскина.— М., 1979.— С. 323.

⁴⁹ Тамура Дзипудзо, Юкё Кобаяси. Циплин...— Т. 1.— Pnc. 133, 178, 179.

⁵⁰ Чжоу Цзе. Записки об обследовании мавзолея ляоского Тайцзу в аймаке Джун-Уд Внутренней Монголии // КГ.—1966.— № 5.— С. 263—266 (на кит. яз.).

⁵¹ Минь Сюаньхуа (Ж. Мюи). Исследование древних городов эпохи Ляо в Восточной Монголии.— Пекин, 1956.— С. 48—51 (на кит. яз.); Ван Юйпин. В хошунах Байрип-Цзоци и Байрип-Юци обнаружены несколько ляоских могил // ВЦЦ.—1955.— № 3.— С. 149—150 (на кит. яз.).

⁵² Ли Юй. Ляоская могила с фресками в Шуйцюаньгоу хошуна Ар-Хорчин-Ци // ВЦЦ.—1958.— № 4.— С. 72—73 (на кит. яз.). Возможно, тремя годами раньше Ван Юйпин описывал это же кладбище у основания южного склона горы Лаотоушань. Однако его описание имеет существенные различия: окружающая кладбище стена кирпичная, 197 × 228 шагов, ворота имеются в восточной, западной и южной стенах, в северной стене — остаток жилища. На кладбище обнаружены четыре разрушенные японцами могилы.— См.: Ван Юйпин. В хошунгах Байрип-Цзоци и Байрип-Юци обнаружены несколько ляоских могил...— С. 149.

⁵³ Симата Масао. Ляоские погребения...— С. 34—35.

⁵⁴ Миякэ Тосисигэ. Записки об обследовании археологических памятников...— С. 11—23.

⁵⁵ Лу Сысянь, Ду Чэньгу. Краткий отчет об обследовании ляоской могилы № 6 в Хаоцяньпин...— С. 1.

- ⁵⁶ Миякэ Тосисигэ. Записки об обследовании археологических памятников...— С. 42—45.
- ⁵⁷ Чэнь Сяньвэй, Ван Цзяньцзюнь. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы № 1 в хошуне Хурэ-Ци...— С. 2.
- ⁵⁸ Ли Вэньсинь. Отчет о раскопках ляоских могил в Цзпхэмынь...— С. 166, 172, 185.
- ⁵⁹ Фэн Юнцзянь. Могила ляоского Сяо Паолу в Цяньшапи...— С. 624.
- ⁶⁰ Тамура Дзицудзо, Юкё Кобаяси. Цинлип...— Т. 1.— С. 19, 159, 174.
- ⁶¹ Чжэн Шаоцзун. Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцзы...— С. 2—3.
- ⁶² Археологическая экспедиция Ляонинского провинциального музея...— С. 18—19.
- ⁶³ Тамура Дзицудзо, Юкё Кобаяси. Цинлип...— Т. 1.— С. 22—23, рис. 17—18; Чэнь Сяньвэй, Ван Цзяньцзюнь. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы № 1...— С. 4, рис. 3.
- ⁶⁴ У Цзунсинь. Об обследовании древнего ляоского города Жаочжоу // КГ.— 1980.— № 6.— С. 514 (на кит. яз.); Миякэ Тосисигэ. Записки об обследовании археологических памятников...— С. 26, 64; Фэн Юнцзянь, Цзянь Няньсы. Об обследовании ляоского города Жаочжоу // Дунбэй каогу юй липи.— Пекин, 1982.— Вып. 1.— С. 211—219 (на кит. яз.); Чжоу Цзе. Записки об обследовании мавзолея ляоского Тайцзун...— С. 264.
- ⁶⁵ Сян Чуньсун. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы в Цзефаньинцзы...— С. 330.
- ⁶⁶ Фэн Юнцзянь. Могила ляоского Сяо Паолу...— С. 627; Чжэн Лун. Находка ляоской могилы в д. Давопу...—
- ⁶⁷ Ван Цзянь. Две ляоские могилы, обнаруженные в уезде Шуаляо провинции Гири // КГ.— 1983.— № 8.— С. 753—754 (на кит. яз.).
- ⁶⁸ Миякэ Сайто. Об археологических памятниках возле Ебошоу...— С. 27—33; Фэн Юнцзянь. Три ляоские могилы...— С. 21—22.
- ⁶⁹ Фэн Юнцзянь. Три ляоские могилы...— С. 21—22.
- ⁷⁰ Тамура Дзицудзо, Юкё Кобаяси. Цинлип...— Т. 1.— С. 21, 32, 37.
- ⁷¹ Сян Чуньсун. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы в Цзефаньинцзы...—
- ⁷² Там же.— С. 334.
- ⁷³ Общее описание ляоской могилы в Емаотай...— С. 26—28; Цао Сюнь. Домик на подставке для гроба в ляоской могиле в Емаотай // ВУ.— 1975.— № 12.— С. 49—59 (на кит. яз.); Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века.— М., 1984.— С. 133.
- ⁷⁴ Чжэн Шаоцзун. Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцзы...— С. 8—9.
- ⁷⁵ Сян Чуньсун. Материалы по живописи...— С. 22—23, рис. 8; Ивлиев А. Л. Жилища киданей // Дальний Восток и Центральная Азия.— М., 1985.— С. 100, 102.
- ⁷⁶ См., например: Краткое сообщение об обследовании танских, ляоских и цзиньских могил...—
- ⁷⁷ Ван Цзэнсинь. Ляоская могила с барельефами в Цзипьчапе уезда Ляонин провинции Ляонин // КГ.— 1960.— № 2.— С. 25—28 (на кит. яз.); Тамура Дзицудзо, Юкё Кобаяси. Цинлип...— Т. 1.— С. 26—27; Чжан Лиюцзы. Изображение пиона на камешных барельефах эпохи Ляо // ВЦЦ.— 1958.— № 11.— С. 30—31 (на кит. яз.); Янь Юй. Могилы с барельефами эпох Ляо-Цзинь в Давопу уезда Цзипьси // КГ.— 1960.— № 2.— С. 29—33 (на кит. яз.).
- ⁷⁸ Например, могила основателя Когурё короля Тонмэн (V в.) и могила конца III—начала V в. у д. Шанванцзяцзунь Ляояна.— См.: Исторические памятники Кореи.— Пхеньян, 1980.— Рис. № 8, 10 (на кор. яз.); Ли Цинфа. Краткий отчет об обследовании могил с фресками эпохи Цзинь в д. Шанванцзяцзунь Ляояна // ВУ.— 1959.— № 7.— С. 60—62 (на кит. яз.).
- ⁷⁹ WF.— P. 280; Симада Масао. Ляоская посмертная маска // Когогаку дзасси.— 1950.— Т. 36.— № 1.— С. 39—40 (на яп. яз.).
- ⁸⁰ Чжэн Шаоцзун. Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцзы...— С. 8—9, рис. 7; Общее описание ляоской могилы в Емаотай...— С. 27—28, рис. 4; Цао Сюнь. Домик...; Сян Чуньсун. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы в Цзефаньинцзы...— С. 331—332.
- ⁸¹ Ван Цзэнсинь. Ляоская могила с барельефами...— С. 25.
- ⁸² Археологическая экспедиция Ляонинского провинциального музея...— С. 19; Общее описание ляоской могилы в Емаотай...— С. 28, рис. 5. Примечательно, что расположение животных—символов стран света—не соответствует реальной ориентации емаотайского гроба: красная птица—повелитель юга—здесь на востоке и т. д.
- ⁸³ Общее описание ляоской могилы в Емаотай...— С. 28—30.
- ⁸⁴ Сян Чуньсун. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы в Цзефаньинцзы...— С. 330.
- ⁸⁵ Ли Юй. Краткий отчет о раскопках ляоских могил в Сяолучжанцзы...—
- ⁸⁶ Фэн Юнцзянь. Три ляоские могилы...— С. 16—18, 21—23.
- ⁸⁷ Вэнь Лихэ. Находка киданьского национального сетчатого покрытия из медной проволоки в Емаотай уезда Факу пров. Ляонин // ВУ.— 1981.— № 12.— С. 92 (на кит. яз.); Лу Сысянь, Ду Чэнью. Краткий отчет об обследовании ляоской могилы № 6...; Цзи Чэнчжи. Исследование некоторых проблем ляоской могилы № 6 в Хаоцянбин // ВУ.— 1983.— № 9.— С. 9—14 (на кит. яз.).
- ⁸⁸ Ма Хунлу. Одежда из медной проволочной сетки в погребальном обряде киданей и связанные с ней проблемы // КГ.— 1983.— № 3.— С. 264—267 (на кит. яз.).
- ⁸⁹ Сугимур Юдзо, Гото Синтаро. Каталог музея в Порт-Артуре.— Токио, 1953.— Табл. 34 (на яп. яз.); Фэн Юнцзянь. Три ляоские могилы... О киданьских погребальных масках см. также: Симада Масао. Ляоская посмертная маска; Симада Садахико. Древние серебряные и медные погребальные маски, обнаруженные в уезде Цзяньбин провинции Жэхэ Маньчжоу-го // Сирип.— 1935.— Т. 20, № 1.— С. 138—144 (на яп. яз.); Он же. Новые находки древних серебряных и медных масок в пров. Жэхэ Маньчжоу-го // Когогаку дзасси.— 1937.— Т. 27, № 1.— С. 45—48 (на яп. яз.); Хамада Косаку. Исследование древних медных и серебряных погребальных масок // Сирип.— 1925.— Т. 10, № 1.— С. 25—38 (на яп. яз.).
- ⁹⁰ Сян Чуньсун. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы в Цзефаньинцзы...— С. 233.
- ⁹¹ Фэн Юнцзянь. Три ляоские могилы...— С. 21.
- ⁹² Тамура Дзицудзо, Юкё Кобаяси. Цинлип...— Т. 1.— С. 57—59 английского текста.
- ⁹³ Минь Сюаньхуа. Исследование древних городов...— С. 77; Чжэн Шаоцзун. Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцзы...— Табл. I, 6; Общее описание ляоской могилы в Емаотай...—
- ⁹⁴ См.: Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX—середины XX века.— М., 1979.— С. 54—55; Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии: Очерки по истории.— М., 1971.— С. 9—22.
- ⁹⁵ Чжэн Шаоцзун. Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцзы...— С. 3; Минь Сюаньхуа. Исследование древних городов...— С. 77; Фэн Юнцзянь. Три ляоские могилы...— С. 17—18.
- ⁹⁶ Чэнь Сяньвэй, Ван Цзяньцзюнь. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы № 1...— С. 7.
- ⁹⁷ Там же; Ван Цзэнсинь. Предварительное изучение фресок ляоской могилы № 1 в хошуне Хурэ-Ци // ВУ.— 1973.— № 8.— С. 30—35 (на кит. яз.).
- ⁹⁸ Ляо ши (История династии Ляо)/Сост. Токто и др.— Пекин, 1958.— Цз. 18, с. 2а (на кит. яз.).
- ⁹⁹ Чэнь Сяньвэй, Ван Цзяньцзюнь. Краткий отчет о раскопках ляоской могилы № 1...— С. 5.
- ¹⁰⁰ Фэн Юнцзянь. Три ляоские могилы...— С. 16.
- ¹⁰¹ Фэн Юнцзянь. Могила ляоского Сяо Паолу...— С. 625, 628.
- ¹⁰² Е Лунли. История государства киданей...— С. 53; WF.— P. 254.
- ¹⁰³ Ibid.— P. 258.
- ¹⁰⁴ Ibid.— P. 234, 261, 263.
- ¹⁰⁵ Ibid.— P. 278—279.
- ¹⁰⁶ Чжэн Шаоцзун. Отчет о раскопках ляоских могил у д. Даинцзы...— С. 9.
- ¹⁰⁷ WF.— P. 55.
- ¹⁰⁸ Куан Юй. Могила эпох Ляо-Цзинь в уезде Фукуй пров. Гири // КГ.— 1963.— № 11.— С. 618—619 (на кит. яз.).
- ¹⁰⁹ Эти две могилы представляют собой сложенные из кирпича камеры размером 2,40 × 1,40 м и высотой 0,47 м, сверху накрытые двумя слоями из восьми ка-

мепных плит. Над могилами была земляная насыпь. См.: Го Вэнькуй. Золотые украшения, найденные в древних бохайских могилах в Хэлуэ // ВУ.—1973.— № 8.—С. 41—47, 62 (на кит. яз.).

¹¹⁰ Гиринский провинциальный комитет по охране и изучению памятников материальной культуры. Об обследовании городища Пяньлянь в уезде Липу пров. Гирин // КГТС.—1958.— № 3.—С. 26—31 (на кит. яз.).

¹¹¹ Дань Хуаша. Обследование ляоской могилы в уезде Тайлай пров. Хэйлуцзян // КГ.—1960.— № 4.—С. 46 (на кит. яз.); Ван Юнсян. Поселение и погребение эпох Ляо-Цзинь в восточном пригороде Харбина // Там же.—С. 41—42 (на кит. яз.); Дань Хуаша. Ляоская могила в Хоувобаотунь уезда Тайлай пров. Хэйлуцзян // Там же.—1962.— № 3.—С. 143 (на кит. яз.).

¹¹² Дань Хуаша. Обследование ляоской могилы...

¹¹³ Там же; Ван Юнсян. Поселение и погребение...

¹¹⁴ Шавкунов Э. В. Отчет об археологических исследованиях отряда по изучению средневековых памятников Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР в 1972 году.— Архив Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР.— Ф. 1, оп. 2, № 34, с. 9—12; Пэрлэ Х. Киданские могильники: (по материалам раскопок) // Ре-

феративный журнал. Общественные науки за рубежом (Сер. 5. История).—1983.— № 4.—С. 187—188; Он же. Остатки древних могил XI века // КГТС.—1957.— № 2.—С. 118—120 (на кит. яз.).

¹¹⁵ Ж. Мюи приводит данные географического раздела «Ляо ши», где сообщается о наличии могил доляоских Боту возле Цинчжоу и Лэдэ-вана на горе Лэдэ-шап в области Линьхуанфу (Минь Сюаньхуа. Исследование древних городов...—С. 75). Об устройстве и обряде этих могил ничего не известно.

¹¹⁶ Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.— С. 79.

¹¹⁷ Ань Лу. Обряд покрытия лица при погребении у народов дунху и связанные с ним проблемы // Бэйфан вэньбу.— Харбин, 1985.— № 1.—С. 42—46 (на кит. яз.).

¹¹⁸ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей.— М., 1982.—С. 81—83.

¹¹⁹ Тан Юньмин. Могила ляоского Хань Сяна в дер. Шанлуцунь уезда Цяньань пров. Хэбэй // КГ.—1973.— № 5.—С. 276—278 (на кит. яз.).

¹²⁰ Ли Вэньсянь, Чжу Гуй, Ли Цинфа. Могила ляоского Ван Юэ в уезде Кацзо пров. Ляопин // КГ.—1962.— № 9.—С. 479—483 (на кит. яз.).

¹²¹ Тамура Дзицудзо, Юкё Кобаяси. Цивилизм...— Т. 1.— С. 25—26.

М. В. ВОРОБЬЕВ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КИТАЙСКО-ЧЖУРЧЖЭНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Названная тема не впервые освещается в советской исторической науке. Недавно увидела свет монография С. Н. Гончарова, написанная по многочисленным китайским источникам и исследовательским работам¹. Проблемы китайско-чжурчженских дипломатических отношений неоднократно обсуждались на научных форумах². Им посвящены исследования зарубежных специалистов³.

В данной статье рассматриваются дипломатические отношения в X в.—1234 г. с акцентом на чжурчженскую сторону.

Поскольку к X в., когда чжурчжэни вступили на политическую арену Дальнего Востока, Китай господствовал здесь почти два тысячелетия, рассмотрение ситуации начнем с него. Справедливо мнение, что не позднее чем с династии Чжоу (точнее, VI—IV вв. до н. э.) теория внутри- и внешнеполитического урегулирования в Китае базировалась на тезисе о так называемой благой силе «дэ»⁴. С помощью этой силы китайский император якобы приносил гармонию в мир, в государство, в человеческое общество. В классической литературе эта функция монарха получила наименование «мироустроительной». Ее реализация считалась не правом монарха, а его обязанностью перед Небом, якобы выдавшим ему мандат на правление. Поскольку носителем силы «дэ» объявлялся император Китая, а сам Китай оказывался сопричастным «мироустроению», то основное внимание уделялось «внутреннему пространству», упорядочению же «внешнего пространства» (соседей) отводилось второе место. (Поскольку речь идет в конце концов о деятельности государства, правомерно отмеченное разделение на «пространства» сближать с делением функции государства на внутреннюю и внешнюю в нашем понимании.)

Догма о силе «дэ» стала важным элементом

формирующегося конфуцианского учения, которое среди прочих выдвинуло постулаты, имеющие отношение к внешнеполитической сфере. Эти постулаты утверждали, что вся существующая в мире мудрость уже познана, причем китайскими мудрецами. Поэтому Китай — средоточие мудрости. Прочие же народы отличаются от китайцев главным образом незнанием этой мудрости. Однако они испытывают тягу к ней и, познав эту мудрость, позабудут свои прежние обычаи. Сохранять мудрость — значит сохранять форму, ритуал. Многовековое господство конфуцианства закрепило этнопсихологический стереотип: уверенность в превосходстве всего китайского и «варварстве» всего некитайского. Если обратиться к конфуцианским идеям, имеющим внешнеполитическое значение в эпоху существования Сун (X—XIII вв.) и Цзинь (XII—XIII вв.), то выяснится, что сунское конфуцианство еще развило и укрепило дух автаркии, сдержанное, а иногда и враждебное отношение ко всему инородному, иноземному. Еще предшественник неоконфуцианцев танский Хань Юй в трактате «О человеке» говорил о том, что человек — «высшее во всем том, что есть между Небом и Землей», и противопоставлял ему «птиц и животных» и «дикарей»!⁵ Человек же является хозяином всего сущего, поскольку обладает «путем человеческим» (т. е. гуманизмом, в конфуцианском смысле), чуждым дикарям.

Возведение основных принципов и «добродетелей» конфуцианства на космическую ступень, т. е. утверждение прямой зависимости между космосом — природой — законом — добродетельным человеком, проводилось вполне последовательно и приводило к результатам, лишь внешне выглядящим для нас странными, а в цепи соответствующих представлений являющимся вполне

логичными. Обратимся, например, к осмыслению истории. Неоконфуцианец Шао-Кан-цзэ (XI в.) в своих трудах изложил пессимистическую концепцию развития истории,двигающейся к своему концу под воздействием космических сил. «В течение этого времени (с Яо и за три тысячи лет.— М. В.) в четырех морях и девяти владениях иногда было единство, а иногда разделение, иногда порядок, а иногда беспорядок, иногда жестокость, а иногда чрезмерная мягкость, иногда руководство, а иногда анархия, но никогда не было никого, кто бы дал подлинное единство их правам и обычаям на период более чем одно поколение»⁶. Соответственно государство в сунских представлениях как институт растворено в космосе, и государственная власть мыслится как средство контакта с этими космическими силами. Все земное, с этих позиций, находится в состоянии хаоса, и любые попытки местными, чисто политическими, средствами навести сколько-нибудь стабильный порядок обречены на неудачу. Истоки такой концепции свидетельствуют о большой древности и устойчивости традиционализма⁷.

В Китае сложилась тесная связь традиции, идеологии и политической власти. Привычные формы отношений (традиции), раз сформировавшиеся и закрепившиеся, подвергались корректировке со стороны господствующей идеологии (конфуцианства). Длительное воздействие конфуцианства способствовало появлению модифицированной традиции. Традиции стали важным фактором нормального функционирования политической власти, а политическая власть еще более усиливала влияние традиций. Замкнутость китайского общества способствовала развитию этноцентризма, первоначально как-то оправданного относительно низким уровнем культуры соседей, но сохранившегося по традиции и впоследствии, хотя реальное соотношение этнических сил изменилось⁸.

На этой базе строились в Китае и внешнеполитические отношения. Уже в эпоху правления династии Инь (XVIII—XII вв. до н. э.) начало складываться учение о царе как земном правителе, властвовавшем по воле верховного владыки над всеми народами. Присылка последними «дани» воспринималась как «деварваризация». В эпоху Чжоу (XII—III вв. до н. э.) в этом учении на первый план выдвигался постулат о решающей роли Неба, по воле которого сын Неба — китайский император — управляет Поднебесной. На основе учения о сыне Неба возникли идеи служения ему всех прочих правителей: китайских и не китайских. Одной из форм, подтверждающей такое служение, стало заключение «клятвенных договоров» удельными князьями и прочими владетелями, другой — приношение дани «варварами», имевшее ритуально-политический характер⁹. В первой форме выражено признание партнера в договоре, партнера не вполне добровольного. При династиях Цинь и Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.) окрепла политика «постепенного поедания земель соседей подобно тому, как шелковичный червь поедает листья» (цаньши). Но в отношениях с сюнну эта политика натолкнулась на противодействие, что привело к появлению «договоров о мире, основанных на родстве» (хэцинь), по которым китайянок

(«принцесс») отдавали в жены вождям сюнну в залог верности Китая договорам. При этом китайский император приобретал статус тестя. При династии Хань была разработана политика «сдерживания» (цзими) противника щедрыми дарами, посылаемыми из Китая. Но одновременно с ней применялась тактика «подавления одних варваров, используя других варваров» (и и чжи и). Обе династии придерживались обычая жаловать соседним вождям грамоты на управление их же землями и присвоение титулов. Реальное соотношение сил вносило существенные поправки в дипломатическую догму китайцев, иногда опрокидывая ее, но по окончании кризиса догма снова вступала в права. Так, ханьский Вэньди в 174 г. до н. э. сюннускому шаньюю писал: «Император почтительно спрашивает о здоровье великого шаньюя сюнну»¹⁰. В 52 г. императорский вельможа в проекте письма вождю сюнну высказал китайское кредо: «Хань управляет [с помощью] силы и верности, возглавляя все государства. Все, живущее под солнцем и луною, является его слугами. [В отношении] многих народов с различными обычаями справедлив и не различает близких и дальних. Покорных награждает, противящихся и бунтующих — наказывает»¹¹. В периоды Троецарствия, Южных и Северных династий (III—VI вв.) китайские государства чаще довольствовались тактикой «держат в ослабленной узде, не прерывая сношений» (цзими бу цзэ). При династии Тан (VII—IX вв.) философы усиленно заговорили о «дэ» как об основе нормальных, с точки зрения Китая, отношений с иностранными державами и племенами. Подъем Китая привел философов к мысли, что концентрация моральной и физической силы определяет внешние сношения. «Хорошее» правление осуществлялось ими в силе «дэ», а наличие этого элемента у народов — объектов сношений — обеспечивало их подчинение и признание ими власти сына Неба. Принятие этого принципа в эпоху расцвета Китая освобождало от забот о соблюдении доктрины «дэ». Выбор чисто тактических средств: от «данничества» до «мира, основанного на родстве» (причем Китай неизменно выступал как старший родственник), осуществлялся довольно легко.

Господствующая теория претерпела сильные испытания уже в начале правления династии Сун (X—XIII вв.) по мере возвышения тангутов и киданей, особо последних. В 936 г. кидани провозгласили императором китайской Поздней Цзинь Ши Цзинтао, признавшего себя «сыном» императора киданьской Ляо и передавшего киданям 16 пограничных округов в Северном Китае. Китай утратил стратегически важные собственные земли, был также нанесен удар традиционной теории его внешних сношений: уже кидани, а не китайцы, дали инвеституру новому императору, да еще в самом Китае и, конечно, поставили его ниже киданьского. Мироустроительная функция, казалось, переходила к киданям. Попытка Китая отстоять эту свою роль еще усугубила кризис. При заключении в 1005 г. мирного договора с Ляо китайскому императору пришлось согласиться на равноправное титулование договаривающихся сторон («братьев») на императорском уровне, но ки-

тайские теоретики твердо стояли на своем и всеми правдами и неправдами выставляли китайского императора старшим братом.

Немногом лучше обстояло дело и с тангутами (Си Ся). В 1038 г. тангутский властитель принял императорский титул, чем уже в принципе уравнял себя с императором Китая. Китайцам пришлось признать совершившееся. Им удалось добиться, и то за большую субсидию тангутам, признания китайского императора старшим братом гапгутского. Сохранение этого престижного уровня ставилось столь высоко, что китайцы предпочли утрату территории, увеличение субсидии по сравнению в статусе императора Китая.

Чжурчжэни не имели развитой теории дипломатии, но обладали практическими навыками и сведениями о подобных теориях у соседей. Ведь еще на догосударственной стадии своего существования чжурчжэни поддерживали отношения со всеми тремя соседними державами. До начала XII в. между чжурчжэнями и киданями преобладали односторонние, вассальные и даннические отношения: чжурчжэни отправлялись на поклон ко двору Ляо, приносили подарки («дапъ»), получали «утверждение» в должности своих вождей, и без того правящих, звапия, печати. За это они получали право въезда в земли Ляо для торговли и уважение у себя на родине. Самовольно снижая дапъ, они отказывались подносить некоторые стеснительные «дары» (например, печати), заботясь о своем престиже, со времени провозглашения династии Цзинь отказывались принимать киданьские грамоты, в которых императора Цзинь титуловали не по их правилам.

В сношениях чжурчжэней с Корё преобладали торгово-культурные интересы, и их политическая подчиненность от Корё была куда слабее, чем от Ляо. Зато сильна была посредническая роль чжурчжэней — следствие частых походов Ляо в Корё.

Первый датированный контакт чжурчжэней с китайцами, смахивающий на дипломатический, произошел в 925 г. С 925 по 981 г. зафиксировано не менее 14 приездов чжурчжэней в Дэнчжоу — порт для приема иноземцев на п-ове Шаньдун, однако на этой стадии дипломатическая сторона скрыта торгово-культурной. Но на следующей стадии, окончившейся в 1031 г., эти сношения приобрели более зрелый, дипломатический характер¹².

Отсутствие государственности у чжурчжэней в это время придавало их внешним связям конкретно-практическую направленность, функциональную нерасчлененность. Дипломатический ритуал имел для чжурчжэней тогда второстепенное значение. Даже вассалитет признавался чжурчжэньскими вождями до тех пор, пока они чувствовали над собой непосредственную власть Ляо. Действия чжурчжэньских вождей — посителей высокого звания киданьского цзедуши (наместника) — противоречили интересам Ляо. Одни вожди, заинтересованные в торговле на землях Ляо, не задумываясь, соглашались признать его сюзеренитет (например, в 1019 г.)¹³. Другие вожди просили распространить на их земли корейское административное деление — вариант вассалитета (в частности, в 1073 г.), ездили в Корё менять знаки киданьского вассалитета на корейские (в

1079 г.)¹⁴. В 995 г. китайцы за участие в восстании против Ляо предложили чжурчжэням ссуду, по последние, числившиеся вассалами и в Ляо, и в Сун, донесли об этом в Ляо.

Сунское правительство зорко следило за положением на севере и стремилось использовать любой предлог для укрепления позиции по отношению к своему сюзерену — Ляо. Во время наездов в Китай в X—XI вв. чжурчжэнями поднимались вопросы об оказании им помощи, о соглашении с китайцами, но разрешения они не получили. Провозглашение государства Цзинь в 1115 г. и его первые успехи в противостоянии Ляо вновь вселили надежды в китайских дипломатов. В 1117—1123 гг. происходили новые переговоры, для чжурчжэней первые после провозглашения государства и разрыва с Ляо. Китайские дипломаты вдохновлялись идеей «с помощью варваров подавлять варваров», но в ходе переговоров вынуждены были существенно отступить от этой идеи. Предметами переговоров являлись такие вопросы, как военный союз с Цзинь против Ляо, возвращение Сун 16 китайских округов, захваченных Ляо, открытие таможенных рынков на суп-цинъюнской границе, китайская материальная помощь Цзинь. Скрытые цели и причины переговоров называются исследователями не всегда одинаково. Одни в числе причин, толкнувших Сун на переговоры с Цзинь, указывают на огромные траты Китая на войны с киданями, на оборону северных границ, на организацию восстаний в Китае против непомерного налогового гнета, а в качестве целей называют, кроме объявленных, восстановление в полной мере мироустроительной функции Китая, укрепление внутреннего положения в стране¹⁵; другие — на необходимость возвращения и укрепления 16 округов с целью предотвращения возможного вторжения чжурчжэней в Китай. Считают, что чжурчжэни стремились не допустить создания союза между Ляо и Сун против Цзинь и выяснить военно-политический потенциал Китая¹⁶.

Переговоры проходили в неблагоприятных для Китая условиях. Инициативу проявили китайцы, их посольство тайно, боясь гнева киданей, прибыло в Цзинь. Посол просил чжурчжэней вернуть династии Сун китайские земли после победы Цзинь над Ляо, обещая за это не военную помощь теперь же, а денежную компенсацию впоследствии, и... получил отказ. Выдвигая такие предложения, Китай по дипломатическим взглядам той эпохи в сущности соглашался добровольно стать кредитором народа, который еще пару лет тому назад сам платил дань Ляо, да и теперь не был уверен в конечном исходе борьбы с киданями. Китайцы не выразили желания отвоевать свои земли оружием. Цзинъюнский император Агуда (Тайцзу) великолепно понял ситуацию и ответил: «Мы нападём на упомянутые земли вместе с государством Сун с двух сторон, и кто, что приобретет, тем пусть и владеет»¹⁷. Отказ со стороны вчерашнего племенного вождя заставил китайцев изменить тактику и в следующий приезд предложить военный союз против Ляо. После окончательного разрыва с Ляо Цзинь летом 1119 г. в принципе согласилась на союз. Начался торг о сумме ежегодных «выкупных платежей» за воз-

вращаемые округа. Поскольку платежи равнялись сумме доходов, которую давали эти округа, эксперты обеих сторон занялись подсчетами, причем чжурчжэни обнаружили в этом деле большую осведомленность, возможно пользуясь консультацией чиновников округов Яньцзина. К 1120 г. условия как будто согласовали, но Агуда в письме к сунскому государю так определил взаимодействие союзников: «...Я удовлетворюсь странами, которые простираются от Бинду и Суанлиня и до Гупэйкоу; китайские войска пусть овладеют странами к югу; и та, и другая стороны не должны уклоняться от атаки на Ляо крупными силами; иначе две наши империи не долго останутся в мире»¹⁸. Это злобещее предупреждение, однако, не оказало на сунское правительство должного впечатления. Оно «уклонялось от атаки на Ляо» почти демонстративно. Многотысячная китайская армия, выступившая в поход на Япцзи (Пекин), топталась под городом. Китайцы попросили взять город... чжурчжэней. Последние выполнили просьбу, но сочли прежнее соглашение разорванным.

По новому соглашению 1123 г., чжурчжэни соглашались передать Сун только шесть округов в районе Яньцзина за большой выкуп (за 1 млн связок монет). Сун вынуждена была пойти на это требование и дать «клятвенное письмо» о соблюдении нового договора, причем текст клятвы был отредактирован чжурчжэньской стороной, а сам договор оформлен по ляоскому, а не по сунскому церемониалу, чем наносился дополнительный удар по китайскому престижу. «Клятвенные письма» от имени обоих императоров начинались с обращений, подчеркивающих равенство в ранге договаривающихся сторон («друзей»). Более того, сунское «клятвенное письмо» не содержит никаких общих этикополитических рассуждений, могущих показаться неприемлемыми для партнера. Этого нельзя сказать про цзиньское «клятвенное письмо»: «Сказано, что искренность и справедливость — великие орудия овладения Поднебесной. Посредством их постигают сердце богов и устраивают зло от Неба и Земли. Когда недавно государь Киданьского государства свернул с истинного пути и его народ оказался ввергнутым в ужасающее страдание, мы предприняли решительные действия и подняли войска. Наша задача была покарать виновных и поддержать народ»¹⁹. Составители текстов писем избегали употребления слова «дань» (гун) и заменяли его термином «подарки», сохраняли в титуловании достоинство сторон, угрожали карами со стороны духов за нарушение договора. Подчеркнутое равенство, выдержанное в «клятвенных письмах», было для Сун вынужденным и не означало перемен в теории международных отношений. Сунский посол Чжао Лянсы в своем рапорте двору продолжает называть чжурчжэней «дикарями»²⁰. После заключения договора и до пачала войны китайские посольства регулярно ездили в Цзинь с разного рода поздравлениями.

Многолетние переговоры с чжурчжэнями вновь оживили полемику о северной политике правительства Сун. Дискутирующие стороны, хотя и безусловно, определились следующим образом: сунские военные, чиновники, паделенные исполнительной властью, стояли за переговоры о мире, со-

ветники, конфуцианские пачетники, придворные, прямо не ответственные за политику, выступали против переговоров. Глава военного совета Тан Гуань в 1118 г. представил императору Хуайцзуну план «умиротворения севера», в основе которого лежала стратегия отвоевания округов Юньчжун (Датуна) как «ствола и корней» и более легкого возвращения округов Янь (Яньцзина) как «ветвей и листов»²¹. Первый министр Чжэн Цзюйчжун в 1118 г. выступил против военного союза с Цзинь. Он считал, что Сун сможет поддерживать верность договорам, заключенным с двумя державами — с Ляо и с Цзинь, и не имеет основания нарушать столетний мир с киданями, тем более, что исход войны между Ляо и Цзинь сомнителен. Он стоял за сохранение статус-кво на севере. Ань Жаочэнь — ближайший советник императора — твердо отстаивал позиции традиционализма. С его точки зрения, разумная внутренняя политика создаст государству твердое положение, которое привлечет «варварские государства» на периферии под сень Средней империи²². В ходе прений Тан Гуань одержал победу, и его план стал осуществляться.

Китайская историография впоследствии осудила переговоры и договор с Цзинь в 1123 г., но сделала это, понятно, задним числом, оглядываясь на последующие за договором события. Поэтому в этих осуждениях нам интересна их мотивировка и формулировка, а не суть. Так, по поводу китайской инициативы в 1118 г. заключить союз с Цзинь против Ляо можно прочесть: «Ляо не было неправо. О любом государе можно сказать, что он ведет справедливую политику, когда использует военную силу, чтобы пресечь тиранию, подавить мятеж или помочь в беде соседнему народу. В настоящем же случае чжурчжэни восстали против Ляо, и сын Неба по праву властителя должен был осуществить нажим на чжурчжэней и не предпринимать карательную экспедицию [против Ляо]. Но поддержка соседа оказалась для него бóльшим, чем он мог постичь, и вместо этого он задумал воспользоваться землями другого и, как несправедливый Цзэ (легендарный Цзеван династия Ся.— М. В.), предпринял атаку на Ляо. В 960 г. чжурчжэни — наши враги — приходили с данью, прося союза с Китаем. Теперь Китай просит союза, в свою очередь, у Цзинь. Поистине близко падение Ляо, но нельзя рассчитывать и на незыблемость Сун... Сунское правительство на возращение Корё по случаю готовящегося договора между Сун и Цзинь ответило: „Цзиньцы считаются людьми и приносят дань, как если бы были вассалами. Что из того, что они восстали против власти Ляо?“»²³. Здесь отражен официальный тезис о том, что «человеческая» (а не «дикарская»!) сущность народа, во многом обязанная давним сским отношениям, сама по себе дает право на помощь со стороны «распорядителя вселенной» — Китая.

По поводу предварительного подписания договора в 1120 г. историк рассуждал: «Ляо имело договор с Сун и не нарушило [его]. Цзинь тогда было данником [Ляо], его владетель — мятежником. Заслуживало ли Ляо наказания? ...Хуайцзуну не нужно было подражать манере Хуандэ или платить дань соседу, ему следовало бы заботить-

ся о добром управлении внутри, а вовне охранять границы... Хуайцзун трижды ошибся. Он обнаружил недостаток благожелательности, когда помог мятежнику и покарал неповинный народ. Он заключил соглашение с врагом, который не был лояльным. Он обнаружил недостаток прозорливости, когда согласился пожаловать варварам субсидию»²⁴.

Действительно, упомянутый договор оказался выгоден не Сун, а Цзинь: китайцы без особых хлопот вернули Яньцзин и шесть округов, но не доходы с них. Они допустили создание на своих границах новой сильной державы, вполне убежденной в военно-политической слабости их союзника. Многолетние переговоры пачались на основе ортодоксальной идеи: «с помощью варваров подавлять варваров» и с патриотической целью — возвращения округов, отторгнутых Ляо. Реальность шаг за шагом опровергала эту идею, по каждому вынужденное отступление оправдывалось необходимостью и патриотичностью цели и маскировалось атрибутами той же ортодоксии.

Последующее поведение Сун заставляет думать, что эта династия переоценила свои силы и недооценила силы Цзинь. Сунские власти интриговали, подстрекали разбитых киданей к продолжению сопротивления, а собственных генералов — к самостоятельным действиям, от которых тут же отмежевались. События не заставили себя ждать. Чжурчжэне-китайская война разразилась на рубеже 1125—1126 гг. Молниеносными ударами по нескольким направлениям чжурчжэни вклинились в провинции Северного Китая, разгромили несколько китайских армий, окружили столицу Кайфын. Китай запросил у Цзинь мира. Судя по сохранившимся фрагментам двух вариантов «клятвенных писем» сунского императора Циньцзуна, составленных в 1126 г., бывшее равенство в переговорах исчезло. Это и понятно: договор обсуждался «под городскими стенами» — ситуация, оцениваемая китайской традицией как унижительная. Сунский император называет себя по имени, обращается к цзиньскому как к своему дяде, «извиняется за свои ошибки, выражает личное раскаяние и просит мира и договора»²⁵. Однако сунские выплаты в клятве по-прежнему не названы данью. Циньцзун в «грамоте о капитуляции» вынужден был признать себя вассалом Цзинь, «утратившим благую силу „дэ“», согласиться на огромную контрибуцию, территориальные уступки, выдачу в заложники члена правящего дома, что не избавило от низложения его самого и сунскую династию (весной 1127 г.).

Договор был заключен в 1126 г., и перемирие наступило, но правительство находилось в таком состоянии, что не могло (а, может быть, и не хотело) точно выполнять взятые на себя обязательства. Перемирие было китайцами нарушено уже через месяц. Кайфын пал в начале 1127 г., два китайских императора и огромные трофеи попали в руки чжурчжэней. Переговоры о перемирии в 1126—1127 гг. проходили для Сун в условиях надвигающейся капитуляции. Не оставалось времени для идейного оправдания таких переговоров. Сами условия перемирия навязывались чжурчжэнями. Китайские дипломаты пытались, прижав менее унижительные условия, избежать более унижительных: контрибуция, но не дань; дань,

но не уступка территории; уступка территории, но не выдача заложников; выдача заложников, но не признание вассалитета; признание вассалитета, но не ликвидация династии. Сохранить не удалось ничего. Кроме, может быть, традиционной идеи неполноценности любого партнера в переговорах и соответствующей манеры их вести и относиться к их результатам в дальнейшем²⁶.

Остатки китайских войск и новый император Гаоцзун (с середины 1127 г.) восставленной династии Сун (Южной) бежали на юг. Война приняла затяжной характер. Этому способствовало нарастающее сопротивление китайцев, по мере того как все больше провинций втягивалось в сферу военных действий. Интерес сторон к переговорам то поднимался, то падал в зависимости от неудач или успехов в войне. Война в целом протекала неудачно для китайцев, и интерес Сун определялся ожесточенной политической и идеологической борьбой по вопросам войны и мира²⁷. Поскольку и сторонники войны, и сторонники мира состояли из правоверных конфуцианцев, целесообразно обратиться к выяснению отношения конфуцианцев к войне.

Характерной чертой учения Конфуция была осмотрительность по отношению к войне. Он развивал теорию превосходства политических факторов над военным, психологической подготовки населения в духе усвоения конфуцианских заветов. «Корень победы или поражения находится в нем самом, а не в противнике», — учил Конфуций²⁸. Разумеется, реальная государственная жизнь требовала более дифференцированного подхода к проблеме войны, армии. Такой подход мы находим, в частности, в трактате Ли Гоу (XI в.). Автор исходит из убеждения об извечности института армии, считает ее непременным атрибутом государства. Военное дело для него органически связано с политикой, но оно «второстепенное», тогда как политика — «главное». Поэтому залог успеха в военном деле лежит в наведении порядка внутри страны в соответствии с конфуцианскими нормами. Более того, «гуманность», распространенная на противника, подрывает его обороноспособность: «Противник обедняет свой народ, а мы обогащаем его; противник обременяет его, а мы облегчаем его бремя; противник жесток к своему народу, а мы великодушны. В таком случае население противника устремится к нам, словно младенец, зовущий своих родителей, и па четвереньках приползет к нам»²⁹.

Итак, «гуманность» сильнее военного преимущества врага, хотя Ли Гоу не отрицает важности военного дела. Но первая задача армии — охранять порядок внутри страны, вторая — охранять границы. Это положение базируется на теории «укрепления ствола и ослабления ветвей». «Если рассматривать Поднебесную как единый организм, то собственно Китай — сердцевина. Северные и южные варвары — конечности. Если в центре спокойствие, царят гармония и процветание, а конечности поражены болезнью, то это не беда. Если же в центре гармония нарушена, дух утомлен, а внимание сосредоточено лишь на лечении конечностей, то и конечности не исцелить и сердцевину загубишь. Поэтому способ использования армии состоит в том, чтобы преже-

де всего управлять сердцевиной, а лишь потом — периферией»³⁰.

Понимая, что войны неизбежны, конфуцианцы всячески расписывали их пагубные последствия — уже не с точки зрения норм этики, а непосредственно для своего государства. Сунский философ Су Ши (XI в.) писал: «А вот те поздние монархи (неповерженные. — М. В.), когда они пускали в ход оружие войны, они ее могли бы избежать, но все же ее не избегали. Поэтому когда они победою кончали, то перемена счастья их к беде могла и запоздать, — от этого беда была особо велика. А ежели они не побеждали, беда к ним надвигалась быстро, — зато была невелика. Теперь понятно, что мудрейший человек не обращал внимания на то, он побеждает или нет, но был глубоко убежден, что от войны одна беда»³¹. Конечно, не все конфуцианцы придерживались крайне пацифистских позиций. Так, Ван Аньши — крупнейший государственный деятель — говорил о всеобщем презрении книжников ко всему военному и о необходимости его преодолеть. Знаменитый Чжу Си представил Сюэцзуну три памятные записки, убеждая императора не заключать мира с цзиньцами в 1162 г.

Разумеется, неверно полагать, что отношение к конкретному выбору политики войны или мира в отношении Цзинь диктовалось исключительно общими конфуцианскими сентенциями. Подспудно действовали глубинные факторы: социально-экономические, политические, этнические. И на них влиял глубокий кризис, охвативший Сунскую империю. В этих условиях сторонники войны, оставаясь на конфуцианских позициях, чаще всего проигрывали в идеологической борьбе. Но эта борьба оказывала сильное воздействие и на решимость перейти к переговорам о мире³². В условиях развернувшегося наступления Цзинь на Сун император Гаоцзун, именуя себя «императором Великой Сун», как бы «позабыв» о своем вассальном состоянии (о нем ему пришлось вспомнить уже летом 1128 г.), отправил в конце 1127 г. к Цзинь посольство. Трезвые призывы соблюдать условия достигнутого соглашения не находили поддержки у сунского двора. В 1129 г. в своем указе Гаоцзун писал: «...строил планы спасения [от врагов]. Надеялся... что они... вернутся обратно и мы получим хоть кратковременный отдых»³³. Ху Инь в своем докладе как бы отвечал на это: «Ведь мирные переговоры можно вести, лишь если воюют две страны и силы у них равны, выгода и вред для них одинаковы»³⁴. Если Ху Инь имел в виду слабость Сун, то сановник Чжан Цзюнь в своем докладе в 1133 г. примерно этим же мотивом объяснял интерес чжурчженей к переговорам (тоже слабостью, но уже Цзинь). В этих высказываниях (и в отсутствии ссылки на благую силу «дэ») некоторые исследователи видят (несколько прямолинейно) зачатки реалистического подхода китайцев к международным отношениям в эпоху Сун³⁵. По нашему мнению, проблемы этого подхода прослеживаются в переоценке значения территории, вассалитета, дани при переговорах в пользу первой, т. е. территории.

После пятилетнего отсутствия дипломатических связей между двумя странами, около 1135 г., Ян Цзао настаивал на посылке, что переговоры

с чжурчженями о мире можно вести, лишь победив их и «явив им свою мощь»³⁶. Другие, наоборот, считали, что внутренние неурядицы, опасность сепаратизма военачальников оправдывали переговоры с Цзинь в любых условиях.

В 1137 г. первый министр Цинь Гуй, отвечая собеседнику, сомневавшемуся в возможности переговоров с чжурчженями, сказал: «Вы оцениваете врагов с помощью разума, я же подхожу к врагам на основе искренности»³⁷. Постулат «искренности» (чэн), по конфуцианскому учению, отличал цивилизованного человека от животного, от дикаря. Цинь Гуй, таким образом, считал чжурчженей уже «цивилизованными». Гаоцзун в то же время хвалил цзиньского Агуду (Тайцзу) за соблюдение договора с Сун от 1123 г. Вместе с тем император сослался на чувство сыновней почтительности, неотступно требующей от него особых усилий для возвращения из плена императрицы-матери, равно как и на желание снизить налоги.

Идеологическая подоснова переговоров с цзиньской стороны вобрала многие положения китайской подосновы. Первое официальное посольство в Цзинь — в 1138 г. (после переговоров в 1117—1123 гг.) — подчеркивало вассалитет Сун и привезло цзиньскую инвеституру Гаоцзуну. Последнему пришлось пойти на «ритуальное унижение» ради реальной выгоды в 1-й луне 1139 г. Государство Сун получило Хэнань и Шэньси, но ежегодно должно было выплачивать 250 тыс. штук шелка и столько же лянов серебра. Однако уже в 10-м месяце после переворота в Цзинь воцарился Хайлинван и предъявил Сун новые требования, еще более тяжелые. Сун отвергла их.

Военные действия возобновились. Первоначально Цзинь имела успех и к лету 1140 г. вернула Хэнань. Цинь Гуй уже говорил: «У силы „дэ“ нет постоянного образца, уделение основного внимания тому, что хорошо, является для нее образцом»³⁸. Тем самым он выражал откровенный прагматизм. Но вскоре китайцам удалось остановить наступление цзиньцев, и восстановилось шаткое равновесие. Это равновесие выглядело более благоприятным для переговоров, нежели прежде. В мире оказались заинтересованными обе стороны, хотя и по разным причинам. Цзиньские войска устали от войны: победы чередовались с поражениями. Китайская равнина оставалась беспокойной, на северных границах Цзинь зашевелились монголы. Династия Сун тоже напрягала последние силы. В стране бушевала инфляция. Рост налогов на ведение войны порождал хроническое недовольство населения, выражающееся в бегстве с земли и в восстаниях.

Перед переговорами с Цзинь Гаоцзун заявил: «От внешних государств нельзя требовать [исполнения] ритуалов Среднего государства»³⁹. Он высказался за так называемую изоляционистскую политику, точнее — реалистическую. Оказывалось, можно идти на любые уступки во «внешнем» ритуале ради сохранения «внутреннего». На переговорах в 1141 г. Гаоцзун подтвердил согласие на требования чжурчженей, данное еще в 1135 г., и сделал упор на возвращение родни. Условия мира оказались чрезвычайно жесткими для Сун: китайский император признавал себя вассалом цзиньского и испрашивал у него инвеституру;

Сун обязывалось ежегодно выплачивать значительную дань и отправлять посольства с «поздравлениями»; граница между обеими государствами устанавливалась по р. Хуайшуй — на востоке и через проход Дасагуань — на западе; Цзинь возвращала мать Гаоцзуна и остатки Хуайцзуна, по старший брат Циньцун оставался в Цзинь как заложник. Цзинь послала в Сун инвеституру, «клятвенный указ» (о вассалитете Сун), императорские регалии. Договор 1141—1142 гг., несомненно, явился вершиной военно-политического могущества чжурчжэней. Никогда еще ни один народ Дальнего Востока в такой короткий срок не достигал подобной мощи и столь успешно не демонстрировал ее в соревновании с вечным и главным эталоном цивилизации и авторитета в этой части земного шара — с Китаем.

От «клятвенных писем», скрепивших договор, сохранились фрагменты сокращенного варианта сунской клятвы. В пей содержится такая фраза, вложенная в уста сунскому Гаоцзуну: «Если я буду удостоен милости и мне будет разрешено стать Вашим вассалом, клянусь вечно соблюдать верность»⁴⁰. В письме попадаются и другие выражения, подчеркивающие вассальный статус: «Ваше высокое государство» (т. е. Цзинь) и «наше ничтожное государство» (т. е. Сун), термин «дань» («гун») и др.

После заключения мира 1141—1142 гг. дипломатические отношения между Цзинь и Сун становятся более регулярными и нормальными. Китайские послы получали в Цзинь инвеституры для каждого китайского императора, вступавшего на престол, являлись с поздравлениями по случаю наступления Нового года и дня воцарения цзиньского императора.

В ходе переговоров о мире после кратковременной войны 1161 г., развязанной цзиньским Хайлиньваном (и стоившей ему жизни), чжурчжэни вернули китайского посла, поздравившего цзиньского императора не по этикету. Новый мирный договор 1164—1165 гг. восстанавливал в общих чертах положение, зафиксированное договором 1141—1142 гг., но на базе взаимных уступок: китайцы возвращали Цзинь территорию, занятую Сун, а цзиньцы снижали размер китайских взносов (так теперь называлась дань), которые должна была вносить Сун, повышали вассалитет сунского императора до уровня «родственного» (подчинение «племянника» «дяде»). В соответствии с родственными вассалитетом китайцы отослали в 1188 г. в Цзинь церемониальную утварь покойного Гаоцзуна, переходившую «по наследству» старшему родичу — цзиньскому императору. Но новый император Цзинь Шицзун сделал дружеский жест и вернул утварь, «предложив хранить ее как национальную святыню в Китае»⁴¹.

Занятость Цзинь на северо-западных границах приободрила партию войны в Сун. Первый министр Хань Точжоу открыл кампанию за возвращение династии Сун северных провинций, и в конце 1204 г. китайские войска вторглись в цзиньские пределы. Для этой войны характерно сохранение дипломатических отношений между воюющими странами до середины 1206 г. Весной Цзинь отправила Сун протест, а летом получила заверение Сун в лояльности (по продвижению ки-

тайцев не прекратилось), и лишь после этого, превратив дипломатические отношения, Цзинь предприняла успешное контрнаступление. Как и прежде, это привело в Сун к власти сторонников мира. Хань Точжоу был смещен и казнен. В 1208 г. состоялось подписание мирного договора, по которому восстанавливалась прежняя граница, пенного увеличивались платежи, вносимые Сун, несколько усиливалась вассальная зависимость Сун (китайский император по-прежнему рассматривался как «родственник» цзиньского, по более дальний, чем прежде) и подчеркивалось требование выражения «сыновней почтительности» китайским императором цзиньскому, вводилась крупная контрибуция.

Из других пунктов этого договора особый интерес представляют три: 1) требование головы Хань Точжоу, 2) предложение о выдаче перебежчиков из числа чжурчжэньской знати, 3) заказ на присылку книг. Первое и последнее требования выдвигались чжурчжэнями впервые. Требование головы Хань Точжоу явилось воплощением идеи персональной ответственности за развязывание войны. Хань Точжоу для цзиньцев воплощал в себе образ зачинщика войны, и его голова была отослана в Цзинь спустя более чем год после казни в Китае.

Вопрос о перебежчиках в средневековой дальневосточной дипломатии стоял очень остро: достоинство государства, давшего им убежище, не позволяло механически возвращать их по первому требованию. В предыдущих сун-цзиньских договорах (например, в договоре 1141—1142 гг.) принимались пункты о взаимной выдаче перебежчиков, о выдаче сунами части переселенцев (яньцев). В начале династии Цзинь правительство потребовало было от Корё возвращения чжурчжэней-переселенцев, но вскоре отказалось от своего требования — переселенцы уехали в Корею уже давно, еще до образования Цзинь, и фактически там натурализовались. После переселения чжурчжэней в Северный Китай и установления новой государственной границы перемещение групп населения из Цзинь в Сун и обратно происходило постоянно и довольно активно. Препятствуя такому перемещению, ни одно государство тем не менее не требовало возврата всех переселившихся. В данном случае Цзинь потребовала возврата перебежчиков, которые принадлежали к чжурчжэньской знати и вели в Сун антицзиньскую агитацию, т. е. рассматривались в Цзинь как изменники. Существует интересный ответ сунского посла на это требование: «... при государе Хайлиньване в наше государство приходили знаменитые фамилии и славные полководцы Вашего высокого государства, о которых два двора при заключении мира (1164 г. — М. В.) постановили, чтобы таких перебежчиков ни одно государство не требовало обратно»⁴².

Требование и получение значительного количества книг (пять возов!) свидетельствуют о стремлении чжурчжэней возвести культурную политику в ранг не только государственной, но и дипломатической. Еще на первой фазе строительства империи чжурчжэни часто забирали из состава китайских посольств подходящих людей на государственную службу (например, известного Сюй Канцзуна). При заключении договора 1141—1142 гг. Цзинь потребовала, чтобы сунское прави-

тельство велело ряду китайских чиновников, бежавших на юг, вернуться на свои посты в отошедших к Цзинь провинциях. Позднее цзиньское правительство добилось откомандирования в Цзинь нескольких человек по персональному списку.

Когда в начале 1214 г. сунцы уже вторично не прислали дань (они прекратили ее выплачивать вскоре после нападения Чингисхана на Цзинь), чжурчжэни послали в Сун ноту и, получив уклончивый ответ, повторили ее. Так как и вторая нота осталась без внимания, Цзинь решила оружием подкрепить свои требования, но военная акция не имела успеха. В 1217 г. регулярные дипломатические отношения прекратились. В 1218 г. Сун официально отказалась платить дань, а в следующем, 1219 г., даже не пустила на свою территорию сунского посла, ехавшего с мирными предложениями — Сун в это время вело переговоры о союзе с Си Ся. Переговоры с Си Ся и ход войны с этим государством оказались неблагоприятными для Сун. В 1224 г. Сун пришлось принять новые мирные предложения Цзинь.

Потерпев очередную военно-дипломатическую неудачу, сунское правительство еще более укрепило на позиции невмешательства и изоляционизма и в 1231 г. отвергло просьбу Удэгэя пропустить его войска через сунскую территорию для нападения на Кайфын — цзиньскую столицу. Только в 1233 г., когда падение Цзинь стало неизбежным, монголы и китайцы договорились о совместных действиях против Цзинь, за что монголы обещали династии Сун Хэпань (разумеется, не выполнив обещания), и небольшой сунский отряд участвовал в осаде Цайчжоу, после взятия которого пришел копец династии Цзинь. Как известно, вскоре и Сун разделила ее судьбу. Китай уже не на половину, а целиком, попал под иго иноплеменцев.

Политическая ситуация, сложившаяся для династии Сун в 30-х гг. XIII в., внешне очень напоминала положение в 10—20-х гг. XII в., и в своих поступках сунская дипломатия следовала прежнему трафарету. В обоих случаях династия Сун являлась данником соседнего некитайского государства, захватившего часть китайских земель (в первом случае относительно небольшую, во втором — значительную), свидетелем рождения новой силы — третьей державы и пыталась, оказывая последней поддержку, вернуть себе прежнее положение, получить из рук победителя часть утраченных ранее земель. Результат такой политики оказался плачевным: положение Сун еще ухудшалось, так как чжурчжэни завоевали половину Китая, а монголы — весь Китай.

Нередко встречающееся в литературе утверждение, что все беды Сун заключались в ее ошибочной внешней политике, а именно в неправильном выборе союзников, грешит излишней прямолинейностью и основано не на тщательной и всесторонней оценке конкретной ситуации, а, скорее, на абсолютизации значения дипломатии, конкретно же — на сомнительной предпосылке, что другой выбор (в частности, союз с Ляо против Цзинь, с Цзинь против Юань) не привел бы к пагубным последствиям. Сун несомненно правильно подмечала наступление подъема и упадка в соседних государствах и действовала в соответствии с азу-

кой дипломатии, когда поддерживала восходящую силу против своего непрошенного сюзерена и захватчика, клонящего к упадку, — противоположная комбинация была бы просто бессмысленна. Вся беда заключалась в том, что оценка будущей ситуации была ненадежна, а подобная дипломатия не поддерживалась реальной силой, и как только от дипломатического торга стороны переходили к расчетам, Сун оказывалась в проигрыше.

Причины слабости культурно насыщенной, централизованной многомиллионной монархии Сун при столкновении с куда менее цивилизованными, организованными и многочисленными «застепенными» народами и многообразны и глубоки. В задачу нашей статьи входит разбор лишь одной из них — дипломатической, внешнеполитической. Китайская теория контактов с соседями строилась на конфуцианской основе и в сложившемся в Сун виде оказалась предельно китаецентричной. Само понятие контакта рассматривалось на уровне, предполагавшем неравноправие, — следствие запрограммированной несовместимости. Причем несовместимость всегда трактовалась в пользу Китая, в глазах правоверного конфуцианца, неизмеримо более цивилизованного, чем любые партнеры, в контакте («варвары», «дикари»). Приращение соседей присуще практически всем народностям на земном шаре, даже подавляющее «превосходство» соседа бывало не способно вытеснить это чувство, но оно нигде не достигало такого развития, такого длительного существования, такого изощренного обоснования, как в Китае⁴³. Другой стороной внешнеполитического китаецентризма является приоритет этико-культуртрегерского начала перед политическим и военным. Большая размытость границ первого по сравнению со вторым беспредельно расширяла рамки оценки ситуации и результатов, по сути своей волюнтаристской, но в пределах существующей концепции — логичной.

При таком подходе сношения представлялись в теории односторонними: «варвары» приезжали в Китай с подарками, с данью, с просьбами о ссудах, чинах, инвестициях, помощи, а китайский император их «вразумлял», жаловал, наказывал. Но поскольку объективно все же существовал другой мир, кроме Китая, соотношение между реальной мощью партнеров и между теорией и практикой мирных и немирных контактов с соседями постоянно менялось. Если соседи были слабы, господствующая теория процветала безоговорочно и даже несомненно реалистические внешнеполитические действия сливались с догматическими. В результате каждая такая ситуация все более укрепляла традицию или теорию. Если соседи, в нашем случае чжурчжэни, становились сильными, теория была вынуждена отступить перед практикой, к чему она была не подготовлена. Тогда заключались настоящие договоры, чаще после проигранных войн (а сам факт заключения Китаем договора как такового уже шел в разрез с теорией, признававшей лишь сношения односторонние, «китаестремительные»)⁴⁴. Но и условия этих договоров китайцы по мере сил маскировали под догмы.

Такие договоры, как мы видели, отличались значительным рационализмом по существу (чет-

кость в определении действующих сторон) и деловитостью по форме (редкое использование конфуцианских рассуждений, цитат из классиков, не сильный религиозный пафос). Подобные изменения определялись дипломатическими воззрениями партнера. Так, чжурчжэни вначале руководствовались основами практической дипломатии, возлагая оформление заключенных договоров на китайцев, находившихся на цзиньской службе. Позднее они восприняли часть китайской дипломатической казуистики, именно той, которую они могли обратить против китайцев, но сохранили здравое зерно. Чжурчжэни не увлекались идеей преобразовать Сун «благой силой „дэ“», хотя пользовались этой терминологией. Ваньцзянь Цзупсянь в 1138 г. говорил: «Какая тут может быть благая сила „дэ“ [в отношении Сун]! Лучше не отдавать [земли]»⁴⁵. Но чжурчжэни категорически отвергали мироустроительные претензии Сун по их адресу, активно противопоставляя им требования, несомнимые с претензиями (вассалитет, дань, уступка земель).

Уже в начале XII в. чжурчжэньские дипломаты стали вести переговоры как равные с равными, одновременно с несколькими государствами. В победу над Ляо, а потом над Сун, чжурчжэньские дипломаты внесли значительный вклад, не допустив создания антицзиньской коалиции. Со второй четверти XII в. цзиньская дипломатия занимает важное место в международных отношениях на Дальнем Востоке. Все соседи Цзинь стали ее вассалами. Цзиньская дипломатия успешно нейтрализовала этих соседей в обстановке более чем столетнего противостояния Цзинь и Сун. В борьбе с Сун она широко использовала буферные государства Чу и Ци, отдельных китайских помещиков (Сычуани).

Нам остается оценить соотношение теории и практики в дипломатических отношениях между государствами Сун и Цзинь — понятий, вынесенных нами в заглавие статьи. В научной литературе фигурируют два подхода к проблеме в целом для дипломатии Китая. Согласно первому, мироустроительная доктрина признается единственной бывшей в употреблении в старом Китае во внешнеполитических отношениях, хотя допускаются ее искажения⁴⁶. Согласно второму, наряду с мироустроительной доктриной существовала договорная⁴⁷. По нашему мнению, теория (доктрина) внешних сношений существовала в старом Китае в

единообразном виде; даже далеко идущие ее ответвления не порывали с главной линией (что не исключало спонтанных, изолированных и мало популярных подходов). Договорные отношения были связаны не с теорией, а с практикой. Так называемая китайская договорная доктрина эпохи сражающихся царств (IV—III вв. до н. э.) своим «равноправием» обязана реальному соотношению сил (как и в случае мира с Ляо), но и в те времена оформление договоров обязательно требовало признания власти (авторитета) персоны сына Неба, т. е. следовали формирующей теории силы «дэ». Все известные случаи «равенства» сторон, даже приоритета партнера Китая (например, Цзинь), отсылались к сфере практики. Они не привели в Сун к созданию теории, обосновывающей эту практику; напротив, каждый отдельный случай практики либо камуфлировали под общую теорию, либо любыми средствами его оправдывали. Трансформация китайской доктрины на сунцзиньском этапе сводилась прежде всего к частному и выжужженному предпочтению практики, но не к существенным изменениям самой доктрины, не к включению в нее «прагматического подхода», да еще с перспективой создания подлинно реалистической теории внешних сношений⁴⁸. Четырех с половиной столетий (X — середина XIV в.) явно оборонительного состояния дипломатии Китая оказалось мало для наступления эры реализма. Она пришла много позднее, после крупных общественных и идеологических перемен.

Противоположным было соотношение теории и практики во внешних сношениях у чжурчжэней (цзиньцев). Первоначально они вообще фактически мало чем руководствовались, кроме практики (недостаток материала не позволяет судить, создали они или нет свою теорию дипломатии). Но весьма скоро ознакомились с китайской, вначале — в киданьской интерпретации. Однако чжурчжэни не сделали рабами догмы. Они использовали те части теории, которые содержали рациональное зерно: понятие о сношениях, о механизме дипломатического обихода, о документации, о роли дипломатического ритуала. И поскольку общеполитическая ситуация им чаще благоприятствовала — не ощущалось разрыва между теорией и практикой: в своей практике они использовали существенные элементы китайской теории неизменно против своего врага — Сун.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гончаров С. И. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун. 1127—1142. — М., 1986.

² Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.): Исторический очерк. — М., 1975. — С. 339—353; Он же. Китайско-чжурчжэньские отношения в дни мира и войны // ОГК, 8-я конф. — М., 1977. — Ч. 1; Он же. Внешние сношения чжурчжэней и Цзинь в свете дальневосточной дипломатии // ПППИКНВ, 15-я сессия. — М., 1981; Гончаров С. И. Отношения между империями Сун и Цзинь в 1125—1139 гг. и характер китайских представлений о варварах // ОГК, 13-я конф. — М., 1982. — Ч. 2; Тихвинский Л. С. Некоторые вопросы международных отношений Китая в древности и средневековье // История Китая и современность. — М., 1976.

³ Обширный перечень работ приведен в книге С. И. Гончарова.

⁴ Мартынов А. С. Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования: Ежегодник. 1971. — М., 1974; Кроль Ю. Л. Китай и «варвары» в системе конфуцианских представлений о Вселенной // Народы Азии и Африки. — 1978. — № 6.

⁵ См.: Конрад Н. И. Философия китайского возрождения // Н. И. Конрад. Запад и Восток. — М., 1966. — С. 228.

⁶ Langashire D. A Confucian Interpretation of History // The Journal of the Oriental Society of Australia. — 1965. — V. 3. N 1. — P. 78.

⁷ Мартынов А. С. Образ государства в официальных документах династии Сун (960—1279) // ОГК, 3-я конф. — М., 1972. — Ч. 1. — С. 203.

- ⁸ Салтыков Г. Ф. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая.— М., 1972.— С. 7, 13, 15.
- ⁹ Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности в средневековье.— М., 1970.— С. 34.
- ¹⁰ Думан Л. И. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая.— М., 1972.— С. 204.
- ¹¹ Там же.— С. 210.
- ¹² Hino K. An Outline and History of Juchen's Visit to Shantung in the Beginning Period of Sung // Chosen Gakuho.— Tenri, 1964.— N 33.
- ¹³ Hino K. The Domination of the Khitans Over the Huipia Tribes of Juchen // Shien.— Tokyo, 1951.— N 46-48.
- ¹⁴ Воробьев М. В. Корейско-чжурчжэньские отношения в X—XII вв. в свете этнической географии // Доклады отделений и комиссий ГО СССР.— Л., 1970.— Вып. 15.— С. 63, 64.
- ¹⁵ Чэн Су-ло. Переговоры о союзе между Северной Сун и Цзинь против Ляо // Шисюэ цзюань.— 1950.— № 6.
- ¹⁶ Thiele D. Der Abschluss eines Vertrages: Diplomatie zwischen Sung und Chin Dynastie 1117—1123.— Wiesbaden, 1971.— S. 288.
- ¹⁷ Цзинь ши. (История династии Цзинь)— Пекин, 1985.— Цз. 1 (на кит. яз.).
- ¹⁸ Чжао Тэ-хань. Полная история морских сношений при переговорах о союзе между Сун и Цзинь // Дачжи цзалу.— Тайбэй.— Т. 25.— № 5/7 (на кит. яз.).
- ¹⁹ Franke H. Treaties Between Sung and Chin // Sung Studies.— Paris, 1970.— Ser. 1.— N 1.— P. 63.
- ²⁰ Ibid.— P. 64.
- ²¹ Thiele D. Op. cit.— P. 33.
- ²² Ibid.— P. 36—37.
- ²³ Oxenham E. L. A Chip from Chinese History of the Last Two Emperors of the Great Sung Dynasty 1101—1126 // China Review.— V. 13, N 2.— P. 95—97.
- ²⁴ Ibid.— V. 13.— N 4.— P. 266.
- ²⁵ Franke H. Op. cit.— P. 74.
- ²⁶ Haeger G. W. Li Kang and the Loss of K'ai-fehg. The Concepts and Practice of Political Dissent in Mid-Sung //

The Journal of Asian History.— 1982. V. 16, N 1.

- ²⁷ Чэнь Чэньшун. Споры о войне и мире при обеих Сун // Циньнянь юэкань.— 1936.— Т. 3, № 1 (на кит. яз.).
- ²⁸ Гавликовский К. М. Конфуцианские взгляды на войну и военную мощь государства // ОГК.— М., 1970.— С. 46—49.
- ²⁹ Лапина З. Г. Традиционные политические доктрины Китая и военная мысль средневековья (на примере трактата Ли Гоу «Обогащение государства, усиление армии, успокоение народа», 1939 г.) // ОГК, 3-я сессия.— М., 1972.— Вып. 1.— С. 44.
- ³⁰ Там же.— С. 45.
- ³¹ Алексеев В. М. Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка.— М., 1945.— Т. 4, вып. 5.— С. 189.
- ³² Мю Пэн-линь. О мирных переговорах сунского Гао-цзуня с чжурчжэнями // Гофэн юэкань.— Пекин, 1936.— Т. 8, № 2 (на кит. яз.).
- ³³ Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия...— С. 108.
- ³⁴ Там же.— С. 109.
- ³⁵ Там же.— С. 149.
- ³⁶ Там же.— С. 169.
- ³⁷ Там же.— С. 189.
- ³⁸ Там же.— С. 224.
- ³⁹ Там же.— С. 236.
- ⁴⁰ Очерки истории Китая.— М., 1959.— С. 328.
- ⁴¹ Цзинь ши.— Цз. 8.
- ⁴² Там же.— Цз. 2.
- ⁴³ Merseur R. J. The Inhospitable Land of the Barbarians // The Journal of Asian History.— 1982.— V. 16, N 1.
- ⁴⁴ Franke H. Op. cit.— P. 82.
- ⁴⁵ Цзинь ши.— Цз. 77, 69.
- ⁴⁶ Мартынов А. С. О различных подходах к проблеме взаимоотношений императорского Китая с внешним миром // ОГК, 12-я конф.— М., 1981.— Ч. 2.
- ⁴⁷ Крюков М. В. Китай и соседи; две традиционные модели взаимоотношений // ОГК, 11-я конф.— М., 1980.— Ч. 2.
- ⁴⁸ Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия...— С. 263.

В. В. ЕВСЮКОВ

ИМПЕРИЯ ЦЗИНЬ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИГУНАЯ (очерк политической истории)

На середине XII в. приходится расцвет чжурчжэньской империи Цзинь. Эпоха правления Дигуная — это время, когда империя находилась в зените своего политического могущества, фактически превратившись в единоличного лидера на всем Дальнем Востоке. Этому предшествовали упорные кровопролитные войны, в ходе которых Цзинь сначала сломала, а затем полностью уничтожила своего бывшего сюзерена — могущественную киданьскую империю Ляо. Ее следующим противником стал сунский Китай. Длительная война между Цзинь и Сун закончилась мирным договором 1141 г., который общепризнанно считался вершиной военного и политического успеха Цзинь.

Таким образом, основы внешнеполитического могущества и стабильности цзиньского государства были заложены еще при Хэла (1137—1149) — предшественнике Дигуная на императорском престоле. Именно тогда сформировались собственно чжурчжэньские принципы управления государством, развитая и довольно гибкая система государственности Цзинь, позволявшая управлять как чжурчжэнями, так и китайцами, стоявшими, как известно, на различных ступенях социально-

экономического развития. Сложилась и принципы внешней политики и дипломатии Цзинь. Ярким примером их реализации является создание марионеточного государства Ци, которое довольно успешно выполняло роль буфера между Цзинь и Сун. Даже на одном этом примере видно, как далеко в своем развитии продвинулись чжурчжэньская политическая теория и практика.

Несомненно, в плане государственности и социально-экономических отношений влияние Китая на чжурчжэней было существенным, однако нельзя полагать, что все чжурчжэньское растворилось и было ассимилировано. В источниках содержатся неоднократные упоминания о различных мероприятиях правительства, имевших целью поддержание и развитие таких чисто чжурчжэньских по форме организаций, как мэнъянь и моукэ. На раннем этапе цзиньской истории они создавались с привлечением нечжурчжэней (китайцев, киданей, бохайцев и др.). В дальнейшем от такой практики отказались из опасений излишней военной консолидации покоренного населения. Со временем главное внимание правительства сосредоточило на собственно чжурчжэньских мэнъянь и моукэ, служивших главной опорой политиче-

ского и военного могущества Цзинь. Их падали земли, скотом, сельскохозяйственным инвентарем, в качестве рабов им выделяли военнопленных. Однако все эти меры не могли остановить объективные экономические процессы, в ходе которых происходило постепенное разложение чжурчжэньских общин.

Собственно чжурчжэньские способы управления были дополнены китайскими. Первоначально единой, универсальной, политической системы не существовало. Унификация началась лишь с середины 30-х гг. Завершение этого сложного процесса приходится уже на время правления Дигунай, когда политико-административное устройство Цзинь приняло тот вид, в котором оно без значительных изменений просуществовало до конца империи. Было воспринято и традиционное идеологическое оформление государственной власти. Чжурчжэньские императоры с самого начала приняли китайскую титулатуру: пожизненные и посмертные почетные титулы, храмовые имена, девизы годов правления, был учрежден официальный культ предков императорской фамилии. Было воспринято и конфуцианство — учение, морально обосновывавшее императорскую власть. Можно уверенно говорить о том, что в 30-е и 40-е гг. XII в. были реализованы заложенные еще раньше предпосылки военного, политического и экономического могущества Цзинь, активно протекал процесс становления государственных и социально-экономических отношений, культуры и идеологии новой империи. В последовавшую непосредственно за этим эпоху правления императора Дигунай происходило укрепление и совершенствование уже достигнутого.

Предшественник Дигунай — Хэла — в последние годы своего царствования вследствие своей чрезвычайной подозрительности, искусственно подготавливаемой соперничавшими группировками, и в первую очередь его двоюродным братом Дигунаем, развернул кровавый террор против своего окружения. Страницы династийной истории «Цзинь ши», посвященные его царствованию, пестрят сообщениями о казнях. Нередко рассказывается о том, что император, будучи пьяным (этой слабости он был особенно подвержен), лично убил кого-либо из своих приближенных. События развивались необратимо. Чем больше было казней, тем больше придворных восстанавливалось против императора-деспота и тем неувереннее чувствовал себя Хэла. Логическим завершением этого стал дворцовый переворот, возглавленный Дигунаем.

Дигунай, личность незаурядная, был «сообразительным, очень подозрительным, жестоким и своевольным». Узурпаторские воцеления давно переполняли его. В «Цзинь ши» говорится: «Сицзун (Хэла.— В. Е.) наследовал трон, так как был внуком Тайцзу по прямой линии. Лян же (Дигунай.— В. Е.) считал, что, поскольку Цзун Гань (отец Дигунай.— В. Е.) — старший сын Тайцзу, то он сам также является внуком Тайцзу по прямой линии. Оттого затаил страстное воцеление на престол. В Средней столице распространял и всеми силами укреплял свою власть, чтобы угнетать простых людей. Сююй был человеком отчаянным и решительным. Лян приблизил его к себе и всегда обсуждал с ним дела Поднебесной.

Сююй узнал о его помыслах и убеждал подняться на большое дело»¹.

Довольно быстро вокруг Дигунай образовался кружок недовольных, по разным причинам обиженных или репрессированных Хэла придворных. Из-за каких-то упущений по службе Хэла приказал бить палками правого чэньсяпа Бин Дэ и левого чэпа Танко Бяня. Возмутившиеся саповники задумали мятеж. Через главного судью (дали) Циц Удая они установили контакт с Дигунаем. Кроме них в кружок заговорщиков были вовлечены также люди, необходимые для технического осуществления замысла: Да Синго, который нес службу во внутренних покоях императорского дворца и имел доступ к ключам от императорской спальни, Пусань Хуту — караульный десятский, несший охрану дворца (Пусань Хуту был сторонником рода Дигунай и в свое время пользовался милостями его отца — Цзун Ганя), Тутань Аличуху, незадолго до того породнившийся с семьей Дигунай.

Вначале заговорщики не могли решить, кого же возвести на трон после свержения деспота Хэла. Любопытный разговор произошел между Танко Бянем и Дигунаем: «На другой день Хайлин (Дигунай.— В. Е.) беседовал с Танко Бянем о перевороте. Спросил его: „Если произойдет большое дело, кто сможет занять трон?“ Танко Бянь ответил: „Цзюан Чап Шэн“. Хайлин спросил еще раз. Танко Бянь ответил: „Сын Дэввана — Алань“. Лян (Дигунай.— В. Е.) сказал: „Алань — далекий потомок. Разве достоин он занять трон?“ Танко Бянь спросил: „Неужели Вы сами собираетесь?“ Хайлин ответил: „Никто из них не достоин! Кроме меня — никому!“ После этого они совещались с утра до ночи»².

Тайные переговоры вызвали подозрения начальника охраны Тэсы, который доложил об этом Хэла. Заговор оказался на грани провала, но все кончилось благополучно, лишь Танко Бяню пришлось еще раз подвергнуться наказанию палками. Напуганные заговорщики не могли больше медлить и, дождавшись, когда охрану во дворце несли Пусань Хуту и Тутань Аличуху, а во внутренних покоях — Да Синго, они решились на переворот.

В «Цзинь ши» это событие описано весьма ярко: «Пинчжанчжэньши Лян (Дигунай.— В. Е.), так как все чиновники трепетали и боялись, вместе с приближенным фума Танко Бянем, циньдань сюди Да Синго, начальниками караульных десятков Аличуху и Хуту замыслил мятеж. В день динсы шэлиппи Ли Лаосэпу было поручено сообщить Да Синго, что охрану внутри дворца будут нести Аличуху и Хуту. Ночью во время второй стражи Да Синго, предъявив удостоверение, обманным образом приказал отпереть ворота, позвал Танко Бяня и других. Лян с мечом за пазухой вместе с мужем своей младшей сестры как раз в это время нес вахту. Затем Танко Бянь пропел в покои. Охрана, зная, что Танко Бянь — фума, ничего не заподозрив, пропустила его. Он достиг дверей спальни. Охранники спали. Никто не шевельнулся. Хуту и Аличуху добрались до императора. Тот хотел схватить меч, обычно лежавший на ложе, но не знал, что Да Синго убрал его от-

туда. Хуту и Аличуху приблизились и убили императора. Лян еще раз ударил его мечом. Кровь залила лицо и одежду императора. Император скончался. В это время ему был 31 год. Правый чэнсян Бин Дэ попросил Ляна занять трон. Все выстроились, поклонились и прокричали: «Десять тысяч лет!»³.

Но заговорщики не удовлетворились этим. Они решили немедленно расправиться и с остальными наиболее для них опасными противниками. Под предлогом, что император будто бы желает обсудить вопрос о возведении на трон императрицы, они вызвали во дворец нескольких крупных сановников и двоих из них — Цзаована Цзун Миля и чэнсяня Цзун Сяня убили. Таким образом, в результате дворцового переворота в 1149 г. на императорский престол в Цзинь взошел внук основателя династии Агуды — Дигунай, известный в истории под именем Хайлинвана. Переворот произошел легко. Костяк заговорщиков составили представители наиболее аристократических родов чжурчжэньской знати — Пусань, Танко, Тутань. Все участники заговора получили высокие посты, кроме того, им были пожалованы крупные пагряды в виде денег, шелка и скота.

Придя к власти путем узурпации, Дигунай с самого начала чувствовал себя неуверенно. Действительно, такое чрезвычайное событие, как свержение законного государя, имело самый широкий и скандальный резонанс не только внутри страны, но и за ее пределами, в соседних державах. Так, посольства Сун и Кореи, направлявшиеся в Цзинь с традиционными поздравлениями по случаю Нового года, с полдороги вернулись назад до предоставления надлежащих объяснений. Несомненно, что акции, подобные этой, больно ранили самолюбие Дигунаея, создавая у него нечто вроде комплекса неполноценности, вызванного сознанием незаконного, узурпаторского происхождения своей власти. Вероятно, именно об этом свидетельствует следующий факт. Спустя некоторое время после восшествия на престол чиновники-сервилисты «почтительно преподнесли» узурпатору традиционный для императоров титул «Почитающий Небо, наследовавший преемственность (!), обладающий воинскими доблестями, распростираяющий просвещение, просветленный, мудрый и почтительный государь». В ответ Дигунаея был издан указ, в котором он отказался от этого титула. К сказанному можно добавить еще один фрагмент из «Цзинь ши»: «...доложили, что наблюдались счастливые знамения. Император сказал: „Какими добродетелями я заслужил это? Отныне не докладывать мне ни о каких счастливых знамениях! Если же будет что-либо зловещее, тогда доложить, чтобы я остерегался!“»⁴. Отсюда хорошо видно, насколько неуютно чувствовал себя Дигунаея на несправедливо доставшемся ему престоле.

Естественной реакцией на такое положение вещей был кровавый террор, безудержно развернувшийся с самого начала царствования Дигунаея. Хорошо знакомый с закулисной борьбой при дворе новый государь постоянно опасался заговоров. Его особую ненависть вызывала могущественная верхушка чжурчжэньской родовой аристократии. Можно сказать, что все его правление прошло под девизом борьбы за ослабление чжурчжэньских ро-

дов. Главным методом этой борьбы помимо различных административных мер было физическое уничтожение противников, расправа над всеми членами их семей.

Кровавые репрессии обрушились не только на членов императорской фамилии, имевших все основания для недовольства и интриг, им подвергались и некоторые сановники из числа бывших союзников Дигунаея. Например, были казнены Танко Бянь и Бин Дэ. «Цзинь ши» сообщает: «В четвертый месяц в день суй-у казнили Великого пастика, ведающего делами трех министров, Цзун Бэня, левого чэнсяня шапшу Танко Бяня, папда фуши Цзун Мэя. Велели казнить ведающего делами синтай шапшушэи Бин Дэ, наместника Восточной столицы Цзун И, наместника Северной столицы Бяня, а также более 70 потомков Тайцзуна, более 30 потомков Чжоусунгована Цзун Хаия и более 50 человек всех императорских родов»⁵.

В годы правления Дигунаея казни в таких широких масштабах ставятся обычным явлением. Как и в случае с его предшественником Хэла, подобный террор бумерангом ударял и по самому Дигунаею. Чем страшнее была резня, тем больше недовольных появлялось вокруг него, тем больше уже не мнимых, а реальных заговоров зрело при дворе. Один из них, возглавлявшийся киданином Сяо Фэпцзяпу, был раскрыт в 1154 г. Заговорщики, если верить «Цзинь ши», планировали не только устранить ненавистного узурпатора, но и свергнуть саму династию, с тем чтобы возвести на престол потомка династии Ляо, уничтоженной чжурчжэнями. Огромный неожиданностью для Дигунаея явилось то, что одним из активных участников этого заговора был уже упомянутый выше Сяоюй, тот самый «отчаянный и решительный» деятель, в свое время содействовавший ему в свержении Хэла. В императорских покоях разыгралась трагическая сцена: опальный фаворит умолял императора осудить его на смерть.

В борьбе с оппозицией аристократов, и в первую очередь с представителями императорского рода, Дигунаея стремился опереться на своих ставленников, обязанных своим возвышением лично ему и не имевших корней в чжурчжэньской аристократии. Немалую часть среди новых выдвиженцев составили нечжурчжэни: китайская служилая бюрократия, бохайцы, кидани. Если при Хэла число членов императорского рода вапьянь в правительственных учреждениях составляло 55 %, то при Дигунаея оно сокращается в 5 раз и равняется только 11 %. Число же нечжурчжэней, занятых в управленческом аппарате, возрастает с 33 до 65 %⁶. Тем сильнее поразил Дигунаея киданский заговор, показавший, что и здесь он не может рассчитывать на прочную опору своей власти. Более того, позднее, во время подготовки войны против Южной Сун, кидани нанесли еще один неожиданный удар, отказавшись предоставить своих воинов. Постепенно нарастая, антикиданские настроения Дигунаея вылились в 1161 г. в очередную резню, в ходе которой было уничтожено более 130 членов различных киданских родов, в том числе аристократического рода Елюй.

Главная столица чжурчжэней в то время находилась в Шанцзине — районе, который считался

колыбелью чжурчжэней, их исконной вотчиной. Здесь располагались мэнгань и моукэ аристократических чжурчжэньских родов. Стремясь подорвать их могущество и влияние, Дигунай вынашивал план о переносе столицы из области Хуйшипфу на юг, на территорию собственно Китая. Этот замысел появился у него почти сразу после прихода к власти, в 1150 г. В «Да Цзинь го чжи» сообщается: «Хайлинван собрал на пир своих приближенных. Пожаловался Хань Чэню: „Из двухсот посаженных мною лотосов ни один не возшел“. Тот ответил: „С давних пор в Хэнапи растут сладкие плоды, в Цзянбэй же — горькие. Семена здесь не выживают, потому что почва такая. В Шандау почва холодная, а в Яньцзине же — теплая. Там можно сажать лотосы“. Император сказал: „Следуй твоим словам, нужно выбрать благоприятный день и переселиться туда“. Сяо Ванлянь сказал: „Так пельзя! Земли Шандау дают силу нашему государству. Это — корень, из которого мы приходим! Как мы можем покинуть это место!“ Бинбушилан Хэ Бунянь сказал: „В Яньцзине земли обширные, почва прочная, природа богата и плодородна. Там царят ритуал и справедливость. Туда можно переносить столицу. Здесь в Шандау почва песчаная. Это не место для пребывания императора!“ Хань Чэнь сказал: „Не нужно слушать [того, что говорят несогласные]. Вашему величеству следует собрать рабочих из всех областей для строительства дворцов, а затем перенести столицу“. Император согласился с его советом»⁷.

Как можно видеть, идея переноса столицы из исконных чжурчжэньских земель импонировала не всем из окружения Дигунае. Слишком ясен был замысел этой акции: оторвав чжурчжэньские роды от их истоков, ослабить их влияние и силу. Однако основная масса придворных льстецов с позитивным энтузиазмом восприняла затею императора, прекрасно зная, сколь опасно в чем-либо перечить самодержавному деспоту.

Едва ли можно сомневаться в подлинном смысле этой акции. Но в литературе встречаются и иные мнения. Например, известный историк О. Фрашке писал: «Стремление к более теплоту и изнеженному югу, воодушевлявшее все северные народы того времени, проявляется здесь совершенно отчетливо»⁸. Суждение слишком поверхностное и отвлеченное. Более убедительной причиной наряду с уже названной можно считать агрессивные планы, вынашиваемые Дигунаем против Южной Сун. Перенос столицы был бы первым шагом на пути приготовлений к активной политике на южных рубежах Цзинь.

В 1153 г. столица была перенесена в Яньцзин. Чтобы показать значение этого шага и продемонстрировать цзиньское могущество, Дигунай отстроил ее с большой пышностью. Старую же столицу постигла иная судьба: «Во второй год эры правления Чжэпун в десятый месяц повелели разрушить в Хуйшипфу дворцы и палаты, а также жилища знати и буддийский храм Сюйцзинь. Приказали сравнять с землей и перепахать»⁹. Перенесение столицы сопровождалось большими переселениями чжурчжэньских мэнганей в ее окрестности и иные области: «Император перенес столицу. Затем перевел мэнгани Тайцзуна, Ляо-

вана Цзун Гапя, Циньвана Цзун Ханя из провинции Верхней столицы и все слил их в хэчжа мэнгань. Также разместил мэнгань правого цзянь Улибу, роды Великого наставника Сюя, цзупчжэна Цзун Миня в Средней столице. Затем восемь мэнганей: Волю, Хэшапа, Хула — трех гуннов государства, а также Великого хранителя Апа, даньши Уми, Помогавшего государству Болугу, динъюаня Сюй Ле и бывшего Гаогу-гуна Боде — разместил в Шаньдуне. Род Алу разместил в Северной столице, род Аньда, подчинив, разместил в Хэцзяне»¹⁰.

Многие аристократические роды были оторваны от своей почвы. Дигунай, соединив мэнгань своего отца Цзун Гапя с некоторыми другими, преобразовал в привилегированную хэчжа мэнгань, свою императорскую гвардию. В целях же ликвидации преимуществ привилегированных мэнганей была отменена существовавшая при Хэла система деления их на три ранга: верхний, средний и нижний. Для того чтобы ослабить наследственную аристократию, «указом упразднили потомственные должности десяти тысячников; тем, кому в разное время были пожалованы фамилии, были вновь определены прежние [фамилии]»¹¹. Кроме того, Дигунай понизил или вообще отнял ранги знатности у многих аристократов. Если Хэла отличался пристрастием к вину, то Дигунай — женолюбием. После почти каждого сообщения о репрессиях и казнях следуют упоминания о том, что женщины из казенных фамилий по приказу императора забирали в его гарем. В ряде случаев Дигунай приказывал казнить человека только для того, чтобы завладеть его женой, иногда же принуждал жену убить мужа.

Следствием переноса столицы явились значительные административные перемены. Окончательно была утверждена система пяти столиц: «После того как император перенес столицу в Янь, названия столиц были изменены. Яньцзин стал называться Средней столицей, прежняя Верхняя столица стала именоваться Северной столицей, Лоян-фу — Восточной столицей, Юньчжун-фу — Западной столицей, Кайфэн-фу — Южной столицей. Все области и округа изменили свое административное подчинение»¹².

Эти преобразования были связаны с реформой государственного аппарата и судопроизводства. При Дигунае государственное устройство приняло вид, в котором без существенных изменений просуществовало до конца династии. В начале Цзинь система управления имела двойственный характер: одни методы применялись к китайцам, другие — к чжурчжэням. Во главе стоял Верховный военный совет, объединявший в своих руках власть над всеми учреждениями. Кроме того, в государственном управлении выделялись две главные функции: военная (Тайный совет) и гражданская (Государственный совет). Государственному совету подчинялись шесть министров, правители губернии, области, округа, уезды. Для чжурчжэней система была особой: Верховному военному совету подчинялись боцзиле, далее шли гражданские губернаторства и ввиду находились мэнгань и моукэ¹³. Формирование единой государственной системы завершилось в 1139 г. реформой чиновничьих рангов.

Большое внимание во времена правления Дигуая уделялось совершенствованию судопроизводства. В «Цзинь ши» сообщается: «Хайлипван во многом изменил старые законы. К годам Чжэпун были созданы „Дополнения к кодексу законов“, которые осуществлялись вместе с кодексом годов Хуантун»¹⁴. Далее отмечается, что в целом эти законы были гуманнее прежних. Однако, несмотря на все реформы и преобразования, бюрократическая машина Цзинь разваливалась из-за коррупции и халатного отношения чиновников к своим обязанностям. Об этом можно судить по многочисленным правлениям императора, строгим указам и циркулярам. Так, в 1150 г. был выпущен императорский манифест, который призывал чиновников «быть внимательными к должностям и заботиться о земледелии, тщательно соразмерять наказания и наказания, выявлять добрые качества людей низшего сословия и докладывать о них, оказывать милость бедным, бережно расходовать казенные средства и ценить способности мелких служащих». Видимо, особого успеха это обращение не имело, ибо уже через год император выступил с новым повелением: «Я не жалею высоких рангов и больших жалований для того, чтобы вы исполняли свои обязанности. Дела же в отличие от ваших репутаций заброшены. Как можно, чтобы вы, всеми силами стремясь к собственному благополучию, не беспокоились о народном благе! Отныне я буду проверять ваше усердие и в соответствии с ним награждать и наказывать. Всеми силами буду стремиться к этому»¹⁵. Продажность, лихоимство и тупеядство чиновников были обычным явлением, неизбежным для раздутой до огромных размеров, паразитирующей феодальной бюрократии.

Что касается общей оценки административной деятельности правительства при Дигуае, то в «Цзинь ши» она выражена следующими словами: «Каждый руководил своими подчиненными, исправляя свою должность. Должности были определены, чиновников было установлено число, законодательство было ясным, решения исполнялись. По этой причине до конца Цзинь сохраняли эту систему и не осмеливались ее менять»¹⁶. Это, безусловно, идеализация, но в какой-то мере такая оценка характеризует степень упорядоченности государственных дел.

В плане внешнеполитическом, как уже говорилось, Цзинь в этот период переживала подъем и находилась на вершине своего могущества. Ее отношения с сопредельными державами и народами строились, правда порой лишь внешне, как отношения сюзерена и вассалов. Вместе с тем, хотя Цзинь и получала дань от монголов и Южной Сун, а тангуты принимали цзиньских посланцев, признавая свою зависимость, нельзя, однако, сказать, чтобы Цзинь, опираясь на свою военную мощь, могла беспрепятственно вмешиваться в любые внутренние дела этих государств и народов. Случалось и ей терпеть военные поражения, не столь, правда, крупные. В целом внешнеполитическую ситуацию того времени можно охарактеризовать как стабильную, со значительным перевесом сил на стороне Цзинь.

В конце царствования Хэла чжурчжэням пришлось столкнуться с монгольскими племенами, кон-

солидировавшимися вокруг своих наиболее сильных родов. Упоминания об этом содержатся в «Да Цзинь го чжи». В 1146 г. «десятитысячник чжурчжэней Хушаху на севере пал на монголов, но из-за недостатка провианта вынужден был вернуться. Затем монголы напали на него, отступили к северо-западу от Шапцзина и нанесли тяжелое поражение близ Хайлипа»¹⁷. Об упорной борьбе с монголами и о значительной силе последних говорит еще одно свидетельство того же источника: «В течение ряда лет Цзинь пыталась уничтожить монголов. В восьмой месяц шестого года Хуантун (1146 г.— В. Е.) послали Сяо Баошоу заключить с ними мир. Он уступил им 27 укреплений к северу от Сининхэ и обложил их ежегодной данью рогатым скотом, баранами, рисом и бобами. Их племенного вождя Аоло-боцзиле назначили правителем монголов. После этого Аоло-боцзиле самочинно провозгласил себя императором под именем Цзюань-хуанди и принял девиз правления Тянь-синь. В течение ряда лет Цзинь боролась с монголами, но не могла их победить»¹⁸.

Другим соседом, с которым Цзинь поддерживала тесные дипломатические отношения и с которым ей порой приходилось воевать, было тангутское государство Западное Ся. Во внешней политике Ся пыталось лавировать между двумя могущественными державами — Цзинь и Сун, поэтому его позиция часто определялась конъюнктурой. Так, в 1143 г. сунцы захватили три чжурчжэньские области и, стремясь удержать занятые территории, обратились за поддержкой к Ся. Тангуты же, видя, что обстановка складывается отнюдь не в пользу Сун, не только не помогли, но послали войска в поддержку Цзинь и, воспользовавшись моментом, даже захватили сунский город Хуйчжоу. Когда же Цзинь в 1161 г. развязала войну против Сун и силы чжурчжэней были оттянуты на юг, тангуты напали на цзиньские окраины и захватили несколько областей. Их, правда, пришлось вернуть сразу же после свержения Дигуая и воцарения Улу.

Между Цзинь и Сун шла постоянная дипломатическая борьба за влияние на Западное Ся. Во время цзиньско-сунской войны 1161—1165 гг. Сун обратилась к тангутам с предложением о создании широкого античжурчжэньского фронта с участием киданей, корейцев, бохайцев и монголов. Понимая, что в данном случае выгоднее быть на стороне более сильной Цзинь, те отвергли это предложение. В целом отношения между Цзинь и Западным Ся в этот период, несмотря на инциденты, вроде упомянутого выше, были в основном дружественными. Торговые отношения между двумя странами начали налаживаться с 1141 г. Тангуты ежегодно направляли в Цзинь посольства с поздравлениями по случаю Нового года, дня рождения цзиньского императора, а также в связи со смертью или восшествием на престол нового чжурчжэньского государя. Ответственные посольства чжурчжэней тангутские правители принимали стоя. Поначалу тангуты не соглашались на такую унижительную для них процедуру. Они требовали, чтобы прием цзиньских послов тангутские правители проводили сидя, как в свое время практиковалось в отношениях между Ся и киданями. На это цзиньский посол Вапахай заявил:

«Отношения между киданями и Ся были подобны отношениям между племянником и дядей. Поэтому ван государства Западное Ся принимал послов Ляо сидя. Теперь отношения Великой Цзинь и государства Западное Ся подобны отношениям господина и его вассала. И принимать послов великого государства нужно по подобающему церемониалу»¹⁹. После безуспешных прений таугутам пришлось уступить.

В 1146 г. чжурчжэни отдали таугутам некоторые пограничные районы, на что те ответили благодарственным докладом. После убийства в 1149 г. Хэла таугутские послы, направлявшиеся в Цзинь, с полдороги вернулись назад. Дигунай пришлось задобривать Ся, чтобы его признали там законным правителем Цзинь. Таугутские послы получили богатые подарки, а главное — был отменен запрет на торговлю железом в пограничных с Ся районах.

В целом достаточно дружелюбные цзиньско-таугутские отношения порой нарушались военными конфликтами. Так, в 1155 г. с целью отомстить местным племенам, совершавшим набеги в Ся, таугуты напали на Тайюань. Чжурчжэни послали войска для защиты подвластных им племен, но затем, не желая усугублять конфликт, переселили эти племена в другие местности. Об известной напряженности в отношениях между Цзинь и Ся говорит то, что в 1156 г. чжурчжэни расставили на границе с таугутами сигнальные огни на случай возможных нападений последних.

Разумеется, не монголы и не таугуты были главными соперниками Цзинь. Им оставалась Южная Сун.

К концу 50-х г. XII в. в Цзинь ситуация обострилась. Этому способствовало много факторов. Недовольство бродило во всех слоях общества. Чжурчжэньская аристократия несправедливо обвиняла Дигунаю за кровавый террор против знатнейших родов, за то, что ей была отведена далеко не первая роль в управлении государством. Рядовые чжурчжэни рождались под бременем налогового гнета, вызванного огромными затратами на строительство императорских дворцов. За долгие годы многочисленных войн они отвыкли от мирного труда и приохотились к легкой военной добыче. Оказавшись вынужденными вновь заняться тяжелым сельскохозяйственным трудом и не выдерживая при этом конкуренции с передовыми хозяйствами китайцев, рядовые чжурчжэни постепенно нищали, разорялись. Естественно, что свое ухудшающееся экономическое положение они объясняли плохим управлением страной. Правительство Дигунаю оказалось в нелегкой ситуации, выход из которой оно видело в войне против Сун.

Разгром Сун был первым и главным звеном далеко идущих планов Дигунаю. Он, мечтая о единоплеменном господстве Цзинь на всем Дальнем Востоке, задумал вслед за Сун покорить Корею и Западное Ся. В этих великодержавных устремлениях его поддерживал главный придворный льстец и фаворит Чжао Чжунго. Каждый, посмеявшийся хотя бы занкнуться о своем несогласии с намерением императора начать войну, немедленно подвергался опале и репрессиям. За выступление против войны был бит палками старый соратник Дигунаю, крупный сановник Сяо Юй (не

путать с киданьским Сяоюем, казненным в 1154 г.). Лишь старые заслуги спасли его от казни. Как противницу войны казнили и императрицу, вдову отца Дигунаю (правда, матерью Дигунаю она не доводилась).

В 1158 г. императорская резиденция была перенесена в Бяньцзин, ставший базой для подготовки к войне. В «Цзинь ши» сообщается: «Начали возводить стены в Средней столице. Стали строить военные корабли в Тунчжоу. Объявили мипистрам о походе на Сун. Призвали воинов в возрасте от 20 до 50 лет из мэнгань и моукэ всех провинций, всех занесли в списки. Даже если в семье были старые родственники и тягловых мужчин было много, все равно не позволяли никого оставлять для ухода за престарелыми»²⁰. Дигунай решил привлечь к походу также и киданьские мэнгань и моукэ, располагавшиеся на северных границах империи. Но из этого ничего не вышло. «Кидани вдоль границы боялись, что их жены и дети будут пленены [кочевниками], и не решились выступить»²¹. Обрушенные на них репрессии не помогли, а лишь восстановили их против Дигунаю. Многие кидани, опасаясь преследований, бежали в Западное Ляо, оставшиеся же подняли мятеж.

Ухудшение экономического положения крестьян, вызванное военными расходами, повлекло за собой народные волнения. В 1159 г. подняли восстание крестьяне уезда Дунхай. О его масштабах можно судить хотя бы по числу казненных после его подавления — 5 тыс. чел. В следующем (1160) году несколько десятков тысяч крестьян подняли восстание в Дамине. По всей стране появились небольшие (10 чел. и более) шайки разбойников, состоявшие из солдат, бежавших из армии, и крестьян, уклонявшихся от мобилизации на непопулярную в народе войну.

Для сохранения всех военных приготовлений в тайне Дигунай приказал закрыть все таможенные на сунской границе. Но случился непредвиденный инцидент: цзиньский посол доложил сунскому двору о происходивших в чжурчжэньской империи событиях, за что по возвращении на родину был немедленно казнен. Помимо закрытия таможен Дигунай предпринял попытку вообще наглухо запереть границу между Цзинь и Сун. В «Цзинь ши» говорится: «Снова утвердили закон о переходе границы частным образом. Всех виновных в нарушении приговаривать к смерти»²².

Для объявления войны Дигунаю требовался повод, поэтому он стремился искусственно обострить отношения. Например, о смерти в 1156 г. в цзиньском плену сунского императора Циньцзуня Сун было сообщено лишь пять лет спустя. Искомый повод был найден. Дигунай обвинил Сун в том, что она не выполняет обязательств по соглашению о выдаче перебежчиков, а также в агрессивных замыслах против Цзинь (об этом, по его мнению, свидетельствовали закупка сунцами верховых лошадей и укрепление ими границ). Вслед за этим официально было решено перенести столицу в Бяньцзин, ближе к южной границе. Весной 1161 г. Дигунай лично отправился туда для осмотра дворцов и построек. Это было прямым вызовом Сун и носило характер провокационной демонстрации. Летом 1161 г. император издал указ, в котором говорилось, что первоначально он

намеревался перенести столицу в Бяньцзи лишь в восьмом месяце, но теперь, убедившись в готовности построек, решил сделать это уже в шестом месяце. Когда об этом указе узнали в Сун, среди населения ее пограничных районов возникла паника. В Ханьчжоу стали готовиться к обороне.

Осенью 1161 г. 600-тысячное войско Цзинь тремя армиями выступило на юг. Одна из армий двигалась по воде: Дигунай намеревался обложить Ханчжоу и с воды и с суши. Сунские войска, высланные на границу, были разбиты. Императорский двор в Ханьчжоу стал готовиться к бегству. Сановники отправляли из столицы свое имущество и семьи. Император Гаоцзун, человек малодушный и нерешительный, сам стал сеять панику. Его растерянность дошла до того, что он издал указ, согласно которому чиновники освобождались от обязанности исполнения своего долга, если врага не удастся остановить. Канцлер Чэнь Канбо, возмущенный подобной беспечностью, сжег этот указ и составил новый о том, что император берет на себя задачу наведения порядка в стране.

В это время цзиньская армия из Лючжоу двинулась в Хэчжоу и там стала готовиться к переправе через Япцзы. Пока чжурчжэни готовились к переправе известный сунский полководец Лю Ци сумел загнать одну из цзиньских армий в болотистую местность между Ячжоу и Япцзы и нанести ей крупное поражение. Был взят в плен цзиньский военачальник. Между тем сунская армия под командованием генерала Юй Юньвэня подошла к тому месту, где цзиньцы собирались переправляться, и стала лагерем на противоположном берегу. Переправа чжурчжэней все время задерживалась из-за нехватки материалов. От этих бесконечных отсрочек Дигунай приходил в ярость. Взбешенный, он отдал приказ, по которому каждый воин, в течение трех дней оставшийся на берегу, должен быть казнен. Началась плохо подготовленная, организованная в большой спеш-

ке переправа. Боевой дух солдат был низок, в сражение шли под страхом смертной казни. Неудивительно, что на переправе Цайши цзиньская армия потерпела крупное поражение.

В это время в чжурчжэньском тылу происходили важные события. Военачальник Фушэху, собрав вокруг себя солдат-дезертиров и озлобленных против Дигуная кидапей, занял Лоян и провозгласил императором двоюродного брата Дигуная, также внука Агуды — Улу, получившего имя Шицзун. Узнав об этом, Дигунай повернул назад, но на обратном пути был убит взбунтовавшимися солдатами.

Как же закончилась цзиньско-сунская война? После отступления Дигуная Сун, ободренная успехом, перешла в наступление и нанесла чжурчжэням несколько поражений, но затем, понеся крупные потери, отказалась от продолжения войны. В 1165 г. был заключен мир, по которому восстанавливались условия известного мирного договора 1142 г.

Новый цзиньский император начал свое правление с того, что посмертно лишил Дигуная императорского титула, предал суду его приспешников, отменил на три года налоги и реабилитировал всех репрессированных его предшественников.

Заключая краткий очерк цзиньской истории в период правления Дигуная, следует сказать, что, конечно же, объективно его деятельность носила характер прогрессивный в том смысле, что проводимая им политика подавления сепаратистски настроенной аристократии служила целям упрочения чжурчжэньской империи, консолидации внутренних сил. В то же время это была политика феодального восточного деспота, политика, совершенно однозначная по своей классовой направленности. Вот почему несостоятельны попытки иных исследователей представить Дигуная чуть ли не «добрым» крестьянским царем, защищавшим простой народ от хищников-аристократов. Исторические документы свидетельствуют об обратном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цзинь ши. (История династии Цзинь).— Пекин, 1975.— Цз. 5.— С. 105 (на кит. яз.).

² Там же.

³ Там же.— Цз. 4.— С. 98.

⁴ Там же.— Цз. 5.— С. 105.

⁵ Там же.

⁶ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь.— М., 1975.— С. 127.

⁷ Да Цзинь го чжи.— Шапхай.— 1939.— Цз. 12.— С. 133.

⁸ Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches.— Berlin, 1948.— Bd 4.— S. 248.

⁹ Цзинь ши.— Цз. 5.— С. 108.

¹⁰ Там же.— Цз. 44.— С. 993.

¹¹ Там же.— Цз. 5.— С. 106.

¹² Да Цзинь го чжи.— С. 143.

¹³ Подробнее см.: Воробьев М. В. Чжурчжэни...— С. 150—178.

¹⁴ Цзинь ши.— Цз. 45.— С. 1015.

¹⁵ Там же.— Цз. 5.— С. 106.

¹⁶ Там же.— Цз. 55.— С. 1246.

¹⁷ Да Цзинь го чжи.— Цз. 12.— С. 132.

¹⁸ Там же.— Цз. 5.— С. 108.

¹⁹ Цит. по: Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства.— М., 1975.— С. 248.

²⁰ Цзинь ши.— Цз. 5.— С. 109.

²¹ Там же.— Цз. 44.— С. 994.

²² Там же.— Цз. 5.— С. 109.

В. Е. ЛАРИЧЕВ

НАРОДЫ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО АМУРА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В обзорах летописных материалов с известиями о древних племенах Амура, опубликованных в двух предшествующих выпусках издания «История и культура востока Азии», были приведены

наиболее существенные сведения о расселении, особенностях быта и хозяйствования народов материковой части Дальнего Востока, а также (насколько позволяли источники) о главных полити-

ческих событиях в этом регионе на протяжении около тысячи лет¹. Естественным поэтому представляется стремление рассмотреть теперь те же вопросы и в том же ареале, но для позднего средневековья. Это позволит уточнить и дополнить этнографо-этническую и культурную картину, какой она выглядела здесь ранее, на рубеже I и II тыс., проследить динамику исторического процесса в каждом из локальных районов и с точки зрения возможного взаимодействия их друг с другом. Как уже отмечалось, такого рода материалы могут приобрести особую ценность при сопоставлении их с результатами археологических исследований средневековых памятников Амура, его основных притоков и зоны Приморья.

Сведения об окраинных на востоке и северо-востоке племенах Дальнего Востока в эпохи Ляо и Цзинь отличаются крайней скудностью, что свидетельствует о слабых связях киданей и чжурчжэней с аборигенными народами приморских районов и бассейна нижнего Амура. Важно, однако, отметить, что в ляоских источниках наиболее отдаленным на востоке племенем называлось «ушо» (или «ушэ»), которое позже, во времена Цзинь, было известно чжурчжэням как удыгай. В ряду «диких племен» северо-восточной окраины империи Цзинь в разделе «Ди ли чжи» «Цзинь ши» (цз. 24) помимо удыгай впервые упоминаются также цзилими, без детальной, однако, их характеристики.

К загадочной и пока удовлетворительно не решенной проблеме относится эпизод столкновения армии чжурчжэньского императора Сицзуна с племенем мангу, которое расселялось, по-видимому, на севере Приморья и в районе нижнего течения Уссури. Согласно сведениям, извлеченным В. П. Васильевым из первого варианта «Цзинь ши», составленного Мэнхуну, мангу, или мангуды, стали известны на Дальнем Востоке еще в период развития Ляоской империи². Кидани называли их «мэнгу», или «мэну» (иногда «мэнгусы»). Мангу жили к северо-востоку от основного района расселения чжурчжэньских племен, и были известны последним как «мэпу», или «мэнгу». Очевидно, это следует понимать как самоназвание ряда племен по имени реки, на которой они жили. В этой связи стоит заметить, что ульчи, или мангуны, и сейчас называют Амур Мангу, что значит «река» или «вода». Поэтому, надо полагать, название «мангу» означало «поречане», а сами мангу представляли собой, возможно, союз ульчских племен, территория расселения которых в средневековье была значительно более обширной, чем в настоящее время.

В источнике говорится, что рост мангу достигал восемь футов. Они будто бы не употребляли в пищу вареного мяса, а питались сырой оленьей. Охотники мангу обладали исключительно острым зрением — их глаза, не продыmlенные чадом костров для приготовления пищи, видели вдаль на несколько километров, отличая мельчайшие предметы. Они имели способность видеть даже ночью. Воины мангу умели изготавливать латы из рыбьей кожи, которую не пробивали стрелы. От чжурчжэней мангу отделяла «большая река», судя по всему Уссури (как считалось в древности — часть Амура, его южная ветвь) или собственно Амур,

как эта река воспринимается в настоящее время.

Согласно Мэнхуну, вначале отношения между чжурчжэнями и мангу оставались дружественными. Достаточно сказать, что в тяжелые годы борьбы с киданями чжурчжэни «часто зажимали» войска у мангу, которые храбро сражались с Ляо. Очевидно, это была помощь не подчиненного вассала, а равноправного партнера и союзника. Не исключено также, что эта помощь мангу обуславливалась определенными обещаниями чжурчжэней, которые они должны были выполнить после победы над Ляо. По крайней мере дальнейшие трагические события и война на севере прямо связываются Мэнхуну с тем, что «Золотое государство», укрепившись, не наградило мангу по условию, в результате между ними «родилось недовольствие». Мангу не забывали обещанного чжурчжэнями и помнили об их коварстве — «все поколения отложились в душе от них». К тому же они не просто не подчинялись чжурчжэням, но постоянно тревожили северные границы «Золотой империи», вторгаясь за «большую реку» и опустошая пограничные районы. Построенные крепости и заставы на границе не избавляли чжурчжэней от набегов. Им постоянно приходилось откупаться от беспокойных соседей посылками «даров, драгоценностей и материй», после чего те обычно «располагались к согласию» и возвращались с войском назад. Наконец, в 1135 г. с вступлением на престол Сицзуна полководцы империи решили разгромить мангу неожиданным ударом. Войска чжурчжэней под руководством Учжу напали на земли мангу, «когда они не ожидали», и разгромили их.

Эти события стали переломными в отношениях между бывшими союзниками. Стремление чжурчжэней присоединить к своей империи амурские земли окончательно лишили «привязанности к ним мангусцев». Началась открытая война большого масштаба. Сицзун направил на север мощный экспедиционный корпус во главе с темником Хушаху. Борьба его с мангу продолжалась около трех лет. В 1139 г., после того как у него «истощился провиант», Хушаху пришлось вернуться назад. Однако вряд ли именно эта причина заставила чжурчжэней отступить. Судя по военному эпизоду, который имел место в районе Верхней столицы, Хушаху со своим войском просто бежал из страны мангу, не решив поставленных перед ним императором задач. Мэнхун прямо сообщает, что около Кайлиня, к северо-западу от Шаньцзина, остатки корпуса Хушаху были постигнуты мангу и окончательно разгромлены. Императорский двор охватил ужас. Его войска, которые сравнительно легко справлялись с прославленными полководцами киданей и китайцев, ничего не могли поделать с пародом мангу. Военачальники «Золотой империи» терпели поражение у стен одной из столиц государства.

В это же время произошли события, которые еще более укрепили силы и престиж мангу. Один из сыновей полководца Далая, став во главе племени отца, поднял восстание и перешел на сторону единственных непобедимых в то время врагов чжурчжэней — мангу, усилив их еще более. Тогда во главе новой армии, брошенной на север, снова встал Учжу. Судя по количеству посланных

в экспедицию воинов (около 80 тыс.), Сицзун решил наконец полностью разделаться с мангу. Однако несколько лет изнурительной борьбы не привели к желанной победе. Более того, в 1147 г., т. е. после 12 лет войны, происходит то, что сделало имя мангу еще более страшным для чжурчжэней: в 8-й луне император отправил специального посла Сюбао Шоупу заключить с мангу мир. Это было событие беспрецедентное, ибо за последние десятилетия чжурчжэни ни с кем из соседей не вступали в подобные мирные переговоры. На Дальнем Востоке такое происшествие могло быть воспринято как показатель несостоятельности могущественной империи справиться с какими-то ничтожными и мало кому известными в регионе «поречанами». Иного впечатления результаты переговоров Сюбао Шоупу и не могли произвести: по условиям заключенного договора чжурчжэни уступали мангу 27 крепостей к северу от р. Сипинхэ и обязывались выплачивать северянам ежегодную дань коровами, баранами и хлебом.

Правда, император Сицзун попытался сделать хорошую мину при плохой игре: он великодушно пожаловал вождю племени мангу боцзию Лолю, который возглавлял амурские племена, титул государя Мэифу. Но, судя по всему, Лолю хорошо знал, что принять почетный титул от Сицзуна означает признать его верховенство. Поэтому он поступил в точности так же, как некогда вожди «диких пюйчжи», которые в сходной ситуации отвергли печать и почетные звания, дарованные им киданьским императором, — вожди мангу «не принял титула». К тому же Лолю к великому негодованию императора Золотой империи и его двора осмелился поставить себя в один ряд с Сицзуном: он «самозванно» объявил себя императором Цзуюанем, а свои земли назвал «Великим мангуским государством». Как и подобает настоящему императору, Лолю объявил девиз своего правления, назвав его тяньсинь.

Столь дерзкий вызов чжурчжэням не мог, естественно, остаться без последствий. Сицзун вновь двинул войска на север, и опять вспыхнула война. Однако несколько сражений не выявили победителей. Во всяком случае, в хронике продолжали постоянно упоминаться «беспокойства на границе» с мангу. В конце концов чжурчжэням пришлось двинуть против «поречан» особо отборные и надежные войска. Перед ними была поставлена цель: занять стратегически важные места и сломить сопротивление мангу раз и навсегда. По видимому, эту задачу удалось решить успешно. Как утверждает Мэнхуи, очередная военная экспедиция привела к падению Великого мангуского государства. Но, поскольку оно продолжало упоминаться в хронике дальневосточных событий и позже, вплоть до 1200 г., в действительности последствия очередного вторжения чжурчжэней в земли мангу, вероятно, оказались не столь кардинальными, как представлено на страницах официальной истории.

К сожалению, сведения о мангу в письменном источнике предельно скудны. Многого относительно реальности Великого мангуского государства остается непонятным, отчего связанные с ним события обычно не принимаются историками во вни-

мание. Очевидно, ответ и соответствующие аргументы могла бы дать (из-за слабой надежды выявления дополнительных письменных источников) средневековая археология Приамурья, но для этого требуется соответствующая ориентация полевых исследований, а также неординарная оценка полученных в результате раскопок материалов. Учитывая ограниченность сведений о реальных политических событиях в Приамурье в эпоху возвышения на Дальнем Востоке Золотой империи, как и упоминаний о конкретных руководителях приамурских племен, такая задача для археологии представляется весьма актуальной. Пока же Великое мангуское государство выглядит своего рода потерянным царством, интригующим и загадочным в истории Дальнего Востока.

О народах нижнего Амура говорится в источниках монгольской династии Юань, в частности в «Юань ши», а наиболее содержательная информация приводится в географическом описании Дальнего Востока юаньского времени «Кайюань синьчжи», компилированном позже в 89 цзюане мнискского сочинения «Дампи и тунчжи» (раздел о пюйчжи) и в «Ляодун чжи» — географическом описании Маньчжурии, составленном в конце эпохи Мин, но включающем сведения, полученные главным образом в начальный период династии³. Нижне-амурские племена упоминаются в источниках монгольского времени в связи с попытками их «умиротворения», что свидетельствует о продолжении все той же политической линии вождей приамурских племен, быть может наследников Великого мангуского государства, дать жесткий отпор тем, кто по-прежнему стремился включить в орбиту своего влияния народы северной части приморско-приамурского региона. Примечательно, что затем столь же безуспешными оказались в конечном счете и шаги по «умиротворению» «поречан» правителями Мин, это прошло яркое отражение в провале хорошо известных военных экспедиций в Нургань, где был построен, а затем тщетно восстанавливался храм Юнминсы. Поэтому правомерным представляется вывод Сэй Вада о влиянии миннов в Маньчжурии не далее Телин и Кайюань Ляодунского губернаторства, т. е. оно было ограничено южной частью Дунбэй. Именно это обстоятельство объясняет весьма скудные сведения о народах нижнего Амура, не выходящих за рамки самого беглого описания, в период, следующий за эпохой монгольского владычества.

Среди окраинных на севере народов в «Дампи и тунчжи», а также в «Ляодун чжи» упоминаются прежде всего «дикие чжурчжэни», которые расселились в долине среднего и нижнего течения Сунгари, изобилующей горными долинами и сопочными лесами. Они описываются как народ, подчиненный «ежэням», «диким людям» соседних территорий бассейна Уссури, быть может все тем же мангу. Отмечается, что «пецивилизованные чжурчжэни» по языку и образу жизни ни в чем существенном не отличаются от чжурчжэней южных районов Маньчжурии. В частности, основу их экономики составляло земледелие. Среди обычаев составитель описания правов «диких чжурчжэней» посчитал необходимым упомянуть встречи соплеменников на празднествах, где «высказы-

валось друг другу почтение» и где происходили пиршества. Сидя на циновках, растеленных на земле, «дикие чжурчжэни» пили «огненный алкогольный напиток» алацзи (арака), который приносили с собой в рыбьих пузырях, а также распевали песни. Это запятое могло продолжаться целый день и порой сопровождалось ссорами. Из-за горячности «диких чжурчжэней» даже незначительные недоразумения на таких встречах заканчивались часто тем, что участники пира хватались за луки и начинали пускать друг в друга стрелы. Район расселения этого народа славился также камнем шуйхуаши, или мухуаши, острым как железо и крепким — пригодным для изготовления наконечников стрел (очевидно, речь идет о знаменитых наконечниках древних сушеней, сведения о которых относятся к значительно более раннему времени — к рубежу эр). «Дикие чжурчжэни» добывали шуйхуаши со дна реки и верили, что такой камень получался из смолы, пролежавшей в воде около 1000 лет. Особенно ценился шуйхуаши темно-голубого цвета, будто бы более твердый, чем железо, и покрытый желобками, напоминающими по рельефу древесную кору. Этот камень использовался для изготовления топил, на которых подправлялись лезвия оружия, и ценился местными жителями как «сокровище». Педаром, до того как приступить к добыче такого камня, чжурчжэни обращались с молитвой к божеству. Все эти сведения о камне шуйхуаши представляются, однако, заимствованиями составителей «Ляодун чжи» из ранних источников, посвященных описанию страны легендарных обитателей Дальнего Востока — сушеней.

По соседству с «дикими чжурчжэнями» в низовьях Сунгари и на примыкающих к этой реке участках долины Амура ниже устья и, по-видимому, севернее, обитал народ кэму. Они, как и соседние с ними племена, никак, однако, не названные, строили свои жилища из бересты. Кэму и их соседи были людьми, не имеющими постоянного местожительства. Они, по-видимому в зависимости от сезона, передвигались с места на место «вслед за травой и водой». В качестве средств передвижения кэму использовали лошадей. Именно на них грузили при перекочевках берестяное покрытие хижины. После прибытия на новое место берестяные листы развешивались и вновь использовались для сооружения легкого жилья, судя по всему, близкого по виду чуму. Долина Амура и ниже вплоть до Уссури, где расселялись кэму, описываются как зона «диких сосновых лесов». Более ничего примечательного для тех мест не отмечается. Помимо разведения лошадей кэму занимались охотой и земледелием. При торговых операциях они предлагали для обмена шкуры животных. В особенности славилась меха охотников кэму. Соболя считались самым желанным подарком для их соседей. Кэму передвигались и по реке. Для этого они из целого дерева выдалбливали лодки.

Как видно, сведения о кэму отличаются очевидными противоречиями, что свидетельствует о весьма туманных представлениях компилятора источника о народах, обитавших по берегам Амура и междуручье Сунгари и Уссури. В самом деле, трудно вообразить, чтобы кэму были одновремен-

но и кочующими охотниками с берестяными чумами, и земледельцами, выращивающими злаки, а также строящими лодки-долбленки. Речь, очевидно, идет о разных племенах — оседлых земледельцах прибрежных районов Амура на участке между устьями Сунгари на западе и Уссури на востоке и кочевых, использующих лошадей (быть может правильнее, оленей?), охотников тайги, расположенной севернее долины Амура.

Далее на восток от устья Уссури до оз. Саргу обитали племена, по образу жизни, согласно предельно кратким сведениям, приведенным в «Дамин и тунчжи», а также (чуть более подробно) в «Ляодун чжи», близкие кэму. Как «сходные» описывались «местожительства», пища и хозяйство, основу которого составляли земледелие и охота. Обитатели этой части Амура были, очевидно, и рыболовами, поскольку особо отмечаются их лодки, которые сооружались из пяти досок. На носу укрепляли корни деревьев, имеющих вид рогов оленя. Эти украшения воспринимались как голова дракона или водоплавающей птицы. Сидящие в таких лодках гребли веслами с двух сторон, что позволяло им передвигаться по реке с очень большой скоростью. Согласно более поздним сведениям, на Сунгари использовали такого же типа лодки, изготовленные из пяти досок. Для них были характерны три особых отделения с перегородками. Места стыковки досок не заливали смолой и не заделывали коноплей. Совмещение осуществлялось посредством деревянных гвоздей. На случай, если сквозь щели стала бы поступать вода, в лодке имелся зеленый мох, которым заделывали отверстия. Эту операцию исполнял один из членов экипажа. Ему поручалось следить, не проникает ли вода внутрь лодки и в случае необходимости немедленно закопачить щель мхом. Ни на что другое его внимание не отвлекалось в ходе стремительного продвижения по реке. У него не оставалось времени для осмотра окрестностей. Весла длиною в несколько футов делали лубкопечными. В средней части они были закругленными, а на концах имели форму ивового листа. Каждый из гребцов делал поочередно гребки то слева, то справа, и разгон этого относительно большого речного судна, вмещающего до 10 чел., оказывался настолько быстрым, что стоящим на берегах казалось — лодка стремительно летит над водой. Такого рода лодки принадлежали состоятельным людям. Недаром возвышающаяся над носом этого речного судна рогатая голова дракона или водоплавающей птицы воспринималась как знак достоинства или сана.

Гораздо более распространенными в бассейне нижнего и среднего Амура и на его главных притоках были лодки, выдолбленные из одного крупного и массивного дерева. В длину они достигали 10 футов и отличались довольно значительной шириной. Корну и нос их делали пристроенными, борта — плоскими, дно — закругленным, сохраняющим очертания исходного бревна. Корма отличались значительной длиной. Такая посудина из-за своей тяжести оказывалась почти полностью погруженной в воду. Всего лишь на дюйм край ее тщательно обструганного борта возвышался над поверхностью воды. Весла у лодок-долбленок были двуклопными. Человек с таким веслом стоял

на коленях и делал попеременно гребки то слева, то справа. По размерам долбешки подразделялись на большие, вмещающие 5—6 чел., и малые, в которых могли находиться 2—3 чел. Эти лодки, несмотря на внешнюю неуклюжесть, также передвигались по реке достаточно быстро. О них говорили, что они плывут — будто летят подобно бамбуковым стрелам, выпущенным из лука. Когда лодка оказывалась на стремнине посредине реки, неопытным пассажирам рекомендовалось закрывать глаза и не смотреть во избежание страха и головокружения на стремительно убегающие назад берега. При разливах реки лодки-долбешки соединялись по песчолуку штук вместе. В таком случае на них, как на плотах, перевозились или переправлялись с берега на берег не только люди, но также повозки и скот. В приамурской зоне использовались помимо деревянных небольшие лодки, изготовленные из бересты и лошадиной кожи.

Район Амура, расположенный ниже устья Усури, заселяли четыре племени цилеми. Эти люди описываются, с одной стороны, мягкими по натуре и мужественными, а с другой — жадными, жестокими, коварными и лукавыми. Цилеми жили в домах, построенных из травы (камыша?). Летом они носили свободную «боченкообразную» по форме (речь, по-видимому, идет о халатах) одежду, спитую из рыбьих икрурок. Зимнюю одежду шили из собачьих шкур. Мужчины носили в ушах серьги, украшенные драгоценными камнями, а на шею — железные кольца. Однако то и другое — принадлежность состоятельных людей. Бедные не имели ни колец, ни серег, что сразу же выдавало их низкий социальный статус в племени. Основные занятия цилеми — рыболовство и разведение собак, которых использовали в пищу и в качестве средства передвижения в упряжках сапей-фара. Последние изготовлялись из дерева и вызывали вначале недоумение у южных соседей (они воспринимали фара как нечто папоминающее ялуг, но с дном, или повозку, но без колес, а то и как кровать, но без пожек). Приамурские породы назывались «племенами, которые ездят на собаках», а повозки с собачьей упряжкой — «собачьими экипажами». В значительно более позднее время на южнее появляются иные фара — сани с оглоблями из длинных упругих лесин, которые использовались как средство передвижения зимой по снегу или льду замерзшей реки, но уже без собак. На таких санях с запряженными в них лошадьми, мулами или быками над сиденьем сооружался балдахин — кибитка, драпированная шерстяными тканями и закрытая собачьими шкурами. Запряженными животными управляли посредством веревки. Фара, запряженные лошадьми, неслись, по свидетельству источника, как летящая над снегом птица. Фара без балдахина использовались также для транспортировки грузов, зимой — на них доставлялся лес. Земледелие и животноводство, характерное для населения южных районов Дальнего Востока, цилеми остались неведомы. Их поселки представлены в описаниях как грязные, полные «дурных запахов», а обитатели травяных жилищ как весьма неопрятные. Руки и лицо они ополаскивали мочой, а тело никогда не мыли.

Если мужчина женился на женщине, имеющей сестер, то все они становились его женами. Отно-

шения супругов друг к другу, а также к детям не отличались добротой и правотой. У цилеми не было почтения и к престарелым родителям. Когда они становились совсем старыми, слабыми и больными, то им за пределами поселка строили особую хижину из травы. Там старики оставались до тех пор, пока не умирали. Погребальные обычаи цилеми также отличались своеобразием и необычностью. У покойного вынимали внутренности, а тело сжигали. Остатки погребального костра собирали и помещали между ветвями дерева, возможно посаженного специально. Иначе поступали с теми, кто умер неестественной смертью. Так, утопленника вначале пронзали остройгой, а затем, завернув в тюленью шкуру, закапывали в землю. Этот обычай был связан с поверьем о превращении тела утопленного в тюленя. Иначе обращались с человеком, который погиб при нападении на него тигра или медведя: тело погибшего клали на землю в позе ползущего, а затем в него стреляли из лука. Умершего с вонзенной стрелой погребали в земле, а сам он объявлялся существом, обратившемся в тигра или медведя. За такими обрядами, совершавшимися при погребении погибших в результате несчастного случая, просматривается вера цилеми в то, что они в действительности были пришельцами из мира животных, которые волею обстоятельств определенное время принимали обличье людей и жили по их обычаям. Смерть таких оборотней воспринималась как необходимость возвратиться в мир зверей и заставляла при захоронении, исходя из их сущности, обращаться с ними соответствующим образом.

Земли цилеми славилась охотничьими ястребами хайции, черными ястребами, зайцами-беляками, черно-бурыми лисами, соболями и купницами. Шкурки пушных зверей высоко ценились при торговых обменах.

Далее ниже по Амуру от земель цилеми на протяжении сотни километров обитало родственное им племя цихэйми. По характеру, говорится в источнике, эти люди столь же мужественные, а по наклонностям жадные. У них существовал обычай татуировать лицо и собирать пучок волос на макушке. Мужчины цихэйми к головным уборам прикрепляли красные полоски тканей, украшенные морскими раковинами. Края одежды подбивали разноцветной кожаной тесьмой, концы которой были настолько длинными, что почти достигали ног. Цихэйми изготовляли из золота и серебра ожерелья, а из олова — кольца. Одежда их описывается как богато украшенная (по всей видимости, покрытая орнаментальными узорами). На нее навешивались пластинки из золота и олова. Грудь мужчины-воина прикрывалась панцирем, составленным из небольших пластинок железа. Нижнего белья цихэйми не носили. Прямо на голое тело они надевали штаны. Головные уборы женщин украшены драгоценными камнями, а одежда — связками бронзовых колокольчиков. Металлические пластины, части ожерелий, кольца и колокольчики при передвижении создавали характерный перезвон, шум и шелест.

Когда наступали осенние и зимние холода цихэйми жили в теплых жилищах, очевидно типа землянок. В летнее же время они покидали их

и переселялись на открытый воздух, вероятно в какие-то летние постройки типа чумов. Основу хозяйства цихэйми составляла охота. На нее они отправлялись в горы, где и добывали для себя пропитание. Снаряжение охотников и воилов составляли «тугие луки» и длинные стрелы. «Обычными ремеслами» цихэйми не занимались (источник, видимо имеет в виду земледелие и животноводство, ибо наличие железных пластинчатых панцирей и многочисленных металлических украшений как раз свидетельствует о развитом ремесленном производстве). Погребальные обычаи цихэйми отличались своеобразием. Умерших они помещали в деревянные гробы, которые подвешивались к деревьям.

К северу от цихэйми, в горном (Зейский хребет?) районе, примыкающем к Восточному (Охотскому) морю, по всей видимости в долине р. Тугур, обитали «дикие люди северных гор», очевидно ороченны. Сведения о них предельно краткие. В источниках говорится лишь о том, что «дикие люди северных гор» разводят оленей, которые служат им как средство передвижения. Упомянется о рыболовстве, а также об охоте, в частности на соболей. Мужчины и женщины носили длинные волосы и ходили босиком. При сооружении жилищ они использовали рыбы шкурки. По характеру эти «дикие люди» севера робкие. Места их обитания представляются изобилующими рыбой и солью, а также разнообразным морским зверем. К редким, драгоценным, а то и экзотическим, товарам этого северного края относились меха и кожи морских львов, тюленей, морских «свиней», «коров» и «выдр», а также моржевые клыки (бивни «морского слона») и китовый ус. Упомянется, что морские львы появляются у островов в осенние месяцы, где они рожают детенышей. Шкуры этих животных особо ценились потому, что сшитые из них дождевики не пропускали воду. Белые или зеленоватые с пятнами шкуры зверей Восточного моря, в частности котиков, весьма ценились при дворах императоров Японии, Кореи и Китая. Их называли мехом «морских драконов». Из шкур морских животных шили шапки (предварительно окрасив мех в черный цвет) и шубы, а полосками кож украшали концы конской сбруи.

Еще одно «дикое племя» расселялось на землях, расположенных южнее Охотского моря и к западу от Амура, а именно — в долине Амгуни. Поселки этих людей, которые, по всей видимости, были негидальцами, состояли из низких землянок, напоминающих «собачьи норы». Вход в них, прикрытый корой деревьев, находился не сбоку, а на крыше, откуда обитатели углубленного в землю жилища попадали внутрь его по приставленной к восточной окраине дверного отверстия лестнице. По ней же и выходили из землянки. Если человек умирал, то его выносили из нее по лестнице, приставленной к западной окраине входа. Нарушителей такого правила строго наказывали. Соседями этого «дикого племени» на юге были цилеми. Там же, в бассейне Амгуни и по берегам

р. Горин, жили цзилэпы — племена киле, или самагеров. Они описываются как люди мужественные и свирепые. Их основные занятия — рыболовство и охота, особенно на пушных зверей. Известно, что обитатели долины Амуни добывали соболей, которые приносили в дар соседям. Для изготовления одежды как для мужчин, так и для женщин киле использовали шкурки рыбы и оленьи шкуры. Письменности они, как и другие племена низовьев Амура, не знали. Язык их отличался своеобразием и назывался «языком цзилэп».

Крайние восточные земли нижнего Амура и Сахалин населяли гуу (айпы) и цзилеми (гиляки). Гуу всегда поражали иноплеменцев тем, что их тело покрывало густой черной волосистой покров. Одевались гуу в разноцветные ткани, а головные уборы шили из медвежьих шкур. Оружием при охоте и в сражениях служили луки, изготовленные из дерева. Наконечники стрел достигали длины более одного фута. Стрелы гуу смазывали ядом, от которого умирали, получив даже легкие ранения. Режущие инструменты и орудия гуу отличались исключительной остротой. С умершими родственниками гуу-айпы обращались следующим образом: внутренности их извлекались, а тело, вероятно, мумифицировалось и «высушивалось на солнце». Затем в течение трех лет мумия хранилась в семье, куда бы она ни направлялась. При трапезах прежде всего кормили умершего, но в доме старались не находиться рядом с ним. После прохождения трех лет со времени смерти тело удалялось из жилища и к нему более не относились с почтением.

Что касается взаимоотношений гуу с племенами соседних цзилеми, то история их полна непрерывающихся столкновений. Если верить жалобам цзилеми, то именно гуу совершали вторжения в их земли и, потому для умиротворения беспокойных соседей гиляки высказывали желание «создать армию» и привлечь в союзники другие племена.

Сведения о цзилеми, соседствующих на Сахалине с гуу, тоже крайне скудны. Составители источников сочли необходимым отметить, что у них больше женщин, чем мужчин. При рождении девочки ей сразу же определялся будущий жених, и возраст его при том не принимался в расчет. Семейство девочки получало тогда же в подарок от родственников жениха собак. В чужую семью жена приходила в возрасте 10 лет. У мужчины могло быть до десяти жен, и он мог подарить одну из них почетному гостю. Женщины цзилеми славились на Дальнем Востоке своей красотой.

Представленным выше ограничиваются в основном сведения о народах нижнего Амура в XIII—XVI вв. Как бы они ни были скудны, важность и ценность их бесспорна, ибо при сопоставлении с источниками более ранних времен можно все же составить общие контуры этнической и этнографической картины региона в послечжурчжэпскую эпоху и накануне времени возвышения маньчжур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларичев В. Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. — Новосибирск, 1980; Он же. Письменные источники о племенах нижнего Амура и прилегающих к нему территорий в эпоху раннего средневековья // *Восточная Азия и соседние территории в средние века: История и культура в средние века*. — Новосибирск, 1986; см. также «Предисловия» к указанным сборникам.

² Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. — СПб, 1857.

³ Детальный обзор истории вопроса, а также источников эпох Юань, Мин и последующего времени относительно народов нижнего Амура см.: Wada S. The natives of the Lower reaches of the Amur river as represented in Chinese records // *Memoirs of the research department of the Toyo Buoku*. — 1938. — N 10.

Ю. С. ХУДЯКОВ

ПАМЯТНИКИ УЙГУРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОНГОЛИИ

Важной темой в исследовании кочевых культур Центральной Азии является изучение памятников средневековых уйгуров, обитавших в степях Монголии в середине — второй половине I тыс. Уйгуры оставили заметный след в политической и военной истории центрально-азиатского региона, активно участвовали в создании и крушении тюркских и сеяньтоского каганатов, образовывали собственные государства. В середине IX в., после разгрома Уйгурского каганата кыргызами, уйгуры были вынуждены покинуть места своего обитания в Монголии и расселиться по соседним странам Восточной и Центральной Азии. Родственные уйгурам телесские племена, составлявшие ранее основное кочевое население Уйгурского каганата, после переселения в Турфан смогли создать там государство, просуществовавшее вплоть до монгольского завоевания в XIII в.

От периода существования Уйгурского каганата (VIII—IX в.) в Монголии и Южной Сибири сохранились разнообразные археологические памятники: городища, крепости, архитектурные сооружения, монументальные памятники, надписи, тамги, захоронения, поминальники. Изучение памятников уйгурской культуры в Монголии должно способствовать разработке проблем средневековой истории и археологии Центральной Азии, идентификации уйгурских материалов в сопредельных районах Южной Сибири.

Несмотря на устойчивый интерес в мировой и отечественной науке к проблемам изучения уйгурской культуры, уйгурские памятники в Монголии исследованы далеко не полно. Относительно подробно описаны и проанализированы памятники уйгурской письменности, реконструированы события политической и военной истории уйгуров в I тыс.¹ Однако памятники материальной и духовной культуры уйгуров пока не стали предметом специального анализа, что негативно сказалось на разработке проблем уйгурской археологии в сопредельных районах. До настоящего времени не выработано надежных критериев для этнокультурной идентификации памятников уйгурской культуры. К числу таких критериев можно отнести особенности фортификации, монументальных и архитектурных традиций, своеобразия гончарского производства, стиль каменных памятников,

характерные черты погребальной и поминальной обрядности. Из-за отсутствия четких критериев уйгурам приписываются и могильники срубленной культуры, и катакомбные могилы Тувы, и херексуры Забайкалья². Материалы, полученные в результате исследования учеными уйгурских памятников на территории Монголии, пущаются в анализе и обобщении, поскольку элементы уйгурской культуры изучались преимущественно визуально, без проведения крупномасштабных раскопок. Результаты полевых изысканий до сих пор не полностью введены в научный оборот.

Среди уйгурских памятников Монголии наиболее известно городище Хара-Балгасун, представляющее собой развалины столицы уйгурского каганата Орду-Балыка. Памятник неоднократно обследовался многими учеными. Благодаря Н. М. Ядринцеву, Д. А. Клеменцу, В. В. Радлову, В. Л. Котвичу был снят план городища, установлена его уйгурская принадлежность, эстампированы обломки разбитой хара-балгасунской надписи³. В 1949 г. раскопки на территории города и крепости проводил С. В. Киселев. По наличию в культурном слое идентичной керамики и черепицы он установил синхронность жилых кварталов города, крепости и цитадели. С. В. Киселевым составлен план города, восстановлены обстоятельства его гибели⁴. Фрагмент керамики, аналогичной орду-балыкской, найден Л. А. Евтуховой при раскопках могильника Орхон-Дэль⁵. Могильник неоднократно посещался в течение последних десятилетий. В 1976 и 1979 гг. сборы на его площади проводил Д. Цэвээпдорж, в 1979 — совместно с автором настоящей статьи. Нами снят план крепости и произведен сбор подъемного материала⁶.

Система фортификации крепости Орду-Балыка уже была предметом специального рассмотрения⁷. Она представляет собой сложное фортификационное сооружение. Двор крепости площадью 600 × 600 м обнесен мощной глинобитной стеной высотой до 10 м с 14 угловыми и простеночными башнями, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Западная стена крепости имеет бастион. В юго-восточном углу крепости находится квадратная цитадель, встроена в стену, а в восточной стене крепости — ворота. С трех сторон

крепость окружена рвом. С южной стороны вдоль рва располагается ряд глинобитных башен. Внутри крепости находится сторожевая башня — донжон. Стены обнесены обводным рвом. Квадратный вал с двумя воротами находится в центре крепости, окружая сторожевую башню и постройки, вероятно дворцовые здания и казармы. В центре западной стены внутрь крепости выдается форт. К цитадели примыкают пристройки. Ворота крепости окаймлены невысоким валом (рис. 1, 1). Далее на восток от крепости находились огороженные валом сады, к югу — храмовый комплекс, также огороженный валом. На поверхности храмового квартала обнаружены обломки хара-балгасунской стелы и ее постамента — черепахи.

Система оборонительных сооружений Орду-Балыка, в частности стены с угловыми и простеночными башнями, близка по конструкции другим уйгурским городищам Монголии и Тувы: Бай-Балыку, Пор-Бажыну, Бажын-Алааку, Третьему Шагонарскому⁸. В то же время она отличается значительно большей сложностью и своеобразием в сравнении с фортификацией перечисленных крепостей. Наличие бастионов, фортов, цитадели, встроенной в угол крепостной стены, внутреннего рва, дополнительного вала перед воротами, сторожевой башни — донжона, ряда башен вдоль южной стены выделяет столичную крепость из числа других уйгурских оборонительных пунктов. Эти отличия обусловлены важностью обороны столицы кагапата.

По всей вероятности, наиболее характерным признаком уйгурской фортификации можно считать наличие по периметру стен угловых и простеночных башен, квадратную планировку крепости, устройство ворот в центральной части одной из стен. Весьма редкой для средневековой фортификации Центральной Азии особенностью является сооружение бастионов, фортов, цитадели, встроенной в угол крепостной стены. Наличие башен вдоль стены на расстоянии прострела, бастионов, фортов, цитадели должно было значительно повысить возможности долговременной обороны. Это позволяет оценить крепость Орду-Балык как одно из самых совершенных военно-инженерных сооружений эпохи средневековья в Центральной Азии.

Менее изучено уйгурское городище Бай-Балык (Бий-Булаг), хотя его местонахождение и принадлежность уйгурам давно установлены. О строительстве этого оборонительного пункта упоминает в тексте стелы Могои Шипэ Усу сам каган Моюн Чур⁹. Автор данной работы дважды обследовал Бай-Балык, в 1982 и 1986 гг. В ходе обследования изучалась система фортификации, был снят план крепости и построек, осмотрены остатки архитектурных сооружений, собран подъемный материал.

Бай-Балык — квадратная в плане крепость площадью 260 × 260 м, обнесенная каменно-земляным валом трехметровой высоты, сужающимся к вершине. По валу на северной и восточной сторонах сохранились глинобитные стены общей высотой от земли до 6 м. На углах крепости сооружены полукруглые башни, выступающие за линию стен. Основу башен составляло сооружение из обожженных кирпичей, обнесенное каменно-

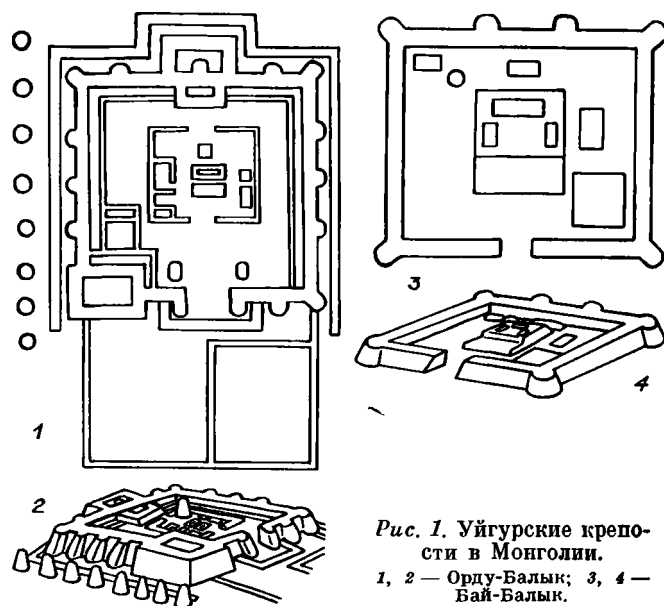

Рис. 1. Уйгурские крепости в Монголии.
1, 2 — Орду-Балык; 3, 4 — Бай-Балык.

земляным валом. Северная стена крепости дополнительно укреплена двумя простеночными башнями, находящимися на расстоянии 100 м от угловых башен. В центральной части южной стены находится створ ворот крепости, не укрепленный башнями. На вершине вала с западной стороны ворот находятся три гранитные базы — основания с пазами для укрепления деревянных колонн и обломки серой обожженной черепицы. Вероятно, ворота крепости были выше стен и имели черепичную крышу, поддерживаемую с помощью колонн. Вдоль стен не заметно каких-либо следов обводного рва.

Во дворе крепости, в центре, напротив ворот, расположена каменно-земляная платформа. Северная часть платформы квадратная площадью 33 × 33 м, южная — прямоугольная, ниже северной, площадью 20 × 33 м. Платформа сооружена из камней и земли. На северной части платформы находятся основания трех прямоугольных в плане зданий, поверхность которых усеяна битой черепицей, обожженной из серой глины. Отдельные детали черепичного покрытия соединений четырехскатной крыши сохранили следы красной краски. Надо полагать, что все сооружение представляет собой остатки храмового комплекса, а здания — храмы, которые располагались вдоль западной, северной и восточной сторон платформы, оставляя незастроенной ее центральную и южную части. Восточнее платформы находятся основания двух прямоугольных строений, севернее и северо-западнее — основания двух прямоугольных строений и холмик из речной гальки, который мог служить основанием какого-либо памятника или стелы (рис. 1, 2).

Система фортификации Бай-Балыка имеет ряд общих черт с другими известными памятниками уйгурского оборонного строительства, выразившихся в планировке стен и башен. Она значительно проще крепостей Орду-Балык и Пор-Бажын и близка сооружениям Бажын-Алаака и Третьего Шагонарского городища¹⁰. Видимо, есть смысл выделить среди уйгурских оборонительных сооружений два типа крепостей: со сложной конфигурацией стен и дополнительными укрепления-

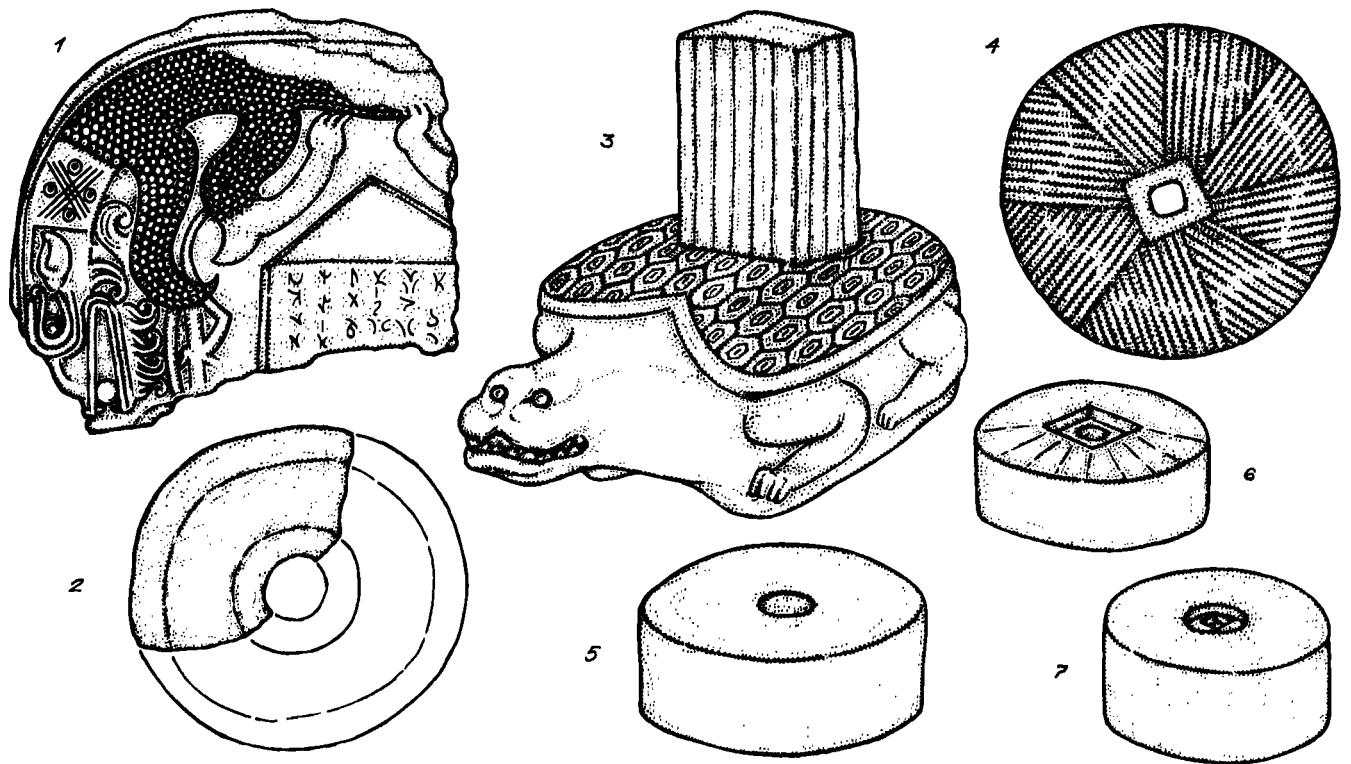

Рис. 2. Находки на уйгурских памятниках в Монголии.

1 — навершие Хара-Балгасунской стены; 2 — обломок верхнего жернова из Бай-Балыка; 3 — постамент Терхинской стены; 4 — верхний жернов из Орду-Балыка; 5—7 — базы колонн из Бай-Балыка.

ми (Орду-Балык, Пор-Бажып) и с простой конфигурацией стен без дополнительных укреплений (Бай-Балык, Бажып-Алаак, Третье Шагонарское городище).

Особенности уйгурской храмовой и гражданской архитектуры изучены пока недостаточно. Раскопки зданий и сооружений на площади уйгурских крепостей, городищ и поселений на территории Монголии практически не проводились. Можно отметить лишь некоторые характерные черты уйгурского культового и гражданского зодчества: использование платформ-стилобатов в качестве основания храмовых комплексов, прямоугольная планировка зданий, возведение деревянных колонн на гранитных базах, сооружение стен из обожженного кирпича, перекрытие крыш обожженной черепицей с раскрашенными торцовыми и орнаментированными концевыми деталями. Аналогичные строительные приемы и архитектурные детали использовались уйгурами при строительстве дворцовых и храмовых комплексов в Туве, в частности дворцовых зданий в крепости Пор-Бажып¹¹.

Гранитные базы колонн, входившие в состав сооружения над воротами крепости Бай-Балык, имеют цилиндрическую форму, диаметром 35—50 см. Они выступают над поверхностью стены на 12—20 см. Поверхность баз гладкая, лишь на одной из них нанесены радиально прочерченные полосы. Выемки для шипов деревянных колонн различны по форме: цилиндрические, квадратные с цилиндрическим углублением, цилиндрические с квадратным углублением (рис. 2, 5—7).

Распространенной находкой на местах разрушенных зданий и сооружений является черепица. Преобладают детали покрытия четырехскатных

крыш — прямоугольные, дугообразно изогнутые по ширине, массивные сероглиняные обожженные плитки с гладкой внешней поверхностью и текстильными отпечатками на внутренней вогнутой поверхности. Торцовые соединения скатов крыш перекрывались полосами полуцилиндрической черепицы с торцовыми основаниями и выступали с одного конца. Такие плитки на храмовых зданиях Бай-Балыка раскрашивались в красный цвет (рис. 3, 2, 4, 6, 7).

При шурфовке крепости Орду-Балык были обнаружены массивные концевые диски черепицы на углах крыш. Диски украшены стилизованным растительным орнаментом в виде розеток, чередующихся кругов и выпуклостей (рис. 3, 1, 3, 5). Исследовавший орду-балыкскую черепицу С. В. Киселев отметил ее сходство с танской и тюркской¹². Подобная орнаментация концевых дисков не является специфически уйгурской, а свойственна черепице, распространенной в Центральной и Восточной Азии во второй половине 1 тыс. На уйгурских памятниках она имеется в составе находок из раскопок Пор-Бажыпа в Туве¹³.

Наряду с обломками архитектурных сооружений на поверхности уйгурских городищ найдены отдельные бытовые предметы, например обломки каменных жерновов для помола зерна. На Орду-Балыке обнаружены массивные каменные диски с отверстием в центре¹⁴. Поверхность верхних жерновов орнаментирована радиально расположенными секторами, покрытыми косыми линиями (см. рис. 2, 4).

На Бай-Балыке найдены жернова с гладкой неорнаментированной поверхностью и ободком вокруг центрального отверстия (см. рис. 2, 2). Жернова, аналогичные орду-балыкским, известны в па-

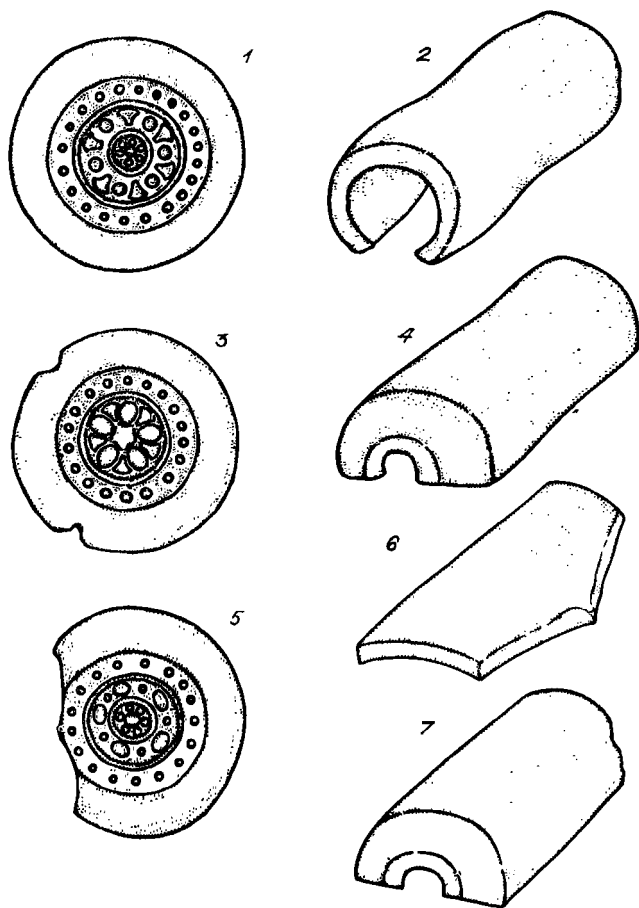

Рис. 3. Черепица из уйгурских крепостей в Монголии. 1, 3, 5 — концевые диски из Орду-Балыка; 2, 4, 6, 7 — черепица из Бай-Балыка.

мятников монгольского времени, а близкие по форме бай-балыкским бытовали вплоть до этнографической современности.

Важным элементом уйгурской культуры являются монументальные памятники, воздвигавшиеся в честь выдающихся деятелей Уйгурского каганата. Обычай сооружения монументов в честь каганов и полководцев с описанием их заслуг перед государством был заимствован уйгурами у тюрков, поэтому основные детали этих объектов близки древнетюркским: валы, рвы, платформы, постаменты-черепашки, стелы с надписями и тамгами, навершия в виде драконов. Однако уйгурские монументальные памятники не всегда сооружались после смерти лиц, которым они посвящены, что позволило С. Г. Кляшторному и В. А. Лифшицу предположить не поминальное, а триумфальное назначение некоторых из них¹⁵.

Среди уйгурских монументальных памятников в Монголии к числу триумфальных относятся: Терхин-Цаган-Нур, Сэврэй, Хара-Балгасун и некоторые другие.

Наиболее подробно исследован памятник Терхин-Цаган-Нур. Он представлял собой, по описанию С. Г. Кляшторного, округлую земляную насыпь диаметром 47 м, высотой 1,4 м. В юго-восточной части насыпи находился небольшой выступ, на котором располагалась черепашка со стелой (см. рис. 2, 3). Вокруг холма располагались небольшие возвышения диаметром 1—3 м¹⁶. Рас-

копки сооружения не выявили иной структуры памятника, кроме земляной насыпи¹⁷.

Сэврэйский памятник обнаружен вне комплекса, что послужило основанием для С. Г. Кляшторного и В. А. Лифшица предполагать его триумфальное, а не погребальное назначение¹⁸.

Вероятно, триумфальной была Хара-Балгасунская стела, обломки которой находятся на территории храмового квартала Орду-Балыка, обнесенного валами, расположенного южнее крепости. Обломки стелы, навершия с драконами (рис. 2, 1), черепашки находятся на площади храмового комплекса, вне какого-либо сооружения, аналогичного насыпи терхинского памятника¹⁹. Надо полагать, что эта триумфальная стела была сооружена в честь блистательных побед «чудесно-воинственного» кагана Кутлуга, спасшего Уйгурский каганат от разгрома в конце VIII в. н. э.²⁰

Собственно поминальные памятники уйгурских каганов, известные в литературе под традиционным названием «погребальных»²¹, идентифицированы В. Е. Войтовым²². К их числу отнесены известные памятники могол-Шинэ-Усу и Хушон-Тал. Они представляют собой глинобитные платформы, окаймленные внутренним рвом и внешним валом, площадью 25 × 47 и 44 × 55 м каждый, ориентированные по длине на север — юг. На южной стороне платформы находится округлая каменная насыпь, на северной — каменная черепашка. На памятнике Могол-Шинэ-Усу рядом с черепашкой сохранилась упавшая стела с надписью в честь кагана Моюн-Чура; на памятнике Хушон-Тал стела не обнаружена. При раскопках памятника Хушон-Тал не было обнаружено ни ограды, ни изваяний, ни остатков храма²³. В. Е. Войтов полагает, что Хушон-Тал сооружен раньше Могол-Шинэ-Усу, а после приятия уйгурским каганом Бегю Инги Яглакаром манихейства традиция возведения поминальных памятников уйгурской знати была утрачена²⁴.

Уйгурам приписываются и некоторые другие памятники — Тэс, вторая Хара-Балгасунская стела, назначение которых не вполне ясно. М. Шинэху считал, что вторая Хара-Балгасунская стела являлась капителью колонны, т. е. на его верхнем торце имеется паз для крепления²⁵. С нашей точки зрения, такое предположение, так же как и отнесение авторства текста полководцу Гюйлу Мохэ²⁶, маловероятно.

Серия монументальных сооружений, относимых к уйгурам в Монголии, недостаточно представительна для систематизации и сравнительного анализа с древнетюркскими поминальными памятниками.

В настоящее время сложно судить о своеобразии уйгурской монументальной скульптуры, изваяний черепашек и барельефов драконов в сравнении с древнетюркскими. Насколько можно судить по публикациям, папцирь у черепашках уйгурского времени изображался плоским, а не объемным, как у черепашек из Мукура и Хушо-Цайдама, отсутствовала у них и перемычка в центре, служившая подставкой для стелы²⁷. Барельефы драконов на Хара-Балгасунской стеле значительно богаче деталями изображений на навершиях памятников Хушо-Цайдама, Бугута, Дзун-Хары.

На стелах и постаментах памятников, приписываемых уйгурам, нередко наряду с надписями изображены тамгообразные знаки. На терхинском памятнике начертаны четыре тамги, на памятнике Могой-Шина-Усу — три тамги, на второй Хара-Балгасунской стеле и тэсинской наскальной надписи — по две тамги²⁸. К сожалению, материал слишком невелик для выделения близких по начертанию тамговых знаков из обширного массива символических изображений на петроглифах Монголии. Некоторые из этих тамг, например схематическое изображение козла на второй Хара-Балгасунской стеле, аналогичны тамге древнетюркской каганской династии Ашина. Представляет интерес выделение С. Г. Кляшторным тамг уйгурского каганского рода Яглакар²⁹.

К уйгурской культуре принадлежит еще один вид поминальных сооружений — небольшие каменные насыпи, перекрывающие остатки поминальной тризны, включая обломки гончарных сосудов. Эти обломки, найденные В. Е. Войтовым на памятнике Бага-Арцаг-Ам, на левом берегу р. Орхон к югу от Орду-Балыка, не имеют аналогов в древнетюркской поминальной обрядности и, вероятно, связаны с культовой практикой населения уйгурской столицы³⁰.

Среди исследованных на территории Монголии средневековых погребений к числу уйгурских была отнесена группа памятников, раскопанных Л. А. Евтюховой в 1949 г. в долине р. Орхон, в урочище Орхон-Дель³¹. К памятникам «уйгурской культуры IX в.» автором отнесены курганы № 5, 7 и 11 из могильника Орхон-Дель.

Курган № 5 имел четырехугольную каменную насыпь диаметром 12 м с неглубокой могильной ямой. Курган был сильно ограблен. От погребения человека уцелела «одна ручная кость». В могиле находились кости барана. В отношении костей коня данные Л. А. Евтюховой противоречивы, так на с. 221 замечено, что в «кургане № 5 костей коня не было», а в таблице указывается на присутствие в кургане № 5 костей двух коней. Среди находок автором отмечена «железная пряжка в виде медальона», поверхность которой с обеих сторон «шероховатая, как бы чешуйчатая в результате разделки фона в виде мелких капелек металла». По мнению Л. А. Евтюховой, технология изготовления этого предмета аналогична той, что применялась кыргызами в IX в. н. э. Согласно современным данным, железные посеребренные детали сбруи начали изготавливаться в первые века II тыс. В могиле найдены также железные двухсоставные удила и два фрагмента сосуда из желтовато-красной глины. «Их поверхность покрыта штампованным узором в виде небольших, вписанных одна в другую скобок».

Л. А. Евтюхова отмечает, что аналогичная керамика встречалась при раскопках «древней уйгурской столицы Хара-Балгас», что позволяет считать погребение уйгурским. По ее мнению, технология изготовления железных посеребренных деталей сбруи является уйгурской и принесена уйгурами на Средний Енисей «после 860 г., т. е. после двадцатилетнего господства над ними енисейских кыргызов, когда уйгуры взяли реванш и освободились от кыргызского владычества»³². Курган № 7 представлял собой четырехугольную ка-

менную выкладку, под которой находилась квадратная могильная яма площадью 1,4 × 1,4 м, глубиной 1,25 м. В яме найдены отдельные кости человека, разбросанные кости коня и коровы. Из вещей в могиле сохранились две костяные цурки³³.

Курган № 11 представлял собой округлую каменистую насыпь. В могиле находились две кости человека, железное кресало, пять железных наконечников стрел и бронзовая обойма. Эта «обойма из белого металла» отнесена к числу находок из кургана № 7³⁴.

В целом, по мнению Л. А. Евтюховой, в группе курганов Орхон-Деля, которые «следует связывать с уйгурами, мы видим более сложную картину, когда местное население, сохраняя кочевые традиции, в то же время, даже в глухих районах горных пастбищ, оказывается связанным с городской культурой, которая там ярко выделяет уйгуров из числа других народов Центральной Азии»³⁵.

Нельзя не отметить, что сведения Л. А. Евтюховой о курганах Орхон-Деля страдают исполнотой, в них немало путаницы, некоторые положения явно устарели. Не вполне ясно, каким был погребальный обряд. По-видимому, умершие захоронены по обряду ингумации со шкурой верхового коня со сбруей и мясом барана или коровы. Разграбленность могил не позволяет судить об этом со всей определенностью. Мнение Л. А. Евтюховой об уйгурском происхождении технологии изготовления железных посеребренных деталей сбруи не выдержало испытания временем. Ныне подобные предметы принято относить ко II тыс. В то же время нет оснований для передатировки комплексов Орхон-Деля периодом развитого средневековья, так как «железная пряжка-медальон» не находит прямых аналогов среди предметов II тыс. Наибольшую ценность представляет высказывание Л. А. Евтюховой о тождестве керамики Орхон-Деля и Орду-Балыка, которое служит основанием для отнесения исследованных ею погребений к уйгурской культуре.

Уйгурская гончарная керамика из Орду-Балыка уже подвергалась специальному анализу. Из материалов орду-балыкской коллекции были выделены функциональные группы — тарная, кухонная, столовая посуда; охарактеризованы формы сосудов — хумы, корчаги, горшки, чаши, вазы; проанализирован орнамент³⁶. Уйгурская керамика, аналогичная орду-балыкской, найдена помимо Орхон-Деля на памятнике Бага-Арцаг-Ам и в нижних слоях Хара-Хорина³⁷. Среди иных категорий инвентаря представляют интерес наконечники стрел, детали сбруи, наременные обоймы, цурки, кресала.

Наконечники стрел трехлопастные двух типов: с трехгранным острием и вытянуто-пятиугольным и удлинненно-треугольным пером, все с прямыми плечиками и упором. Аналогичные наконечники встречаются в уйгурских памятниках Миусинской котловины³⁸. Трехгранный наконечник относится к типу асимметрично-ромбических. Он имеет остроугольную форму и пологие плечики³⁹. Железные удила с одноколычатыми завершениями звеньев известны в различных кочевых культурах второй половины I тыс.⁴⁰

Обычны для кочевнических комплексов второй половины I тыс. железные кресала, бронзовые обоймы, костяные цурки⁴¹. Все эти предметы неспецифичны для уйгурской культуры. Редкой находкой является железная накладка, украшенная прорезным ажурным орнаментом. Близкие по конструкции, по бронзовые шарнирные накладки известны в кыргызской культуре конца I тыс.

В целом набор предметов невелик и отличает уйгурскую культуру от синхронных кочевых культур Центральной Азии.

Для всесторонней характеристики предметного комплекса уйгурской культуры необходимы целенаправленные широкомасштабные раскопки уйгурских памятников на территории Монголии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рамстедт Г. И. Перевод надписи «Селенгинского камня» // Тр. ТКОПОИРГО.— Спб, 1914.— Т. 15, вып. 1.— С. 40—49; Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // СТОЭ.— Спб, 1897.— Т. 3.— С. 20—31; Кляшторный С. Г. Терхинская надпись // СТ.— 1980.— № 3.— С. 82—95; Шинэхуу М. Тариатын Орхон Бичигийн шинэ дурсгал.— Улаан-Баатар, 1975.— 219 с.; Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край.— Л.: РГО, 1926.— Т. 2.— 896 с.; Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX—XII вв.— Новосибирск, 1983.— 296 с.; Он же. Уйгуры и Китай в 840—848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.— Новосибирск, 1975.— С. 65—82; Он же. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск, 1980.— С. 103—126; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства.— М., 1970.— 431 с.

² Кызласов Л. Р. Тува в составе Уйгурского каганата (VIII—IX вв.) // Учен. зап. ТННЙЯЛИ.— 1960.— Вып. 8.— С. 155; Гаврилова А. А. Сверкающая чаша с Еписея // Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 180; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья.— Улан-Удэ, 1970.— С. 125.

³ Котвич В. Л. Поездка в долину Орхона летом 1912 года // ЗВОРАО.— Спб, 1914.— Т. 22.— 1-2.

⁴ Киселев С. В. Древние города Монголии // СА.— 1957.— № 2.— С. 94, 95.

⁵ Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА.— 1957.— № 2.— С. 222.

⁶ Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии.— Новосибирск, 1982.— С. 86.

⁷ Там же.— С. 87.

⁸ Вайнштейн С. И. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве // Учен. зап. ТННЙЯЛИ.— 1959.— Вып. 7.— С. 260—274; Он же. Древний Пор-Бажын // СЭ.— 1964.— № 6.— С. 105—111.

⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.— М.; Л., 1959.— С. 43.

¹⁰ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века.— М., 1969.— С. 59—63.

¹¹ Вайнштейн С. И. Древний Пор-Бажын.— С. 105—110.

¹² Киселев С. В. Из истории китайской черепицы // СА.— 1959.— № 3.— С. 165—166.

¹³ Вайнштейн С. И. Древний Пор-Бажын.— С. 109—111.

¹⁴ Киселев С. В. Древние города Монголии.— С. 95.

¹⁵ Кляшторный С. Г., Лифшиц В. А. Сэврэйский камень // СТ.— 1971.— № 3.— С. 108—110.

¹⁶ Кляшторный С. Г. Терхинская надпись // СТ.— 1980.— № 3.— С. 83—84.

¹⁷ Там же.— С. 83.

¹⁸ Кляшторный С. Г., Лифшиц В. А. Сэврэйский камень.— С. 108.

¹⁹ Кляшторный С. Г., Лифшиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии.— Новосибирск, 1978.— С. 49—52.

²⁰ Худяков Ю. С. Бао-И или Кутлуг? // Бахрушинские чтения 1978 г.— Новосибирск, 1978.— С. 136—137.

²¹ Кляшторный С. Г. Терхинская надпись.— С. 83.

²² Войтов В. Е. Археологические исследования Б. Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // Mongolica.— М., 1986.— С. 124—125.

²³ Войтов В. Е., Волков В. В., Корнеевский С. Н., Новгородова Э. А. Археологические исследования в Монголии // Археол. открытия 1976 года.— М., 1977.— С. 587.

²⁴ Войтов В. Е. Археологические исследования...— С. 125.

²⁵ Шинэхуу М. Орхон-Сэлэнгийн руни бичгийн шинэ дурсгал // Археологийн судлал.— Улаан-баатар, 1980.— Тал. 62.

²⁶ Ibid.— Тал. 66.

²⁷ Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Сев. Монголия.— Л., 1927.— Вып. 2.— Табл. VI, 6; Новгородова Э. А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркол. сб. 1977.— М., 1981.— Рис. 3.

²⁸ Кляшторный С. Г. Терхинская надпись.— Табл. 1; Там же. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркол. сб. 1975.— М., 1978.— С. 154—155; Шинэхуу М. Орхон-Сэлэнгийн руни бичгийн...— Табл. 42.

²⁹ Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии.— С. 154.

³⁰ Войтов В. Е. Итоги пятилетних работ Каракорумского отряда // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. Конф.: тез. докл.— М., 1981.— С. 20.

³¹ Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА.— 1957.— № 2.— С. 220—224.

³² Там же.— С. 220—223, 225.

³³ Там же.— С. 221, 223, 225.

³⁴ Там же.— С. 223, 225.

³⁵ Там же.— С. 224.

³⁶ Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка.— С. 87—92.

³⁷ Евтюхова Л. А. Керамика Кара Корума // Древнемонгольские города.— М., 1965.— С. 271—273.

³⁸ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986.— С. 171.

³⁹ Там же.— С. 171.

⁴⁰ Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.— Л., 1984.— Табл. II, 1, 3; III, 10.

⁴¹ Там же.— Табл. II, 17; III, 21; IV, 21.

Л. К. МИНЕРТ

МОНГОЛЬСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО XIII—XIV ВЕКОВ

Провозглашение Темучина на курултае 1206 г. Чингисханом и образование Великого Монгольского государства (Еке Монгол улус), как известно, оказалось прелюдией к периоду небывалых воен-

ных катаклизмов, захвативших большую часть Азии и Европы и оставивших неизгладимый след во всемирной истории. Карл Маркс писал о монгольском завоевании Средней Азии: «Искусство,

богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»¹. Мрачной особенностью завоевательных походов было повсеместное истребление населения, земледелия и городов². Часть патриархально-феодалной верушки — «поклонники монгольской старины и кочевых традиций» — вообще были сторонниками превращения районов хлебопашества и оседлости в кочевые пастбища³. Возобладанию таких крайних взглядов, по-видимому, помешало и осознание правящим классом завоевателей новых реальностей, возникших в связи с созданием огромного государства и необходимостью обеспечить его функционирование. Сама логика исторического развития, начатого провозглашением Монгольского государства, предопределила появление его атрибутов, в том числе и городов.

Издревле сложилась традиция, согласно которой правители государственных образований, возникавших к северу от Великой Китайской стены, считали необходимым заимствовать для собственной особы совокупность правил и аксессуаров ритуального и декоративного оформления, принятую при дворе властителей Поднебесной — Сынов Неба. Эта система, символизировавшая сакральность персоны властителя и право на высшую власть, санкционированное Небом⁴, сложилась еще на заре становления китайской цивилизации (эпоха Шань-Инь, вторая треть II тыс. до н. э.) под воздействием индоевропейского ритуально-мифологического комплекса в процессе длительных контактов с носителями этих понятий, господствовавших тогда на просторах Великой степи⁵. Общие корни происхождения восточно-азиатских культур составляли психологическую и мировоззренческую основу для взаимопонимания. Это объясняет, почему важные элементы идеологической надстройки уже в преобразованном, китайском виде, находили обратный путь к «северным варварам». И в Степи, и в Поднебесной вождь (правитель, ван, император), которому приписывалась посредническая роль между Космосом и социокосмосом, считался полюсом (осью, гномоном) Вселенной, а ставка вождя — столица — местом расположения Мировой оси (Мирового дерева)⁶. Представление о «Вселенной как о замкнутой, защищенной от окружающего хаоса форме»⁷ привело к идее символического закрепления за императором (центром) ойкумены — пространства Среднего мира, обжитого людьми⁸. Защите его пяти сторон света служили пять обоготворенных гор*. В этом же контексте возникла идея об учреждении нескольких столиц, начало которой, видимо, можно усматривать в «пяти поселениях» Чжоуского времени. Однако законченная система из пяти столиц, носящих название всех стран света и центра, отмечена лишь для государств Маньчжурии и осуществлена в государстве Бохай в первой четверти IX в.⁹ Поскольку императоры Китая претендовали на власть над всей Поднебесной, в «пределах че-

тырех морей», правители государств, возникавших на «варварском севере», заявляли о появлении нового центра мироустройства магически-ритуальным закреплением реально принадлежавшего им пространства. Естественно, что это было не только акцией самоутверждения, но и вызовом.

Именно поэтому первый император киданей Елюй Амбагянь (р. в 827 г.) начал свою деятельность по упрочению династии (впоследствии — Ляо) с устройства ее пяти «башен» (т. е. дворцов или столиц): Верхней, Западной, Восточной, Северной и Южной¹⁰. Чжурчжэни, после разгрома империи киданей и учреждения на ее развалинах государства династии Цзинь поступили точно таким же образом: «В подражание киданям основали они также пять столиц...», в том числе южную — Да-син-фу¹¹. Впоследствии ее превратили в Среднюю столицу — Чжунду (потом на ее месте монголы учредят столицу Хапбалык (Дайду)). Надо полагать, что Темучин, после своего провозглашения Чингисханом заговоривший от имени сверхъестественных космических сил¹², не пренебрег традиционными приемами символического закрепления мирового пространства за новым центром могущества. Тем более, что среди советников при его дворе, помимо уйгуров, было немало перебежавших к нему цзиньских подданных, главным образом из киданей, верой и правдой служивших новому владыке и вводивших «тонкости китайской политики, о которой сами монголы и не заботились»¹³.

Само существование Великих орд Чингисхана не вызывает сомнений; о них не раз упоминается в источниках. Автор одного из первых европейских капитальных исследований по истории монголов — К. д'Оссон утверждает, что четыре Великих орды Чингисхана сохранялись еще столетие после его смерти¹⁴. Но в остальных сведениях исторических источников скудны. О расположении этих официальных резиденций на территории Монголии «нет ясных указаний и исследований», но считается, что «все они были не переносимы»¹⁵. Часто упоминается именно четыре Великих орды Чингисхана, ставки его четырех главных жен. Палладий Кафаров замечает: «В каждой орде была одна из главных ханш его»¹⁶. Доводом в пользу существования четырех ставок главных жен Чингисхана может также служить факт включения в перечень сакральных объектов культуры Чингисхана, установленного после его смерти, в первую очередь четырех дворцовых ставок (орду харши гэр)¹⁷ его главных жен, существовавших дополнительно к Каракоруму, а ранее — к главной орде*, именованной просто «Великой».

Ее название, по-видимому, упоминается в эпизоде «Сокровенного сказания», повествующем о запросе Угэдэя, избранного великим ханом, к братьям относительно начала похода против императора чжурчжэней «Алтан-хана Китадского». Чагадай ответил Угэдэю: «Поставьте хорошего человека в Ауруке и выступайте»¹⁸. Надо полагать, что Аурука была местопребыванием великого ха-

* Как пишет известный синолог Н. Я. Бичурин (Иакинф): «Китайцы полагают пять сторон света: восток, запад, юг, север и средоточие. Начиная с легендарных времен правитель жертвовал духам на обоготворенных горах: восточной — Тхайшань, западной — Хуа-шань, южной — Хынь-шань, северной — Хынь-шань и средней — Сун-шань. (См.: Статистическое описание Китайской империи. — Пекин, 1910. — С. 30).

* Палладий Кафаров пишет, что помимо четырех Великих орд «ордою» называлась также ставка хана «Шира ордо», или «Желтая», т. е. «Золотая орда» (См.: Комментарий к Марко Поло... — С. 38).

на. Далее говорится, что, отправляясь на завоевание государства чжурчжэней, «Огодай-хан оставил Олдахара правителем Великой орды — Еке Ордос»¹⁹. Следовательно, она уже к 1211 г. имела стационарный характер. Весьма вероятно, что именно эта Великая орда впоследствии стала именоваться Каракорумом. В пользу такого предположения говорят привлекательность этого места в самом центре Монголии, сообщения (хотя и не совсем ясные по смыслу) о существовавшем здесь городе или другом поселении²⁰, утверждение, что Чингисхан «в 15 году своего царствования (1220 г.) восстановил в сей орде столицу свою»²¹.

Поскольку учреждение пяти столиц (ставок) было актом государственной важности, обозначавшим установление неких пространственных ориентиров распространения пределов могущества великого хана, то их расположение, очевидно, было увязано с географическими координатами Велико-го Монгольского государства. Анализ деятельности по этому вопросу правителей киданей и чжурчжэней убеждает, что учреждение пяти столиц вовсе не предполагает размещения четырех из них на окраинах империи. Но все же оно определялось в тесной связи с прохождением государственных границ; при их продвижении в том же направлении могла переместиться и столица. Такие весьма общие географические ориентиры для поиска месторасположения Великих орд Чингисхана подкрепляются сообщениями исторических источников, но весьма ненадежно.

Исследователь монгольской архитектуры Н. М. Щепетильников предполагает: «Впервые орда как резиденция Чингиса... была создана на Толе, на месте ставки Ван-хана, вождя племени кэрэитов»²². Однако против такой гипотезы свидетельствует «Сокровенное сказание», согласно которому Темучин, одержав победу над Ван-ханом, его «Золотой шатер» подарил двум своим батырам²³. Если уж Темучин не захотел воспользоваться дворцом своего прежнего сюзерена*, то вряд ли он остановился бы на месте этой ставки. Следовательно, было выбрано какое-то другое место на той же р. Толе, так как ставка там существовала и впоследствии. В «Сокровенном сказании» сообщается, что после завоевания Средней Азии Чингисхан «вернулся на родину, проведя в пути одно лето на Эрдиши (Иртыше. — Л. М.), и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах, в Тульском Темном Бору — Хара-туп»²⁴. Возможно, что это была первоначальная Главная ставка до ее переноса на р. Орхон, после чего она могла считаться Северной.

О Северной орде нет никаких упоминаний и не высказано даже предположений. По нашему мнению, ее следует искать в долине р. Онон — там, где в 1206 г. Темучин был провозглашен Чингисханом. Конечно же, Темучин принял представителей пойнства в блистательной ставке, в окружении, доказывавшем, что он не только достоин избрания, но может и обойтись без формального согласия будущих вассалов. Трудно допустить, что после совершения исторического акта ставка

эта была покинута, тем более, что, вероятнее всего, она располагалась на месте рождения Темучина, там, где прошли его юные годы²⁵.

Одной из главных орд, несомненно, была та, что находилась на Керулене. О ее значимости свидетельствует то, что после смерти Чингисхана, именно «чингисова юрта в долине р. Керулен» была избрана местом курултая 1228 г., завершившегося провозглашением великим ханом Угэдэя²⁶. П. Кафаров считал эту резиденцию Восточной ордой Чингисхана и рекомендовал искать ее следы в «пизовьях Кэрулуна, на южной стороне его, там где пребывал наместник Чингисхана, во время его похода на запад, брат его Отчигиль»²⁷.

Г. Н. Потанин и Д. А. Клеменц помещают одну из орд, посещенных даосским монахом Чан Чунем во время своего путешествия, за реку Эдэр, «недалеко от устья Чулуту... и от того места, где сливаются реки Эдэр, Буксуи и Дельгир-мурен, образующие собою Селенгу»²⁸. Направляется предположение, что это могла быть первоначальная Западная Великая орда Чингисхана. Присутствие в ней одной из главных жен хана, на наш взгляд, лишь подтверждает гипотезу. Впоследствии местом расположения Западной орды могла стать живописная долина р. Будугун на южных склонах Монгольского Алтая. Поскольку на этом месте располагалась княжеская ставка племени найманов, то после их разгрома, здесь, вполне закономерно, могла быть основана ставка победителя. П. Кафаров называет ее ордой Найманского владения и считает лишь временной ставкой Чингисхана. Существует мнение, что эта Западная орда была учреждена императором позже, уже во время Западного похода, на пути в Среднюю Азию²⁹.

Одной из главных орд Чингисхана, по-видимому, была часто упоминаемая в китайских исторических сочинениях ставка, именуемая Юй эр ли, к которой «проведена была почтовая дорога из разных мест»³⁰. Это свидетельствует о ее постоянном характере и несомненной значимости. Возможно, что это была Южная главная орда. В пользу этого предположения говорит также факт, что даосский монах Чан Чунь, приглашенный ко двору Чингисхана, искал его именно в Юй эр ли. В записках об этом путешествии говорится, что вместо ставки «здесь только встретили жилища, деревню, жители которой, большею частью занимались хлебопашеством и рыболовством»³¹. Из сказанного можно заключить, что орда (ставка) Великого хана состояла почти целиком из сборно-разборных и передвижных сооружений. Поскольку в это время Чингисхан ушел в Западный поход и находился в Средней Азии, на месте остались лишь поселенцы, обязанные заниматься хлебопашеством. Этот пример показывает также, в какой степени вся жизнь орды как поселения зависела от присутствия властителя и была связана с его особой.

Вместе с тем нельзя не отметить здесь появления элементов постоянного поселения. Расселение рядом с ханским становищем землепашцев-пленников, очевидно, должно было обеспечить потребности двора в продовольствии. В этой же связи возникло земледельческое население и в до-

* По мнению известного востоковеда В. П. Васильева, военная карьера Темучина состоялась на службе у Ван-хана Кэрэитского (См.: История и древности... — С. 138).

лине Орхона³² у Главной ставки — предшественницы Каракорума.

У монгольских племен действовал традиционный прием планировочной организации стойбищ, именовавшийся курень (хурээ — кольцо). Его происхождение уходит в глубь веков. Надо полагать, подобный обычай сложился у первых скотоводов-кочевников, освоивших свободные пространства Великой степи. Известный историк и политический деятель Рашидадин (1247—1318) сообщает: «В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого] круга, подобно центральной точке; это и называли курень»³³. Кольцеобразная композиция расположения жилищ первоначально отражала равенство и взаимопомощь связанных кровными узами членов патриархально-родовой общины, коллективную оборону сообщества и его старейшины, главы рода. Расположение последнего в центре соответствовало представлениям о роли вождя в общине, его космических взаимосвязях, о совпадении микро- и макрокосмосов³⁴.

Расположение жилищ на стойбищах в виде куреня среди монгольских племен XIII в. было живой традицией. Рашидадин писал: «И в настоящее время, когда вблизи находится вражеское войско, они (монголы) тоже располагаются в таком же виде для того, чтобы враги и чужие не проникли внутрь стана»³⁵. Характерно, однако, что древний обычай применялся в своем первоначальном виде лишь в обстановке угрожающей опасности. И не удивительно, давно уже появились сильные и богатые, тяготившиеся родовыми связями³⁶, любым намеком на бывшее равенство. Поэтому, когда живой заслон властителю был не нужен, ничто не должно было закрывать ему сакральную, несущую благодать южную часть горизонта, в направлении которой каждый монгол ежедневно поклонялся солнцу³⁷.

Вот почему в мирное время эту часть кольца перед жилищем главенствующего лица оставляли свободной. Это особенно четко следует из описания В. Рубрука ставки Батые, ошеломившей европейца многолюдностью и размахом: «Я оробел потому, что собственно дома его казались... большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженными народами на расстоянии трех или четырех лье»³⁸. Несмотря на громадность поселения, наблюдательный очевидец подчеркивает строгий порядок расселения: все «знают, с какого бока двора (подворья Батые.— Л. М.) должны они размещаться, когда они снимают свои дома [с повозок]». Двор Батые (орда) «всегда находится посередине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора»³⁹. Даже представитель сверхъестественных сил — главный шаман, определявший благоприятность условий времени кочевки и мест стойбищ, шедший впереди всего куреня во время перекочевок, — ставил свою юрту впереди куреня, но несколько в стороне, перед двором первой жены хана. Остальные

шаманы (к которым причислили и христианских монахов) — соответственно перед дворами жен рангом ниже⁴⁰.

Из наблюдений, сообщенных Рубруком, планировочная структура такого поселения — ставки правителя (орды) — реконструируется в виде кольцеобразной совокупности последовательно взаимосвязанных комплексов, со строгой иерархией подчиненности. Замкнутые внутри себя комплексы, принадлежавшие отдельным феодалам, в соответствии с их рангом размещались вокруг центрального ядра-двора сюзерена, наглядно показывая систему взаимосвязей, основу могущества властителя. Внутри отдельного комплекса повторялась такая же иерархическая структура, ясно определявшая место каждого. Так, например, в совокупности подворий самого Батые и его двадцати шести жен, у каждой из которых было по «большому дому (юрте.— Л. М.), не считая других маленьких», при остановках осуществлялся четкий распорядок: «первая жена ставит свой двор на западной стороне (от двора госпожи.— Л. М.), а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне»⁴¹. Следовательно, эти подворья располагались по дуге круга. Тут же уточняется, что «расстояния между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня»⁴². Каждое подворье состояло из юрт госпожи и ее челяди, а также большого числа телег с имуществом («по 200 повозок»). При остановках центр занимала главная юрта («большой дом»), а малые ставились сзади и служили «как бы комнатами», в которых жили девушки⁴³.

Непременная часть каждого подворья — грузовые телеги, по-видимому, приобрели также значительное значение мерила богатства. Рубрук отмечает: «Один богатый Моал или Татарин имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200...»⁴⁴ При остановках их размещали с одной и другой стороны главной юрты «на расстоянии половины полета камня» так, что два ряда повозок создавали как бы стены двора⁴⁵. При этом, как видно, «ограды» соседей примыкали друг к другу.

Главным элементом застройки Великих орд Чингисхана были юрты — разные по масштабу («сообразно достоинству и скудости людей») и конструкции. «Некоторые, — писал Плано Карпини, — быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках»⁴⁶. Представители высшего класса и сам император также жили в юртах. Эти юрты отличались белым войлоком, внутренней отделкой, дорогими тканями, коврами⁴⁷. При необходимости, видимо, уже тогда использовался прием, известный по сообщениям XIX в., когда несколько юрт соединялись, образуя многокомнатный дом⁴⁸. Самые большие неразборные юрты, по свидетельству Рубрука, достигали диаметра 30 футов (около 10 м), а для их перевозки перед телегой-платформой впрягали два десятка быков⁴⁹. Для перемещения малой юрты было достаточно и одного быка⁵⁰. О впечатлении, которое производило передвижение кочевой ставки, сообщает Рубрук: «Утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне движется большой город»⁵¹.

При этом надо отметить, что Скатай, сын Батыя, в то время был феодалом средней руки, имевшим всего 500 подданных.

Сведений о дворцовых сооружениях в Великих ордах Чингисхана дошло мало. Так, известно, что во время похода в Среднюю Азию он иногда велел «разбить большую золотую орду, устроить [многолюдное] собрание и сделать великое пиршество»⁵². По-видимому, это строение позволено реконструировать, используя сообщения о Золотых ставках его потомков — Угэдэя и Муңкэ*.

По словам Рашидаддина, на месте летнего местопребывания Угэдэя «разбили такой большой шатер, что в нем помещались тысяча человек, и его [шатер] никогда не убирали. Скрепки его были золотые, внутренность его была обтянута тканями; его называли „Золотая ставка“»⁵³. Надо думать, что это был тот же «Золотой шатер», в котором после избрания «должен был возсесть на престол» следующий великий хап Гуюк, сын Угэдэя. По описанию Плапо Карпини, шатер «был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдахином, а снаружи были другие ткани»⁵⁴. В китайском сочинении Хэй-да ши-люэ («Заметки о черных татарах») сообщается, что «Золотой шатер представлял собою большую монгольскую юрту, вмещающую несколько сот человек и ставившуюся ханом в особо торжественных случаях»⁵⁵. Интересно отметить: в упомянутом источнике указано, что золотом были обернуты «столбы и порог». Это заставляет вспомнить высокопарную метафору, выражавшую субординацию: «у твоего золотого порога», постоянно встречающуюся в тексте «Сокровенного сказания»⁵⁶.

Эти дворцы не только служили культу Великому хану, в них не просто пиршествовали, там также создавались и слушались героические песни, былины, сказания, созданию которых, по словам известного историка Б. Я. Владимирцова, необычайно благоприятствовала эта эпоха, «когда монгольский народ переживал эпическую стадию своего развития»⁵⁷. Свидетельствовал и современник: «...и Батый, ни один татарский князь не пьют никогда, если перед ними не поют или не играют на гитаре»⁵⁸.

Крайняя ограниченность источников не позволяет выявить ход развития Великих ставок Чингисхана как предшественников монгольских городов. Вместе с тем очевидно, что, в связи с небывалым динамизмом и громадным размахом происходивших событий, временной фактор приобрел исключительную значимость. После установления Чингисханом своей системы столиц и границ Великого Монгольского государства лишь пятилетие длилось мирное развитие. После завоевания на востоке государства Цзинь (1211—

1215 гг.) и успешного Западного похода в Среднюю Азию, на Кавказ и Волгу (1218—1225 гг.) прежние государственные символы требовали переосмысления. Метафизическая система ограниченной в пространстве Поднебесной, несомненно, противоречила динамизму активного познания окружающего мира, открывавшего все новые горизонты. Поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что первоначально установленная система орд не подвергалась изменению. Известно лишь, что Великие орды существовали впоследствии еще долгие годы⁵⁹.

Таким образом, первыми стационарными населенными пунктами Монгольского государства, несомненно, были Великие орды Чингисхана, во всяком случае некоторые из них. Они служили образцом для последующих императоров, основывавших новые орды. По-видимому, таковой была Сыр-орда (Шира ордо — «Желтая», т. е. «Золотая»), служившая резиденцией Гуюка⁶⁰.

Процесс образования постоянных компонентов поселения в монгольских кочевых ордах происходил с противоположных социальных полюсов. С одной стороны, стремление к максимальному увеличению вместительности дворцовых юрт (ордо) приводило к их громоздкости и затруднительности перевозки ее элементов, вынуждало к переходу от сборно-разборных к стационарным конструкциям. С другой — расселение вблизи ставки императора (как и других феодалов) подневольного населения, обязанного удовлетворять своим трудом потребности хозяев, привело к возникновению целых поселков из постоянных жилищ на северо-восточных окраинах кочевых ставок. Основная же масса «застройки» — войлочные юрты и черные кибитки монгольского населения — вместе с множеством грузовых телег оставалась мобильной и при необходимости снималась и отправлялась в любое указанное место.

Нельзя сказать, чтобы монгольское градостроительство начиналось на пустом месте. Земля восточной части Великой степи хранила не только остатки городов древних хунну и более близких по времени уйгуров, но и руины городов предшествовавшей империи киданей (Ляо, X в. — 1125 г.). А такие поселения киданьского времени, как буддийские монастыри (например, крупный храмовый комплекс в Барс-хот)⁶¹, возможно, даже устояли в бурях междоусобиц, предшествовавших созданию Монгольского государства.

Но практически монголы начинали все сначала. Правда, был уже опыт предыдущих властителей из северных народов, владевших частями земледельческого Китая, — киданей и чжурчженей, доказавший, что китайские провинции можно не только грабить, но и управлять ими⁶². При небывалом разорении, которым сопровождалась монгольские нашествия, и враждебности к оседлой жизни пробивало себе дорогу сознание, что эксплуатация оседлого населения требует особых форм, методов и знаний, которых не было у монголов⁶³. «Сокровенное сказание» сообщает: «После окончательного покорения Сартаульского народа (народов Средней Азии. — Л. М.) Чингисхан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов»⁶⁴. Для обеспечения максимальной эффективности действий по налоговому ограбле-

* «Золотые ставки», видимо, были древней традицией Великой степи. Описание такого шатра дано у Тамма ибн Бахра — путешественника X в., проезжавшего через Страну уйгуров (см.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 2. — С. 230). «Золотой шатер» был у вождя керейтов Ван-хана (см.: Палладий Кафаров. Старинное сказание... — С. 96, 98). Известны описания дворцовых шатров «из белого пурпура», «из пламенно-красного пурпура, который подарили Китаю» (см.: Карпини Плато И. История Монгалов. — С. 52, 56).

нию трудового населения к монгольским правителям были назначены «советники-соправители» из местных богатеев, в качестве знатоков законов и установлений. Эта же система грабительства вместе с исполнителями из «Сартаульских жемчужин» была распространена Чингисханом на завоеванную часть Северного Китая⁶⁵.

Понимая, что и после разграбления городов дальних стран потребность в предметах роскоши и ежедневного обихода останется, монгольские феодалы стремились заполучить в свою собственность ремесленников. Как первый феодал об этом беспокоился и сам император. Во время военных действий «разных искусников и ремесленников» захваченных городов угоняли в Монголию⁶⁶. Потом они трудились при ставках императоров и их приближенных, феодалов различного ранга, на положении домашних рабов. Как пишет Плато Карпини, во время пребывания при дворе великого хана Гуюка его спасал от голодной смерти русский золотых дел мастер Косма, сработавший для своего господина государственную печать и трон⁶⁷. Рубрук при дворе Мэнгу-хана видел искусную работу золотых дел мастера из Парижа Вильгельма Бушье, взятого в плен в Венгрии⁶⁸. Существовали целые поселения из ремесленников, захваченных во время походов.

Одно из таких ремесленных поселений, согласно тексту официальной истории «Юань ши», было основано Чингисханом на р. Алухуан (Орхон?). Говорится, что построенный городок именовался «Чжинь хай чэн, по имени Чжинь хая, которому Чингисхан поручил управление той страной. Чжинь хай начальствовал над 300 с лишком домов золототкачей из западных краев и 300 домов шерстяноткачей из Китая. Ремесленники из Запада переселены были по возвращении Чингисхана из похода в Туркестан. Ремесленники были разных наций»⁶⁹. Следует отметить, что во время проезда даосского монаха Чань Чуня, навстречу которому здесь вышли «ремесленники и рабочие из китайцев толпой», город именовался также Цань тоу (т. е. «магазин, амбар»), так как «в нем есть хлебные магазины»⁷⁰. Это свидетельствует об определенной комплексности при организации ремесленных городков — расселении вокруг них землепашцев. И действительно, в записках путешественника отмечено, что здесь видели «зрелые жнивы»⁷¹. Организовывались также земледельческие поселения. В записках о путешествии Чань Чуня говорится о колонии землепашцев хой-хэ (т. е. туркестанцев или уйгуров), «которые орошали пшеницу посредством вырытых водопроводов»⁷². Рубрук записывает в Каракоруме: «Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука»⁷³.

Постоянных поселений требовали и назревшие нужды административной структуры государства, формировавшегося при Угэдэй-хане. В его указе об устройстве внутренних дел империи — наряду с решением «произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий», установлением государственной продовольственной повинности, учреждением почтовой службы и другими мероприятиями — объявляется: «Далее при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим ох-

раемые городища с магазинами, наполненными тканями, серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих — балагачинов и интендантских смотрителей — амучинов»⁷⁴. Как видим, провозглашалась целая программа строительства сети стационарных поселений — опорных пунктов новой администрации. Постоянные поселения возникали и на многочисленных станциях (ямах), вдоль учреждаемых путей почтовой службы⁷⁵.

Важнейшим этапом в организации административных основ империи явилось строительство столицы — Каракорума (Хара-Хорина). Согласно сообщениям китайских источников, Каракорум был основан Чингисханом в 1220 г. Но там же указывается, что «постройка дворцов и кумирень была начата только при Огодае...»⁷⁶. Вслед за П. Кафаровым, Н. М. Щепетильников приходит к выводу, что Каракорум возник на месте одной из Великих орд Чингисхана⁷⁷. Как было сказано, такое начало главной столицы представляется закономерным. Но если на этом месте ранее существовала Великая ставка (Еке Ордос), то что означает дата 1220 год, сообщаемая источниками?

Прежде всего, следует обратить внимание на одно противоречие. Если понимать «основание» города в обычном смысле, то оно не могло состояться в 1220 г.: Чингисхан ушел на завоевание Средней Азии в 1218 г. и возвратился в пределы Монголии осенью 1225 г.⁷⁸ Уже в 1226 г. он отправился в поход на Тангутское государство (Си Ся), «в самый разгар» которого умер (1227 г.)⁷⁹. Следовательно, если закладка столицы предполагает личное присутствие императора, то она могла состояться до 1218 г. или в конце 1225 г. Но основание Каракорума могло действительно свершиться в 1220 г. — по распоряжению, данному Чингисханом из его походной ставки в Средней Азии. Указ мог последовать вместе с отсылкой партии ремесленников-рабов, направленных на поселение в учреждаемом городе. Они и положили начало «кварталу сарацинов», существовавшему впоследствии⁸⁰.

Хотя строительство Каракорума как столицы государства летописцем рисуется волевым актом Угэдэя*, время для этого, по-видимому, назрело. Не пытаюсь установить всех побудительных мотивов, можно предположить, что была осознана идеологическая необходимость в символе, олицетворяющем величие империи и правителя. Вместе с тем именно к этому времени назревает и становится настоятельной практической потребностью в постоянном административном центре империи. Поскольку монгольские императоры не желали отказаться от привычек предков, то вместе с ними кочевал и весь штат исполнителей государственных дел. Но с увеличением числа чиновников все более выявлялись неудобства и проблемы, связанные с таким порядком ведения дел⁸¹. При втором великом хане «государственное управление начало несколько образовываться»⁸², что было

* Начало Каракорума описывается Рашид-ад-Дин так: «Каан спросил: „Какой самый лучший город в мире?“ Сказали: „Багдад“. Он приказал построить на берегу реки Орхона большой город и его назвали Кара-Корум» (см.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. — Т. 2. — С. 41).

главным образом связано с деятельностью администратора старой школы — Елюй Чу-цая, добившегося доверия Угэдэя⁸³. Разбухание чиновничьего аппарата делало неотложным его отделение от двора и оседание. Впоследствии Рубрук укажет, что в Каракоруме вне городских кварталов сараинов и катаев «находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям»⁸⁴.

Застройка Каракорума монументальными сооружениями началась с возведения комплекса Дворца приемов Угэдэй-хана, получившего название Тумэн-Амгалап (монг.: «десятитысячекратное спокойствие, мир»). По-видимому, замысел такого строительства возник у Угэдэя еще во время похода на государство Цзинь (1211—1215 гг.). Это следует из сообщения Рашидадина: «Так как он еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в своем юрте Каракоруме, где он по большей части благополучно пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помывкам такого государя»⁸⁵.

В 1940—1950-х гг. остатки этого дворца и города Каракорума были частично раскопаны и изучены монголо-советскими экспедициями под руководством известного археолога, исследователя древней истории Сибири С. В. Киселева⁸⁶. Результаты этих исследований позволили предложить архитектурную реконструкцию Дворца приемов Угэдэя*. До пока еще значительные части Каракорума и дворцового комплекса не вскрыты, а результаты последующих раскопок не опубликованы.

Схематический план раскопок С. В. Киселева с изображением контуров остатков сооружений, покрытых землей⁸⁷, позволяет увидеть в западной части комплекса знакомую схему архитектурной композиции на продольной оси север — юг, характерную для дворцовых и храмовых ансамблей восточно-азиатского региона. Работа над реконструкцией главного компонента комплекса — Дворца приемов — убедила, что китайское строительное мастерство было использовано для выражения идеологических и пространственных представлений Великой степи в их монгольском варианте. Об этом со всей отчетливостью свидетельствуют центрический характер архитектуры Дворца приемов и символическая основа структуры комплекса — ориентация композиционной оси.

Центрическая архитектура дворца является конечным результатом линии развития от конического шалаша к дворцовой юрте (орду харши гэр), стационарным вариантом последней, выполненным в новых приемах строительного мастерства. Центричность этой громадной юрты — символ патриархальной старины и героических времен военной демократии, а императорские аудиенции здесь — отголосок войскового круга, где вождь

еще был первым среди равных. Теперь же великий хап восседает на высоком помосте над всеми остальными: «тамверху, как некий бог»⁸⁸, а все остальные располагаются в строгом порядке, определенном их рангом⁸⁹. Этот громадный неприличный дворец необходим императору как символ и атрибут власти (рис. 1).

Космическая увязка дворца, его композиционная ось, являющаяся осью всего комплекса, определена не по правилам китайской геомантики, а в соответствии с монгольскими представлениями⁹⁰. Очевидно, что и сама организация композиции по северо-южной оси была принята не столько из желания продолжения преемственности архитектурной композиции императорских дворцов предыдущих династий, но потому, что ее осуществление не противоречило монгольским традициям. Композиционная ось ансамбля, закреплённая на юге зданием главных ворот, продолжается в виде «Высокого пути», направляясь к пандусу-лестнице террасы Дворца приемов, и завершается жилым дворцом на севере. Справа и слева — вдоль боковых сторон дворца и параллельно оси — вытянулись четыре корпуса, возведенные на высоких платформах. Они заменяют здесь телеги с имуществом, ограждавшие юрты богатых монголов. Их функциональное назначение было связано с необходимостью периодической раздачи подарков — обязанностью, осуществлявшейся великим ханом по отношению к вассалам⁹¹. Об этих хранилищах Рубрук записал: «Там имеется много домов, длинных, как риги, куда убираются съестные припасы хана и сокровища»⁹². Определяющим элементом архитектуры главных фасадов боковых корпусов, несомненно, были колоннады. Они создавали торжественный характер архитектурного пространства двора, сопровождая посетителя при его движении по Высокому пути к колонному массиву Дворца приемов.

О целостной осмысленности архитектурного пространства двора можно заключить из замечания Рубрука: «Двор... довольно хорошо устроен; летом там повсюду проведены каналы, орошающие двор»⁹³. С. В. Киселев пишет, что вода внутрь Каракорума и к дворцу была проведена за 5 км

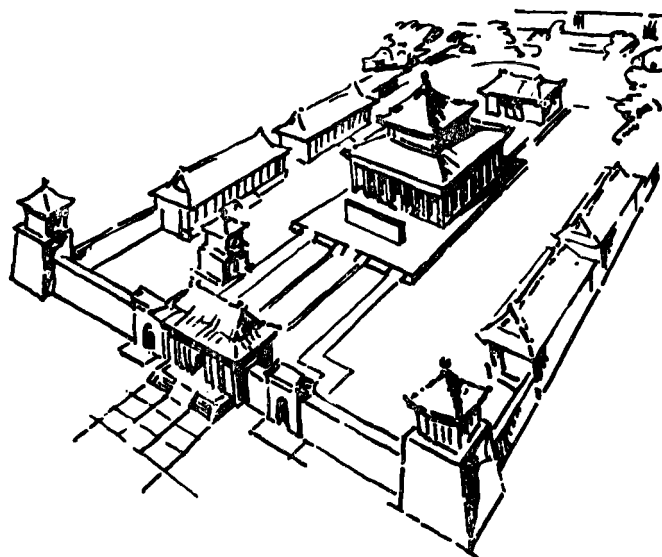

Рис. 1. Комплекс дворца Угэдэя в Каракоруме. Реконструкция автора.

* См.: Минерт Л. К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985. — С. 184—209. Просим учесть, что при печатании статьи была допущена техническая ошибка (перемещена страница рукописи). Поэтому на с. 201 после слов: «...дворца Угэдэя в Каракоруме и Хубилая в Дайду» — следует читать текст со с. 203, начиная с предложения: «Ярким примером...» и до «...необычность крестообразного плана» (включительно).

из р. Орхон каналом, образующим «с юго-восточной стороны, в нескольких метрах от стены (комплекса.— Л. М.)... пруды с проливами и островками». С. В. Киселев ничего не пишет о происхождении прудов и считает, что «вероятно, глинобитные стены делались из привозного материала»⁹⁴. Надо, однако, думать, что пруды появились именно в результате выемки грунта в качестве материала для строительных работ. Вероятно, создание этих прудов* было частью общего проекта, в котором пытались повторить водно-парковые устройства дворцового комплекса императоров Цзиньской династии в г. Чжунду, захваченном монголами в 1215 г. Следовательно, здесь был осуществлен первый опыт садово-паркового искусства в Монгольской степи.

Ко времени строительства дворцового комплекса в его окрестностях, вероятно, уже существовали поселения ремесленников. Археологи на месте дворца обнаружили остатки буддийского храма. Как бы там ни было, взаиморасположение дворца и города, несомненно, было осуществлено с соблюдением иерархических установок планировочного приема куреня (хурээ). В соответствии с ними поселения ремесленников и другого простого люда могли располагаться от дворца лишь на достаточном расстоянии к северу и востоку. Более близкое пространство в этих же направлениях, и в особенности к западу, резервировалось для привилегированных. На первых порах во время наездов императора дворцовый ансамбль в соответствии с традицией и рангом окружали передвижные жилые комплексы придворных и гостей с их челядью. Но, как сообщает Рашидадин: «Последовал указ, чтобы каждый из его (Угэдэя.— Л. М.) братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда же здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то их оказалось целое множество»⁹⁵. Как видим, какой-то период после 1235 г. Каракорум усиленно застраивался дворцами знати**. В это же время к Каракоруму из «китайской страны» учредили особую почтовую дорогу с 37 станциями (ямами). Были предприняты также меры по обеспечению ставки «съестными припасами и напитками»⁹⁶. Пытались расширять здесь и местное производство продуктов земледелия⁹⁷.

Интенсивно наслаждаясь жизнью, Угэдэй-хан, по утверждению летописца, «расточал свои благословенные помыслы», в числе прочего «на благоустройство городов и областей и возведение разного рода зданий»⁹⁸. Дворец в Каракоруме не служил главным местом пребывания великого хана***. Рубрук пишет: «Во дворце хан устраивает попойку дважды в год — раз около Пасхи, когда

он просажает там, и раз летом, когда возвращается»⁹⁹. Таким образом, дворец был пунктом отдохновения хана и центром тяготения, вокруг которого располагались другие сезонные стоянки его кочевого маршрута¹⁰⁰. Стойбища со временем превращались в загородные дворцы и «замки»¹⁰¹. Вокруг них, вероятно, складывались более или менее устойчивые поселения из зависимых людей, возводились жилища постоянного типа.

Дворцовое строительство в Каракоруме, а тем более его поощрение Угэдэем дало импульс и образец для подражания правителям в областях*. Именно к этому времени — концу 1230-х гг. — следует отнести строительство города на р. Хирхира в Забайкалье**. Здесь был административный и экономический центр улуса Джучи-Хасара — брата Чингисхана, а впоследствии Исупкэ, сына первого¹⁰².

Руины города располагаются на низкой надпойменной террасе, образующей мыс, который некогда омывала с востока р. Хирхира, а с юга — протоки р. Урулюнгуй. С севера к городищу подходят отроги Кличкинского хребта. Следы сооружений простираются к западу от р. Хирхира на 1500 м и в меридиональном направлении примерно на 400 м. В 350 м от поймы р. Хирхира располагаются развалины главной совокупности сооружений, названной археологами цитаделью***. Восточнее, севернее и западнее от нее обнаружены остатки других усадебных комплексов и отдельных строений¹⁰³.

Композиция планировочной структуры города на р. Хирхира представляет дальнейшую модификацию традиции иерархической организации расселения, действовавшей в монгольских кочевых городах-ордах и основанной на древнем принципе куреня (рис. 2). Центральное место занимает укрепленный дворец правителя («цитадель»), к югу от которого построек нет и не должно быть. Вокруг резиденции — к западу, северу и востоку — структуру поселения образуют сочетания автономных комплексов, каждый из которых является отдельным особым мирком феодального владельца. Дом его в квадратном, огражденном стенами дворе окружали жилища приближенных, а к северу от усадьбы скопления глинобитных домиков и других строений служили пристанищем ремесленников и другого трудового люда, обслуживавшего знатных господ.

Размещение крупных комплексов, несомненно принадлежавших родственникам правителя, полностью соответствует правилам феодальной субординации, действовавшим в кочевых ставках. Правда, в связи с особенностями участка город получил асимметричную композицию плана и не выдержан кругообразность размещения комплексов. Характерно, однако, что не была стеснена застройка.

* Любопытно, что в канал и пруды до сих пор поступает вода из р. Орхон (см.: Древнемонгольские города.— С. 139).

** Широкий размах и капитальность строительства во времена Угэдэя подтверждаются и данными археологических раскопок (см.: Древнемонгольские города.— С. 135).

*** Китайские источники сообщают о нескольких дворцах в районе Каракорума (см.: Ядринцев Н. М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // Изв. РГО.— Спб. 1890.— Т. 26, ч. 2.— С. 267; Мэн-гу-ю-му-цай.— С. 379).

* Среди них особо отличался младший брат Чингисхана, Темугэ Отчигинь, который «езде, куда ни приходил, возводил дворцы, устраивал сады (см.: Рашидад-Дин. Сборник летописей.— Т. 1, кн. 2.— С. 55).

** Хирхириновское городище располагается в Быркинском районе Читинской области.

*** Раскопки выявили, что цитадель была возведена на месте каких-то более ранних построек (см.: Древнемонгольские города.— С. 43, 44, 46), т. е. наблюдается характерное явление — предпочтение места, ранее уже «освоенного», своеобразная преемственность.

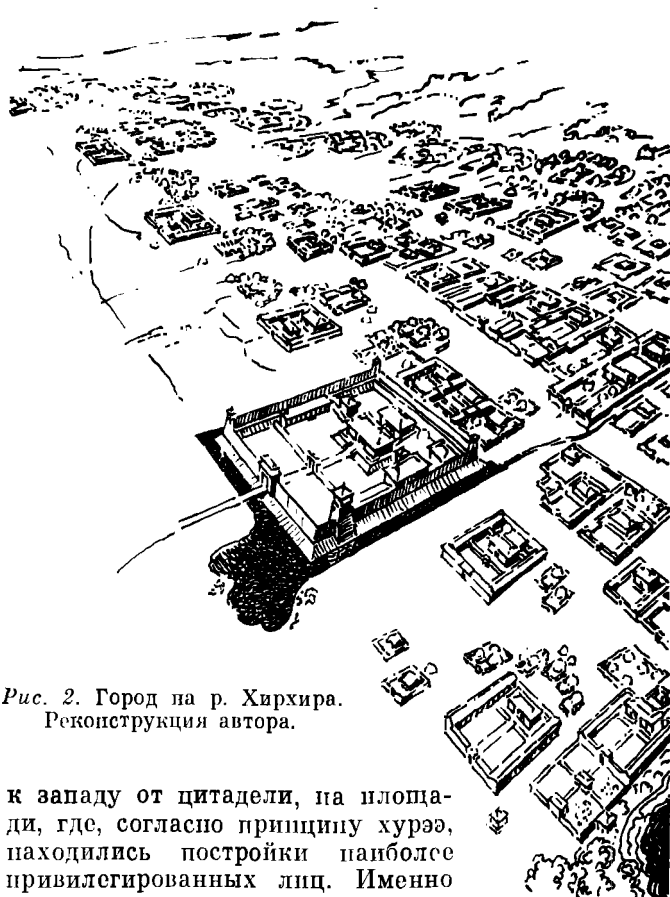

Рис. 2. Город на р. Хирхира. Реконструкция автора.

к западу от цитадели, на площади, где, согласно принципу хурээ, находились постройки наиболее привилегированных лиц. Именно здесь размещаются четыре самых крупных и обособленных комплекса. Они могли быть, например, ставками главных жеш.

Наряду с постройками, оставившими след в плане города, в нем было большое число войлочных юрт и других сборно-разборных жилищ. Они в значительной мере заполняли пустыри и располагались по северной периферии города. Размещение усадеб при соблюдении правил субординации, видимо, допускало известную свободу расположения. Однако другое неперемещаемое условие — ориентация входов и ворот к югу — вносило в планировку начало определенной регулярности, что должно было отразиться на прокладке проездов. Ориентация всех сооружений города такая же, как во дворце Угэдэя в Каракоруме: не точно к югу, а к юго-юго-востоку¹⁰⁴.

Ядро города — цитадель Исункэ (квадрат со сторонами 100—110 м) — огражден вал высотой около 3 м с деревянной стеной поверху. По центру южной стороны располагались ворота. В разрыве вала у юго-восточного угла цитадели, по мнению археолога, могли быть вторые ворота. Кажется более вероятным искать там следы сторожевой башни. Крепость окружал ров, расширявшийся восточнее южных ворот в виде большого пруда*. Внутри ограждений, ближе к северному краю двора, на платформе двухметровой высоты со скошенными гранями возвышался дворец с черепичной крышей. Рядом, у восточной стороны вала, на подиуме почти такой же высоты стоял

другой большой дом, а вдоль периметра двора на уровне земли размещались строения служебного назначения. Хотя результаты исследований свидетельствуют, что дворец правителя возведен архитектурно-конструктивными приемами китайского мастерства, квадратный план крепости, как и других усадеб, продолжает местную архитектурно-символическую традицию, характерную для сооружений Великой стены.

Нельзя не упомянуть, что к северу от города, близ его некрополя, некогда стоял знаменитый «Чингисов камень» — стела Исункэ¹⁰⁵. На территории Забайкалья это первый из дошедших до нашего времени памятников историческому лицу.

Ко времени возникновения города на р. Хирхира относится и основание поселения на р. Элегест в Туве (городище Дёп-терек), исследованное Л. Р. Кызласовым¹⁰⁶. В планировке города прослеживаются те же закономерности концепции куреня, в то время как сама резиденция возведена в архитектурно-конструктивных традициях китайской школы¹⁰⁷. В своей градостроительной практике, наряду с планировочным приемом куреня, монголы осуществляли также характерный прием ограждения относительно небольших объектов квадратными в плане валами (стенами), ориентированными по странам света¹⁰⁸. Образцом при этом, очевидно, служили руины городов киданьского времени¹⁰⁹.

В середине XIII в. Каракорум был, по-видимому, единственным крупным городом в монгольской степи. Плано Карпини, принятый при дворе в Сыр-орде (вернее, Шира-орде. — Л. М.), «за полдня пути» от столицы, писал: «Там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракорон, но мы его не видели...»¹¹⁰. В 1253 г. о Каракоруме записал Рубрук: «Там имеются два квартала: один Сарацинов, в котором бывает базар и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал Катаев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирень различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомста, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет четверо ворот. У восточных продается шипо и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней»¹¹¹.

Анализ этого единственного свидетельства очевидно позволяет сделать лишь частичные выводы о планировке и характере застройки города*. Подтверждается раздельность мест поселения привилегированных части населения и торгово-ремесленного люда. «Кварталы» «сарацинов» и «катаев», судя по всему, представляли компактные по-

* С. В. Киселев пишет, что пруд «заставляет вспомнить искусственное озеро у южных ворот дворца Угэдэя» (см.: Древнемонгольские города. — С. 24). Пруд, несомненно, образован в результате выемки грунта для возведения сооружений цитадели: платформ, вала.

* По-видимому, с чужих слов сообщает о Каракоруме Марко Поло: «Он весь построен из дерева и глины и окружен земляным валом, ибо камень редок в этих местах... Вблизи города расположен очень обширный форт, в котором находится прекраснейший дворец — местожительство управителя города» (см.: Поло Марко. — Книга. — С. 58). Надо думать, речь идет о дворцовом комплексе Угэдэя.

селки, более или менее единообразные по этническому признаку. По-видимому, они соответственно отличались характером архитектуры. Неясно, однако, положение этих кварталов в пределах городской стены. По описанию Рубрука можно представить город, огражденный стеной, квадратной в плане, с пересекающимися крестообразно главными улицами. На опубликованном С. В. Киселевым плане развалин Каракорума перекрестье главных улиц проступает, но огражденная территория имеет трапециевидную форму¹¹². Конечно, вопросы о развитии городской застройки, о расположении отдельных ее элементов еще ждут внимательного исследования археолога-архитектора.

Из фактов, сообщаемых источниками, следует вывод, что город представлял не только административный центр, но и значительное сосредоточение ремесла и торговли. Археологические данные подтверждают, что Каракорум был центром обширной торговли с удаленнейшими странами¹¹³. В товарооборот, очевидно, попадали и материальные ценности, поступавшие в столицу в виде дани из подвластных стран¹¹⁴. Нельзя, однако, не подчеркнуть, что и ремесленное производство, и торговые обороты теснейшим образом зависели от административной функции города как столицы, в конечном счете — от благополучия двора, где все часто и резко менялось.

Надо думать, что ко времени прибытия в Каракорум Рубрука (1253 г.) город почти достиг высшего уровня своего градостроительного развития. Поэтому важна оценка города, приведенная в его отчете королю: «О городе Каракоруме да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже (по *ita bona*) пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец»¹¹⁵. Рубрук сравнивает Каракорум с современной ему застройкой пригорода Парижа — Сен-Дени.

По-видимому, последним монументальным сооружением в истории Каракорума было строительство Мункэ-ханом буддийской пагоды, о котором сообщают китайские источники. Согласно им, «в 1256 году построена была громадная пагода с пятиэтажным теремом над ней, высотой в 300 футов (чи), в нижнем этаже которого с четырех сторон было по комнате, в 7 звонков каждая, вокруг которых были расположены изображения будд в порядке, указанном в священных книгах... Карниз внутри терема шел от потолка уступами в виде ступеней крыльца»¹¹⁶. Надо полагать, что сообщение о высоте 300 футов (свыше 90 м) преувеличено*. Это громадное сооружение, по-видимому, в большей своей части было деревянным и располагалось на месте, на котором впоследствии построен монастырь Эрдэнэ-дзу. Через 85 лет, в 1341 г. император юаньской династии Шун-ди приказал произвести обновление пагоды в Каракоруме. «Она вся была покрыта золотой краской и издавала ослепительный блеск... Лакировка и штукатурка ее отличались прочностью и красотой. Этому терему императором дано было название Син-юань-гэ»¹¹⁷. Это, видимо, было одним из наиболее зна-

чительных и последних проявлений заботы Юаньской династии о былой столице.

После захвата власти Хубилаем в 1260 г. и переноса столицы империи в Шанду (Кайпи)^{*}, а потом во вновь построенный Ханбалык (Дайду) Каракорум сохранял лишь известное привилегированное положение как центр наместничества, «в пределах которого находятся юрты и станы Чингисхана»¹¹⁸. Прекращение первенствующей роли, способствовавшей процессу становления города, немедленно сказалось на остальных факторах развития: торговле, ремесленном производстве. Следовательно, за деградацией общественной жизни и стагнацией экономической деятельности должно было наступить прекращение его градостроительного развития. Каракорум страдал от наступивших междоусобиц Ариг-Буги и Хайду¹¹⁹. Город горел, его занимали захватчики, грабили даже собственные «защитники»¹²⁰. Все же, согласно официальной историографии, «в эпоху Юань город неоднократно перестраивался»¹²¹. Когда Каракорум после изгнания династии Юань из Дайду вновь стал столицей, он был сильно разрушен в 1380 г. китайскими войсками. В течение XV в. Каракорум еще продолжал считаться столицей монгольских ханов — потомков Тогои-Тэмюра. Непрерывные междоусобные войны, потрясавшие Монголию, привели к постепенному уничтожению городов, в том числе к окончательному разрушению столицы¹²². Через несколько столетий о городе сохранялась лишь глухая память**, даже место его существования было забыто.

Уже в юаньское время в Восточном Забайкалье между речками Кондуй и Барон-Кондуй, северными притоками р. Урулюнгуй, (примерно в 50 км к северу от города на р. Хирхира) было положено начало новому городу***. По мнению С. В. Киселева, исследовавшего остатки поселения в 1957—1958 гг., в свое время здесь была «дворцовая усадьба крупного монгольского феодала юаньской эпохи, окруженная жилищами знатных родственников и торгово-ремесленными слободами»¹²³.

Кондуйский городок по сравнению со сложной структурой города на р. Хирхира располагается

* В целях укрепления власти над Северным Китаем Мункэ-хан в 1255 г. отдал приказ своему брату Хубилаю учредить Южную ставку (в районе нынешнего города Долонаора). Город был построен в следующем году и впоследствии именовался Кайпином или Шанду (Верхняя столица). Марко Поло сообщает, что в нем был возведен «из камня и мрамора большой дворец; залы и покои... чудесные и прекрасно вызолочены; а вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов, рек и лугов» (см.: Поло Марко. Книга.— С. 95; а также: История МНР.— С. 147—150).

** Последнее упоминание в летописях о городе встречается в сообщении о победоносном походе Алтан-хана, отнявшего в 1552 г. у ойратов захваченный ими Каракорум (см.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край.— Л., 1926.— Т. 2.— С. 604). Что в это время представлял собой город — неизвестно.

*** Как пишет С. В. Киселев, «Кондуйский дворец, по-видимому, был не единственным на территории улуса Джочи-Касара и Исункэ» (см.: Древнемонгольские города.— С. 369; а также: Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности // Зап. Забайк. отд. РГО.— 1925.— Вып. 16.— С. 60; Спицын А. А. Материалы по доисторической археологии России // Зап. РАО.— 1899.— Т. 11, вып. 1—2.— С. 315). Указанные объекты пока археологами не исследованы.

* Высокие пагоды достигают около 75 м. Пагода — дозорная башня (ляодита) в провинции Хэбэй высотой 82 м (см.: Дубовский Е. С. Китай: архитектура // Искусство стран и народов мира.— М., 1965.— Т. 2.— С. 424).

более свободно (рис. 3). С. В. Киселев даже не находит общности между этими поселениями¹²⁴. Между тем она несомненна. Как на р. Хирхира, так и здесь, на Кондуе, структура планировки представляет видоизмененный курень (хурээ). Дворцовый ансамбль в такой же субординации окружают усадьбы родственников и приближенных. Их усадебные комплексы аналогичны по планировочной композиции дворцовому, «но гораздо меньших размеров»¹²⁵, располагаются к западу, северу и востоку. А на расстоянии 1 км к северо-западу от дворца археологи обнаружили остатки домика простого люда. По-видимому, это и была окраина города. Остатки поселений ремесленников надо искать в этих пределах также и к северу, и к востоку. В городе, несомненно, было множество юрт и других легких строений, не оставивших заметного следа на поверхности земли.

Между поселениями на реках Хирхира и Кондуй имеются и существенные отличия, в которых, вероятно, сказались изменения исторических условий. Если на р. Хирхира усадьба правителя представляла собой небольшую крепость, то Кондуйский дворец располагался в деревянной ограде среди парка. Здесь подумали об устройстве парка с проточной водой искусственного ручья и бассейном¹²⁶. Это была, видимо, летняя резиденция. А хотя она явно не беспокоила сомнения в покорности населения окружающего пространства. Поэтому, вероятно, так свободно и расположились усадьбы. Достоинство, однако, внимания, что комплекс дворца правителя здесь значительно больше выдвинут к югу. Этим самым сделал еще один шаг в эволюции иерархического принципа куреня, направленной на выделение жилища вождя из общей совокупности поселения. Почти полное обособление дворца, его выдвигание в направлении благоприятствующего квадранта горизонта усиливают символическую исключительности, несоизмеримости положения правителя. Изменилась также ориентация главной оси архитектурной композиции дворцового комплекса, как и остальных усадеб. Она точно направлена по меридиану. В этом, несомненно, сказались усиление влияния буддизма при дворе династии Юань¹²⁷.

В объемно-пространственной организации центрального ансамбля Кондуйского города повторена в более развитом виде традиционная схема архитектурной композиции, ранее осуществленная в комплексе дворца Угэдэя в Каракоруме. На юге композиционная ось закреплена зданием главных ворот, в центре она совпадает с осью симметрии Дворца приемов и примыкающих жилых корпусов, а на северной границе ансамбля проходит через среднее из трех жилых дворцовых зданий. Уже за пределами дворцового участка на главной оси размещен один из малых жилых комплексов. Следует указать на обширность передней части двора, близкой к квадрату (220 × 220 м), огражденной с востока и запада удлиненными корпусами (по два с каждой стороны).

Дворцовый ансамбль на Кондуе поражает своим масштабом строительства, осуществленным на далекой окраине, вдали от культурных центров. Еще более удивляет его архитектура¹²⁸. Выступая в одеждах, сработанных по правилам китайского ремесленного мастерства, архитектура Кон-

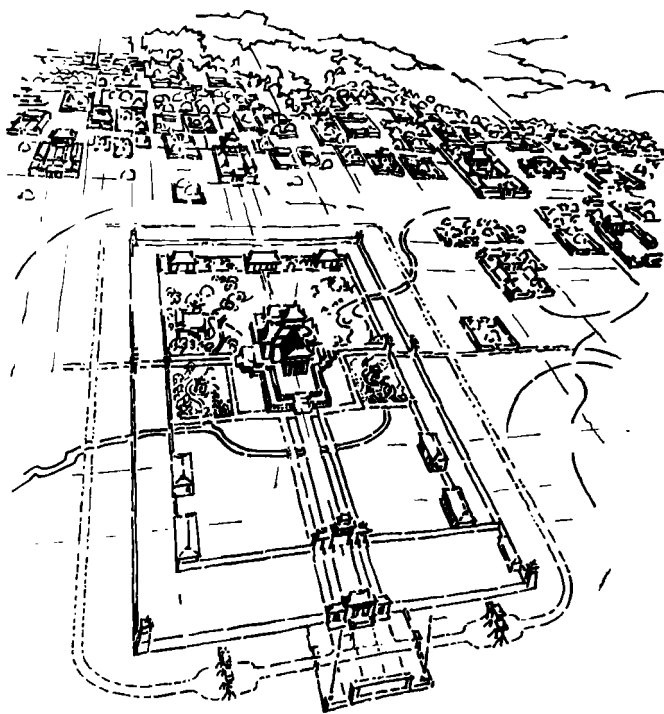

Рис. 3. Кондуйский дворцовый комплекс и городок. Реконструкция автора.

дуйского дворца не имеет каких-либо известных аналогов, совершенно отличаясь от традиционных образцов дворцового зодчества в Китае до времени господства монгольской династии Юань и после ее падения*. Единственным объяснением появления подобного, совершенно уникального архитектурного феномена, к тому же на далеком от столицы «варварском» севере, может быть лишь предположение, что Кондуйский дворец является провинциальным повторением дворцового строительства столицы. А послужить образцом мог только дворец великого хана¹²⁹. Такая взаимосвязь открывает возможность предпринять попытку реконструкции архитектуры дворца Хубилая в Ханбалыке (Дайду).

Есть веские основания считать, что в новом дворце новой столицы великого хана получили дальнейшее развитие характерные черты архитектуры первого дворца монгольских великих ханов в Каракоруме, а разительные особенности плана и облика Кондуйского дворца указывают на направленность совершенно оригинального архитектурного поиска, осуществленного зодчим Хубилаем. Следовательно, центрическая структура плана дворца в Ханбалыке состояла из квадратного (или близкого к квадрату) ядра и пристроенных, ориентированных по странам света. Южный пристрой был, вероятно, удлиненным (рис. 4). Крестообразная конфигурация плана предопределила сложность пространственных взаимоотношений объемов многоугольной и расчлененной в плане структуры здания. Вместе с тем мощь главного объема властно удерживала массу сооружения вокруг его вертикальной оси. Дворец возвышался на трехъярусной платформе мощным аккордом

* Несколько схожими сооружениями являются лишь угловые башни степ Запретного города в Пекине. Возможно, их архитектура повторяет образцы времени Юань.

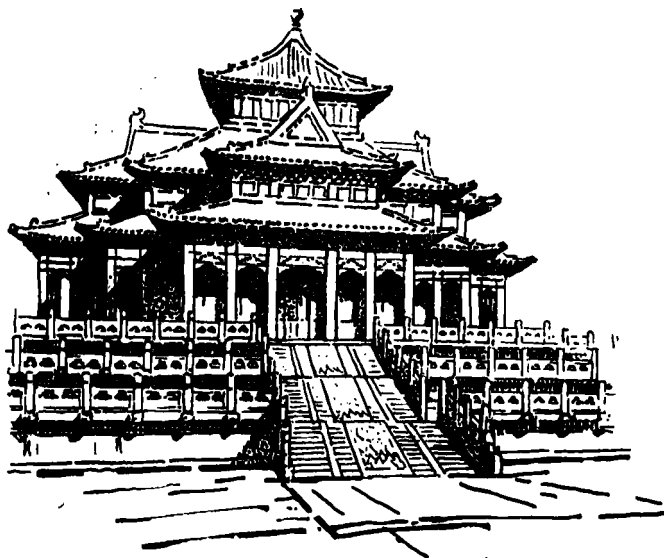

Рис. 4. Дворец приемов великого хана Хубилая в Ханбалыке (Дайду). Реконструкция автора.

вертикалей колоннад, завершенным горизонталями трехъярусного взлета высокой черепичной крыши. В этом стремлении к высотности заключалось принципиальное отличие идейно-художественного образа дворца Хубилая от горизонтально-приземленного характера традиционного дворцового зала типа дьянь, подчеркнутой горизонтальности организации архитектурного пространства¹³⁰, присущей императорским резиденциям до и после династии Юань.

Предлагаемая реконструкция дворца Хубилая согласуется с сообщениями о дворце, имеющимся в «Книге» Марко Поло. В ней сказано, что за второй стеной внутреннего города («посредине дворец»), у которого «второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей». Уточняется, что идущая «кругом мраморная стена, такой же вышины, шириной же в два шага», «как бы терраса» и среди нее возвышается дворец. Еще раз повторяется: «... по ней (террасе.— Л. М.) можно прохаживаться кругом и снаружи люди на ней видны; по краю ограда с колоннами, и к ней можно подходить». Далее говорится: «С каждой стороны дворца большая мраморная лестница; поднимаются они от земли на сказанную мраморную стену, что кругом дворца; по ним входят во дворец»¹³¹. Описывая великолепие отделки интерьеров дворца, Марко Поло выражает мнение, что «зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть»¹³². О крыше здания в «Книге» говорится, что она «превысокая», что ее черепица «красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит, как кристалльная, и светится издали, кругом (!) дворца»¹³³.

То, что сообщается о дворце Хубилая у Рашидаддина, также свидетельствует о центричности архитектуры дворца и архитектурной организации пространства вокруг него: «Посреди города он построил для своей ставки великолепный дворец... Колонны и пол в нем целиком из мрамора, он очень красив и наряден; вокруг него четыре двора, один от другого на расстоянии полета стрелы. Внешний двор для дворцовых слуг, внутренний — для сидения эмиров...»¹³⁴

Планировочная структура Ханбалыка, по описанию Марко Поло, предстает строго геометрической и увязанной с требованиями космологии. Белая зубчатая стена на земляном валу с угловыми и воротными башнями («дворцами») и общей протяженностью 24 мили окружает квадратную в плане территорию*. От трех ворот с каждой стороны начинаются главные улицы города. Они были широкие и прямые, «из конца в конец все видно, из одних ворот в другие»¹³⁵. Между улицами «город был поделен на квадратные участки, розданные главам семейств. На этих участках и строились»¹³⁶. Императорский город (дворец) также огражден: «квадратная стена; каждая сторона мила в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в вышину добрых десять шагов, белая** и кругом зубчатая, в каждом углу по красивому богатому дворцу... Есть еще по дворцу у каждой стены, такие же, как угловые; всего по стенам восемь дворцов...»¹³⁷. «Дворцами», служившими в качестве складов оружия и военного снаряжения, Марко Поло называет импозантные надстройки, возвышающиеся над воротами и углами городских стен. Если к востоку, западу и северу стена открывалась, по-видимому, лишь одним воротным проемом, то к югу их было пять. «Посредине большие (ворота.— Л. М.) открываются только, когда великий хан выезжает или въезжает; после них с двух сторон по воротам, ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий»¹³⁸. Далее уточняется, что за описанной стеной «есть еще другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, такие же, как и первые... На юг в этой стене, как и в первой, пять ворот; и по углам ворота, такие же как и там; посредине дворец великого хана...»¹³⁹. О соотношении указанных градообразующих структур, о положении дворцового города в плане Ханбалыка Марко Поло, к сожалению, ничего не сообщает.

* По современным данным, в северной стене было двое ворот, а город представлял прямоугольник 6335 × 7400 м (см.: Дубовский Е. С. Архитектура Китая XIII—XVII вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах.— Л.; М., 1971.— Т. 9.— С. 380). Нельзя не отметить, что известный синолог Палладий Кафаров, ссылаясь на китайские источники, считает «шатким» мнение о том, что Пекин при монголах заимал большую территорию, простираясь на севере в пределах древнего вала (см.: Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю // Изв. РГО.— 1902.— Т. 38.— С. 38—39). Как видим, даже по такому вопросу существует явный разнобой в исходных источниках.

** Стоит обратить внимание на цвет стен — белый. Белый цвет у монголов считался наиболее почитаемым, сакральным. Белыми были: платье главного шамана, жертвенные животные, праздничные одежды. В ставке Чингисхана водружалось «большое совершенно белое знамя как знак отличия» (см.: Поло Марко. Книга.— С. 113; Мэн-да бэй-лу.— С. 76). Как известно, Запретный город (Цзыцзиньчэн) современного Пекина именуется также Пурпурным «по Пурпурно Светящемуся Созвездию, с Полярной, Северной звездой в ее центре,— небесно эквиваленте земной резиденции верховного правителя» (см.: Weng Wan-go, Yang Boda. The Palace Museum Peking, Treasures of the Forbidden City.— N. Y., 1982.— P. 33). Название связывают также с цветом ограждающих его стен (см.: Ащепков Е. А. Архитектура Китая.— С. 20; Anderson A. Erzählung der Reise und Gesandtschaft des Lord Masartney nach China...— Erlangen, 1795.— Ч. 2.— С. 58).

Поскольку особенности планировки свидетельствуют о ее космической увязке, то напрашивается вывод об отражении в планировочной структуре Хаубалыка древнейших космологических представлений, обобщенных буддизмом в виде концепции «мандала». Не удивительно, что известный исследователь градостроительства А. В. Бунии вслед за европейскими исследователями китайского искусства Г. Мюнстербергом и Э. Бёршманом признает наличие связи между буддийскими мистическими представлениями и квадратными планами древних городов Китая, в том числе Пекина времени монгольского владычества¹⁴⁰.

В такой связи казалась очевидной последовательно центрическая структура плана, в которой центры квадратов территорий Хаубалыка и императорского города совмещены, и в этой точке располагаются дворец и трон Сына Неба. Однако такая как-будто идеальная схема города оказалась несовместимой с реальностями. Так, Марко Поло отчетливо заявляет: «Посреди города большой дворец с великим колоколом; звонит тот колокол ночью, чтобы никто не смел ходить по городу после третьего боя...»¹⁴¹ Утверждают, что башня, расположенная на перекрестии магистралей в северной части современного Пекина, и есть «дворец», указанный Марко Поло*. Южнее этой башни, но еще за пределами Запретного города (Цзыцзиньчэп) теперь размещается известный парк с искусственными «Холмами прекрасного вида» (Мэй Шап). Считается, что он устроен в XVI в.¹⁴² Но такой парк описывается у Марко Поло¹⁴³. Если предположить, что дворцовый комплекс Хубилая располагался в центре Хаубалыка, то ни Колокольная (Барабанная) башня, ни парк Мэй Шап не могут быть теми, о которых писал великий венецианец; получалось бы также, что существующий в настоящее время Запретный город выстроен на совершенно новом месте, не имеющем ничего общего с расположением дворцов XIII в.

Столица, строившаяся по повелению Хубилая хана, была монгольским городом, и, следовательно, в основу его планировочной структуры был, несомненно, положен традиционный монгольский планировочный принцип куреня (хурээ). Лишь грандиозность размеров задуманного потребовала привлечения к исполнению замысла китайских зодчих, с их умением организации таких громадных массивов. Центральное размещение дворцового комплекса — идеальное, по буддийским представлениям, так как соответствует концепции мандала, — несомненно, рассматривалось. Но Хубилай, который, по некоторым сведениям, симпатизировал христианству¹⁴⁴, а официально поддерживал буддизм, был еще слишком монголом, чтобы во имя проблематичной иноземной благодати отказаться от впитанных с молоком матери взглядов шаманизма¹⁴⁵ и традиционных понятий степной иерархии. Да и все ближайшие к тропу монгольские

феодалы в стенах новой столицы должны были получать свое, определенное вековой традицией место вокруг ставки правителя. Единственным участком для такого размещения резиденции правителя и сопровождающей свиты дворцов приближенных является южная четверть квадратной территории Хаубалыка. При этом впереди дворца великого хана, конечно же, не должно было быть никаких жилищ его подданных. Именно поэтому не могли быть использованы сооружения столицы династии Цзинь — Чжунду и монгольскую столицу построили на новом месте. Передвижка городских стен при следующей династии Мин, сменившей Юань, также должна была иметь веский повод. Анализ плана Пекина¹⁴⁶ свидетельствует, что в результате произошедшего при Минах смещения городской территории к югу дворцовый комплекс получил почти центральное положение*. Вместе с тем, судя по координатам Колокольной башни и «Холмов прекрасного вида», дворцовый комплекс Минов разместился на месте дворцов монгольской династии Юань. Таким образом, суждения об архитектурной преемственности, присущей дворцовому комплексу Пекина со времени династии Мин, высказанные рядом исследователей¹⁴⁷, подтверждаются в известной степени и по отношению к его начальному — монгольскому этапу**.

Описание дворцовой части Хаубалыка в виде квадратной территории, огражденной стеной с воротами на каждой стороне, и дворцом хана посередине, несомненно, воспроизводит общую схему буддийской космограммы «мандала». Неожиданное свидетельство в пользу такого мандалообразного центра Пекина сохранилось для более позднего времени — середины XVII в. (династия Цин). Оно приведено в сочинении И. Ньюгофа «Посольство Нидерландской Ост-Индской компании к великому татарскому хану...»¹⁴⁸ По тексту и гравюре («План

* Ради этого и была произведена громадная работа по переносу стен. Возможно, свою роль сыграли буддийские представления. Центрическая символика соответствовала и государственным пантеистическим воззрениям. Свидетельство этому — размещение построенных в 1530 г. жертвенников: Небу в южном, Земле в северном, Солнцу в восточном и Луне в западном предместьях Пекина (см.: Бичурин Н. Я. (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи. — Пекин, 1910. — С. 30). По Лян Сычэну древние правила отводили место для резиденций императоров близ южной стены столицы (см.: Великие традиции и наследие архитектуры Китая // Архитектура СССР. — 1953. — № 8. — С. 29—30). Однако, в таких столицах, как Лоян (IV—VI вв. н. э.) и Чапшань (VII—X вв. н. э.), дворцовые участки располагались у северной стены (см.: Апенков Е. А. Архитектура Китая. — М., 1959. — С. 16—17; Дубовский Е. С. Архитектура Китая XIII—XVII вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. — М.—Л., 1971. — Т. 9. — С. 388; Willets W. Das Buch... — S. 438).

** В связи с вопросом о сохранении памятников древней китайской архитектуры небезынтересно мнение исследователя китайской культуры А. Г. Смита. Подчеркивая, что, несмотря на глубокое уважение народа к старине, сохранились лишь немногие памятники прошлого, он видит причину такого положения в самой специфике применяемых архитектурно-строительных приемов: «Ни один китайский храм не может сопротивляться воздействию степных долей немногих десятилетий, чтобы уступить место новому и пересмотренному зданию, если он не исчезнет вовсе. Храмы, подобно фруктовым деревьям, имеют ограниченный период жизни» (см.: Smith A. H. Chinese Characteristics. — Shanghai, 1890. — S. 145 и след.).

* Так пишет В. Виллетс; указывается, что эту башню на перекрестке улиц ныне называют Барабанной, а башня, именуемая Колокольной, построена рядом несколько севернее в XIX в., но, что она повторяет формы первоначальной (см.: Willets W. Das Buch der chinesischen Kunst. — Leipzig, 1970. — S. 443—444; см. также: Буни А. В., Саваренская Т. Ф. История... — Т. 1. — С. 190, 192, 194).

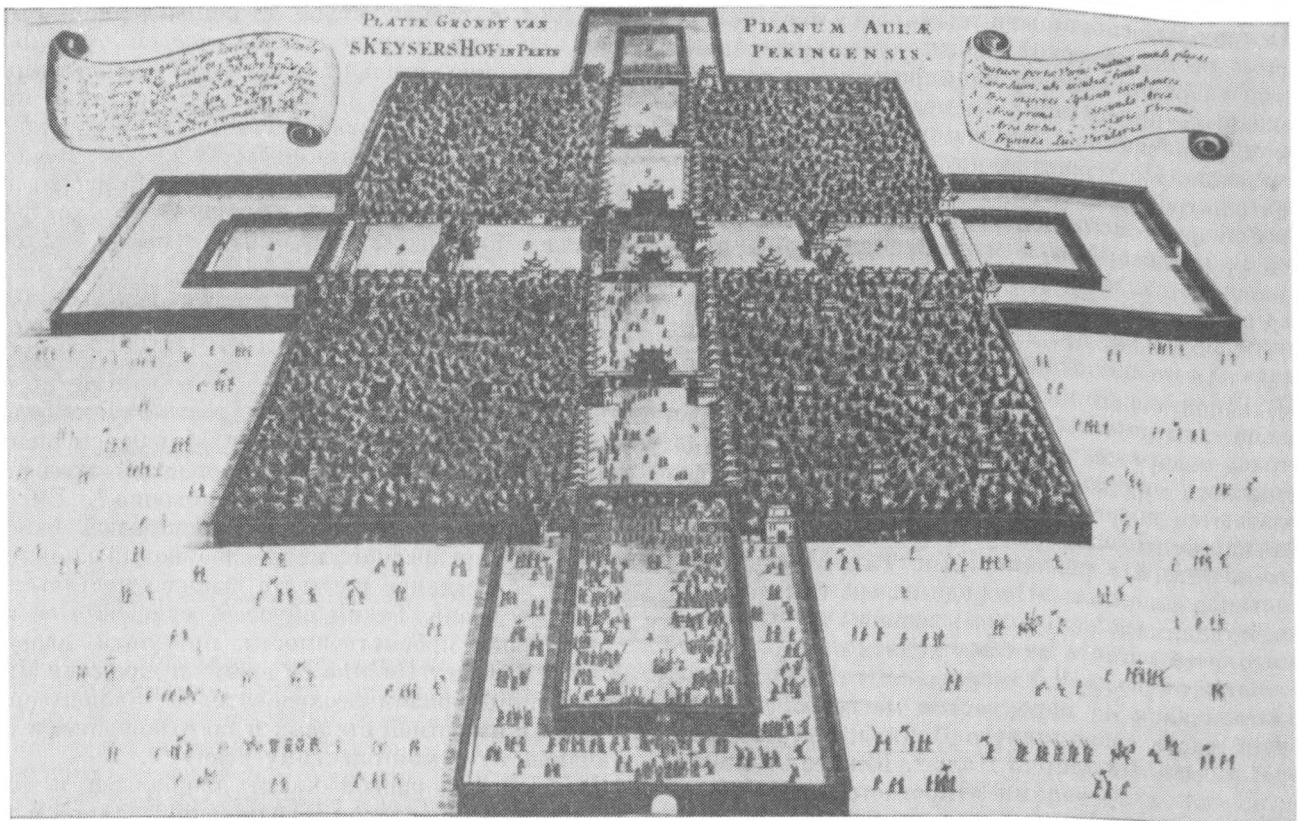

Рис. 5. «План императорского дворца в Пекине». Гравюра из книги И. Ньюгофа.

императорского двора в Пекине) комплекс предстает в виде огражденного степой квадрата, крестообразно пересеченного анфиладами дворов (рис. 5). Крестообразность композиции усилена примыканием к каждой из сторон квадрата пристроен «предварительных дворов, где располагается стража». Отсюда посетитель, двигаясь к центру, попадает на первые и вторые площади с периметральной дворцовой застройкой. Третью и последнюю площадь, «которая лежит точно в перекрестии и выложена серыми плитами, великий хаи избрал местопребыванием своего двора. На эту площадь выходят сверхвеличественные и изысканные здания, по наиболее выдающимся среди них являются четыре дома, которые построены особо по старинному и в соответствии с китайской архитектурой покрыты замечательными крышами и украшены. Эти постройки все спускаются вниз четырьмя лестницами... Прямо размещается здание, в котором его Императорское величество сидит на троне, и которое в роскоши и искусности различных изображений особо выделяется, и в которое входят через три широкие и бесподобные арки»¹⁴⁹. За пределами парадных дворов располагалась интимно-жилая часть дворцового комплекса*. При полной идентичности изображения на гравюре четырех совокупностей проходных дворов автор указывал, что Южные ворота «считаются благороднейшими и больше других употребляются...»¹⁵⁰. Южный проход отличало также то, что

здесь, в предварительном дворе, посетители наряду со стражей встречали «три черных слона»*. На другой гравюре — «Вид императорского двора изнутри» — показана церемония приема посольства и архитектура застройки центрального двора (рис. 6).

При всей несомненной условности гравюр, связанной со спецификой процесса их создания, нельзя отделаться от этих свидетельств из XVII в., предположив в них игру фантазии. Такое допущение не вяжется с солидностью труда И. Ньюгофа, и происхождением гравюр в частности**.

При взгляде сверху на центр современного Пекина (рис. 7) довольно отчетливо проступают очертания планировочной структуры, аналогичной се-

* Эти слоны перед воротами, видимо, являлись длительным атрибутом императорского дворца. Их зафиксировала также китайская гравюра XVIII в. (См.: Бунии А. В., Саваренская Т. Ф. История... — Т. 1. — С. 195).

** Ньюгоф Иоганн (р. 1630) — немецкий путешественник. На службе Нидерландской Ост-Индской компании участвовал в миссии, направленной в Китай (1655—1657) в целях открытия портов Поднебесной для голландской торговли. Занимал видные посты (в 1662—1667 — губернатор о. Цейлон). Умер на о. Мадагаскар (1672). Опубликованы также его книги о путешествиях по Бразилии и странам Ост-Индии (см.: Bouillet M.-N. Dictionnaire Universel d'Histoire et de Geographie. 25 ed. — Paris, 1876. — P. 1350; Larousse du XX-e Siecle... — Т. 5. — Paris, 1932. — P. 80). Описание посольства издано на латыни (1668), голландском (1670, 1693), немецком и французском языках. В капитальном труде паряду с увиденным дана систематизированная сводка разнообразных сведений о Китае. Основополагающий текст, сопровождается множеством великолепных иллюстраций. Гравюры выполнены по рисункам автора, «сделанными с натуры в Китае». На них архитектура городов и сложных сооружений (например, пагод) передана довольно убедительно.

* В угловых участках квадратной территории размещаются: «Тридцать два прекрасных дворца, увеселительные павильоны, зверинцы и другие устройства». Речка Золотой воды (Цзиншуй) и цепь водосмонов не показаны на гравюре, но о них говорится в тексте.

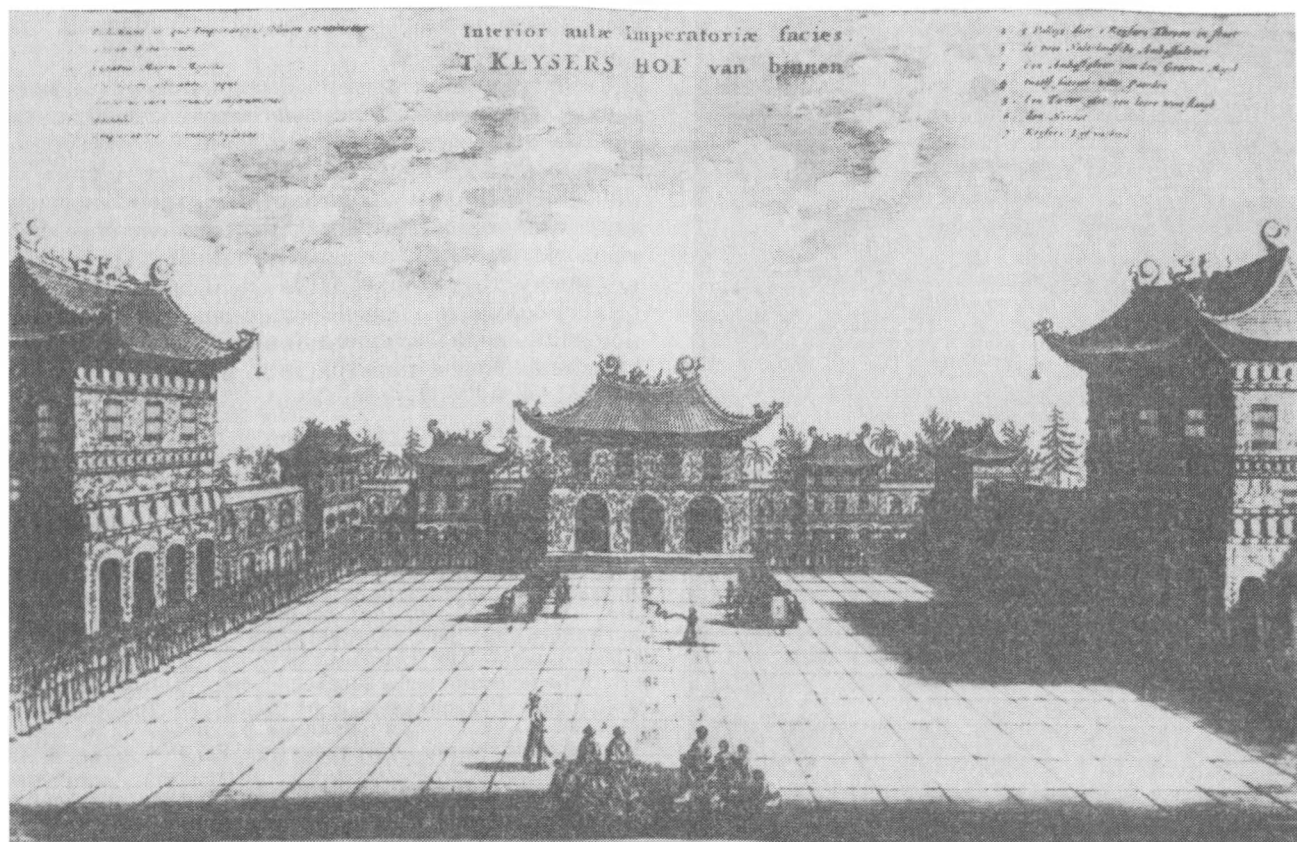

Рис. 6. «Вид императорского дворца изнутри». Гравюра из книги И. Ньюгофа.

веро-южной анфиладе дворов на голландской гравюре, т. е. одна часть перекрестья. Вторую — восточно-западную — сейчас обнаружить трудно. Но она, несомненно, была. Об этом говорит совокупность реальностей: остатки магистралей и ворота Восточные и Западные (Дунхуамынь и Сихуамынь). Их смысл в современном плане Запретного города нельзя понять. Они не имеют никакого отношения ни к центральной площади, ни к северо-южной анфиладе. Это явные рудименты, сохраненные по традиции. Возможно, к этому вопросу имеют отношения сведения о существовании до перестроек XVIII в. шести восточных и шести западных дворцов (Дуплюгун и Сялюгун) к востоку и западу от тронных залов¹⁵¹. Но имеется свидетельство и более ясное. Чертеж плана Пекина XVI в.¹⁵² показывает структуру, весьма сходную с планом на гравюре И. Ньюгофа, но отличающуюся от нее отсутствием идеальной симметрии. На этом плане в Императорском городе, близком к квадрату, середину занимает почти квадратная ограда дворцового комплекса, в центре которой располагается платформа тронного зала — тоже почти квадрат. В центральный двор с четырех сторон открываются ворота-дворцы. Правда, только к южным подводит точно такая анфилада дворов, как изображенная на голландской гравюре. Но поперечная ось и центральность композиции здесь выражены явно. Таким образом, есть основания утверждать, что сложившаяся при Хубилай-хане мандалообразная структура дворцового ядра Хапбалыка сохранилась и впоследствии, а в измепленном виде дошла до нашего времени. Имеется в виду не реальное сохранение сооружений, а соб-

людение преемственности структур, символически выразившей мифологическую обоснованность императорской власти. Сам характер архитектурных форм дворцов мог меняться.

По-видимому, об этом свидетельствует информация, заключенная во второй гравюре из труда И. Ньюгофа (см. рис. 6). Изображенные на ней императорские дворцы — двухэтажные здания с массивными каменными стенами, покрытыми рельефным орнаментом, и арочными проемами — резко отличаются по характеру архитектуры от дворцов, дошедших до нашего времени. Принять реальность былого существования подобных дворцов трудно, по она все же имеет основания. Архитектура дворцов на гравюре соответствует стилю, иногда называемому «китайским барокко», сложившимся при династии Мин*. Изображенная на гравюре архитектурная ситуация вполне совместима с упомянутым планом Пекина XVI в., где тронный зал помещен на квадратной платформе в центре квадратного двора, а с востока и запада высятся дворцы над воротами¹⁵³. Следовательно, не исключается возможность, что подобный архитектурный облик сооружения дворцового комплекса Пекина могли иметь если не при первой перестройке, предпринятой в 1403 г. вторым императором Минской династии Чжу Ди (Юн-ло), то впоследствии. После воцарения династии Цин ар-

* Дворцы на гравюре — и по общему характеру архитектуры и по декоративным деталям — схожи с постройками XVI—XVII вв., сохранившимися на священной буддийской горе Утайшань. Их считают яркими памятниками стиля того времени (см.: Денике Б. П. Китай. — М., 1935. — С. 21, 82, 83).

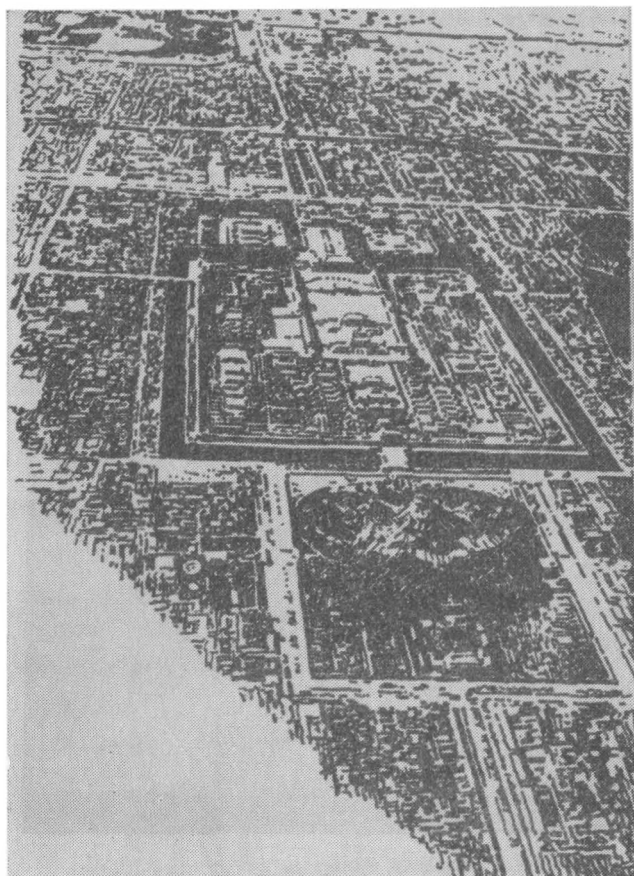

Рис. 7. Вид сверху на Запретный пурпурный город. Рисунок с фотографии.

хитектура дворцов могла первоначально сохранять ся в неизменном виде*, и только впоследствии были произведены реконструкции, в конечном ито-

* Императоры маньчжурской династии стремились всяческими мерами подчеркивать легитимность захвата власти (см.: Лазарев Г. З. Архитектура Китая...— С. 415; Wilhelm R. Die Seele Chinas.— Berlin, Б. г., с. 254—255). С XVII в. императорский двор знакомится с культурой и искусством Запада, чему всячески способствует миссия иезуитов, влияние которой крепло несмотря на смену ди-

ге придавшие центру Пекина современный облик*.

Таким образом, архитектурная преемственность в виде довольно устойчивого сохранения планировочных и объемно-пространственных структур прослеживается со времен Ханбалыка до Пекина наших дней. Но сам процесс этой непрерывности не отличался прямолинейностью, был сложнее, чем представлялось**. Очевидно также, что без кропотливого труда археологов нельзя восстановить былое, получить уверенность в вопросах взаимоотношений архитектурно-планировочных структур, изменявшихся в пространстве и времени.

настей. По капризу Чэнь-луня, четвертого императора династии Цинь, архитектор Джузеппе Кастильоне сооружает севернее Пекина дворцово-парковый комплекс Чужестранных дворцов (Си янь лоу) в формах европейского барокко (1749—1759 гг.). После смерти Кастильоне проект дополняет (1767 г.) и его реализацию завершает арх. Юань Инь Куан (см.: Schulz A. Hsi Yang Lou. Untersuchungen zu den «Europäischen Bauten» des Kaisers Ch'ien-Lung.— Isny (Allgäu), 1966.— S. 9, 20, 76).

* Китайский исследователь Лян Сычеп указывает, что ворота Тяньаньмынь и тронный зал Тайхэдянь «построены в XVII веке» (Великие традиции и наследие архитектуры Китая // Архитектура СССР.— 1953.— С. 23). В новейшем китайском труде подчеркнута существенность перестроек в Запретном городе за последние пять веков. О дворце Тайхэдянь говорится: «...этот зал был уничтожен пламенем менее чем через год после его сооружения в 1420 г.; он был построен вновь и сгорал еще три раза; существующий вариант возведен в 1695 г. и основательно отремонтировался вновь в 1765 г.» (см.: Weng Wan-go, Yang Boda. The Palace Museum: Peking. Treasures of the Forbidden City.— London, 1982.— P. 43).

** На китайской гравюре XVIII в. мы уже узнаем Императорские дворцы, дошедшие до нашего времени. Но вместе с тем можно отметить существенные различия в частности архитектуры ансамбля (см.: Бунина А. В., Саваренская Т. Ф. История...— Т. 1.— С. 195 и вклейка; 188—189). Разница между нарисованными и ныне существующим состоянием, может быть, свидетельствует о былой реальности, ныне исчезнувшей. Но с той же вероятностью, различия могли явиться следствием своеобразного вольного отношения китайского художника к изображаемой натуре (см.: Willets W. Das Buch der chinesischen Kunst.— S. 378—380).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марке К. Хронологические выписки // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.— Л., 1938.— Т. 5.— С. 221.

² См.: Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Череннин Л. В. Чингисхан и его наследие // История СССР.— 1962.— № 5.— С. 92—119; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.— М., 1963.— Т. 1.— С. 478, 481, 504, 503, 514, 517; Тихвинский С. Л. История Китая и современность.— М., 1976.— С. 32—52.

³ Петрушевский И. П. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952.— Т. 1, кн. 1.— С. 12—13; Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая/Пер. и исслед.— М., 1965.— С. 18—19.

⁴ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства: (формирование основ социальной структуры и политической администрации).— М.: Наука, 1983.— С. 108, 129, 158—163, 199; Мартынов А. С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки.— 1972.— № 5.— С. 72—82.

⁵ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации: Формирование основ материальной культуры и этноса.— М., 1976.— С. 275—289 и след.; Гамкрелид-

зе Т. М., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы.— Тбилиси, 1984.— Ч. 2.— С. 550—562; Hentze C. Funde in Alt-China. Das Weiterleben im ältesten China.— Göttingen u. a., 1967.— S. 30—31.

⁶ Акишев К. А. Искусство и мифология саков.— Алма-Ата, 1984.— С. 78; Мартынов А. С. Представление о природе...— С. 75—77.

⁷ Акишев К. А. Искусство и мифология...— С. 19.

⁸ Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй.— М., 1933.— С. 344—346; Тихвинский С. Л. История Китая и современность.— М., 1976.— С. 12—15.

⁹ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.): Исторический очерк.— М., 1975.— С. 162; Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в.— 1234 г.).— М., 1983.— С. 71; Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки данической системы // Китай и соседи в древности и средневековье.— М., 1970.— С. 24, 34.

¹⁰ Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века // Тр. ВОРАО.— Спб, 1859.— Ч. IV.— С. 15, 182, 183.

¹¹ Там же.— С. 78.

- ¹² Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г.— М.; Л., 1941.— Т. 1.— С. 111.
- ¹³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху...— С. 452—453; Васильев В. П. История и древности...— С. 80, 141, 223; Мэн-да бей-лу. Полное описание монголо-татар: Записки китайского посла Чжао Хуна/Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева.— М., 1975.— С. 37—39.
- ¹⁴ д'Оссон К. История монголов от Чингисхана до Тамерлана.— Иркутск, 1937.— Т. 1.— С. 216.
- ¹⁵ Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Тр. чл. Рос. духовной миссии в Пекине.— Спб., 1866.— Т. 4.— С. 181.
- ¹⁶ Кафаров Палладий. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад/Пер. с кит. с примеч. // Тр. чл. Рос. духовной миссии в Пекине.— Спб., 1866.— Т. 4.— С. 402.
- ¹⁷ Sagaster K. Die Bittrede des Kiligen Bagaturs und der Sings-Khan-Kult // Mongolian Studies/Ed. by L. Ligeti.— Budapest, 1970.— P. 498.
- ¹⁸ Козин С. А. Сокровенное сказание...— С. 192.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Поло Марко. Книга/Пер. старофранц. текста И. П. Минаева. Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича.— М., 1955.— С. 57; Бичурии П. Я. (Иакинф). Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом.— Спб., 1828.— Т. 2.— С. 142—143; Гумилев Л. П., Эрдей И. Единство и разнообразие степных племен Евразии в средние века // Народы Азии и Африки.— 1969.— № 3.— С. 86.
- ²¹ Щепетильников Н. М. Архитектура Монголии.— М., 1960.— С. 46.
- ²² Там же.— С. 39.
- ²³ Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание...— С. 96, 98.
- ²⁴ Козин С. А. Сокровенное сказание...— С. 189.
- ²⁵ Киселев С. В. Из работ Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР // Монгол. сб.— М., 1959.— С. 202.
- ²⁶ История Монгольской Народной Республики.— Изд. 3-е, перераб. и доп.— М., 1983.— С. 138.
- ²⁷ Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание...— С. 211, 337.
- ²⁸ Клеменц Д. А. Заметки к маршруту Чал-чупа: Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина // Зап. РГО по отд. этнографии.— Спб., 1909.— С. 454.
- ²⁹ Щепетильников Н. М. Архитектура Монголии.— С. 40.
- ³⁰ Кафаров Палладий. Си-ю-цзи... С. 398.
- ³¹ Там же.— С. 285.
- ³² Мэн-гу-ю-му-цзи: Записки о монгольских кочевьях/Пер. с кит. П. С. Попова.— Спб., 1895.— С. 383; Путевые записки китайца Чжан Дэ-хуэй во время путешествия в Монголию в первой половине XIII столетия // Зап. СОРГО.— 1867.— Кн. 9—10.— С. 583; Ядрищев П. М. Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракорума // Изв. РГО.— Спб., 1890.— Т. 26, ч. 2.— С. 267—268.
- ³³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 1, кн. 2/Пер. с перс. О. И. Смирновой; ред. А. А. Семцова.— М.; Л., 1952.— С. 86.
- ³⁴ Акишев К. А. Искусство и мифология...— С. 78—79.
- ³⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 1, кн. 2.— С. 86—87.
- ³⁶ История Монгольской Народной Республики.— С. 125.
- ³⁷ Карпини Плато И. История Монгалов; Рубрук В. Путешествие в Восточные страны/Введ., пер. и прим. А. Н. Малеина.— Спб., 1911.— С. 8, 37, 71; Ratchnewsky P. Über den Mongolischen Kult am Hofe der Großkhane in China // Mongolian Studies/Ed. by L. Ligeti.— Budapest, 1970.— P. 427.
- ³⁸ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 96.
- ³⁹ Там же.— С. 96, 97.
- ⁴⁰ Там же.— С. 108, 157.
- ⁴¹ Там же.— С. 70, 71.
- ⁴² Там же.— С. 71.
- ⁴³ Там же.— С. 71.
- ⁴⁴ Там же.— С. 70.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 7.
- ⁴⁷ Там же.— С. 56; Рубрук В. Путешествие...— С. 119.
- ⁴⁸ Кафаров Палладий. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг./Введ. Э. В. Бретшнейдера и замеч. А. М. Поздисева // Зап. РГО по отд. географии.— Спб., 1892.— Т. 22, вып. 1.— С. 84; Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах.— Спб., 1824.— С. 302.
- ⁴⁹ См.: Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 69.
- ⁵⁰ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 7.
- ⁵¹ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 82.
- ⁵² Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 1, кн. 2.— С. 55.
- ⁵³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей/Пер. с перс. Ю. П. Верховского и В. И. Панкратова. Ред. И. П. Петрушевского.— М.— Л., 1960.— Т. 2.— С. 41.
- ⁵⁴ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 54.
- ⁵⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 1, кн. 2.— С. 230.
- ⁵⁶ Козин С. А. Сокровенное сказание...— С. 115, 159.
- ⁵⁷ См.: Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос/Пер., вступ. статья и примеч. Б. Я. Владимирцова.— Изд.: М., 1923.— С. 8—10.
- ⁵⁸ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 49.
- ⁵⁹ д'Оссон К. История монголов...— Т. 1.— С. 216; Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 207.
- ⁶⁰ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 3.
- ⁶¹ См.: Нэрэз Х. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X—начало XII в.) // Монгол. археол. сб./Отв. ред. С. В. Киселев.— М., 1962.— С. 59—60.
- ⁶² См.: Васильев В. П. История и древности...— С. 17—18, 63—64.
- ⁶³ Мункуев П. Ц. Китайский источник...— С. 73.
- ⁶⁴ Козин С. А. Сокровенное сказание...— С. 189.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 1, кн. 2.— С. 216—217, 255; Мерперт П. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Чингисхан и его наследие.— С. 95; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху...— С. 481, 503, 514.
- ⁶⁷ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 57.
- ⁶⁸ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 122, 147.
- ⁶⁹ Кафаров Палладий. Си-ю-цзи...— С. 404.
- ⁷⁰ Там же.— С. 293.
- ⁷¹ Там же.— С. 294.
- ⁷² Там же.— С. 292.
- ⁷³ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 75.
- ⁷⁴ Козин С. А. Сокровенное сказание...— С. 197.
- ⁷⁵ Мункуев П. Ц. Китайский источник...— С. 58; История Монгольской Народной Республики.— С. 139; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху...— С. 536—537.
- ⁷⁶ Мэн-гу-ю-му-цзи.— С. 382.
- ⁷⁷ Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание...— С. 211—212; Он же. Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю // Изв. РГО.— 1902.— Т. 38.— С. 37; Щепетильников Н. М. Архитектура Монголии.— С. 45.
- ⁷⁸ Козин С. А. Сокровенное сказание...— С. 189.
- ⁷⁹ Мерперт П. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Чингисхан и его наследие.— С. 96; История Монгольской Народной Республики.— С. 136.
- ⁸⁰ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 146.
- ⁸¹ Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. // История СССР.— 1969.— № 4.— С. 42.
- ⁸² Бичурии Н. Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова, переведено с китайского монахом Иакинфом.— Спб., 1829.— С. 274—275.
- ⁸³ Мункуев П. Ц. Китайский источник...— С. 11—29, 73.
- ⁸⁴ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 146.
- ⁸⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 40.
- ⁸⁶ См.: Древнемонгольские города.— М., 1965.
- ⁸⁷ Там же.— С. 140, рис. 82.
- ⁸⁸ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 140.
- ⁸⁹ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 49, 56; Рубрук В. Путешествие...— С. 98; Поло Марко. Книга.— С. 111, 285.
- ⁹⁰ Мишерт Л. К. Древнейшие памятники...— С. 191—192.
- ⁹¹ Козин С. А. Сокровенное сказание...— С. 197.
- ⁹² Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 138.
- ⁹³ Там же.— С. 141.
- ⁹⁴ Древнемонгольские города.— С. 139.

- ⁹⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 40; Бичурин Н. Я. (Иакинф). История первых четырех ханов.— С. 259.
- ⁹⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 41; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение.— М.; Л., 1950.— С. 73.
- ⁹⁷ Мэн-гу-ю-му-цзи.— С. 389; Путевые записки китайца Чжаи Дэ-хуэй во время путешествия в Монголию.— С. 583.
- ⁹⁸ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 39—40.
- ⁹⁹ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 138.
- ¹⁰⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 41.
- ¹⁰¹ Там же.— С. 41—42; Мэн-гу-ю-му-цзи.— С. 379.
- ¹⁰² История Монгольской Народной Республики.— С. 165.
- ¹⁰³ См.: Киселев С. В. Древние города Забайкалья // СЛ.— 1958.— № 4.— С. 110—113; Он же. Город монгольского Исунак на р. Хирхира в Забайкалье // СЛ.— 1964.— № 4.— С. 103—127; Древнемонгольские города.— С. 23—58.
- ¹⁰⁴ См.: Минерт Л. К. Древнейшие памятники...— С. 194—192.
- ¹⁰⁵ Древнемонгольские города.— С. 53—57.
- ¹⁰⁶ См.: Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы // СЛ.— 1959.— № 3.— С. 75—80; Он же. Городище Дён-терек // Древнемонгольские города.— С. 59—119.
- ¹⁰⁷ Кызласов Л. Р. Городище Дён-терек.— С. 117; Он же. История Тувы в средние века.— М., 1969.— С. 148.
- ¹⁰⁸ Schubert J. Der Mittagsrastplatz des Gengis — khan.— Mongolian Studies/Ed. by L. Ligeti.— Budapest, 1970.— P. 519—526.
- ¹⁰⁹ См.: Пэрлээ Х. Киданьские города...— С. 55—62; Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии.— М., 1981.— С. 55—59.
- ¹¹⁰ Карпини Плато И. История Монгалов.— С. 3.
- ¹¹¹ Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 146.
- ¹¹² Киселев С. В. Древние города Монголии // СЛ.— 1967.— № 2.— С. 98.
- ¹¹³ Древнемонгольские города.— С. 134.
- ¹¹⁴ См.: Рубрук В. Путешествие в Восточные страны.— С. 76.
- ¹¹⁵ Там же.— С. 146.
- ¹¹⁶ Мэн-гу-ю-му-цзи.— С. 382—383.
- ¹¹⁷ Там же.— С. 383.
- ¹¹⁸ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 206.
- ¹¹⁹ См.: Там же.— С. 161—164, 206—207; История Монгольской Народной Республики.— С. 151.
- ¹²⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 210.
- ¹²¹ Мункуев П. Ц. Китайский источник...— С. 125.
- ¹²² См.: Ядринцев И. М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // Изв. РГО.— 1890.— Т. 38, ч. 2.— С. 265—269; Щепетильников И. М. Архитектура Монголии.— С. 44—45, 54—55.
- ¹²³ Древнемонгольские города.— С. 326.
- ¹²⁴ Там же.— С. 327.
- ¹²⁵ Там же.— С. 328.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ История Монгольской Народной Республики.— С. 149.
- ¹²⁸ См.: Древности Сибири // Сиб. вестник, изд. Гр. Спаским.— 1818.— Ч. 4.— С. 116—123; Паршин В. Поездка в Забайкальский край.— М., 1844.— Ч. 1.— С. 127—128; Усольцев А. Ф. Отчет о действиях Сибирского отдела ИРГО за 1866 г. // Изв. РГО.— 1867.— Т. 3, отд. 2.— С. 44—46; Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка...— С. 1—61.
- ¹²⁹ См.: Минерт Л. К. Древнейшие памятники...— С. 200—208.
- ¹³⁰ Wilhelm R. Die Seele Chinas.— Berlin, 1926.— S. 264—265.
- ¹³¹ Поло Марко. Книга.— С. 106, 283.
- ¹³² Там же.— С. 106.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей.— Т. 2.— С. 174.
- ¹³⁵ Поло Марко. Книга.— С. 107.
- ¹³⁶ Там же.— С. 283.
- ¹³⁷ Там же.— С. 105.
- ¹³⁸ Там же.— С. 106.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ См.: Буниш А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства.— М., 1979.— Т. 1.— С. 188—194.
- ¹⁴¹ Поло Марко. Книга.— С. 107.
- ¹⁴² Там же.— С. 283; Буниш А. В., Саваренская Т. Ф. История...— Т. 1.— С. 194—195.
- ¹⁴³ Поло Марко. Книга.— С. 106.
- ¹⁴⁴ Там же.— С. 46—47, 284; Гумилев Л. П. Старобурятская живопись.— М., 1975.— С. 45; История Монгольской Народной Республики.— С. 149.
- ¹⁴⁵ См.: Ratchnewsky P. Über den Mongolischen Kult...— S. 417—443.
- ¹⁴⁶ Буниш А. В., Саваренская Т. Ф. История...— Т. 1.— С. 189.
- ¹⁴⁷ См.: Ащепков Е. П. Архитектура Китая.— С. 19—21; Дубовский Е. С. Архитектура Китая XIII — сер. XVII вв.; Лазарев Г. З. Архитектура Китая сер. XVII — сер. XIX вв. // Всеобщая история архитектуры в 12 томах.— Л.; М., 1971.— Т. 9.— С. 392—398, 401, 438, 442—443; Буниш А. В., Саваренская Т. Ф. История...— Т. 1.— С. 191—194; Willets W. Das Buch...— S. 444—445.
- ¹⁴⁸ См.: Nieuhovium J. Legatio Batavica ad Magnum Tartariae Chiamum Sungteium, modernum Sinae Imperatorem.— Amstelodami, 1668.— Pt. 1.— P. 158—167; Nieuhof J. Het gezantschap der Neerlandtsche Oost-Indische Compagnie aan den grooten Tartarischen Cham...— Amsterdam, 1670.— Tl. 1.— S. 172—179.
- ¹⁴⁹ Nieuhof J. Het gezantschap...— Tl. 1.— S. 176—177.
- ¹⁵⁰ Ibid.— Tl. 1.— S. 176.
- ¹⁵¹ Лазарев Г. З. Архитектура Китая...— С. 442.
- ¹⁵² Дубовский Е. С. Архитектура Китая...— С. 396.
- ¹⁵³ См.: Там же.— С. 392—402.

В. С. КУЗНЕЦОВ

ИМПЕРИЯ ЦИН И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

(к вопросу о мусульманской реконкисте в Центральной Азии)

События, происходившие на центрально-азиатской окраине империи Цин во второй половине XIX в., вызвали живейший интерес мировой общественности. Среди представителей научного мира одним из первых откликнулся на антицинское восстание мусульман виднейший русский синолог В. П. Васильев¹.

В. П. Васильев коснулся некоторых аспектов большой и сложной проблемы «Китай и сопредельный мусульманский мир». В частности, он отметил такие примечательные обстоятельства, как поддержка Кокандским ханством антицинских

восстаний населения Кашгарии и выступления киргизов. «Хотя через Цзюнгарию и Туркестан (т. е. Кашгарию.— В. К.) Китай стал на западе соседом самых слабых народов, но и они не давали ему покоя. Кокандцы не раз принимали сторону бунтовавших туркестанцев; киргизы, при малейшей оплошности со стороны китайских караулов, прорывались сквозь границу...»².

Тем не менее ряд важных аспектов вышеупомянутой проблемы остался вне поля зрения В. П. Васильева. Не претендуя на исчерпывающую полноту разработки названного сюжета, из-

ложим основные моменты, ограничившись периодом со второй половины XVIII в. до второй половины XIX в.

Мусульманскую проблему маньчжурский дом Цин, утвердившийся в Китае в первой половине XVII в., унаследовал от своих предшественников — правителей Поднебесной.

Еще задолго до воцарения в Поднебесной дома Цин предшествовавшие ему правители Китая с достаточными на то основаниями воспринимались как угроза мусульманскому миру. Попытки империи Тап воспрепятствовать военно-политической экспансии Арабского халифата в Средней Азии привели к вооруженной конфронтации между ними³. В 750 г. тапский двор отправил далеко на запад свою армию. Она под началом Гао Сяньчжи завладела Шапем. Правитель его был низвергнут. Сын последнего, спасшись, обратился за помощью к арабам^{3а}. Разгромив в 751 г. войско Гао Сяньчжи в битве на Талассе, арабы положили конец попыткам тапского Китая распространить свое влияние в Средней Азии.

Шли века, но мусульманский мир с подозрительным взглядом смотрел на Китай. В 1405 г. в поход против него собрался Тамерлан⁴. А еще несколько столетий спустя, в 40-х гг. XVIII в., иранский Надир-шах собирался воевать с Цинской империей⁵, когда до него дошли слухи о якобы готовившемся нападении со стороны Китая. В 40-х гг. XVIII в. говорить о непосредственной угрозе Ирану со стороны империи Цин, очевидно, нет достаточных оснований. У правителей последней еще на очереди завоевание Джунгарского ханства и Восточного Туркестана. Однако опасения, которые вызывал, по словам автора «Надир-намэ» Мухаммед Казима, Китай у Надир-шаха, показательны для тех настроений, которые питали к Китаю в мусульманском мире.

Вскоре после своего утверждения в собственно Китае дом Цин вступил в вооруженную конфронтацию с миром ислама.

В 1649 г. Тулуньтай, сын хамнского правителя Бабайхана, занял Сучжоу и утвердился в нем. Этому непосредственно предшествовало выступление мусульман в Хэси во главе с Дин Гочжэном. Он и способствовал воцарению Тулуньтая в Сучжоу. По данным китайских источников, под началом Тулуньтая выступала мусульманская («чалмошная») коалиция в таком составе: «хунмаохуй» («красношаночные мусульмане»), «хуэрхуй», «карахуй» («черные мусульмане») и «ханьхуй»⁶.

Цинские войска вернули обратно Сучжоу и расправились с активными участниками мусульманской коалиции. Затем, в первой четверти XVIII в., настал черед мусульманских владений — Хами и Турфап. Оба они подпали под власть империи Цин.

Завладев в 1755—1758 гг. Джунгарским ханством, войска империи Цин в 1759 г. сокрушили исламское теократическое государство в Восточном Туркестане. Правители его, братья-ходжи, считавшиеся потомками пророка, покинули пределы страны. В сопредельном мусульманском мире эта кампания цинского воинства произвела определенную резонанс. Ч. Ч. Валиханов говорит о «папическом страхе», который обуял казахских

и среднеазиатских правителей. Страшиться было чего: запоевание Джунгарского ханства сопровождалось физическим истреблением его населения. Массовые убийства и грабежи цинское воинство чинило в ходе завоевания Кашгарии⁷. Но если в Джунгарии гибли буддисты — «неверные», с точки зрения правоверных мусульман, то в Восточном Туркестане беды обрушились на головы людей, единых по вере с населением казахских степей, среднеазиатских оазисов.

Однако страх за собственную судьбу заставил многих правителей сопредельного мусульманского мира не препятствовать цинскому Китаю завоевывать Восточный Туркестан, население которого было мусульманским и где правила фамилия, которую причисляли к потомкам пророка. Наглядный пример тому — поведение одного из правителей казахского Среднего жуза султана Аблая. Он извлек для себя урок из своей неудачной попытки укрыть Амурсану, вожака антицинской борьбы в Джунгарии, и потому отказался помогать кашгарским братьям-ходжам в борьбе с империей Цин. По данным переводчика Арапова, собранным им в 1759 г., к Аблаю был направлен из Кашгара посол с просьбой о помощи и подарками. Аблай говорил, что «он и Кашгарцы, Еркенцы, Самарканцы, Ташкенцы и Туркестанцы одного Мухамеданского Закона: так бы единственно уже всем противу Китайцев примириться, или войною поступать, однако же не осмелился принять на себя обязанности беснокить Китайцев отгоном лошадей и пабегами и не давать им селиться в Зепгорни»⁸.

Сама по себе уже война цинского Китая против правителей Восточного Туркестана — ходжей, которые причислялись к семейству пророка Мухаммеда, — была вызовом мусульманскому миру. Однако судьбы «потомков пророка» в Кашгарии не определяли позицию мусульманских правителей в отношении империи Цин. После захвата ею Восточного Туркестана кокапдский двор принимал послов цинского командования, а потом отправил своих посланников к повелителю «неверных». Бадахшанский эмир убил оказавшихся в его владениях ходжей, и голова одного из них была выставлена для обозрения в Пекине. А властитель могущественнейшей по тем временам мусульманской империи — Дурранийской державы — Ахмад-шах по собственному почину направил посла ко двору цинского богдыхана.

В этой связи уместно рассмотреть вопрос о «мусульманской коалиции» во главе с афганским правителем, которая якобы ставила своей целью высвобождение Восточного Туркестана из-под власти «неверных».

Прежде всего, следует сказать, что вероятность создания такой лиги, составленной из вечно враждовавших между собой среднеазиатских и казахских правителей, весьма сомнительна. В частности, яблоком раздора между кокапдским двором и казахскими предводителями в рассматриваемое время оставался Ташкент. И когда речь шла о том, кому владеть им, судьбы единоверцев Кашгарии для правящей верхушки Коканда и казахской знати отходили на задний план.

В отечественной литературе эта «мусульманская коалиция» утвердилась с легкой руки Ч. Ва-

лиханова — автора первой в мировой науке сводной работы о Кашгарии. В изложении Ч. Валиханова дело обстояло следующим образом. В 1762 г. к хану казахского Среднего жуза Абулмамбегу и султану этого же жуза Аблаю явились китайские послы с извещением, что весной цинские войска двинутся на Туркестан и Самарканд. Властитель Коканда Ирдана, овладевший в то время Ташкентом, правитель Ходжента и Ура-Тюбе Фазыл-би и казахские султаны послали письмо к афганскому владетелю Ахмад-шаху с просьбой «спасти мусульманский мир от нашествия неверных». Весной 1763 г. афганские войска расположились между Кокандом и Ташкентом. Эмиссары Ахмад-шаха были посланы во все мусульманские страны с призывом к «газавату». Посольство, направленное Ахмад-шахом в Пекин с требованием вернуть Восточный Туркестан сыну Бурхан-ад-Дипа, встретило плохой прием. Афганский шах в это время воевал с сейками (очевидно, сикхами. — В. К.), а другие среднеазиатские владетели не решились выступить против Китая. Таким образом, антицинская «лига кончилась ничем»⁹.

Эту версию Ч. Валиханова, целиком или с вариациями, повторили и другие отечественные авторы: В. В. Григорьев¹⁰, Корнилов¹¹, А. И. Добромыслов¹². По утверждению последнего, после прибытия афганского войска в район между Ташкентом и Кокандом состоялись продолжительные переговоры и дело кончилось миром.

Из современных пам авторов Б. П. Гуревич утверждает, что имели место «попытки правителей некоторых мусульманских государств и народов Центральной и Средней Азии создать военную коалицию против экспансии Цинской империи»¹³.

Естественно возникает вопрос, какие свидетельства послужили основанием утверждать о существовании антицинской «мусульманской лиги»? Что касается Ч. Валиханова, то он мог пользоваться как неопубликованными данными русских архивов, так и изустной традицией, бытовавшей среди населения Центральной Азии.

Обратимся к данным русских архивов. В 1868 г. Г. Н. Потанин опубликовал некоторые русские архивные материалы. Среди них обращают на себя внимание показания некоего бухарца Тюляк-Хутжи. По его словам, афганский правитель намеревался воевать с Китаем и укрепился в таком намерении после того, как афганский посол поссорился с китайским при дворе кокандского Ирданы¹⁴.

На чем основывался в своих показаниях упомянутый бухарец — неизвестно. Показательно однако, что китайские документальные источники, вышедшие в свет, ничего не сообщают о таком значительном событии, как «ссора» цинского посла с афганским при кокандском дворе. Равно эти источники умалчивают и о какой-либо встрече послов Китая и Афганистана в Коканде.

Спустя 18 лет после выхода в свет статьи Г. Н. Потанина были опубликованы показания батыра Кулсары из казахского Среднего жуза. По его словам, афганский шах предлагал казахским правителям участвовать в походе по освобождению Кашгарии от цинского господства¹⁵. Этот же Кулсары сообщал, что Ахмад-шах пригрозил Цинской империи войной, если она не отдаст ему

Джунгарии¹⁶. Неизвестно, из какого источника почерпнул батыр Кулсара последнее известие.

Англичанин Беллю, побывав в 1873—1874 гг. в Кашгаре, писал, очевидно, на основе изустной традиции, что афганский Ахмад-шах послал войска защищать границы Ташкента и одновременно направил посольство в Пекин требовать возврата Кашгара мусульманским правителям¹⁷.

Уже в наше время А. Ш. Шамапсуровой были опубликованы некоторые данные Оренбургского архива. По сведениям, собранным в казахской степи Гордеевым, посланцем русских властей, Ахмад-шах направил в Пекин одного из своих визирей с требованием оставить Кашгар и Яркенд, а в случае отказа — сразиться в назначенном месте. Афганское войско было послано занять позиции между Кашгаром и Яркендом¹⁸.

Таким образом, от различных лиц из разных областей центральноазиатского региона исходит информация, в основе которой лежит изустная передача о намерении афганского Ахмад-шаха пойти походом против Цинской империи. Однако это не дает достаточных оснований принимать версию о существовании в 1763—1764 гг. некоей антицинской коалиции во главе с Ахмад-шахом и о предъявлении им ультиматума цинскому двору.

Во-первых, сведения исходят от лиц, никак не соприкасавшихся с окружением Ахмад-шаха и даже не находившихся вблизи его местопребывания. В основе всех этих показаний, всего вероятнее, слухи или даже чей-либо домысел. Во-вторых, и это главное, есть свидетельства, опровергающие вышеприведенные. По данным русского представителя Б. Асланова, находившегося в Герате осенью 1764 г., Ахмад-шах в ноябре 1763 г. ушел с войском в Индию. Более того, в Герате в то время ничего не было слышно о намерении Ахмад-шаха воевать с Цинской империей, равно как и о том, что афганский правитель якобы посылал цинскому богдыхану какие-то ультимативные требования или приглашал казахских старшин на «совет и в общество... за угнетаемых... магометан вступить»¹⁹.

Показания Б. Асланова об индийской кампании Ахмад-шаха подтверждаются в специальном исследовании Ганда Сингха. В ноябре 1763 г. Ахмад-шах, как пишет Сингх, отправил против сикхов армию под началом Сардар Джahan-хана. В октябре 1764 г. афганский правитель лично отправился из Афганистана в поход на Индию²⁰. С учетом данного обстоятельства нам представляется вполне заслуживающей доверия информация Асланова, собранная в Герате, относительно того, что Ахмад-шах не собирался воевать в ближайшее время с империей Цин.

Б. П. Гуревич в своей работе использовал по-выс, ранее не вошедшие в научный оборот материалы русских архивов. Их сведения о политике Дуррапийской державы в отношении империи Цин односторонни, исходят в основном из казахской степи²¹. И данные эти не подтверждают версии автора, что в начале 60-х гг. действительно имели место «попытки правителей некоторых (а именно? — В. К.) мусульманских государств и народов Центральной и Средней Азии создать военную коалицию против экспансии Цинской империи»²².

Наконец, обратимся к документам цинского двора. В наиболее полном виде материалы цинских архивов увидели свет в 30-х гг. Эти документы не содержат никаких упоминаний относительно каких-либо претензий или требований Ахмад-шаха относительно Кашгарии, выдвигавшихся им перед цинским двором²³. Однако, судя по содержанию упомянутых материалов, в 1763 г. кашгарские власти сообщили в Пекин, что афганский двор якобы направил Саид-бека к кокандскому Ирда-не-бию выяснить, почему последний вступил в контакты с Китаем. Ирда-не-бий, в свою очередь, отправил послов к Ахмад-шаху с разъяснениями. Кашгарскому наместнику Юнгуо это показалось подозрительным, и он считал необходимым тщательно расследовать указанные обстоятельства. В Пекине не одобрили намерения Юнгуо. Цинский двор сделал вид, что в самом факте посольских сношений Коканда и Афганистана не усматривает ничего особенного. Если даже действительно кокандский бек, столкнувшись с афганским правителем, разведывает обстановку в Восточном Туркестане, то этого, как считали в Пекине, скрыть не удастся. Цинский двор не исключал вероятности некоего союза между Ирда-не-бием и Ахмад-шахом, но на ближайшее будущее это казалось правителю Поднебесной малореальным. По его данным, в 1763—1764 гг. Ахмад-шах не знал, как ему устоять перед «кызылбацким» Дайиш-хачом²⁴.

В конечном счете цинский двор никакой непосредственной военной угрозы для себя со стороны Ахмад-шаха в конце 60-х гг. XVIII в., судя по опубликованным материалам цинских архивов, не испытывал. А мусульманский мир в целом не противодействовал захвату иповерцами — цинами Кашгарии. Исключение в некотором роде составляли киргизы, которые по соображениям другого порядка, нежели борьба за веру, оказали известное сопротивление цинским войскам²⁵.

Несомненно, однако, что благожелательных чувств по отношению к Цинской империи сопредельные мусульманские территории не испытывали. Захват Восточного Туркестана и изгнание правивших там «потомков пророка», военные демонстрации цинских войск на рубежах среднеазиатских государств, киргизских и казахских кочевий и прямые угрозы за непослушание — все это не могло не усилить неприязненных настроений в отношении империи Цин, тем более, что «по существовавшему преданию суеверные мусульмане верили, что перед окончанием света Китайцы покорят весь мир»²⁶.

Военное могущество империи Цин, наглядным свидетельством чего явились завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана, допуск мусульман из сопредельных с империей Цин владений на рынок Кашгарии на более льготных, чем при прежних ее правителях, условиях — вот в основном те факторы, в силу которых вопрос об участии «потомков пророка» не афиширован мусульманским миром как злободневная политическая проблема в их сношениях с империей Цин.

С господством «неверных» в Кашгарии соседние мусульманские правители внешне смирились до той поры, пока не ущемлялись их собственные политические и экономические интересы, и не

оказывали активной помощи силам, которые стремились сбросить иноземное господство в Кашгарии.

Судьба потомков восточно-туркестанских ходжей, которые нашли приют в Средней Азии, вплоть до начала XIX в. не выступала в качестве решающего фактора во взаимоотношениях среднеазиатских правителей с империей Цин. С другой стороны, ферганские владетели не только укрыли у себя потомков правившего в Кашгарии семейства ходжей, но и оказали им знаки внимания. Это был, в известной степени, вызов империи Цин со стороны сопредельного мусульманского мира. Что это так, а не иначе, отдавал себе отчет цинский двор, но он оказался бессильным заставить выдать потомков правившего в Кашгарии дома.

В 1784 г., когда богдыхану Хун Ли (девиз правления Цянь Луи, 1736—1795) доложили о переезде ходжи Сарымсака, сына ходжи Бурхан ад-Дина, из Бадахшана в Анджиан, богдыхан распорядился: Не преследовать ходжу (Сарымсака.— В. К.), «ибо он сравнительно стар и не имеет сыновей». Хун Ли попросту сделал хорошую мину при плохой игре, объявив об отсутствии у Сарымсака сыновей и потому представил его потенциально неопасным для цинского господства в Кашгарии.

Тем не менее цинские власти не могли не учитывать факта пребывания в Фергане представителя клана ходжей. Последние считались потомками пророка и потому пользовались влиянием среди коренного, мусульманского населения Восточного Туркестана. Дело, конечно, не сводилось лишь к одному религиозному фанатизму. Потомство правившего в Кашгарии дома ходжей для местного населения служило символом былой независимости страны и надеждой на избавление от гнета «неверных». В этом отдавали себе отчет и при цинском дворе. «В конечном счете надлежит поступить так, как ранее докладывали они (кашгарские власти.— В. К.), имея в виду уничтожить его (Сарымсака.— В. К.)», — говорилось в указе Хун Ли от 3-й луны 1784 г. — «Только тогда удастся навсегда рассеять сумасбродные помыслы невестественных мусульман»²⁷.

Цинский двор подарками и угрозами пытался убедить правителя Коканда Нарбуту выдать Сарымсака. В 1788 г. Хун Ли обещал Нарбуте щедрые милости, если тот схватит якобы находившегося у ходженского бека Худояра Сарымсака и выдаст его²⁸. Посулы не возымели действия. Как стало известно в Пекине, Нарбута арестовал Сарымсака, но потом отпустил его²⁹. В порядке репрессалий цинский двор приказал кашгарским властям не пропускать кокандские посольства в столицу империи. Но в 1791 г. Пекин пересмотрел свое решение. Прибывшему в Синьцзян посольству из Коканда надлежало объявить, что в порядке исключения его пропустят в Пекин. Однако, если Нарбута схватит Сарымсака, находившегося тогда в Ура-Тюбе, и вышлет его, то кокандские посольства получают постоянный доступ ко двору, а сам кокандский властитель будет щедро награжден³⁰. Но в конечном счете цинский двор был вынужден признать, что добиться от правителей Коканда выдачи Сарымсака он бессилец. В 1793 г. Хун Ли адресовал Нарбуте послание с напомина-

ниями, что тот в 1789 г. не выдал цинским властям уже схваченного ходжу. Хун Ли писал: «По сути дела тебя подлежало показать, [но] помнили, что ты, в копочном счете — иноземный дикарь, не сведущий в этикетке»³¹. Поэтому для острастки и было запрещено пропускать кокандские посольства в Пекин. Теперь все это остается в прошлом и правителю Коканда надлежит лишь жить в мире с соседями³².

У пекинского двора не было оснований надеяться на то, что ему помогут покончить с Сарымсаком сопредельные с Кашгарией киргизы. Красноречивое признание на этот счет содержится в указе богдыхана от 1798 г. Даже если и удастся изыскать способ привлечь на свою сторону Сарымсака, то заполучить его будет не так просто, ибо «зарубежные буруты (киргизы — В. К.) тоже считают (ходжу) редким товаром, которым можно спекулировать»³³.

Таким образом, во второй половине XVIII в. мусульманский мир (в лице Коканда, киргизов), хотя и в пассивной форме, выразил свое неприятие власти Цинов, господства «неверных» в Кашгарии.

Факт укрытия ходжи Сарымсака и его семейства в независимых от Китая мусульманских владениях давал основание уйгурам Кашгарии надеяться, что среднеазиатские мусульмане не останутся равнодушными к участи единоверцев под гнетом «неверных»³⁴. О подобных настроениях знали цинское начальство в Кашгарии и пекинский двор. Так, в 1760 г. группа уйгуров напала на цинскую военную станцию. Одни из участников нападения, Мосы-ходжа, бежал в Коканд³⁵. Далее, кашгарский ишик ага-бек Абд ар-Рахим в 1763 г. просил кокандского правителя Ирдау послать войска на Кашгар, где, как убеждал ишик ага-бек, цинский гарнизон малочислен, а местное население готово выступить против цинских работников³⁶. В 1765 г., когда в городе Уч-Турфане вспыхнуло антицинское восстание, повстанцы послали казначея-бека Ша-Зия ад-Дина за помощью к кокандскому Ирдау-бию.

В первом десятилетии XIX в. в пределах империи Цин состоялось антицинское выступление, предпринятое уже совместно кашгарскими и зарубежными мусульманами. В 1815 г. ахун из Ташмалыка Зия ад-Дин, опираясь на помощь киргизского бия Турдымамета, попытался захватить Кашгар и стать его правителем. Этой вылазкой было положено начало последующим выступлениям населения Кашгарии и их зарубежных единоверцев против цинского господства.

Мусульманский мир, лежавший за пределами империи Цин, демонстрировал ей свою неприязнь, и для ослабления ее Пекину приходилось прибегать помимо угроз и к поблажкам. Кокандским подданным, торговавшим в Восточном Туркестане, делалось определенное послабление с уплатой пошлин.

Захват империей Цин Восточного Туркестана означал собой сокращение сферы политической власти ислама. Но, с другой стороны, мусульманские правители Средней Азии сохранили и укрепили свои экономические позиции на западной окраине империи Цин. Жители Ферганы, андижанцы, явились основными посредниками в тор-

говле Западного Китая с его соседями. Сборы от торговой деятельности андижанцев составили один из основных источников поступлений в казну кокандских правителей.

Но когда в первые годы XIX в. кокандский двор попытался добиться новых экономических привилегий в Кашгарии, он получил резкую отповедь³⁷. В столице Цинской империи посчитали, что поскольку потомков братьев-ходжей не осталось, то особенно считаться с Кокандом нет резона.

В таких условиях кокандские правители, чтобы сделать цинский двор более уступчивым к своим домогательствам, предоставили свободу действий ходже Джахангиру, сыну ходжи Сарымсака (у последнего, вопреки расчетам Пекина, были сыновья). Появившись в Кашгарии, ходжа Джахангир возглавил газават, войну против «неверных»³⁸.

Борьба коренного населения Восточного Туркестана, мусульманского по вероисповеданию, за свое социальное и национальное освобождение принимала форму религиозной войны против «неверных», ибо цинские захватчики отличались от жителей Кашгарии не только по этническим, но и по религиозным признакам.

Появление Джахангира в Восточном Туркестане повлекло за собой массовое антицинское восстание. В нем наряду с исконными обитателями страны, уйгурами, самое активное участие приняла и андижанская община.

Андижанцы, родственные уйгурам и по языку, и по религиозной принадлежности, оседали в Кашгарии на протяжении десятилетий и вступали в родственные отношения с местными жителями, обзаводились хозяйством и активно занимались торговлей. Андижанцы настолько укрепились в Восточном Туркестане, что в известном смысле их можно считать коренными жителями. Они, равно как и уйгуры, испытывали на себе пренебрежительное отношение со стороны представителей цинского военно-бюрократического аппарата, и на них распространялось то же самое понятие «дикари».

Но неприязнь андижанцев к цинскому режиму выходила за рамки просто религиозного неприятия власти «неверных». С ней так или иначе можно было мириться, пока она не задевала экономических интересов андижанцев. А цинский военно-бюрократический аппарат являлся основным препятствием, которое мешало андижанцам монополизировать внутреннюю торговлю в Восточном Туркестане. Широко практиковавшиеся казенные закупки, ограничения коммерческой деятельности (запрет продавать русские товары), принудительный полицейский досмотр — все это в известной степени стесняло свободу торговой деятельности андижанцев в Синьцзяне.

К борьбе за освобождение подвластных империи Цин мусульман ходжа Джахангир пытался привлечь под лозунгом газата, или газавата, и правителей сопредельных мусульманских владений. Посланцы ходжи уговаривали, к примеру, казахских султанов Аблая и Галия Адилевых, «чтобы они стояли единственно за веру свою против китайцев и помогали бы в случае ходже»³⁹. Призывы поддержать дело, угодное аллаху, — воевать с «неверными» — Джахангир слал правителям Ва-

хапа, Канжута, Шугнана, Бадахшана, Балха, Хивы, Бухары, Коканда.

В восстании в Кашгарии под руководством Джахангира принял непосредственное участие со своим войском и кокандский хан Мамед-Али (Мадали). Кокандские сипаи штурмовали кашгарскую цитадель, где укрылся цинский гарнизон. Кокандское войско шло походом в Кашгарию под лозунгом «газата» — войны против «неверных». В действительности не соображения религиозного долга побудили хапа Мадали объявить «газат», а рассказ о больших запасах серебра в кашгарской цитадели⁴⁰.

Антицинское восстание в Кашгарии, основными участниками которого явились местные жители, переросло размеры локального выступления и вылилось в выступление мусульман Восточного Туркестана и Средней Азии против империи Цин. Помимо кокандцев, на стороне повстанцев выступали и другие единоверцы: окрестные киргизы, выходцы из ряда других среднеазиатских владений. На этом основании можно утверждать, что сопредельный с империей Цин мусульманский мир поддерживал выступление населения Кашгарии против ига «неверных».

Восстание под руководством Джахангира прошло как выступление мусульман против «неверных». Кратковременный успех этого восстания одновременно явился победой ислама в одном из регионов Центральной Азии. Политически это пахло выражением в возрождении мусульманского теократического государства в Кашгарии, глава которого одновременно являлся светским правителем и духовным владыкой.

С ликвидацией цинского господства на части территории Восточного Туркестана провозглашается власть мусульманского правителя. Формально это находит выражение и в его титуле, составленном в соответствии с мусульманскими государственно-правовыми нормами. Джахангир именуется как «сеид-султан». Кроме того, свою общность с общественно-политическим укладом среднеазиатских ханств новый режим демонстрирует и изглашением из обихода цинской чиновничьей одежды. Теперь представители администрации, беки, должны одеваться только по-мусульмански.

Восстание 1826 г. в Кашгарии явилось в известном смысле началом мусульманской реконкисты в Центральной Азии, целью которой было вернуть под власть ислама (в лице мусульманских правителей) земли, утраченные им в результате захватнических войн со стороны империи Цин. Участие кокандского хапа Мухаммед-Али в войне против Цинов дало ему основание носить почетный титул «Гази» — «Воитель неверных»⁴¹. Золотые и серебряные монеты в Коканде чеканились с легендой «Мухаммед-Али Хан Воитель неверных»⁴².

Все же восстание Джахангира было подавлено. Объектом репрессалий цинского правительства, помимо собственно уйгуров Кашгарии, явились проживавшие в Синьцзяне андижанцы и Кокандское ханство. В 1828 г. цинские власти предприняли массовую депортацию андижанцев с конфискацией имущества. В перспективе имелось в виду полностью избавиться Синьцзян от выходцев из сопредельных мусульманских владений. Доступ на кашгарский рынок для Коканда был закрыт.

В этих условиях, когда андижанская община в Синьцзяне подверглась гонениям, когда доходы кокандского ханства сократились, воинственный дух ислама не только вновь пробудился, но и материализовался в очередном газавате против империи Цин. Хан Мадали решил на этот раз использовать ходжу Юсуфа из Шахрисябза, брата погибшего за веру Джахангира⁴³. И когда Юсуф-ходжа заявил о намерении вернуть достойные предков, отнятые «неверными», кокандский двор охотно пошел навстречу⁴⁴.

С Юсуфом-ходжей выступило кокандское войско под началом кокандского мипбаши Хак-Кулибия, а также ополчение из уйгуров-эмигрантов, покинувших родину после подавления восстания Джахангира, возглавленное сподвижником Джахангира беком Бобаком.

Призывы Юсуфа к населению Кашгарии вновь выступить на газават, отомстить и за погибшего за веру Джахангира находят поддержку. В селении Астыш-Артыш активные противники цинского режима призывали парод идти встречать Юсуфа⁴⁵. Таким образом, единоверные узбеки и уйгуры вновь выступают сообща против власти «неверных» в Кашгарии.

Газават, предпринятый от имени «потомка» пророка, Юсуфа-ходжи, имел целью не только вернуть ему достойные предков, но и усилить пошатнувшиеся позиции Коканда в Восточном Туркестане. В любом случае речь шла о возврате края в лоно мусульманского мира. Задача оказалась непосильной для Кокандского ханства, и его правителям оставалось довольствоваться привилегиями, полученными по соглашению от 1832 г. В целом оно явилось успехом кокандского двора. Право андижанской общины на проживание в Синьцзяне было подтверждено, ее финансовая деятельность переходила к назначенным из Коканда чиновникам, аксакалам.

Коканд не только сохранил прежние возможности оказывать влияние на обстановку в крае, удерживая у себя сына и племянников Джахангира, но и получил новые в лице аксакалов, неподвластных цинским властям.

В меньшей степени, чем Кокандское ханство, против цинского господства в Кашгарии были и сопредельные киргизы. Выступление бия Турдыамета в поддержку ахупа Зия-ад-Дина, о чем уже говорилось, явилось в известном смысле прецедентом для киргизских старшин. Их враждебность к «неверным» — правителям Кашгарии питалась отнюдь не слепой фанатизм. Киргизы, являясь активными участниками выступлений ходжей Джахангира и Юсуфа, тоже подверглись репрессиям со стороны цинских карателей. В 30—40-х гг. XIX в. цинское пограничное начальство в порядке упреждающих мер предпринимало карательные акции в отношении киргизов. В ответ в 1845 г. киргизы, кочевавшие по внешнюю сторону янгигиссарских караулов, нападают на цинские пикеты. И, что очень показательно, они распространяют вести, что с ними заодно большие ахуны Аксу, Хотана, Яркенда, Кашгара⁴⁶. Иными словами, наблюдалось стремление киргизских старшин, афишируя желаемое взаимодействие с духовенством Восточного Туркестана, побудить к выступлению и местное население.

Постоянное недовольство коренного населения Синьцзяна гнетом цинского военно-бюрократического аппарата, чуждого аборигенам по этнической и религиозной принадлежности, неизменно создавало благоприятную почву для призывов к войне с «неверными».

Вот почему выступления против китайского господства в Синьцзяне неизменно принимали форму «газавата», священной войны против «неверных». Так обстояло дело и с самым крупным национальным движением коренного населения Синьцзяна — восстанием 1864—1877 гг.

Лозунг «газавата», выдвигнутый руководителями антицинских выступлений в крае, создавал духовную основу для коалиции с внешними силами — Кокандским ханством и Османской империей, из которых наиболее активное участие в антицинском движении приняло Кокандское ханство. Его правители положительно восприняли известие об антицинском восстании в Кашгарии. И, когда один из киргизских предводителей Садык-бек известил кокандский двор о том, что Кашгаром должен править ходжа⁴⁷, кокандский правитель Алим-кул немедленно отправил туда сына Джахангира Бузрука в сопровождении кокандского чиновника Якуб-бека⁴⁸.

Известие о свержении власти «неверных» в Восточном Туркестане с одобрением было встречено не только в Коканде, но и в сопредельных мусульманских владениях. Это обстоятельство не преминуло использовать Якуб-бек. Еще до прибытия в Кашгарию он вступил в сношения с хакимами и сардарами Бадахшана, Шугнана, Дарваза и получил оттуда помощь. Так, хаким Бадахшана Джеханدار-Ша отправил на помощь Якуб-беку 500 всадников под командованием Мухаммеда-Садыка⁴⁹.

Из сопредельных мусульманских ханств к Якуб-беку шло и огнестрельное оружие⁵⁰. Борьбу с Цинской империей, т. е. с господством «неверных», соседи-мусульмане воспринимали как свое кровное дело. Равным образом были настроены и проживавшие в Кашгарии выходцы из сопредельных мусульманских государств. С прибытием Якуб-бека в Кашгар здешние афганцы присоединились к нему. «В пылу религиозного и воинственного рвения они становились под знамя Аталыка Хазы...»⁵¹. В борьбе с цинскими войсками активное участие приняли и сопредельные с Синьцзяном киргизы и казахи^{51а}.

В результате восстания мусульман Восточного Туркестана была восстановлена власть мусульманских правителей. Сначала им стал Бузрук-ходжа, потом его сменил Якуб-бек, награжденный в 1866 г. бухарским эмиром титулом «аталык-гази» в знак признания его заслуг перед исламом, а именно побед, одержанных над «неверным» воинством империи Цин⁵².

Свою историческую миссию Якуб-бек, судя по его словам, усматривал в расширении пределов мусульманского мира и сферы распространения этико-правовых мусульманских норм. Необходимо, писал в 1871 г. Якуб-бек кокандскому хану Худояру, «расширить владения мусульманства и дать силу и значение шариату»⁵³.

По указанию Якуб-бека восстанавливались старые мечети, пришедшие в упадок за время цин-

ского господства, строились новые рамы и медресе. «Якуб-бек реставрировал все святилища и монастыри, бывшие во время китайского управления в пренебрежении и упадке, и прежде всего перестроил и расширил святилища и монастыри Хазрат Афака, Биби Мириама и Султана Сатока в окрестностях Кашгара»⁵⁴. На месте захоронения внука султана Сатук-богра-хара Якуб-бек распорядился возвести мазар^{54а}.

От самого Якуб-бека мечети получали большие наделы земли, с которых не брались налоги. Поощрялось религиозное образование. Последнее обстоятельство способствовало росту спроса на соответствующую литературу. Весьма показательным в этом отношении рассказ одного арабского священника. Он присоединился в 1871 г. к британской миссии под началом Форсайта, направлявшейся в Кашгар, для того, чтобы получить хорошую выручку за свои «арабские книги и кораны»⁵⁵.

«Несомненно, исламский отпечаток на администрации Якуб-бека составляет одну из наиболее примечательных черт. Став высшим законом страны, шариат решительно проводился в жизнь правительством»⁵⁶. По примеру арабских халифов-завоевателей Якуб-бек стремился увеличить число исповедующих ислам путем насильственного обращения в мусульманство. Это прежде всего касалось мапчжуров и китайцев (военных, торговцев), которые появились в Кашгарии по завоеванию Восточного Туркестана империей Цин. «Приняв магометанство, они (китайцы. — В. К.) спасли себе жизнь»⁵⁷. Не желавших принять ислам по приказу правителя Джетышаара убивали. «...Китайцы, не желавшие принять мусульманского вероисповедания, были убиты. Таких, говорят, было около 40 000 человек, считая как военных, так и статских»⁵⁸.

Наиболее примечательным свидетельством исламской ориентации Якуб-бека служат его отношения с Османской Портой. Турецкий султан являлся халифом, духовным владыкой всех мусульман суннитского толка. Летом 1873 г. Якуб-бек послал своего близкого человека Сайид Якуб-хана в Константинополь. Защита интересов ислама явилась основой для установления сердечного соглашения между турецким двором и кашгарским правителем. «Реакционная партия, которая напрягала все силы, чтобы поддержать интересы магометанства, с пылом приветствовала перспективы возрождения на Дальнем Востоке»⁵⁹. Благодаря влиянию этой партии султан Абдул Азиз пожаловал Якуб-беку титул «мир эль муменин», который ранее носили багдадские халифы⁶⁰. Была достигнута договоренность, что на деньгах, выпускаемых в Джетышааре, как называлось государство Якуб-бека, будет надпись турецкого султана как главы мусульманского мира⁶¹.

Посол кашгарского правителя был встречен очень радушно, и ему для передачи Якуб-беку были презентованы виштовки и современное военное снаряжение как повому поборнику ислама⁶².

Для упрочения идейно-политической общности между Османской Портой и Джетышааром налаживаются устойчивые контакты. Так, Мохаммед Якуб, пасынок сестры Якуб-бека, в свое время находился в Константинополе и пользовался

расположением турецкого султана. По приезде в Кашгар на него была возложена задача установить хорошие отношения с Турцией⁶³.

В свою очередь, эмиссары турецкого двора приезжают к Якуб-беку и пользуются его доверием. «Проживающий в Константинополе кашгарец (дервиш) Худа-верды, — гласит архивный документ, — отправился в Кашгар с письмом о вступлении на престол нового султана и с другими письмами от духовных лиц Константинополя»⁶⁴.

Из числа турецких представителей, находившихся среди ближайшего окружения Якуб-бека, во многих источниках называется имя Заман-бека (Заман-хан-эфенди)⁶⁵.

Якуб-бек наглядно продемонстрировал признание сюзеренитета турецкого султана. Оттоманский флаг стал знаменем государства Джетышаар⁶⁶. С именем Абдул-Азиза Якуб-бек чеканил деньги⁶⁷. Это он делал не только из-за благочестия, но и надеясь на помощь Турции в борьбе с Китаем⁶⁸.

Турецкий двор, в свою очередь, оказывает Якуб-беку не только моральную, но и материальную поддержку. В Кашгар «были привезены из Турции, — говорится в одном из русских архивных материалов, — винтовки, 2200 пистонных саптыком ружей, 8 парезных орудий, 2000 разрывных зарядов»⁶⁹. Эту информацию подтвердил и дополнил по ознакомлению на месте А. П. Куропаткин. В Константинополе посол Якуб-бека приобрел 6 тысяч ружей и 6 орудий⁷⁰. Кроме того, один из приехавших турок устроил в городе Кашгаре завод, изготовлявший весьма хорошие капсюлы к курковым ружьям⁷¹. Турецкие инструкторы реорганизовали армию Якуб-бека⁷², в ней действовал турецкий устав⁷³.

Участие Оттоманской Порты в борьбе против империи Цин не осталось без внимания у цинских правителей «Предводитель кашгарских мусульман, изменив нам, примкнул к Турции», — говорилось в докладной тропу⁷⁴. Правда, наместник провинции Шэньси-Ганьсу Цзо Цзунтан, на которого было возложено подавление восстания мусульман на северо-западе, довольно скептически оценивал значение участия Турции в делах

Якуб-бека. «Что касается Турции, — докладывал Цзо тропу, — то мощь этого государства развалилась, оно не представляет собой, как прежде, центра пселенной»⁷⁵.

Создание государства Джетышаар в Кашгарии явилось одним из проявлений возрождения независимого духа ислама в Азии, и в частности в пределах империи Цин. Здесь, помимо Кашгарии, в первой половине XIX в. в провинции Юньнань боролось за свою независимость пекитайское, мусульманское по вероисповеданию, население. Есть данные⁷⁶, которые дают основание полагать, что события в Юньнани не были локальным выступлением местных мусульман, но были связаны с антицинской борьбой мусульман Северо-Западного Китая (провинции Шэньси-Ганьсу).

В результате антицинского выступления в Юньнани был создан мусульманский султанат. Об этом мусульманский мир был извещен специальной прокламацией, написанной по-арабски, в которой, в частности, говорилось: «О, последователи Магомета! Говоря вам, как обстоит у нас дела, мы воздаем благодарность всемогущему. Вам следует радоваться милости, которую Всевышний явил нам. Бог даровал нам храбрость и вселял страх в сердца идолопоклонников, поэтому мы, повелением Всевышнего, разгромили их... Поэтому мы поставили мусульманского султана, он благородумен, справедлив и великодушен. Его имя Садык, иначе Сулейман. Он теперь установил мусульманский закон. С того времени, как мы сделали его нашим имамом, мы были волею Господа очень победоносны... Город язычества стал городом Ислама»⁷⁷.

Анализируя внутриполитическое развитие Китая во второй половине XIX в., В. П. Васильев отмечает то обстоятельство, что «мусульманство спешит вознаградить себя в Китае»⁷⁸, а именно: оно намеревается утвердиться как политическая сила, высказав такое стремление «в двух до сих пор еще продолжающихся инсurreкциях...»⁷⁹.

Во второй половине XIX в. восстания мусульман в Китае направлены не только против произвола цинских властей, но и на учреждение мусульманской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев В. П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Рус. вест.— 1872.— Т. 99.

² Там же.— С. 145.

³ Broomhall M. Islam in China.— L., 1910.— P. 17.

^{3а} Шэнь Цивэй. Чжунго лини даши пянбао.— Шапхай, 1983.— С. 257.

⁴ Бай Шоун. Чжунго всылань ин ганяо.— Шапхай, 1948.

⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмениш.— М.; Л., 1938.— Т. 2. XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники.— С. 167, 168, 183.

⁶ Кузнецов В. С. (рец.): Шах-Махмуд ибн Мирза Фазл Чурас: Хроника, критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина.— М.: Наука, 1978; Письменные памятники Востока, 1976—1977.— М., 1984.

⁷ Кузнецов В. С. К истории завоевания империей Цин Восточного Туркестана (50-е годы XVIII в.) // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае».— М., 1979.— Ч. 2.

⁸ Потанин Г. Н. О караванной торговле с джунгарской Бухарией в XVIII столетии.— М., 1868.

⁹ Валиханов Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг. // Зап. РГО.— СПб, 1861.— Кн. 3.— С. 47—48.

¹⁰ Григорьев В. В. Землеведение К. Риттера. Восточный или Китайский Туркестан.— СПб, 1873.— Вып. 2.— С. 438—439.

¹¹ Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан.— Ташкент, 1903.— С. 14.

¹² Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем: Ист. очерк.— Ташкент, 1912.— С. 23.

¹³ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в.— М., 1979.— С. 197.

¹⁴ Потанин Г. Н. О караванной торговле...— С. 13.

¹⁵ Сборник императорского Русского исторического общества.— СПб, 1886.— Т. 51.— С. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Беллю. Кашмир и Кашгар: Дневник английского

- посольства в Кашгар в 1873—1874.— Спб, 1877.— С. 31.
- ¹⁸ Шамансурова А. Ш. Новые данные по истории Афганистана/Орейб, гос. архив // Очерки по новой истории Афганистана.— Ташкент: Фан, 1966.— С. 109.
- ¹⁹ Ганковский Ю. В. Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Сов. востоковедение.— 1958.— № 2.— С. 85.
- ²⁰ Ganda Singh. Ahmed Shan Durrani Father of Modern Afghanistan.— Bombay, 1959.— P. 290, 297.
- ²¹ Гуревич Б. П. Указ. соч.— С. 190—197.
- ²² Там же.— С. 197.
- ²³ Кузнецов В. С. Империя Цин и Дурранийская держава // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл.— М., 1974.— Вып. 2.
- ²⁴ Идентифицировать личность кызылбаишского (хэ-шэ-ла-ба-ши) Дайинь-хана не удалось. Очевидно, это был один из иранских военачальников, с которым воевал Ахмад-шах.
- ²⁵ Кузнецов В. С. Империя Цин и Дурранийская держава.— С. 191.
- ²⁶ Валиханов Ч. Указ. соч.— С. 47.
- ²⁷ Дай Цин Гао-цзун Чуньхуанди шилю.— Токно, 1937—1938.— Кн. 1203.
- ²⁸ Там же.— Кн. 1307.
- ²⁹ Там же.— Кн. 1374.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.— Кн. 1420.
- ³² Там же.
- ³³ Дай Цин жэньцзун жуйхуанди шилю.— Токно, 1937—1938.— Кн. 33.
- ³⁴ Дай Цин Гаоцзун...— Кн. 628.
- ³⁵ Ци Юаньши. Хуапчэо фаньбу яолуэ. (Сводка основных данных о вассалах августейшей династии).— Б. м., 1884.— Кн. 16.— Л. 226; Дай Цин Гаоцзун...— Кн. 715.
- ³⁶ Юйдин пиндин чжуньгээр фанлюэ.— Б. м., 1772.— Кн. 82.
- ³⁷ Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века.— М., 1973.— С. 119—120.
- ³⁸ Кузнецов В. С. Антицинские выступления в Восточном Туркестане в первой половине XIX в. // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. (К 100-летию со дня смерти): Материалы конф.— М., 1979.
- ³⁹ Кузнецов В. С. О реакционной сущности движения Джахангира // Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии.— 1961.— Вып. 1 (15).— С. 82.
- ⁴⁰ Куропаткин А. Н. Кашгарии.— Спб, 1876.— С. 127.
- ⁴¹ Савельев П. Археологические и нумизматические отрывки.— Спб, 1855.— Кн. 1.— С. 49.
- ⁴² Там же.— С. 45—46.
- ⁴³ Ханьков Н. В. Два рассказа Мирзы — Шемса Бухари // Тр. Вост. отд-ния Имп. археол. о-ва.— Спб, 1867.— Ч. 8.— С. 344.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Двух из них властям удалось захватить, и они были публично забиты палками на площади в мусульманской части города Кашгара. Когда богдыхану доложили о казни этих «зачищников», он пачертал в ответ: «Весьма поощряем».
- ⁴⁶ Дай Цин Сианьцзун Чэнхуанди шилю.— Кн. 417.
- ⁴⁷ Tsin Yuan. Yakub beg (1820—1877) and the moslem rebellion in Chinese Turkestan // Central Asiatic Journ.— June 1961.— V. 6, N 2.— P. 143.
- ⁴⁸ Веселовский Н. Бадаулет Якуб-бек, аталык Каш-

гарский // Зап. ВОРЛО.— Спб, 1899.— Т. 11.— С. 98; Tsin Yuan. Op. cit.— P. 143.

⁴⁹ Рэсалэ-и-Якуби: (Воспоминания о Якуб-беке кашгарского Кампыль-хана-шиана) // Историк-марксист.— 1949.— Кн. 3 (79).— С. 130.

⁵⁰ Куропаткин А. Н. Указ. соч.— С. 160.

⁵¹ Беллю. Указ. соч.— С. 185.

^{51a} Бай Шоуи. Хуйминь цзи.— Шанхай, 1953.— Т. 4.— С. 330—332.

⁵² Boulger D. C. The history of China.— L., 1898.— P. 448.

⁵³ Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Истор. зап.— 1940.— № 9.— С. 235.

⁵⁴ Беллю. Указ. соч.— С. 241. Прим. Хазрат-Афак, иначе Аппакходжа — основатель династии восточнотуркестанских ходжей, правивших Кашгарией. Султан Саток-султан Сатук-Богра-хан — первый кашгарский хан, принявший ислам.

^{54a} Петровский Н. Заметки о древностях Кашгара. Хал-Уй // Зап. Вост. отд-ния Рос. археол. о-ва.— Спб, 1896.— Т. 9.— 1895.— С. 153.

⁵⁵ Tsin Yuan. Op. cit.— P. 148.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Куропаткин А. Н. Указ. соч.— С. 167.

⁵⁸ Ша Р. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара.— Спб, 1872.— С. 52.

⁵⁹ Rawlinson H. England and Russian in the East.— L., 1875.— P. 333.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid.

⁶³ Kiernan V. G. Kashghar and the politics of Central Asia, 1868—1878 // The Cambridge historical journ.— 1955.— V. 10, N 3.— P. 324.

⁶⁴ Шахматов В., Киреев Ф. О реакционной сущности государства Якуб-бека — агента английских колонизаторов // Вестн. Акад. наук КазССР.— 1953.— № 4.— С. 54.

⁶⁵ Один из турок, говорится в русском архивном материале, «Заман-бек... находится при Якуб-беке постоянно.— См.: Шахматов В., Киреев Ф. Указ. соч.— С. 54. Посылку турецким султаном Заман-бека (Заман-хан-эфенди) в Кашгар подтверждает и Мирза-Ахмед в своих воспоминаниях о событиях в Кашгарии.— См.: Веселовский Н. Указ. соч.— С. 100. О том, что Заман-бек прибыл из Константинополя, говорит также А. Н. Куропаткин.— См.: Куропаткин А. Н. Указ. соч.— С. 7.

⁶⁶ Tsin Yuan. Op. cit.— P. 148.

⁶⁷ Kann Ed. The Currencies of China.— Changhai, 1926.— P. 237.

⁶⁸ Быков А. А. Монеты Рапхаддина, уйгурского повстанца // Страна и народы Востока.— 1973.— Вып. 15.— С. 289.

⁶⁹ Шахматов В., Киреев Ф. Указ. соч.— С. 54.

⁷⁰ Куропаткин А. Н. Указ. соч.— С. 171.

⁷¹ Там же.— С. 166.

⁷² Там же.— С. 164.

⁷³ Там же.— С. 164, 166.

⁷⁴ Бай Шоуи. Указ. соч.— С. 352.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Бай Шоуи. Указ. соч.— Т. 1.— С. 95.

⁷⁷ Gill William. The river of golden sand: being the narrative of a journey through China and Eastern Tibet to Burmah.— L., 1883.— P. 95.

⁷⁸ Васильев В. П. Указ. соч.— С. 167.

⁷⁹ Там же.— С. 168.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ОГК	— Общество и государство в Китае. Научная конференция. Доклады и тезисы
ИИИИКИВ	— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
СТ	— Советская тюркология
СТОЭ	— Сборник трудов Орхонской экспедиции
ТКОПОИРГО	— Троицкосавско-Кяхтинское отделение Примурского отдела Императорского русского географического общества
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ВУ	— Вэньу
ВЦЦ	— Вэньу цанькао цзыляо
КГ	— Каогу
КГТС	— Каогу тунсюнь
КГСБ	— Каогу сюэбао
WF	— Wittfogel and Feng Ch'ia-skeng. History of Chinese Society Lia.— Philadelphia, 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Ларичев В. Е.)	5
Кычанов Е. И. О ранней государственности у киданей	10
Пиков Г. Г. Семейно-брачное право у киданей	25
Ивлиев А. Л. Погребения киданей	42
Воробьев М. В. Теория и практика китайско-чжурчжэньских дипломатических отношений	63
Евсюков В. В. Империя Цзинь в период правления Дигушаня	72
Ларичев В. Е. Народы среднего и нижнего Амура в эпоху средневековья	78
Худяков Ю. С. Памятники уйгурской культуры в Монголии	84
Минерт Л. К. Монгольское градостроительство XIII—XIV веков	89
Кузнецов В. С. Империя Цин и мусульманский мир	106
Список сокращений	115

Научное издание

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И СОСЕДНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Редакторы издательства М. П. Щекотихина, Н. М. Анджиевская
Художественный редактор В. В. Седунов
Технический редактор Н. М. Бурлаченко
Корректоры Л. Л. Михайлова, С. В. Блинова

ИБ № 34895

Сдано в набор 17.04.89. Подписано к печати 30.01.90. Формат 60×84¹/₈. Бумага книжно-журнальная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,5. Усл. кр.-отт. 14,1. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 1600 экз. Заказ № 534. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука», 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

3 р. 30 к.

